

Анджей Зауха

Москва Норд-Ост

Моей жене Любе

ЧАСТЬ I

Клянусь Аллахом, мы хотим умереть сильнее, чем вы хотите жить. Аллах акбар!

Лозунг операции, провозглашенный Мовсаром Бараевым, главарем террористов.

Глава 1

Суббота, 19 октября 2002 года, вторая половина дня

Николай Любимов до сегодняшнего дня не знает, что за птица была вестником смерти - он ее даже как следует не разглядел. Не успел его помощник Сергей Бортник показать ему крылатое создание, как птичка упорхнула, успев только стукнуть клювом в окно. Знак не был явным, однозначным, хотя - как позже оказалось - предвещал смерть и трагедию сотен людей.

Птичка, наверное, просто искала, где бы спрятаться, укрыться от пронизывающего северного ветра. В Москве уже стояла поздняя осень, всего несколько градусов выше нуля, дождь, временами вперемежку с мокрым снегом. В такую погоду семидесятидвухлетнему Любимову и сорокатрехлетнему Бортнику особенно по душе была их работа охранников в Доме культуры шарикоподшипникового завода на Дубровке. Работа спокойная, неустойчивая, состоявшая в основном из выдачи ключей от разных помещений Дома культуры и обхода здания в поисках хулиганов. Конечно, как у каждой работы, у нее были свои минусы - дежурство начиналось в восемь утра и длилось сутки, зато потом полагалось три выходных. Николай Алексеевич был, однако, стариком активным, считал, что, пока, человек в состоянии двигаться, он должен работать, а потому на такую организацию труда не жаловался. Да и не было у него особого выбора: его пенсии - 1800 рублей - не хватало даже на лекарства. Приходилось подрабатывать. Любимов, человек по характеру спокойный, сдержанный, любящий порядок, однако непрощенный гость на парапете окна даже его вывел из себя. Как большинство русских, ночной сторож был жутко суеверным, верил в предсказания, сглазы и их толкования. - Ой, Сережа, ничего хорошего это не сулит, - взволнованно сказал он, глядя в окно на довольно пустынную улочку Мельникова, название которой скоро станет повторяться в репортажах всех телекомпаний мира. На противоположной стороне виден был госпиталь ветеранов войны, где разместится вскоре оперативный штаб операции по освобождению заложников.

- Что вы такое говорите, Николай Алексеевич! - хитро усмехнулся Сергей Бортник, всегда раздражавший Любимова своей беззаботностью и безалаберностью. - Примет толковать не умеете. Она известие принесла!

- Ой, не знаю, - вздохнул Любимов. - Два месяца назад мне птичка такие вести о сыне принесла, до сих пор в себя не могу прийти.

Случилось это в начале сентября: Любимов с женой и внуками проводил отпуск на даче под Москвой. С самого утра какая-то приبلудившаяся птаха стучит клювом в окно и нахально начинает чистить перышки на подоконнике. Внучок обрадовано кричит: «Бабуля, смотри, к нам птичка прилетела». А бабушка впадает в панику: «Плохой это знак, беда на нас свалится». День проходит в тревожном ожидании. Вечером, когда внуки уже спят, старики сидят на кухне, но разговор как-то не клеится. Неожиданно приезжает дочь с известием, что Андрей - сын Любимова, - умер! В страшную полуденную жару присел на скамейке во дворе своего дома и уже не встал - сердце не выдержало. Бортник перестал шутить, а Любимов решил, что ничего не скажет жене - что ее волновать понапрасну.

Среда, 23 октября 2002 года, утро

Трубач Федор Храмов в то утро проснулся необычно рано. Театральный музыкант раньше полуночи спать не ложится и не вскакивает ни свет ни заря, но в тот день у него

были дела не только в театре. Репетиция в «Новой опере», правда, назначена только на два часа дня, а в оркестре мюзикла «Норд-Ост» в Доме культуры на Дубровке он играл вечером, но он хотел еще перед репетицией успеть в банк, чтобы заплатить взнос за двухкомнатную квартиру, которую Храмцовы покупали сыну. В их четырехкомнатной квартире в Южном Бутово, на окраине Москвы, стало тесно. Жили там сам Федор с женой Валентиной, их сын Александр с женой и двумя детьми - пятилетним Мишей и двухлетней Машей, а также их дочь Ирина, студентка Академии туризма, бабушка - мама Валентины, плюс кошка и две собаки. Одна из них, белая, кудлатая дворняжка Элька была любимицей хозяина дома. Нередко случалось, что Храмцов, если удавалось вырвать пару свободных часов между репетициями, ехал из центра Москвы домой (а это по меньшей мере час езды на машине) только затем, чтобы выгулять собаку. Так продолжалось уже десять лет. Элька с Федором обожали друг друга, хотя, как это нередко бывает, поначалу хозяин дома и слышать не хотел ни о каких животных в квартире. Пару дней он даже не приближался к принесенному женой щенку. Но уже вскоре собачонка устраивалась спать на груди Храмцова, как только тот ложился с газетой на диван. Это, несомненно, была любовь с первого взгляда.

В тот день Федор Храмцов понимал, что не успеет приехать домой, чтобы вывести любимицу на прогулку. Торопливо направляясь к своей вишневой «семерке», он вспоминал, что еще он должен привести в порядок. На работе все складывалось прекрасно. Он не только играл в нескольких театрах, но в прошлом году еще организовал с коллегами джазовый квинтет и записал кассету с джазовыми шлягерами. Квинтет появился потому, что Храмцов не любил сидеть без дела. Группу уже стали приглашать на выступления в клубах. Дома тоже полное счастье - взрослые дети, которыми он имел право гордиться, любящая жена, не ворчавшая, когда он звонил и сообщал, что вечером придет с коллегами-оркестрантами. А случалось это нередко, такой уж он был компанейский. Тогда все семейство срывалось на ноги и бросалось готовить что-нибудь для гостей. К счастью, семья к этому привыкла, никому не мешали полуночные сборища. Федор, несомненно, был счастливым, судьба не посылала ему никаких знаков, а он тем не менее чувствовал, что должен поторопиться кое с какими делами. Именно поэтому месяц назад он занялся покупкой квартиры для сына. И ни с того ни с сего стал приводить в порядок свои фотографии. Не только родные, он и сам был удивлен этим решением. Обзвонил всех друзей, собрал свои фотографии и сделал огромный альбом. Позже Валентина с Ириной много раз перепрягивали этот альбом, но бабушка все равно его находила и обливалась над ним слезами. А еще Элька целыми днями лежала под дверью, напрасно ожидая возвращения хозяина.

Среда, 23 октября 2002 года, 16.00

- Прекрасно! - воскликнула сорокадвухлетняя учительница Виктория Кругликова, услышав, что не пойдет сегодня вечером в театр. Ее тридцатисемилетняя сестра Ирина Фадеева никак не могла понять ее радости. Ведь они с детьми - девятнадцатилетней Настей, дочкой Виктории, и пятнадцатилетним Ярославом, сыном Ирины, - давно планировали именно сегодня пойти все вместе на спектакль. Они обожали такие походы, а в последнее время все никак не удавалось выбраться.

Настя сразу после каникул поступила на французскую филологию в Университет Марии Терезы, а Ярослав, который недавно окончил музыкальную школу, начал играть в теннис и вечерами был занят. Играл, правда, совсем недавно, но теннис ему очень нравился,

прогресс был заметным. Видно было, что парень талантлив и до молодежной сборной рукой подать.

- Мы с сестрой всегда были очень близки, - вспоминает Виктория Кругликова. - У нее сын, у меня дочь, но мы их никогда не делили, считали, что это наши общие дети, что у нас их двое. И вдвое радовались каждому их успеху. И очень любили проводить время все вместе.

Осень была удачной не только для Ярослава. Как говорит Кругликова, им удавалось все, что они все вместе запланировали, взять хотя бы субботние и воскресные походы в музеи и книжные магазины. Так было и в эти выходные. Тогда, всего за несколько дней до фатального похода в театр, они накупили кучу книг в большом книжном магазине на Новом Арбате, в том числе томик стихов Марины Цветаевой.

Все шло идеально до среды 23 октября, когда Виктория после обеда вернулась с работы, позвонила Ирина и сообщила грустную новость, что купленные месяц назад билеты пропали. Они собирались на спектакль известного российского актера Валентина Гафта. Ирина покупала билеты на 23 октября, но не проверила напечатанную на билетах дату. Оказалось, что спектакль состоялся накануне, 22 октября, во вторник. Ужасно!

- Но как-то так вышло, что все этому только обрадовались, - рассказывает Кругликова. Ничего удивительного - темнело рано, было пасмурно и холодно, временами дождь превращался в настоящий ливень. Но не только погода не вдохновляла на прогулки: муж Виктории должен был вернуться из командировки на следующий день. Вот Кругликова и подумала, что воспользуется свободным вечером: уберет квартиру, приготовит к его приезду чистые рубашки и что-нибудь вкусненькое на завтрак. В свою очередь Настя в тот день крупно поссорилась с Данилой, своим женихом, и пребывала в ужасном настроении. «Не хочу никуда идти», - буркнула она и заперлась в своей комнате. А Ярослав сказал Ирине, что собирается делать уроки и в театр его тоже не тянет.

- Но мы же договаривались, не могу же я вам испортить вечер, - упиралась Ирина. - На какой-нибудь хороший спектакль билеты уже купить не успеем, пойдём на «Норд-Ост», это недалеко. Я виновата, что пропали билеты на Гафта, куплю всем входные. Виктория отправилась уговаривать дочь, но, поскольку у той настроение не изменилось, почти силой вытащила ее из комнаты. «Семья есть семья», - заявила она дочери. Фадеева таким же образом убедила Ярослава.

- Предчувствовали мы что-то недоброе, - говорит Кругликова. - Даже моя мама перед выходом сказала: «Не ходили бы вы на этот спектакль!» А нам и правда не очень хотелось. Побывать вчетвером хотелось, но не обязательно в театр идти. Я бы охотнее пошла куда-нибудь в кафе, пирожных поесть. Праздник живота устроить. Мы с Ярославом это всегда любили. Но Ирина - человек строгий и принципиальный, а дочка вечно на диете, так что я даже не стала предлагать кафе.

Среда, 23 октября 2002 года, 18.00

Актер Марк Подлесный прекрасно знал: 18.00 - последний предел, когда можно проскользнуть в театр, избежав скандала. Удалось. Успел в последнюю минуту. Вообще-то он должен быть в театре уже в пять вечера, тогда можно спокойно разогреться, что было просто необходимо, потому что в спектакле много танцев, успокоиться, сконцентрироваться. Но в исключительных случаях можно было чуток опоздать. Как сегодня.

Двадцатилетний Марк с утра возился со своим маленьким ребенком, пока его жена, учительница, давала частные уроки. Потом покормил дочку и после обеда вышел из дому,

но несколько часов потратил на поиски подарка ко дню рождения жены. И только потом побежал в свою районную поликлинику. Он уже несколько дней чихал и покашливал. Марк, старавшийся всегда быть в форме, несколько раз в неделю занимался на тренажерах. Поэтому забеспокоился и решил проверить, что с ним такое. В поликлинику пришел почти в пять, то есть тогда, когда он должен был уже входить в театр. У кабинета врача очередь.

«Ладно, подожду», - подумал Марк. До театра на такси можно за пятнадцать минут доехать, если не торчать в пробках. Очередь, однако, двигалась медленно, а знакомый врач как назло не появлялся. Только без двадцати шесть, когда Марк уже собирался уходить, врач случайно выглянул из кабинета, весело поприветствовал его и тут же выписал направление к специалисту.

Через служебный вход с тыльной стороны Дома культуры Марк вбежал в театр, где за кулисами царил обычная перед началом спектакля суэта. На ходу поздоровался с коллегами и стал готовиться к спектаклю. Сегодня приходилось делать все в головокружительном темпе. Марк переодевался и одновременно проверял костюмы, которые менял несколько раз в течение спектакля. Потом надел специальный пояс с карманом, в котором был спрятан радиомикрофон.

- Я потом три дня так и просидел в этом поясе с передатчиком и даже не заметил этого, - улыбается Марк. - Тут дело даже не в нервах, просто это деталь костюма, к которой так привыкаешь, что уже ее не замечаешь. И раньше случалось, что я в этом поясе домой шел. После спектакля переоденусь, а пояс снять забуду. А потом обнаружу его дома.

Проводок от передатчика проложил вдоль корпуса, конец с крошечным микрофоном прилепил пластырем к щеке. Еще несколькими кусочками пластыря прикрепил проводок к телу и побежал на сцену, проверить работу микрофона. Голос каждый день звучит по-разному, в зависимости от настроения и даже от того, что съел на обед. Чтобы зрители могли понять текст, нужно было каждый день настраивать аппаратуру. Этим занимались звукорежиссер и его помощники. Их огромный пульт с массой рычажков и регуляторов находился, если смотреть со сцены, высоко наверху за балконом.

Установка уровней звучания заняла пару минут. Марк что-то пропел басом, произнес несколько фраз и побежал обратно в гримерку. Еще несколько упражнений, чтоб разогреть мышцы, - и он был готов к началу спектакля.

Среда, 23 октября 2002 года, 18.30

Когда они подошли к театру, Виктория Кругликова подумала, что, может, им все-таки повезет и они не попадут на спектакль. Перед входом молодой мужчина спрашивал лишний билетик. Его вид заметно раздражал некоторых зрителей - явный выходец с Кавказа, смуглый, с характерным гортанным акцентом. «Наверняка, в кассе билетов нет», - решила обрадованная учительница. Они все-таки вошли в вестибюль, где слева от главного входа находились кассы. Там оказалось, что билеты есть, причем чуть ли не на выбор, входные были по любой цене и на любое место. Фадеева, это она платила за билеты, взяла четыре места в одиннадцатом ряду, с правой стороны, ближе к боковому проходу, чем к центру. Виктория предложила дочери позвонить жениху и пригласить его на спектакль, но оказалось, что его мобильный отключен. Четверка театралов еще долго подшучивала над дурнем, который перед входом в театр, на холоде, под дождем пытается купить лишний билет.

Кругликова ничего не заметила, но наверняка в это время в дальнем углу стоянки для машин перед театром уже стояли три микроавтобуса, которыми приехали террористы

Мовсара Бараева: «Фольксваген Каравелла», «Форд Транзит» и старый «Додж Рам 250», с тонированными стеклами. Наверное, один из чеченцев - в конце концов, некоторым не было еще и двадцати лет - решил, насмотревшись фильмов, поспрашивать лишний билетик перед входом. Впрочем, он прекрасно знал, что через два часа он и его приятели будут уже внутри и это они будут режиссерами продолжения спектакля. И ему явно доставляло удовольствие поддразнивать своим видом вечно задирающих нос жителей столицы, которые вообще не любили приезжих, а «черных» особенно. Наверное, его радовало, что скоро они все будут в его власти.

Теперь Виктория думает, что, возможно, он пересчитывал людей, входящих в здание театра. Во всяком случае, через несколько часов она узнала его на сцене в камуфляжной куртке и с автоматом Калашникова в руках.

Глава 2

Среда, 23 октября 2002 года, 19.00

Как позднее сообщила администрация, в тот вечер на спектакль было продано семьсот одиннадцать билетов. Типичный спектакль в будний день; по субботам и воскресеньям в театральный центр приходило значительно больше народу. Когда билетеры, в основном студенты в белых рубашках и вишневых жилетах, помогли последним зрителям найти свои места, раздвинулся занавес, стилизованный под ворота авиационного ангара, с характерными бляшками заклепок. Ворота, производившие такое ошеломляющее впечатление на зрителей, на самом деле были сделаны из пластиковых плит, скрепленных рейками.

Начался спектакль.

Марк Подлесный несколько раз бросал взгляд на зал, но там ничего необычного не было. Случалось иногда, кто-нибудь приходил с камерой и пытался снимать спектакль. Все это хорошо видно со сцены, поэтому актеры в таких ситуациях прерывали представление, чтобы можно было забрать у нарушителя камеру и отдать ее на хранение в администрацию. В тот вечер, к счастью, никто не пытался ловчить, и Марк сосредоточился на своей работе. Надо сказать, нелегкой. Зрители, несмотря на рекламу и рассказы знакомых, шли на «Норд-Ост» с недоверием, а иногда и с предубеждением.

«Такую серьезную повесть, как "Два капитана", не стоило, пожалуй, превращать в фривольный мюзикл», - думала перед началом спектакля учительница Кругликова.

Либретто мюзикла «Норд-Ост» было создано на основе книги Вениамина Каверина.

Патриотическая повесть для молодежи, написанная, правда, в сталинские времена, но все еще очень популярная - в России ее знают практически все. Авторам мюзикла удалось избежать патриотического пафоса, появилось много сцен смешных, и даже сатирических, например посвященных бюрократии - в одном из министерств секретарши танцевали с пишущими машинками и столами, отсылая просителей от одних дверей к другим. Надо признаться, это производило на публику впечатление, так же как чечетка двух лыжников, отбивающих ритм пристегнутыми к ботинкам лыжами.

Авторы мюзикла, известные российские барды Алексей Иващенко и Георгий Васильев, взяли из истории Каверина и любовную линию, очень мелодраматичную, поэтому «Норд-Ост» рекламировали как «классический мюзикл», а главный рекламный слоган был «История любви».

История, которую каждый вечер рассказывали с подмостков театрального центра на Дубровке, была по существу довольно банальна: в Арктике гибнет экспедиция капитана Татаринова, который на корабле «Санта-Мария» пытался проложить Северный морской

путь. Желу пропавшего капитана, Марию Васильевну, вместе с дочкой Катей забирает из Архангельска в Москву его брат, Николай Татаринов, директор школы. В ту же школу попадает бездомный сирота Саша Григорьев. Саша и Катя сначала становятся друзьями, а когда они подрастают, между ними вспыхивает любовь. Как-то Катя рассказывает Саше о своем пропавшем отце, и мальчика озаряет - в письме, которое много лет назад случайно попало к нему в руки, рассказывалась та же история. Оказывается, это было прощальное письмо капитана Татаринова, в котором он описывал провал экспедиции и обвинял своего брата в срыве подготовки похода. Один из одноклассников Саши, некий Ромашов, желая выслужиться перед директором школы, выкрадывает фрагмент письма. Раздавленная горем Мария Васильевна, которая после многолетних уговоров согласилась выйти замуж за зятя, принимает яд. Катя порывает все отношения с Сашей и уезжает в Ленинград. Юноша принимает решение стать летчиком и полететь на Крайний Север по следам пропавшей экспедиции, чтобы доказать Кате, что он не врал. Саша Григорьев становится в конце концов летчиком, но Николай Татаринов и Ромашов срывают планируемый поиск, власти отказывают поддерживать молодого летчика. После множества перипетий Саша, пилот бомбардировщика, возвращаясь с боевого задания, вступает в бой с немцами над ледяным безмолвием и наконец в поврежденной машине садится неподалеку ненецкого стойбища. Просит жителей помочь отремонтировать самолет. Среди принесенных немцами вещей оказываются предметы с корабля «Санта-Мария». У жителей стойбища Саша находит также бортовой журнал; в нем подробно описана та самая история, которую он некогда рассказал в доме Николая Татаринова, но не смог тогда ничего доказать. Саша, однако, несчастен - до него дошли слухи о гибели Кати в осажденном Ленинграде. Вскоре оказывается, что это неправда. История заканчивается всеобщим хеппи-эндом, тем более что зло наказано - разбитый параличом Николай Татаринов беспомощен, он не может даже говорить.

- Сначала мы смотрели спектакль немного настороженно, а потом нам стало все больше нравиться, - вспоминает Кругликова. - Моя сестра когда-то всерьез занималась танцами, она была просто в восторге от хореографии. В первой части выступали дети, играющие беспризорников, - они танцевали великолепно. Нас охватило какое-то удивительное чувство, я не могла понять, что происходит. А Ирина расплакалась. Ярик спросил шепотом: «Почему мама плачет?», - а я говорю: «Понимаешь, это трогает до глубины души, эти беззаботные бродяжки, они ее очень растрогали».

Многие из посмотревших «Норд-Ост» реагировали подобным образом: сначала сдержанно, даже с некоторой подозрительностью, потом действие затягивало, и спектакль мог так очаровать, что зрители выходили из театра ошеломленные и восторженные. С точки зрения техники спектакль тоже производил сильное впечатление. Благодаря микрофонам, пристегнутым к костюмам всех актеров, и расставленным в зале колонкам, даже в самом дальнем углу зрительного зала, была слышна прекрасная музыка и берущие за душу слова. Правда, тут не было шлягера типа «Бель» из мюзикла «Собор Парижской Богоматери», но песни запоминались и могли нравиться.

Весь спектакль игрался вживую. В оркестровой яме, невидимой публике, играл оркестр из тридцати музыкантов. Зрителей поражал вращающийся круг на сцене, на который въезжал то трамвай, то железнодорожный вагон, садился бомбардировщик (размах крыльев пятнадцать метров!), а под конец спектакля выплывал ледоход. Над сценой то поднимались, то опускались лучи, актеры вбегали по ним или сбегали вниз.

Спектакль, такой русский по характеру, готовился по рецептам лондонских профессионалов. Васильев и Иващенко еще во второй половине 90-х годов обдумывали постановку знаменитых «Отверженных», которых в британской столице поставил не менее знаменитый Камерон Макинтош. Они провели несколько месяцев за кулисами «Les Miserables», присматриваясь, перенимая опыт. Они даже перевели фрагмент либретто, но тогда, к сожалению, не удалось перенести мюзикл в Москву. Их планы разрушил дефолт российской экономики в августе 1998 года. К счастью, цены на нефть, от которых непосредственно зависит российский бюджет и состояние экономики, быстро пошли вверх и можно было вернуться к несколько модифицированным планам постановки мюзикла. Тем более, что в Москве уже появился первый мюзикл. Правда, поставленный иностранцем. Премьера русской версии «Метро» в постановке Януша Юзефовича на музыку Януша Стоклары (либретто Агаты и Марины Миклашевских) состоялась еще в 1999 году с небывалым успехом. Для Иващенко и Васильева это был знак, что нужно срочно браться за дело.

Их выбор пал на книгу Каверина. Несколько месяцев ушло на создание либретто и музыки. Потом подготовка спектакля превратилась в каторжную организационную эпопею, потому что в российской столице не было подходящего театра. Было принято решение - самим построить нужное помещение. Выбрали почти неиспользуемый Дом культуры шарикоподшипникового завода, расположенный в довольно удобном месте, недалеко от оживленного Волгоградского проспекта и станции метро «Пролетарская». Дом культуры был построен по типовому проекту конца 60-х годов, когда в СССР правил Леонид Брежнев (в Польше - Эдвард Герек, поэтому архитектура многих польских домов культуры так напоминает советскую - железобетонные прямоугольники, соединенные балками, в стенах огромные окна, часть первого этажа полностью застеклена).

Построенное в 1974 году здание состояло, собственно, из трех частей. Самый большой параллелепипед с широким остекленным главным входом занимал зрительный зал почти на 1200 мест. С левой стороны к нему примыкал параллелепипед поменьше - именно там находилась служебная комнатка охранника Любимова, а также комнаты, предназначенные для занятий разных кружков, залы для репетиций танцевальных коллективов и даже спортивный зал. В подвальных помещениях в тыльной части здания разместился гей-клуб «Центральный вокзал», но - что позднее обретет огромное значение - он был изолирован, не имел связи с основной частью здания. Две функциональные части здания отделял друг от друга небольшой внутренний дворик, в центре которого находился старый, разрушенный фонтан. С правой стороны, в третьей бетонной коробке, перпендикулярной по отношению к двум остальным, размещался кинозал.

Когда центральную часть Дома культуры арендовала продюсерская фирма «Линк», осуществляющая постановку мюзикла, фронтон здания со стороны улицы 1-ая Дубровская заслонил огромный транспарант с надписью «Норд-Ост» - именно за ним находились второй и третий этажи театра и коридор, соединяющий главное здание с левым параллелепипедом. Перед Домом культуры был обширный паркинг, слева шла улица Мельникова, фасад выходил на 1-ю Дубровскую улицу.

Для нужд создаваемого театрального центра на Дубровке необходим был не только капитальный ремонт, но и серьезная перестройка здания. Организаторам нужны были мощные приспособления, способные двигать декорации типа помостов-лучей над сценой, позволяющие осуществлять посадку бомбардировщика и въезд на сцену трамвайного и железнодорожного вагонов. Ну и, естественно, огромный вращающийся круг сцены.

- На моих плечах был ремонт и перестройка восьми тысяч квадратных метров этого дома, - рассказывает главный инженер Александр Кастальский, который позже станет консультантом спецслужб, будет подсказывать места возможного проникновения десантников антитеррористической группы «Альфа» внутрь здания. - Лучи над сценой чертовски тяжелые. Пришлось долбить фундамент и укреплять его, чтобы обеспечить их стабильность и безопасность. Честно говоря, мы сделали дополнительный фундамент; отлили в бетоне так называемые «стаканы» и уже в них закрепляли столбы, поддерживающие помосты-лучи над сценой. Мы их сделали с расчетом на тройную нагрузку. Через год они стояли, как в день премьеры, - ни одно крепление не ослабло. По ходу подготовки родилась идея, чтобы самолет влетал в зрительный зал и садился буквально среди кресел. Да, можно было это выполнить, но мы побоялись, что в зале может начаться паника. Шутили, что придется вместе с билетами продавать памперсы. Премьера мюзикла состоялась 19 октября 2001 года. Почти через год, в начале октября 2002 года, я готовил материал о феномене популярности мюзиклов в Москве. В связи с этим взял интервью у Александра Иващенко. Он уверял тогда, что далеко не все было «импортировано» с Запада.

- Некоторые вещи мы сами выдумали, например то, что мы назвали за размеры «простыней», - сказал он тогда. - Это гигантская схема функционирования всех актеров внутри самого представления. Актеры часто переодеваются, передают друг другу микрофоны - у нас ведь всего двадцать четыре радиоканала, а действующих лиц значительно больше. Вся эта схема - огромный файл в компьютере.

Иващенко тогда сказал, что театр, который они создали, был для России новинкой - театр для одного спектакля, который шел ежедневно, а по выходным - два раза в день.

- До нас на такое никто не решался, - хвалился Иващенко. - Критики предсказывали, что спектакль прогорит после тридцати представлений. А прошло уже триста десять представлений, нас посмотрели триста тысяч зрителей, и люди все время идут.

Иващенко решил, что в России наступило подходящее время для мюзиклов - зрители жаждут ярких зрелищ и, что немаловажно, у людей появились деньги. Он и не подозревал, что через несколько месяцев спектакли начнут проваливаться один за другим.

Подготовка «Норд-Оста» стоила, по неофициальным данным, четыре миллиона долларов, ничего удивительного, что и билеты должны были быть дорогими. Кроме того, именно на выручку от продажи билетов надо было содержать коллектив в триста человек, начиная от билетеров и обслуживающего персонала зрительного зала и кончая актерами.

- Поэтому наш бизнес-план рассчитан на несколько лет, окупаемость постепенная, не так, как в Лондоне, где затраты окупаются в течение нескольких недель, - жаловался Иващенко.

Тогда казалось, что он не совсем прав. Представлялось, что мюзикл в Москве «Anno Domini 2001» стал делом прибыльным, так как вскоре появились в российской столице очередные спектакли подобного рода: «Собор Парижской Богоматери», «Чикаго», «42-я улица» и «Иствикские ведьмы». К сожалению, террористическое нападение на театр на Дубровке привело к тому, что половина этих антреприз прогорела.

Конечно же, как признавались авторы «Норд-Оста», им приходилось отчаянно бороться за зрителя, привыкшего к традиционному драматическому театру.

- Мы хотим привлечь людей и поэтому должны следить, чтобы все работало идеально, - рассказывал, покачивая головой, Иващенко в начале 2002 года. - Мы, например, не можем позволить себе плохие туалеты и стоящие перед ними очереди, поэтому на еженедельных

планерках приходится обсуждать и то, что творится в наших сортирах, - усмехнулся в конце интервью Иващенко.

Откуда ему было знать, что через несколько недель поход в туалет станет для заложников одной из самых драматичных проблем, что, понукаемые террористами, они будут вынуждены отправлять свои физиологические потребности в оркестровой яме.

Глава 3

Иващенко и Васильев были не только авторами либретто и музыки мюзикла. Васильев - еще и директор продюсерской фирмы «Линк», которая была формальным владельцем прав на мюзикл и главным организатором представления. Каждый вечер оба лично контролировали подготовку спектакля. В тот день, однако, задолго до начала представления оба исчезли в студии звукозаписи, расположенной с тыльной стороны здания, на втором этаже. У них была срочная работа - они готовили музыкальный материал для серии концертов «Мировые мюзиклы в гостях у "Норд-Оста"». Концерты были назначены на 9 и 10 ноября, в программу должны были войти самые знаменитые хиты из мюзиклов. Приятели трудились в поте лица и не помышляли о перерыве.

Среда, 23 октября 2002 года, 20.40

В театре на Дубровке начался антракт. Покидающих сцену артистов провожали аплодисментами, спектакль нравился, но все-таки некоторые зрители в антракте ушли. Не больше двадцати человек. Среди них была беременная женщина с мужем.

Кругликова тоже хотела пойти домой.

- У меня замечательный класс, и мы уже давно собирались вместе сходить на этот спектакль, - объясняла учительница. - Я подумала, что трудно будет второй раз высидеть на спектакле до конца. Он все-таки очень своеобразный. Ярослав тоже хотел домой. Мы предложили уйти, но решили пойти по демократическому пути. В результате было два голоса против двух, и мы остались. Раз уж пришли, досидим до конца.

После голосования Кругликова с сестрой и детьми отправилась в буфет, расположенный в холле на первом этаже.

Они бросили взгляд на дорогие бутерброды и минеральную воду, заметили, что продают еще чай, кофе и даже водку и коньяк «Хеннесси». Но как-то так странно вышло, что никто из них ничего не захотел.

В буфете Кругликова обратила внимание на странных, одетых во все черное женщин, явно кавказского происхождения. Они были похожи на арабок и совершенно не вписывались в толпу зрителей. Кругликова даже удивилась - такой патриотичный, русский спектакль, для них, наверняка, не понятный, зачем они сидят в зале?

- Я запомнила глаза одной из них, - вспоминает Кругликова. - Абсолютно черные зрачки и такой тяжелый, странный взгляд. Мне показалось, что она зло посмотрела на мою дочь, и я ответила резким взглядом. Есть же такое суеверие, что злым взглядом можно сглазить. Мы буквально столкнулись глазами, а когда я отвернулась, то все еще чувствовала ее взгляд на своей спине. Ничего удивительного, что она так смотрела, знала, что ее ждет, нелегкая у нее была задача. В театр пришла не спектакль смотреть.

В толпе зрителей обращали на себя внимание не только одетые в черное женщины. Было там также несколько молодых мужчин явно восточной наружности. Одеты были в военизированную одежду, некоторые в спортивных костюмах, по-русски разговаривали с кавказским акцентом и, как потом рассказывали ребята из гардероба, были на спектакле не в первый раз. Один из них даже здоровался с ними, как со старыми знакомыми.

- И никого не удивило, что такие люди по несколько раз приходят на спектакль, так не соответствующий их душевному складу, - поражается Кругликова. Ну что ж, никто не может запретить людям ходить в театр.

Много позже следствие установило, что чеченцы из отряда Бараева очень долго выбирали цель террористической атаки. Подтверждают это заложники, разговаривавшие с террористами.

- Одна чеченка сказала: «Ох, мы столько этих мюзиклов пересмотрели, и на "Чикаго" были, и тут несколько раз. Решили, что придем сюда», - цитирует бывшая заложница Ирина Филиппова.

Террористов интересовали не художественные достоинства - они просто выбирали объект, который будет легче захватить. Спецслужбы обнаружили позднее в вещах террористов видеофильм, снятый в Московском дворце молодежи на Комсомольском проспекте, где шел мюзикл «42-я улица». Оператор заснял места, где находились охранники, коридоры, входы и выходы из зрительного зала, расположенные в конце зрительного зала кабины осветителей и звукорежиссера, а также сцену. Все для того, чтобы можно было нарисовать план здания, определить, где расставить людей с автоматами, рассчитать, как можно быстро перебежать из одного конца зала в другой и сколько нужно времени, чтобы, войдя в здание, пробежать до второго этажа.

Такую же разведку, вероятно, провели и в Доме культуры на Дубровке. В конце концов террористы выбрали именно этот объект и мюзикл «Норд-Ост». Существует теория, что не только именно это здание было проще захватить, но и само представление лучше подходило для теракта, прежде всего с пропагандистской точки зрения; «42-я улица» - типичный бродвейский мюзикл, целиком, вместе с режиссером и актерами, привезенный из-за океана. Мало того, он исполнялся по-английски, поэтому россияне не очень охотно ходили на него, там бывало больше иностранцев, а почти все актеры - американцы. А чеченцам нужен был российский спектакль с российскими актерами и российской публикой. Ведь они воевали с Россией.

- Я спросил террористов, почему именно «Норд-Ост», - говорит Георгий Васильев. - И они ответили: «Потому что вы - русский мюзикл. На «Чикаго» чаще ходят иностранцы, а они нас не интересуют. Нас интересуют граждане России». И потом, наш спектакль шел ежедневно, без всяких изменений, так что нас легче было посмотреть и распланировать действия.

Глава 4

Среда, 23 октября 2002 года, 21.00

Двадцатиминутный антракт приближался к концу. Публика, в том числе и странно одетые женщины, и молодые люди, похожие на кавказских горцев, вернулась в зрительный зал театрального центра на Дубровке. Именно тогда один из чеченцев, едва успев занять свое место, позвонил кому-то по мобильному телефону. Что-то коротко произнес на непонятном для соседей языке. Никто не заметил, что он не выключил телефон, просто осторожно положил его в карман. Спокойно ждал, пока оркестр, при помощи его мобильного, подаст товарищам сигнал к атаке.

Не успели последние зрители покинуть холл, студенты, подрабатывавшие в гардеробе, достали из-под широких прилавок гардероба книги и конспекты. Они всегда так делали - пользовались спектаклем, чтобы позаниматься. В тот день, однако, не все взялись за книги. Один из ребят достал из сумки апельсин, тщательно очистил и съел, не забыв угостить друзей. Потом встал и пошел вымыть липкие от сока руки. Собственно говоря,

до сих пор неизвестно, почему он не зашел в ближайший туалет для зрителей, а выбрал более далекий путь через весь холл, мимо стеклянных дверей входа, а потом в помещение за стеклянной стеной. Это был небольшой холл слева от главного входа, где находились кассы, там двумя часами раньше Фадеева покупала билеты. Рядом с кассой одна металлическая дверь вела в служебные помещения театра, а вторая - в дирекцию. А чуть подальше - вход в туалет. Его товарищи позже долго обсуждали, почему он выбрал именно этот путь, хотя никогда раньше им не пользовался; это его спасло - случилось настоящее чудо. Он не стал заложником, хоть на свободу попал почти через двое суток, под утро в пятницу. Такое вот везение...

Пока молодой гардеробщик мыл руки, заиграл оркестр. В ту же минуту человек в камуфляже, сидящий в одной из машин перед театром с мобильным телефоном, прижатом к уху, дал сигнал к началу захвата. Прозвучал короткий приказ на чужом, гортанном языке, взревели двигатели, и машины рванули с места с визгом покрышек. Подъехали вплотную к главному входу в театр. Отодвинулись боковые дверцы машин, и из них выскочили мужчины с автоматами, в полевых мундирах и масках, а также женщины в черных платьях, тоже скрытые масками, точнее говоря, чадрами.

Как предполагают следователи прокуратуры, группа террористов, состоящая из сорока человек, была разделена на три или четыре звена. Так они могли более эффективно выполнить поставленную перед ними задачу. Например, без лишних слов и дополнительных приказов захватить здание театра. Как рассказывали позже заложники, террористами командовали четверо - Мовсар Бараев, Абу Бакар, Ясир и Аслан.

Итак, мужчины в камуфляжах первыми ворвались в театр и немедленно разделились на группы. Их целью было как можно скорее занять места у всех входов в зрительный зал. Нужно было перекрыть шесть входов - по два на каждом этаже. Зрительный зал был спроектирован таким образом, что двери в нижней его части у сцены выходили на первый этаж, а те, что за последними рядами, - уже на второй. Балкон же находился уже на уровне третьего этажа.

Когда один из террористов ворвался в гардероб, сидящие там молодые люди были уверены, что это ОМОН (отдел милиции особого назначения) ищет сбежавших преступников. Через секунду гардеробщики уже лежали на земле с руками за головой. Остальные террористы разделились на шесть групп. Две скрылись в боковых коридорах первого этажа, тянущихся вдоль зрительного зала, оставшиеся четыре, как припозднившиеся зрители, бежали по лестнице, ведущей на второй и третий этажи. Лестничные пролеты находятся по обе стороны холла. Дальше всего пришлось бежать людям Аслана, который позже командовал группой террористов на балконе, - на третий этаж. Не прошло и минуты, как перед каждым входом в зал уже стояла вооруженная группа мужчин и женщин.

Мовсар Бараев и Ясир стояли на первом этаже у дверей, ведущих в зрительный зал слева. Отсюда до сцены было не больше десяти шагов. Ясир смотрел на часы и прислушивался. Пока не было ни одного выстрела, а это значит, чеченцы не встретили никакого сопротивления внутри театра. Впрочем, они не зря выбрали именно начало второго акта, когда все уже сидят в креслах в зрительном зале. Из-за дверей неслась громкая музыка. Ясир был уверен, что все его люди уже заняли свои позиции, - именно затем, чтобы рассчитать время, проводили они тщательную рекогносцировку. «Аллах акбар», - сказал Ясир, кивнул в сторону Мовсара, молодецки усмехнулся и осторожно открыл дверь. У

него была своя сольная партия - произнести первые слова в начинающемся драматическом действе.

Среда, 23 октября 2002 года, 21.02

Второй акт мюзикла начинается с танца летчиков. На авансцене танцуют, поют, выбивают чечетку Марк Подлесный и восемь актеров в летной форме и рабочих комбинезонах авиамехаников. Номер динамичный, и нужно быть очень внимательным, чтоб ни в чем не ошибиться. Именно поэтому Марк какое-то время не обращал внимания на то, что происходит в зрительном зале, а потом и на сцене, - он был целиком поглощен небольшой ошибкой, которая могла сорвать весь номер.

- Мы с партнером разошлись, - краснеет Марк. - Мы там все отбиваем чечетку в одном ритме, а тут один сделал одно, а другой - что-то другое. Потом, когда по телевизору показали ту пленку (техническую запись; каждый спектакль полностью записывался на видеомagneтофон, который находился в кабине осветителей в конце зрительного зала. - Авт.), на которой запечатлелось начало атаки террористов, виден и фрагмент нашего танца, и я подумал, ну вот, опозорились на всю страну. Хоть, может, по телевидению и не так заметно, это ж всего доля секунды была, когда мы «лажанулись».

Поэтому Марк не заметил, как именно в этот момент осторожно открылась дверь, которую билетеры пару минут назад закрыли, и в зал вошел вооруженный мужчина в маске. Уверенным шагом подошел к сцене, положил автомат и вскочил на подмости. Это не составило ему труда - сцена возвышалась над полом всего на 120 сантиметров, а Ясир был молодым и тренированным. Когда он поднял автомат и выпрямился, его удивлению не было предела - спектакль продолжался. Ясир встал к стене. Только тогда его заметил Марк, но, по его словам, сделать ничего не мог.

- Спектакль продолжается, музыка играет, не спросишь же его: «А в чем, собственно, дело?» - смеется молодой актер. - Мы же на сцене работаем.

Ясир некоторое время смотрел на отбивающих чечетку парней, пытался даже что-то сказать, вроде «Стоп! Стоп!», но на них это не произвело никакого впечатления. Поэтому, когда Марк запел одну из последних строчек: «... то значит, просто он не видел твой полет...», Ясир поднял автомат вверх и выстрелил в потолок.

Ближайший к нему «летчик», Андрей Гусев, отскочил в сторону - в закрытом помещении выстрел прозвучал оглушительно. Оркестр сыграл еще один, ужасающе фальшивый аккорд, но какофония звуков мгновенно стихла. Происходившее было для всех такой неожиданностью, что никто не обратил внимания на то, что с потолка не посыпалась штукатурка. Первые выстрелы, произведенные в здании театра, были, вероятно, совершенно безопасными. Не исключено, что террористы, опасаясь рикошетов, стреляли холостыми патронами. Как позднее утверждал инженер Катальский, который отвечал за ремонт зрительного зала по окончании драматических событий, потолок над головами зрителей почти не пострадал, пулевых отверстий было немного, то есть террористы в зале практически не использовали боевые патроны. Однако напугать зрителей им удалось.

- Все вниз, марш со сцены, быстро, быстро! - крикнул Ясир.

В тот же момент в зрительный зал уже ворвались его товарищи. В один миг одновременно в партере и на балконе появилось множество людей в камуфляжах. Вслед за мужчинами вбежали женщины и, не ожидая приказов, выстроились вдоль боковых стен партера, по восемь человек с каждой стороны. Они сбросили куртки, и заложники впервые увидели пакеты с взрывчаткой, укрепленные на поясах террористок. Прозвучало еще несколько выстрелов.

- Мы из Грозного, это не шутки! - кричал Ясир.

Целью террористов было в первый же момент задушить в зародыше любые попытки сопротивления. По мнению Марка, был даже такой момент, когда кто-то пытался сорваться с места и бежать, но террористы моментально взяли ситуацию под контроль. Кроме того, когда сидишь в середине ряда, не так просто оттуда выбраться.

- Всем сидеть, всем оставаться на местах! - кричали захватчики.

В этот момент за спиной Ясира появился представительный мужчина в безупречно белом адмиральском мундире, вызвав панику среди чеченцев. Однако тут же выяснилось, что это Валерий Чкалов, гениальный, известнейший советский летчик-испытатель, который в 1937 году первым совершил перелет Москва - Северный Полюс - Ванкувер, - то есть на самом деле, конечно, актер Евгений Башлыков, играющий в мюзикле роль Чкалова.

- Вышел на сцену, хоть и слышал выстрелы, - рассказывает Марк. - Просто в этот момент он в соответствии со сценарием появляется перед публикой. А поскольку он актер, неважно, что происходит, он обязан играть. Поэтому его и схватили.

Вместе с Чкаловым на сцену должны были выйти две актрисы, изображавшие энтузиасток авиации, но они вовремя сориентировались и убежали. Поскольку террористы еще не приступили к проверке сцены и кулис, им удалось сбежать из театра. В итоге в руки террористов не попала ни одна актриса.

Чеченцы потом допытывались у Башлыкова, не настоящий ли он генерал. Была у них такая идея фикс, они без конца выискивали среди зрителей офицеров Федеральной службы безопасности и военных. Когда они убедились, что все попавшие в их руки мужчины в военных мундирах не имеют ничего общего с российской армией, что они только актеры, их посадили сбоку с левой стороны, на свободные места в первых рядах, а потом часто использовали в качестве носильщиков. Марку досталось место в четвертом ряду, рядом с дверью, через которую несколькими минутами раньше вошел в зал Ясир. Так они поменялись ролями: Марк стал пассивным зрителем, а Ясир - солистом, приковавшим к себе внимание зала.

- Представление окончено, теперь вы - заложники, - заявил довольный произведенным эффектом Ясир. - Война пришла в Москву.

Многие зрители не поверили в разразившуюся трагедию, никто не хотел допускать даже мысли об этом. Они были уверены, что захватчики стреляют холостыми патронами. Для них представление продолжалось, а террористы в масках были просто странным элементом спектакля, режиссерским трюком - сегодня такие штучки в моде. Кто-то даже позвонил по мобильному телефону знакомым, которые раньше побывали на спектакле, чтоб выяснить, есть ли в сценарии нападение террористов.

- Я вначале подумала, что это розыгрыш, - говорит Людмила Федянцева, пожилая женщина, логопед детсада в Марьино. - Правда, когда чеченки расстегнули куртки и я увидела взрывчатку, поняла, что все всерьез. Но страха не испытывала, скорее недоверие. Мы все еще были под впечатлением спектакля, все в некой эйфории.

Тем временем террористы загнали в зрительный зал всех, кто был во время спектакля в других помещениях, - гардеробщиков, билетеров, буфетчиц со второго этажа. Но даже их испуганные лица ничего не изменили. Прекрасно играют, думали зрители. И что в этом удивительного? Ведь они были в театре, где всегда рассказывают какие-нибудь более или менее неправдоподобные истории. Террористическая атака - история, конечно же, неправдоподобная, такие случаются только в голливудских фильмах, а не в реальной жизни, в центре Москвы, с людьми, которые пару часов назад были в своих офисах,

школах, поздно вернулись с работы и не успели перед театром поужинать. Все это было до такой степени невероятно, что, даже уже поверив в случившееся, люди продолжали надеяться на быстрое завершение акции террористов. Может, к рассвету? Может, завтрашний день начнется как всегда, как будто ничего не случилось? Многие зрители еще в течение семи часов, до первой жертвы, так до конца и не понимали, что происходит. Как только стало ясно, что ситуация в зрительном зале была целиком под контролем террористов, наблюдение за заложниками взяли на себя в основном женщины. У них была не только взрывчатка в специальных поясах, но и гранаты, и пистолеты.

Большинству мужчин предстояло еще в ближайшие несколько минут перенести из машин и разместить в здании заранее подготовленное снаряжение, а также провести хотя бы поверхностную рекогносцировку театра. Главари снова отдали несколько распоряжений, но в этом, в сущности, не было необходимости - эти люди и так знали, что им делать, видно, заранее все тщательно оговорили.

Взяв с собой несколько заложников, в том числе двух актеров, побежали к запаркованным перед театром машинам. Там находились рюкзаки со снаряжением: боеприпасы (около двух тысяч штук), запасные магазины к автоматам, взрывчатка, медикаменты и небольшой запас еды. Там же лежала аккуратно смотанная веревка с крепкими узлами через каждые пятнадцать - двадцать сантиметров. Рюкзаки и веревку перенесли на сцену. В машинах в двух огромных брезентовых дорожных сумках лежали и специально изготовленные для этого нападения фугасы.

Слово фугас - французского происхождения (fougass), обозначает оно самодельный взрывной заряд, который изготавливается чаще всего прямо на поле боя из доступных там материалов - взрывчатки, артиллерийских снарядов, авиабомб. В Чечне фугасы чрезвычайно популярны - партизаны закапывают их на дорогах с оживленным движением войсковых частей и взрывают, когда поблизости проезжают грузовики с солдатами или бронетранспортеры.

Оба фугаса, которые террористам, несмотря на усиленный контроль, удалось доставить в Москву, а затем и в театр, были изготовлены из мощных 152-миллиметровых артиллерийских снарядов, скорее всего осколочных, предназначенных для самоходных зенитных установок «Акация». Конструкция была несложной, можно сказать - примитивной. Соответствующим образом подготовленный заряд с подключенными к детонатору электропроводами помещался в баллон компрессора, которым оборудованы многие российские грузовики. Такой баллон - это цилиндр длиной около 80 сантиметров и диаметром около 20, запаянный с обоих концов. Именно в такую «трубу» помещался снаряд. Снаружи торчали только концы электрических проводов, к которым достаточно было подсоединить обычную батарейку, чтобы произвести взрыв. Пространство между наружными стенками снаряда и стенками баллона было заполнено разными металлическими предметами - шариками и цилиндрами подшипников, гвоздями без шляпок. Это увеличивало поражающую силу взрыва. Все вместе весило не меньше шестидесяти килограммов (снаряд для «Акации» сам по себе весит 43, 5 кг). Именно это и было магическим оружием террористов. Фугасы, а точнее, сама угроза их взрыва, должны были послужить гарантией против штурма спецподразделений и стать главным аргументом в переговорах с властями.

Актеры, которым приказали нести фугасы в театр, сгибались под их тяжестью. Но выбора не было. Кроме того, их предупредили, что с фугасами следует обходиться с осторожностью, и они шли, внимательно глядя под ноги, чтобы не дай бог не споткнуться.

Террористом осталось только разобраться с топографией театра. Как позднее единодушно утверждали сотрудники театра, чеченцы хорошо ориентировались только в той его части, которая была доступна публике, то есть в холле, буфете, туалетах и зрительном зале. Остальная часть здания им практически не была известна. Они понятия не имели, что находится за сценой, где расположены гримерки артистов, как передвигаться в подвальных помещениях и как попасть в другую часть Дома культуры. У них не было плана здания, и они ничего не знали об обслуживании театрального оборудования. Они прошли по коридорам, идущим вдоль сцены в служебные помещения, в сторону гримуборных. На втором этаже выбили стекло в дверях, ведущих в левую часть здания. По ходу вылавливали людей, большинство из которых и представления не имело о том, что в двух шагах от них в руках террористов уже несколько минут находятся семьсот человек.

Среда, 23 октября 2002 года, 21.10

Больше всего не повезло музыкантам, которые с самого начала поняли, что происходит в театре. Ведь Ясир стрелял буквально над их головами. Судьба, правда, пыталась им помочь, давала шанс спастись, но воспользовался этим только один человек. Да и то совершенно случайно.

Ясир, согнавший актеров со сцены, не заметил, что в оркестровой яме есть люди. Может, он их и видел, но в тот момент ему было не важно, убегут ли они. В первые минуты важнейшей заботой террористов было взять под контроль зрительный зал. Там сидело достаточно заложников, остальные могли и удирать. А когда еще на сцене появился Чкалов в белом мундире, чеченцам было не до того, чтобы следить за оркестровой ямой. Поэтому музыканты спокойно вышли через дверь под сценой прямо в коридор, который являлся частью подземной системы коммуникаций. Другой конец коридора находился под зрительным залом и тонул во мраке. Там начинался лабиринт подземных коридоров, тянувшихся под всем зданием Дома культуры.

На выходе из оркестровой ямы музыканты натолкнулись на электрика Василия Рузаева, который посоветовал им держаться подальше от служебного входа с тыльной стороны здания - там стреляли. Техник предложил им идти с ним в противоположную сторону, в глубь подвальных помещений, где, правда, темно, сыро и неприятно, зато уж точно безопасно. Музыканты отказались. Решили спрятаться в своих комнатухах под сценой. Рузаев махнул рукой и вместе со своим помощником исчез за поворотом коридора. Только один из музыкантов, Михаил, не пошел с коллегами, а двинулся вслед за Рузаевым - он просто хотел спокойно покурить. Выбрал темный конец коридора, к тому же встал за углом стены. И это его спасло. Только он затянулся дымом сигареты, как в коридоре появились два чеченских разведчика, которым было поручено проверить эту часть здания. Они не тратили сил на поиск проходов, просто соскочили в оркестровую яму и пошли тем же путем, которым несколько минут назад прошел оркестр. Без особых хлопот обнаружили укрывшихся в своих гардеробных музыкантов и загнали их обратно в оркестровую яму. Там велели соорудить двухметровую пирамиду из столов и стульев и по ней перебраться в зрительный зал. Таким вот образом оркестранты стали заложниками. Был среди них и Федор Храмцов.

Позднее, во время штурма, оркестр понес тяжелые потери - восемь музыкантов из тридцати погибло под воздействием газа.

Тем временем спрятавшийся в глубине коридора Михаил понял, что времени у него в обрез, долго скрываться ему не удастся. Осторожно открыл дверь, которую нащупал в

стене. За дверью была небольшая слесарная мастерская - в углу стоял стол, под стеной станок. Едва Михаил успел за ним спрятаться, как в дверях появился человек в маске и камуфляже. Включил фонарик, но помещения не обыскал! Просто заглянул, скользнул лучом по стенам и пошел восвояси.

Михаил решил в закутке за станком ждать избавления.

Среда, 23 октября 2002 года, 21.10

Как мы уже упоминали, заданием группы Аслана было занять балкон и навести там порядок. Террористы, которые в ожидании сигнала от Ясира столпились под ведущей на балкон дверью, не обратили внимания на стеклянную перегородку в конце коридора всего в трех метрах от них. Стеклянная перегородка изнутри была задернута плотными шторами, они не видели, что там происходит. Впрочем, они в тот момент и не могли отвлекаться на проверку всех помещений здания.

А тем временем за стеклянной перегородкой шла репетиция части детского хора, принимающего участие в спектакле «Норд-Ост». Там занималось около десяти ребят, а всего хор насчитывал тридцать девять юных артистов в возрасте от одиннадцати до четырнадцати лет. Это были как раз те чудесные, беззаботные бродяжки, которые так растрогали Ирину Фадееву в первом акте. Сразу после того как на сцене «закончилось» детство главных героев, большинство детей переместилось из-за кулис в репетиционный зал, как раз рядом с балконом на третьем этаже.

Дети эти, естественно, не имели ничего общего с настоящими сиротами и бродягами, которых они играли на сцене. Все были из состоятельных семей, окружены заботой родителей, которым пришлось немало потрудиться, чтобы их отпрыски были приняты в состав группы юных актеров мюзикла. Достаточно сказать, что в группе репетирующих находилась Александра Розовская, дочка известного театрального режиссера, кстати исполняющая роль Кати Татариновой в детстве.

Репетицию вели хореографы Сергей Лобанков и Галина Делятицкая, однако под конец антракта Галина вышла на балкон, потому что хотела посмотреть «танец пилотов». Она собиралась на следующий день еще поработать с актерами над этим фрагментом спектакля. Галина заметила, что один из актеров сбился с ритма, и подумала, что у нее будет о чем поговорить завтра на репетиции. С удивлением увидела человека в камуфляже, вскочившего на сцену с левой стороны. Когда раздался выстрел, Галина уже не могла убежать - через боковые входы на балкон ворвались вооруженные люди в масках, взявшие ситуацию под свой контроль.

Лобанков со своими десятью подопечными не услышал выстрелов благодаря прекрасной звукоизоляции репетиционного зала. А может, заглушили их звуки музыки из кассетного магнитофона, стоявшего на столике у стены. Дети расселись вокруг него на стульях, слушая песенку. Это было музыкальное сопровождение нового номера, который Лобанков как раз с ними готовил. Позже, когда театр будет окутан газовым облаком, реквизиты к этому номеру послужат детям противогазами.

В комнате, где шла репетиция, так же как во многих других помещениях театра, имелся громкоговоритель внутренней связи, позволяющий следить за тем, что происходит на сцене. Но, как всегда перед репетицией, его выключили. В репетиционном зальчике было еще пианино, вешалка с костюмами, доска, похожая на школьную, на которой можно было рисовать мелками.

- Мы сидим вокруг магнитофона, как вдруг открывается дверь, а это буквально в метре от нас, и входит человек в маске, камуфляже и с автоматом, - вспоминает Лобанков. - С

одной стороны, это было абсолютно неожиданно, а с другой - совершенно не страшно, потому что он по-русски очень спокойно сказал: «Дети, вставайте и выходите». Сказано было так сдержанно, что никто не испугался. Дети посмотрели на меня, а у меня в голове молнией проносятся мысли. Что ж, у нас в стране люди привыкли к терактам, несколькими днями раньше взорвалась бомба под «Макдональдсом». Мне подумалось, что «Норд-Ост» - мероприятие серьезное, существует угроза теракта, нужно эвакуировать всех, а операцию проводит ОМОН. Они тоже ходят в таких же масках, в камуфляже и с автоматами на шее. Я сказал детям: «Наверное, так надо, быстренько выходим!» Они встали, начали выходить, а я выключаю магнитофон, собираю кассеты и тут еще раз бросаю взгляд на вошедшего человека - и в прорезях маски вижу характерные черты «черного». Точно, не русского. Тогда мелькнула мысль - а может, конкуренция на нас «наехала»? А может, обычный грабеж? В кассе должно быть много денег за билеты. Невероятно, но эта мысль успокоила Лобанкова - обычные бандиты, пришли ограбить театр. Большой опасности нет - поугаают немного зрителей и все рассосется. Поэтому хореограф, высокий, худощавый мужчина с гибким телом танцора, так спокойно пошел вслед за детьми. Несколькими шагами преодолел расстояние от дверей репетиционного зала до входа на балкон. И там понял, что дело не шуточное.

- Когда я вошел на балкон, увидел полный зал людей, все с руками за головой, - вспоминает Лобанков. - В проходе между рядами - террористы, один из них бьет кого-то прикладом автомата, видно не подчинился приказу, а остальные наблюдают, как двое наших актеров тащат что-то по этому проходу. В первый момент подумал - тело! Кого-то убили!!! Но потом оказалось, что это огромная голубая сумка с бомбой. Они ее вдвоем еле тащили. Стало ясно, что все это всерьез.

Актеры дотащили сумку с бомбой до середины балкона и там положили на кресло. Вторую сумку оставили в партере, точно в центре зрительного зала, на кресле в девятнадцатом ряду. Несмотря на сидящих вокруг заложников, террористы могли в любой момент подойти к ней - дело в том, что в зрительном зале в каждом ряду, с первого по восьмой включительно, отсутствовало по три кресла. Таким образом, возник небольшой коридорчик, ведущий от сцены до девятого ряда; обычно это облегчало зрителям проход к своему месту, а на этот раз помогло террористам расположить бомбу в идеальном для их целей месте.

Кроме этих двух фугасов террористы заложили взрывчатку на сцене, прикрепив ее к спинкам двух стульев. Бомбы напоминали продолговатые подушки, обернутые пластиком и тщательно опоясанные прозрачным скотчем. Такую же бомбу прикрепили к стене за зрительным залом, под балконом. Марк прекрасно помнит, что чеченцы называли ее «МОН-50».

«МОН-50» - это крайне опасная российская войсковая противопехотная мина, напоминающая слегка вогнутую прямоугольную коробку. Взрыв имеет направленный характер. Мину обычно ставят в траве на небольшой треножник или вешают на дерево. Взрывчатка в mine с одной стороны прикрыта слоем металлических осколков и шариков. Именно этой стороной мина повернута в том направлении, откуда может появиться предполагаемый противник. В момент взрыва шарики летят на расстояние нескольких десятков метров, но только в одном направлении - в сторону противника.

Таким же образом должна была действовать и чеченская «МОН-50». Пластид был засыпан слоем подшипниковых шариков, все это было обернуто прозрачным пластиком и туго

стянуто прозрачной липкой лентой. Такой же лентой чеченцы прикрепили мины к спинкам стульев, слоем шариков в сторону зрительного зала.

Почти точно так же были устроены и «пояса шахидов» (шахид - мученик, погибающий за веру. - Авт.), которые носили на себе чеченки. Каждая бомба была изготовлена из взрывчатки и слоя шариков с наружной стороны. Каждая содержала от восьмисот граммов до двух килограммов пластида.

На интернет-сайте чеченских сепаратистов моджахеды Бараева гордо заявляли, что в зрительном зале находится две тонны тротила. Это была явная ложь. По официальным данным, опубликованным после взятия здания спецподразделениями, в зале было «всего» около ста двадцати килограммов взрывчатых веществ. Не меняет это того факта, что взрыв погубил бы всех заложников, а театр превратил в груды обломков.

Чеченцы поставили также на сцене канистру, предположительно с бензином. Неожиданно вспыхнувший пожар должен был окончательно уничтожить дом и заложников, исключая возможность какой бы то ни было спасательной операции.

Когда все бомбы были заложены, один из террористов бросил из партера на балкон конец веревки с узлами. Ее привязали к ножкам кресел. До конца не ясно, для чего нужна была эта веревка. Людмила Федянцева, насмерть перепуганная, крайне нервно на все реагирующая старушка, логопед детского сада в Марьино, решила, что на ней будут вешать заложников, - веревка висела буквально над ее головой.

Это, конечно, ерунда. Существует предположение, что веревка, в случае штурма здания, должна была позволить террористам по методу десантников моментально спускаться в партер или подниматься на балкон, чтобы перебрасывать силы на нужный участок, не прибегая к лестницам и коридорам. Но как окажется позже, это не чеченцы воспользовались веревкой, а хрупкий хореограф Галя Делятицкая и четырнадцатилетний Никита из детского ансамбля.

Войдя на балкон, Лобанков сразу заметил среди зрителей Галю, но сначала даже не смог с ней переговорить. Террористы посадили его на ближайшее свободное место, рядом с тринадцатилетней девочкой, ученицей частной московской школы, которая пришла в театр со своим классом. Это были места для школьников и студентов, билеты продавались по чисто символическим ценам. Вид террористов в масках, бряцание оружия и крики «руки за голову» довели девочку до истерики.

- Когда мы вошли, она плакала, не могла успокоиться, была в шоке, - говорит Лобанков. - Я стал ее успокаивать, и это мне помогло подавить собственные эмоции и прийти в состояние, когда разум спокойно и рационально анализирует ситуацию. Ведь если хочешь кого-то успокоить, ты сам должен быть абсолютно спокоен. Я стал с ней разговаривать, расспрашивать, откуда она, как ее зовут. Отвлекал ее внимание от происходящего вокруг. Ее звали Оля. Все время повторяла: «Они нас всех убьют». Я ей говорю: «Ну что ты? Зачем им нас убивать? Поддержат немного, разберутся со всеми проблемами, как это часто бывает между противниками у нас в России, и отпустят всех». Я ее обнял, она все еще была напугана, но понемногу успокоилась.

Двух девочек и восьмерых мальчиков из группы Лобанкова террористы посадили ближе к краю балкона, в нескольких рядах перед ним. Позже, когда все немного успокоилось и террористы полностью овладели ситуацией, Лобанков сказал охранникам, что должен быть со своими учениками. Ему разрешили пересечь.

Теперь террористы приказали заложникам бросить свои сумки и мобильные телефоны на пол в проход между рядами. Некоторые женщины стали нервно открывать сумочки, что-

то искать в них, но чеченцы приказали прекратить поиски: «Ничего не трогайте, мы не собираемся вас грабить». И стали объяснять, чего они добиваются.

- Мы не воры. Нам не нужны ваши деньги. Мы хотим, чтоб нас наконец услышали. Нам нужен Путин, мы хотим, чтобы он нас выслушал и прекратил войну в Чечне. Мы убиваем ваших, ваши убивают нас. Мы не видим другого выхода, чтобы распутать этот узел. Мы сделали вас заложниками, чтобы на нас обратили внимание.

Лобанков утверждает, что это было первое политическое заявление террористов, сделанное в самом начале, когда они наводили порядок на балконе.

Среда, 23 октября 2002 года, 21.15

В комнате охранников тихо лилась музыка из радиоприемника. Любимов был в прекрасном настроении - часы на стене показывали, что до конца спектакля осталось меньше полутора часов. Он часто посматривал на часы в ожидании, когда три танцевальные группы, репетировавшие в его части Дома культуры, закончат занятия и пойдут домой. «Потом уйдут и зрители мюзикла, тогда можно будет закрыть двери, обойти здание и останется только ждать появления утренней смены», - думал Любимов. - Мы не слышали выстрелов, - вспоминает сторож. - Сидели совсем в другой части Дома культуры, хоть это и одно здание. В нашей части находятся помещения для кружков, небольшие залы, где могут репетировать танцевальные ансамбли, и зал с тренажерами. С основной частью здания, где находится сцена, большой холл и гардеробы, нас связывает коридор, который часто называют лекционным залом. До «Норд-Оста» коридор был хорошо виден, был «прозрачным» - огромные окна, большие стеклянные двери. Но потом на наружной стене Дома культуры появился огромный транспарант с надписью «Норд-Ост» и заслонил коридор, соединяющий две части здания.

По словам регулярно поглядывающего на часы Любимова, уже начался второй акт. Было примерно четверть десятого.

- Тут к нам прибегает девчонка, выступавшая в одном из ансамблей, и говорит, что какие-то хулиганы бьют стекла, - продолжает свой рассказ Любимов. - Оружия у нас нет, так что каждый из нас взял в руки по куску арматуры, и мы пошли ловить хулиганов. Идем по коридору, подходим к той, арендованной части дома и видим - кто-то действительно поразбивал стекла в дверях. Прошли мы весь холл на втором этаже - ни души. Мы стали кричать: «Эй, вы, что вы тут хулиганите, стекла бьете, а ну выходите!» И правда, тут же появились двое в камуфляжах, в масках и с автоматами. Приказ был короткий: «Руки за голову!» Отвели нас в зрительный зал и посадили в последнем ряду.

Вскоре в зал привели и оба ансамбля, репетировавших в левой части Дома культуры; была там и девочка, которая прибегала к Любимову с рассказом о хулиганах. Одним из ансамблей был популярный «Иридан», то есть «Irish dance», организованный любителями ирландского танца. Участники третьего ансамбля, которые занимались ближе всего к застекленному коридору, издали увидели людей в масках и успели удрать.

- Потом уже стало известно, что охрана, нанятая организаторами спектакля, как только услышала выстрелы, тут же смылась, - кривится Любимов. - Вроде бы охранное агентство, должны были охранять служебный вход и кассы, а оказалось, что там одни пенсионеры. У них вроде даже газовые пистолеты были, только я сомневаюсь, что они умели ими пользоваться. Поначалу на первых спектаклях и милиция бывала, да, видно, организаторы решили, что это слишком дорого, и милиционеры исчезли.

Среда, 23 октября 2002 года, 21.20

Продюсеры мюзикла, Васильев и Иващенко, сидевшие в изолированной от внешних шумов студии звукозаписи, выстрелов не слышали. Однако уже через несколько минут к ним прибежал один из работников театра и сообщил, что в театре стреляют и безобразничают какие-то неизвестные. Приятели тут же выбежали из студии и почти сразу разошлись.

Иващенко побежал по коридору второго этажа к женским гримуборным, а потом с четырьмя актрисами, не участвовавшими в первых сценах второго акта, поднялся на третий этаж. По пути захлопнул металлические двери, которые остановили террористов на какое-то время. В одной из гримерок стали обсуждать возможные пути побега. Они уже слышали выстрелы в коридоре внизу и знали, что путь к служебному входу с тыльной стороны здания отрезан. Этот служебный вход находился прямо под ними, окна их гримерки выходили на козырек над входом. Было высоко - два этажа, но они припомнили, что в таких ситуациях обычно делают киногерои, и стали вязать канат из скрученных жгутом костюмов. Теперь важнее всего было сделать так, чтобы террористы не заметили их побега. Поэтому им удалось осуществить свой план только через час, когда захватчики ушли в зрительный зал, а за зданием театра появилась милиция и спасатели МЧС.

Эвакуация прошла почти показательно. Только спускавшемуся последним Иващенко не повезло - самодельный канат порвался на полпути, Иващенко упал и сломал кость левой пятки.

- Хочу встать и не могу, адская боль в ноге, - рассказывал потом Иващенко.

Ну что ж, это только в кино все обычно заканчивается по-другому.

Тем временем его друг, Георгий Васильев, не останавливаясь, помчался по лестнице вниз и, оказавшись в коридоре на первом этаже, увидел, как он говорит, потрясающую сцену.

- Перед вооруженным типом в маске стоит наш пожарник и орет на него: «Не пугай, это не настоящие патроны, холостые, я по запаху узнаю!» - вспоминает Васильев в интервью для «Российской газеты». - Но тут рванула очередная серия, мы увидели, как настоящие снаряды бьют в стены, и поняли, что дело не шуточное.

Часть сотрудников театра, около двадцати человек, собравшихся у служебного выхода в задней части здания, мгновенно выскочили на улицу. Васильев тоже мог сбежать, но принял решение остаться. Добровольно пошел с террористами в зрительный зал. С его слов, он успел это сделать в последний момент. Минутой позже они бы не взяли его с собой - или расстреляли бы, как тех, кто потом пытался проникнуть внутрь, или «вытолкнули» бы из театра, как некоторых его сотрудников. Но он чувствовал, что обязан быть в театре.

- Это мой спектакль, я отвечаю за актеров и зрителей, - говорил он позже в интервью для «Комсомольской правды». - Я просто обязан был быть там и контролировать ситуацию.

Театр - конструкция сложная. Если бы там не было людей, знающих структуру зрительного зала и театральное оборудование, трудно было бы избежать несчастных случаев.

Марка Подлесного, который после штурма попадет в одну больницу с Васильевым, долго мучил один вопрос - почему и как его шеф стал заложником и попал в зрительный зал.

Тем более что, по словам Марка, его привели последним, когда террористы уже согнали всех, кого удалось обнаружить.

- Я потом спрашивал Васильева: «Георгий Леонардович, зачем вы пришли?» -

рассказывает Марк. - Вы же могли уйти из театра. А он: «То есть как? Брошу своих, а сам

уйду?» Значит, он абсолютно сознательно решился на это. Потом охранники мне говорили, что он сказал чеченцам: «Не стреляйте, я сам с вами пойду».

Васильев хотел, чтобы террористы отнеслись к нему с доверием, знал, что так ему легче будет помогать заложникам, завоевать расположение захватчиков. Оказалось, что занять привилегированное положение «помощника» террористов было даже проще, чем он предполагал.

Еще до его прихода террористы самостоятельно закрыли «ворота ангара», то есть театральные занавесы, но с правой стороны оставили небольшой проход, не больше метра шириной. Занавес двигался при помощи вала, троса и кольца под потолком. Чеченцы отрезали трос, чтобы занавес нельзя было сдвинуть. Чтобы усложнить вход со стороны кулис, двери в задней части сцены справа и слева забаррикадировали тяжелыми предметами, найденными среди декораций и реквизитов. Вскоре оказалось, что это специальные установки для пуска дыма. Именно с них и начались проблемы.

Чеченцам, правда, удалось остановить представление, но они не знали, что продолжают работать компьютеры, управляющие перестановкой декораций и спецэффектами.

Невидимый из зрительного зала компьютерный центр находился в глубине сцены, с левой стороны, на металлическом пандусе, на который нужно было подняться по лестнице.

Работавшая там девушка удрала, как только началась стрельба, - она увидела террористов на небольшом мониторе, который показывал картинку с камеры, установленной на балконе и снимающей сцену. Вскоре компьютер, по непонятным до сих пор причинам, решил, что наступил нужный момент, включил установку, пускающую дым, и всю сцену окутали густые клубы театрального тумана. Террористы не имели понятия, как это устройство выключается. И тогда-то впервые очень пригодился Васильев.

Следом пришла очередь решать проблему рефлекторов. Разноцветные фильтры не были рассчитаны на такое длительное использование. Во время атаки террористов повис компьютер, управляющий светом, часть ламп светила на полную мощность, и только Васильев подсказал, что, если их не выключить, начнется пожар. Поскольку чеченцев это не слишком напугало, Васильев довольно подробно описал им, как огонь расправится с театром - возникнет такая «тяга», что все моментально сгорит, они не успеют даже высказать своих требований. Только тогда они разрешили ему выключить ненужную аппаратуру. А попутно велели выключить и систему вентиляции - боялись, что спецслужбы попытаются распылить с ее помощью усыпляющие средства.

В помощники себе Васильев взял шефа бригады осветителей Александра Федякина. Если бы не они, неизвестно, чем закончилась бы операция террористов.

- Чеченцы не понимали самых простых вещей, - уверяет Васильев в интервью для «Комсомольской правды». - У них даже не было плана Дома культуры. Постоянно куда-то водили меня или Федякина и спрашивали, что находится за той или этой дверью. Они практически не контролировали театр. Подвалы, подвесные потолки со скрытыми над ними помостами, люки вентиляционных штолен - все было доступно, никто за этим не следил.

Не один Васильев добровольно отдал себя в руки террористов. Так же поступила и Марина Крылова, администратор зрительного зала. Когда чеченцы ворвались в театр, она находилась в помещениях администрации, за кассами, как раз там, куда пошел мыть руки юный гардеробщик. Крылова, так же как Васильев, сочла, что она несет ответственность за людей, которые пришли на спектакль. Будь у нее хоть минутка на раздумье, она, может, и не решилась бы на такой геройский поступок, но импульсивная по характеру женщина

не стала взвешивать все за и против. Просто пошла и села в зале. А вместе с ней пошел и Данила Чернецов, ее зять, двадцати одного года от роду.

Тогда-то и стали переплетаться судьбы моих героев, которые и раньше часто встречались при разных обстоятельствах. Учительница Виктория Кругликова работает в кулинарном техникуме № 190, буквально в ста метрах от театра, на улице Мельникова, 2, совсем рядом с госпиталем ветеранов войны, в котором вскоре расположится штаб операции по освобождению заложников, состоящий в основном из офицеров ФСБ. В школе Кругликовой часто проводились свадьбы, благодаря чему школа зарабатывала, учащиеся имели хорошую практику, а молодожены и их родители могли сэкономить - все-таки тут было дешевле, чем в настоящем ресторане. Свадьба Данилы Чернецова с дочкой Крыловой тоже прошла в этом ПТУ, ровно за два месяца до теракта, 23 августа. Кругликова вспоминала, что тогда ей было довольно сложно найти общий язык с Мариной Крыловой.

- Она немного суматошная, а у меня довольно тяжелый характер, - признается Кругликова. - К тому же молодые несколько раз переносили свадьбу. Зато я подружилась с Зоей Чернецовой, мамой Данилы. Она даже стала было мне жаловаться, что эта девчонка не слишком любит ее сына. Не нравился ей выбор Данилы.

А Данила был счастлив. Он считал, что, как мужчина, обязан заботиться не только о своей молоденькой жене, но и о судьбе тещи. Поэтому, когда Марина рванулась в сторону зала, Данила пытался ее остановить, но она его оттолкнула. Тогда он сказал ей: «Я не могу тебя оставить одну, ты же женщина». Через минуту оба сидели в красных креслах, на которые обычно рассаживали зрителей. Данила сел недалеко от актеров, среди которых был Марк Подлесный, - они симпатизировали друг другу, часто в свободные минуты устраивали в театре настоящие турниры по настольному теннису. Тогда они еще не знали, что никогда уже не сыграют вместе.

Террористы театр обследовали довольно поверхностно, поэтому часть технического персонала успела сбежать, а человек пятнадцать сумели укрыться в разных закутках театра. Кроме электрика Рузаева и его помощника, которые исчезли в подземных коридорах, а также музыканта Михаила, спрятавшегося в слесарной мастерской, по крайней мере еще одиннадцать человек не попали в руки террористов, хотя не скажешь, конечно, что они были на свободе.

Административная часть, откуда вышла Марина Крылова со своим зятем Данилой Чернецовым, была, можно сказать, приспособлена для длительной осады. Во всяком случае, производила такое впечатление. Поскольку там располагались кассы и небольшой офис администрации, во время ремонта инженер Кастальских поставил на оба входа мощные стальные двери. Одна вела во внутренний дворик, вторая находилась рядом с окошками касс в небольшом холле сбоку от главного входа. Именно там, в административной части, укрылись пять человек, в том числе молодой гардеробщик, счастливчик, который, съев апельсин, пошел вымыть руки. Сотрудники администрации заблокировали стальные двери, и террористам не удалось проникнуть внутрь. Все пятеро освободились почти через полтора суток. О том, как они бежали, расскажу позже.

С другой стороны, в туалете, из которого успел выскочить гардеробщик, укрылся один из охранников, тот, который наблюдал за порядком у кассовых окошек. Увидев вбегающих в театр вооруженных людей в масках, он скрылся в туалете и заперся изнутри. Он пробыл там в абсолютном одиночестве полтора суток.

Смогли укрыться и звукорежиссер с четырьмя своими помощниками. Когда на сцене началась стрельба, а на балконе появились первые террористы, они успели скрыться в служебном помещении, отгороженные от всех высоким парапетом своей кабины. Чеченцы их не заметили, так как звукооператоры работали довольно высоко над зрительскими рядами балкона. Звукорежиссер решил остаться в комнатухе за кабиной, потому что хотел быть поближе к дочери, которая сидела в зале. С ним остался один из помощников, а остальные тихонько закрыли за собой дверь, ведущую на наружную металлическую лестницу, и спустились вниз. Этажом ниже они прошли мимо двери помещения, в котором сидели осветители и где обычно работал их шеф Александр Федякин.

Спустились еще ниже, но там обнаружили, что стальная дверь в подвал заперта на ключ. За ней прятался электрик Рузаев, но об этом мужчины узнают значительно позже.

Молодые люди решили не сдаваться - нашли дверь, ведущую в полуразрушенный туалет, которым давно никто не пользовался. Через дыру в стене туалета были видны огромные трубы системы вентиляции. Между трубами и стеной было достаточно места, чтобы туда втиснуться и переждать, а потом попробовать спуститься вниз. Все трое мгновенно протиснулись сквозь небольшое отверстие в стене и скрылись в вентиляционной шахте.

Только утром они встретились с электриком Рузаевым и его помощником.

- Пожалуй, самое удивительное приключилось с женщиной из группы реквизиторов, - рассказывает Васильев. - Она заперлась в проходной комнате, из которой одна дверь вела на сцену, а вторая в коридор за сценой. Террористы заблокировали ее с двух сторон и заминировали. Она просидела там три дня в темноте, умирая от страха, боясь пошевелиться, чтоб не скрипнул пол. И на все три дня - полстакана воды. Я лежал потом с ней в одной больнице, у нее были огромные синие круги под глазами из-за обезвоживания.

Лариса Абрамова сидела в проходной комнате - реквизиторской. Дома ее ждали муж и шестнадцатилетняя дочь. Пятьдесят семь часов Лариса сидела или лежала на полу и не могла пошевелиться, потому что под дверью сидел чеченец, а полы скрипели. Поэтому какие-то движения, гимнастику, она делала тогда, когда чеченец вставал или приходил на смену другой охранник.

По словам свидетелей, чеченцы обыскивали театр не более пятнадцати минут. Потом они вернулись в основное здание, отказавшись от контролирования боковых блоков. Только в нескольких местах установили небольшие мины-ловушки. Более того, они практически оставили без присмотра первый этаж театра. Ни одного поста в холле, в боковых коридорах, тем более в помещениях за сценой. Вероятно, никто не охранял также служебного входа в задней части здания. Чеченцы, с одной стороны, опасались снайперов - значительная часть первого этажа была остекленной. А с другой стороны, им не хватало людей, чтобы охранять каждый проход.

Николай Любимов пересчитал посты чеченцев в зрительном зале.

- Когда мы вошли, вдоль стен через каждые три-четыре ряда стояли чеченки, все в черном, в черных балахонах и с закрытыми лицами, - рассказывает Любимов. - Восемь женщин стояли в проходах под стенами с одной стороны, восемь - с другой. В карманах на груди у них были гранаты, но это больше напоказ. Поверх платья - пояса смерти, «пояса шахидов», провода от которых тянулись к руке. Большинство из них почти все время держали переключатель в левой руке, а в правой пистолет. Впереди, на сцене и перед сценой, почти все время было семь-восемь человек, все вооруженные. Чеченки сначала стояли вдоль стен, а потом сидели на принесенных стульях. Мужчины были все

время в движении. Был еще один пост - в центре зала, рядом с огромной бомбой сидела чеченка с детонатором, от которого тянулось множество проводов.

Это дает в сумме двадцать четыре-двадцать пять человек только в партере. Лобанков утверждает, что на балконе постоянно находилось восемь террористов - женщин и мужчин. Там посты были расставлены иначе - у боковых дверей с каждой стороны сидели двое - мужчина и женщина. Еще одна женщина сидела в центре балкона рядом с бомбой. Ну, и еще пара террористов без конца патрулировали балкон, снуя между рядами и наблюдая также за партером.

Суммируя все сказанное, получается, что в зрительном зале находилось - практически постоянно - около тридцати террористов. Мы также знаем, что в отряде Мовсара Бараева было сорок человек. Это значит, что длинные коридоры вокруг зрительного зала, а также лестницы охраняли всего десять террористов. Но это только теоретически. Не следует забывать о том, что уже часов через пятнадцать после захвата театра чеченцы должны были по очереди отдыхать, поэтому, скорее всего, коридоры на втором и третьем этаже охраняли всего несколько человек. Совершенно очевидно, что террористы даже не пытались следить за холлом и кулисами.

Впрочем, у них была совершенно иная тактика, - по существу, им не нужны были охранники. Гарантией их безопасности были не бомбы и мины в проходах, а угроза взрыва огромных зарядов и уничтожения всех заложников. Так они, по крайней мере, считали.

- Террористов было слишком мало, чтобы они могли контролировать все входы и выходы из здания, - говорил потом Васильев в интервью для «Российской газеты». - Поэтому они держались в основном в зале или как можно ближе к нему. В зале была мощная бомба, которую они намеривались взорвать. И, в общем-то, это было их единственной серьезной защитой. Они мало что знали о здании - не знали ни всех выходов из театра, ни лабиринтов подземных этажей, ни секретов потолков, колосников, галереек. Поэтому и старались держаться внутри зрительного зала.

Стоит также отметить, что они не были готовы к длительной обороне. Привезли с собой всего две тысячи патронов для автомата Калашникова. Стандартный магазин автомата «АК-74» - это тридцать патронов, а если принять во внимание, что у террористов было семнадцать автоматов, получается, что у каждого было с собой только три запасных рожка. Это подтверждает предположение о том, что значение для них имела только угроза взрыва бомбы.

В результате оказалось, что они просчитались - не учли, что российские власти сыграют в русскую рулетку, ставкой в которой были тысячи человеческих жизней, что они окажутся не менее беспощадными, чем сами террористы.

Среда, 23 октября 2002 года, 21.30

В западную зрительного зала театрального центра попало около девятисот человек. Многие никогда больше не увидели дневной свет - в зрительном зале окон не было.

После возвращения разведчиков на сцену вышел Мовсар Бараев, внешне напоминающий закомплексованного студента-неврастеника. Как позже оказалось, он одинаково легко впадал как в гнев, так и в эйфорию. По мнению Анны Политковской, отважной журналистки «Новой газеты», пишущей о чеченской войне, которая по желанию террористов неоднократно ходила на переговоры с ними в пятницу днем и вечером, Бараев был неуравновешенным и порывистым, как человек, употребляющий героин. Она его так и назвала - «героиновый мальчик».

Когда он появился на фоне закрытых «ворот ангара», заложники еще не знали, что именно он руководит операцией, жертвами которой они стали. За его спиной на занавесе висел огромный плакат с арабской надписью «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет - пророк его». И чуть пониже - «Свобода или рай».

- Вы все знаете, что творится у нас в Чечне, - начал Мовсар. - Мы хотим покончить с этой войной. Поэтому мы останемся здесь до тех пор, пока ваше правительство не выполнит наших требований - не прекратит войну и не выведет войска. Мы надеемся, что это произойдет в течение недели. Подтверждаю, что мы взяли вас в качестве заложников. Вы - гарантия того, что наши требования будут выполнены. Конечно, мы понимаем, что произойти может всякое, не все в наших руках. Может случиться так, что ваше правительство не захочет выполнять наши требования и решит освободить вас силой. Как только начнется штурм и мы поймем, что не владем ситуацией, мы взорвем все заряды. Тогда взлетит на воздух не только зрительный зал и весь театр, но и все вокруг, сильно пострадают дома по соседству. Поэтому возьмите мобильные телефоны и звоните родным, друзьям и знакомым - пусть делают все, чтобы не допустить штурма. Скажите им - пусть власти выполняют наши условия, пусть начнут переговоры и не пытаются ни под каким видом вас освобождать.

Бараев поправил автомат и показал на одетых в черное чеченок.

- Посмотрите на этих женщин, - продолжил он. - Они готовы на смерть, они пришли сюда, чтобы отдать жизнь Аллаху. Для нас погибнуть во имя Аллаха - счастье. Это для вас, русских, православных, смерть - трагедия, беда, страх. Для нас - нет. Поэтому мы не будем колебаться, если будет штурм - взорвем себя. Если будет попытка штурма, которую мы отобьем, помните - за каждого убитого моджахеда мы расстреляем на сцене десять человек, за каждого раненого - пять. Это наши условия, звоните и передайте их всем. Пусть даже не помышляют о штурме. Они будут пытаться штурмовать, а мы будем выбирать жертвы среди вас.

Заложники схватились за телефоны. Это было тем более просто, что в партере у зрителей поначалу не отбирали ни сумочек, ни телефонов. Все стали звонить, чтобы передать страшную весть - чеченская война докатилась до Москвы.

Глава 5

- Вы знаете, что творится у нас в Чечне, - говорил Бараев в среду, 23 октября, поздно вечером, стоя на сцене театрального центра на Дубровке.

Неправда - они не знали. Для большинства россиян война не существует, идет где-то далеко, на окраинах империи, за - как казалось - хорошо охраняемыми границами Чеченской Республики, напоминающей концлагерь за колючей проволокой. Мало кого волновало, что там происходит внутри.

Особенно равнодушны жители Москвы, богатой, сытой, полной развлечений, кино, театров и ночных клубов, отделенной от войны двумя тысячами километров, охраняемой милицейскими постами и окруженной кольцом военных баз. Это почти виртуальная война - короткие кадры в теленовостях раз в неделю. Плюс уверения властей о том, что в Чечне становится все спокойнее. Москва, десятиmillionная столица новой сверхдержавы, создаваемой президентом Владимиром Путиным, абсолютно равнодушна к тому, что происходит у подножий Кавказа. Редкие антивоенные демонстрации собирают несколько десятков человек, хотя опросы и исследование общественного мнения показывают, что большинство россиян высказывается за мирные переговоры. А в это время житель Чечни, просыпаясь в своей постели, никогда не знает, удастся ли ему прожить еще один день.

Впрочем, дни не так страшны, страшнее всего ночи. С темнотой приходит страх, не вломятся ли в дверь люди в масках из эскадронов смерти.

- Необычайно высок с обеих сторон конфликта уровень ненависти, - утверждает Олег Орлов из московского «Мемориала», организации правозащитников, которая занимается преступлениями сталинизма и преступлениями, совершаемыми в ходе войны в Чечне. - Причем так называемая вторая чеченская война значительно более жестока, чем-то, что там происходило раньше.

Казалось, что уже во время первой войны, с декабря 1994 года по сентябрь 1996 года, россияне использовали все методы укрощения строптивой кавказской республики - карательные экспедиции и акции усмирения, солдаты, прочесывающие дом за домом и убивающие жителей за сопротивление или вообще без всякого повода, ежедневные массированные артобстрелы Грозного и сел, а также печально знаменитые фильтрационные лагеря. По разным оценкам, во время первой чеченской войны погибло несколько десятков тысяч гражданского населения Чечни и около пятнадцати тысяч солдат (официально Министерство обороны дает цифру в три раза меньше). Жизнь в той Чечне была адом. Но начало второй кампании доказало, что российские солдаты и чеченские сепаратисты не показали еще всей своей зверской жестокости. Трудно описать словами то, что стало твориться на территории республики во второй половине 1999 года.

- До начала первой чеченской войны россияне относились к чеченцам без злобы и ненависти, - говорит Орлов. - Когда осенью 1999 года началась вторая чеченская война, общество буквально пропиталось страшной ненавистью к жителям Чечни.

Причин тому было много, все начиналось задолго до военной кампании на Кавказе.

Сразу же по окончании первой чеченской войны в 1996 году чеченцев стали считать чуть ли не средневековыми работорговцами. Не проходило месяца, чтобы на Кавказе не захватили известного журналиста или иностранца, за освобождение которых требовали один - два миллиона долларов выкупа. Случалось такое и с поляками. Под конец 1997 года были захвачены пять человек: Марек Кужинец, Павел Хойнацкий, Кшиштоф Галиньский, Доминик Пясковский, Марцин Тиеле. Через два года невольницами стали двое ученых: Зофья Фишер-Малиновская и Ева Мархвиньская-Вырвал.

В руки чеченских бандитов попадали не только известные люди, но и простые россияне. Захватывали строителей, инженеров, учителей и солдат. О них сообщали редко. И вообще не упоминали о том, что работорговцы - это чаще всего многонациональные банды, состоящие не только из бывших чеченских партизан, но и из жителей соседних республик, которые похищают и самих чеченцев, а также жителей Дагестана, Ингушетии или Грузии. Заложники содержались в ужасающих условиях - в темных погребах домов или просто в ямах, вырытых в земле, под открытым небом, с решеткой вместо крыши, независимо от погоды и времени года. Много зависело от стоимости заложника, от ожидаемого выкупа. Хозяева кормили своего невольника один раз в день, а то и раз в несколько дней. О мытье и говорить нечего. Заложников били и травили собаками. Иногда измывались и более изощренными способами. Я слышал историю семидесятичетырехлетнего старика, который провел год в вырытой в земле яме и весь год почти не спал, подремывал, боялся заснуть. Из стены ямы торчал кусок газопровода. Газ иногда был, иногда нет, и старику приходилось сторожить со спичками в руках, чтобы вовремя зажечь газовый факел, - если бы он уснул, мог погибнуть, так как метан тяжелее воздуха. В 2002 году был освобожден один россиянин, который, будучи невольником, работал на своих чеченских «господ» тридцать лет. Его семья давно считала погибшим.

Французский фоторепортер Брис Флетью, который провел в неволе восемь месяцев в конце 1999 - начале 2000 года, психически не выдержал пережитого и через несколько недель после возвращения в Париж покончил с собой.

С ужасом в голосе произносились имена самых жестоких охотников за людьми. Одним из самых кровавых был Арби Бараев, дядюшка Мовсара, предводителя террористической операции на Дубровке. Арби прославился на весь мир в 1998 году, когда его люди захватили четырех инженеров лондонской фирмы Грэнджер Телеком. Трое британцев - Дарен Хикки, Питер Кеннеди и Руди Петши и новозеландец Стэнли Шоу - монтировали в Грозном систему мобильной связи. Их выкрали, несмотря на мощнейшую охрану. По невыясненным до сих пор причинам (скорее всего, британцы отказались платить выкуп), через три месяца все были зверски убиты. Однажды утром в начале декабря 1998 их отрубленные головы нашли в снегу у дороги, ведущей в Ингушетию.

Чеченские торговцы живым товаром, желая заставить семьи заложников платить выкуп, часто отрубали жертвам пальцы, изощренно избивали и измывались над ними. Иногда убивали, если «цена» заложника была невелика - семья была слишком бедной и не могла собрать достаточно большой суммы. Тем самым они заставляли семьи других заложников как можно быстрее собирать деньги. Каждое убийство записывалось на видеокассету. Выстрел в висок - наиболее гуманный способ убийства заложника, который можно увидеть в таких фильмах. Чаще всего связанного человека бросали на землю и, как барану, перерезали горло. Фонтаном била кровь, а несчастный медленно умирал, еще несколько минут содрогаясь в конвульсиях. Иногда голову пленника отрубали обычным топором. На одной из кинопленок видно, как вооруженный бородач отрубает голову старику со связанными за спиной руками. Слышен глухой удар топора. Когда голова уже отделяется от тела, камера с близкой точки показывает искривленное лицо старика с мертвым, разверзнутым в крике ртом.

Неприязнь россиян к чеченцам росла со дня на день. В 1999 году ее умело подогревали спецслужбы, которые собрали материалы об убийствах и преступлениях похитителей людей. Фильм несколько раз показали по телевидению. Поводом к нарастанию ненависти послужили также два значительных события, случившихся во второй половине того же года. В начале августа Шамиль Басаев со своим арабским приятелем, добровольцем и партизанским командиром Хаттабом, и несколькими тысячами партизан напал на Дагестан. Оба последователя радикального, воинствующего исламизма, называемого в России ваххабизмом, мечтали воплотить в жизнь провозглашаемую ими идею великого исламского государства, халифата от моря до моря - от моря Черного до моря Каспийского.

Атака ваххабитов была шоком для российского общества и породила резкую радикализацию настроений. Одно дело кипящий чеченский котел, из которого сепаратисты «не выливаются» за границы республики, и совсем другое - прямое нападение на Россию. Власти, которые, несомненно, были в курсе подготовки к нападению, умело подогревали страх. Сделать это было нетрудно, поскольку Басаев, готовя набег, рассчитывал на взрыв исламского восстания в Дагестане и бахвалился, что скоро его отряды появятся в предместьях Москвы, а халифат, созданный после победы над неверными, будет государством, живущим по законам Корана. Среди его бойцов было много радикальных исламистов из арабских стран.

- Уже тогда было ясно, что обе стороны конфликта трактуют друг друга с невиданной жестокостью, - утверждает Орлов. - Известен случай, когда люди Басаева взяли в плен

группу рядовых срочной службы, простых солдат, а потом зверски их казнили - перерезали горло. Во время первой чеченской на месте убивали только ненавистных «контрактников», солдат, которые добровольно пошли на войну и подписали контракт. Чеченцы называли их наемниками; они прославились своей жестокостью.

Несмотря на поражение, которое потерпел Басаев, ситуация не успокоилась. В сентябре 1999 года, с разницей в несколько дней, взлетают на воздух два жилых дома в Москве и один - в Волгодонске, на юге России. Гибнет больше тысячи людей. По мнению многих наблюдателей, нельзя исключить, что к этим взрывам приложили руку российские спецслужбы, но тогда для большинства россиян это не имело значения. Общественное мнение единодушно признало, что это сделали чеченцы. Почти семьдесят процентов россиян высказалось за войну, которую объявил недавно назначенный премьер Владимир Путин. Формально власти не использовали слова «война», это должно было стать «контртеррористической операцией, направленной на восстановление конституционного порядка в республике», но все и так понимали, что имелось в виду.

Операция в Чечне и его решительная позиция принесли Путину небывалую популярность и обеспечили победу на президентских выборах. Именно тогда Путин произнес известную фразу: «Мы будем мочить их в сортире».

Войска, которые с таким благословением вошли в Чечню, жаждали крови и реванша. - Удалось создать ужасающий образ врага, - говорит Орлов. - Конечно, в этом виновен не только Кремль, но и сами чеченцы и чеченские власти, которые ничего не сделали для того, чтобы пресечь преступность и прекратить хаос. Напротив, они позволили Чечне стать гнездом бандитизма, сделали ее «государством», наполовину конфессиональным, где приговоры выносили по суду Корана и проводили публичные казни - расстрелы и порку. Так или иначе, пропаганда сделала свое дело - российская армия входила в Чечню, как на вражескую территорию, и вела себя, как пристало оккупационным войскам. Солдаты-срочники во время второй чеченской войны часто вообще не имели понятия, где они находятся. Им приказали идти на врага, и врагом было для них население Чечни. Все. Без исключения.

Таким образом, в Чечне перестали считаться с какими бы то ни было принципами и конвенциями ведения войны. Самолеты бомбили жилые дома, больницы, школы. Артиллерия проводила массированные обстрелы любой местности, где оказывалось сопротивление армии. В течение многих недель осады Грозного, когда на город ежедневно обрушивались тысячи артиллерийских снарядов, гражданское население (по некоторым данным, от пятнадцати до пятидесяти тысяч жителей) практически не имело возможности ни выйти из осажденного города, ни обеспечить себя водой и продуктами питания. Дело доходило до трагических инцидентов - солдаты обстреливали из автоматов колонны гражданских лиц и автобусы с беженцами. И нередко это вовсе не было случайностью. На территориях, перешедших под контроль федеральных властей, начались убийства, грабежи и пресловутые зачистки.

Свидетельством тому, как российская армия видит чеченский народ и как собирается с ним поступать в ближайшем будущем, явился приказ бывшего в то время командующим федеральных сил на Северном Кавказе генерала Виктора Казанцева.

11 января 2000 года он отдал подчиненным ему соединениям приказ «мужчин в возрасте от десяти до шестидесяти лет беженцами не считать». Генерал требовал, чтобы мужчин этого возраста «задерживали и доставляли на фильтрационные пункты для тщательной проверки их возможного участия в бандформированиях».

- Наша мягкосердечность привела к множеству ошибок, -заявил генерал, когда раздались голоса протеста против того, что российская армия воюет с детьми. Российское командование стало объяснять свои решения тем, что даже маленькие, двенадцати-тринадцатилетние дети могут, изображая игру, подложить мину под бронетранспортер или бросить гранату в солдат. Представители ФСБ, не моргнув глазом, сообщали о пятнадцатилетних наемниках, забрасываемых в Чечню из арабских стран.

В результате множество подростков попало в пресловутые фильтрационные лагеря, такие как Чернокозово, где в порядке вещей было жестокое избиение, пытки током, пуск слезоточивого газа в камеры, изнасилование женщин, мужчин и детей. Именно поэтому террористы Мовсара Бараева во время операции на Дубровке будут потом ссылаться на то, что россияне сами считают тринадцатилетних детей бойцами, и соответственно отказывать в освобождении большинства детей-заложников.

На «освобожденных» чеченских территориях российская армия приступила к борьбе с партизанским движением и прибегла к террору по отношению к гражданскому населению. Зачистки стали для чеченцев настоящим проклятием. Формально это была обычная проверка документов с последующим задержанием подозрительных лиц. На практике, однако, это выглядело совершенно иначе. Схема была всегда одинаковой - солдаты в масках на бронетранспортерах и танках окружали селение. Врывались в дома, иногда выламывая двери. Требовали денег и золота, взамен обещали не забирать с собой жильцов - чеченцы быстро придумали название этому специфическому выкупу - «налог на жизнь». Солдаты без лишних вопросов отбирали ценные вещи, телевизоры, ковры, ломали мебель. Уничтожали продукты, высыпали на землю муку и зерно. Поджигали сараи с сеном и соломой, иногда туда же заталкивали связанных пленников. Живых!!! Били каждого, кто пытался оказать сопротивление. Нередко убивали на месте. Забирали в основном молодых мужчин, но часто и женщин, и детей. Десятками, сотнями грузили их в грузовики и на бронетранспортеры с заляпанной грязью регистрационными номерами. Вывозили их в фильтрационные лагеря и на территории войсковых частей. Многие никогда не вернулись - исчезли бесследно.

Трагедии, случившиеся во время зачисток, описывает Анна Политковская, журналистка «Новой газеты», автор материалов о войне в Чечне. Вот примеры из ее книги «Чеченский путь»: в одном из домов в Грозном солдаты-мародеры изнасиловали пятнадцатилетнюю девочку. Родным заявили, что если они будут кричать и звать на помощь, изнасилуют ее так, что она не выживет. В другой местности двое молодых солдат постучали в дверь и потребовали пива. Разозлил их ответ, что в доме нет спиртного. Один из них на кухне убил старика-хозяина, а другой привел его жену, пожилую женщину, в спальню, посадил на кровать, сам сел напротив и, не переставая мило улыбаться, всадил в нее пять пуль из «калашников». В одной из частей задержанных чеченцев сталкивали в глубокую яму с водой. Когда там набиралось несколько человек, солдаты бросали в воду дымовые шашки. В военных операциях часто принимают участие прокуроры, которые должны следить, чтобы солдаты не нарушали закона. Мало чему, однако, это помогало. Военные практически безнаказанны, а иногда они просто арестовывали прокурора, который слишком часто вмешивался.

Зачистки - не всегда крупные, массированные военные операции, иногда это просто личная месть какого-нибудь российского офицера. Самую «громкую» операцию отмщения провел под конец марта 2000 года полковник Юрий Буданов, командир танкового полка, который сначала принимал участие в тяжелых боях в Аргунском ущелье,

а потом был переброшен «на отдых» в окрестности деревни Танги. Идеей фикс Буданова были снайперы, которые убили его лучшего друга. Поэтому однажды ночью во время колоссальной попойки по двойному поводу - рождения дочери и выборов президента Путина - пьяный полковник отправился на охоту за снайперами. Его БТР подъехал к выбранному дому, где, как ему сообщил кто-то из доносчиков, живет девушка-снайпер. Может, кто-то хотел ей за что-то отомстить? Не известно. Буданов выкрал восемнадцатилетнюю девушку, изнасиловал ее в своем доме, задушил, а потом приказал своим солдатам закопать тело.

Постепенно вместо зачисток все чаще стали применяться точечные атаки эскадронов смерти. Так чеченцы называют «неопознанных лиц в военном обмундировании на бронетранспортерах», которые беспрепятственно проходят через укрепленные российские «блокпосты». По ночам или под утро к намеченному дому подъезжают бронетранспортеры и грузовики, десантники в масках вытаскивают жильцов из постелей, некоторых забирают с собой. Вывозят их в безлюдное место, например, в ближайший карьер, там пытаются, стараясь выбить признание. Часто после отъезда военных в таких местах находят изуродованные трупы, подорванные гранатами для уничтожения следов. Другие захваченные во время операции исчезают, чаще всего навсегда. Иногда их тела со следами пыток бросают на обочине дороги или на краю селения.

- В Чечне есть места, куда уже традиционно выбрасывают тела похищенных людей, - говорит Орлов. - Например, под Урус-Мартаном есть такой пользующийся дурной славой госхоз, то есть государственное хозяйство имени Мичурина. Это огромные, запущенные сады, перерезанные проселочными дорогами. Все просеки контролируют российские блокпосты, значит, проехать незаметно невозможно. Родственники похищенных людей регулярно ездят туда и находят тела близких, иногда подорванные гранатами. Это работает, как хорошо налаженный механизм, - эскадроны смерти похищают людей, пытаются, убивают и выбрасывают трупы, а родственники находят их и хоронят. И все сначала.

Масштабы этого дикого механизма огромны. Со слов Орлова, с начала войны до конца 2002 года - это немного более трех лет - в Комиссии по делам похищенных и пропавших при Управлении делами Президента России зарегистрировано две тысячи восемьсот случаев исчезновения людей на территории Чечни. Все они были похищены людьми в мундирах или задержаны на блокпостах. И как камень в воду.

- Я убежден, что это не полная цифра, ее надо бы увеличить вполтину, а это около четырех тысяч, - говорит Орлов. - Но даже если придерживаться официальных данных, и так количество похищенных огромно - ведь в Чечне проживает всего около семидесяти тысяч человек (это как если бы в Польше в течение трех лет эскадроны смерти похитили сто пятьдесят четыре тысячи человек. - Авт.). Если сравнить количество похищенных на сто тысяч жителей, то окажется, что даже аргентинская диктатура генералов на переломе семидесятых - восьмидесятых годов не была столь кровавой (в течение восьми лет там убито тридцать тысяч человек). Это сравнимо только с периодом самых кровавых сталинских чисток в 1937 году, а это значит, что на части территории России воцарился террор, как во времена Сталина.

По мнению Орлова, среди членов эскадронов смерти есть бойцы разведотрядов внутренних войск МВД, а также десантники спецотрядов ГРУ (военная разведка) и ФСБ (контрразведка).

- Это колоссальная угроза для всей России. Ведь эти люди возвращаются потом домой, к своим семьям, детям, - говорит Орлов. - Со временем они занимают высокие посты в ФСБ и МВД, в армии, поднимаются все выше. Некоторые даже делают политическую карьеру. А ведь после того, что они творили в Чечне, эти люди просто не могли остаться нормальными.

Всевластие эскадронов смерти - это еще не все. Как пишет в своей книге Анна Политковская, в Чечне на каждом шагу приходится откупаться от армии. Платить надо, дословно, и за живых, и за мертвых. Российскому офицеру или посреднику нужно дать деньги за освобождение арестованных во время зачистки брата, мужа, сына. Деньги понадобятся и для того, чтобы военные захотели отдать тело, не всегда же они бросают трупы на краю селения. Взятку надо дать даже за информацию о том, где находится общая могила, в которой похоронен родственник. Так в Чечне процветает торговля людьми, против которой, собственно, и была объявлена «контртеррористическая операция», замечает Политковская.

Именно поэтому так обычна в Чечне сцена - группы одетых в черное, заплаканных женщин, стоящих перед укрепленными командными пунктами военного коменданта района или ФСБ. Они стоят там в надежде получить хоть какую-то информацию о муже, сыне, брате. И рассчитывают на то, что попадется честный посредник, который действительно поможет вытащить близкого из российских лап или по крайней мере скажет, где искать тело.

Причем, как утверждает не только Политковская, война, жестокость властей и ужасающая нищета морально разложили чеченское общество. Гордые горцы забыли о традициях. Случается, что чеченские семьи, понуждаемые голодом, продают в рабство подростков, а молодые чеченки становятся проститутками. С другой стороны, в ответ на унижения и зверства русских сами становятся такими же жестокими и беспощадными.

Нападение Шамиля Басаева на Дагестан в 1999 году не вызвало энтузиазма в Чечне. Совсем наоборот, предвидя трагические последствия, чеченское общество отнеслось к нему негативно. Большинство сочло это провокацией. Чеченцы прекрасно отдавали себе отчет в том, какой может быть месть русских. Кавказских горцев не увлекала перспектива мирового халифата, а по отношению к ваххабитам, называемым «бородачами», они были настроены враждебно.

Опасения оправдались. После нескольких месяцев борьбы разбитые, проигрывающие бой за боем, партизаны вынуждены были, в конце концов, бежать в горы. Шамиль Басаев, который со своим отрядом долго держал оборону в Грозном, отступая в начале 2000 года, потерял ногу на минном поле. Побежденные в открытом бою сепаратисты вернулись к проверенной во время первой войны тактике. На дорогах стали появляться мощные взрывные устройства, фугасы. Изготовленные чаще всего из одного или нескольких артиллерийских снарядов (например, 122-миллиметровых зарядов миномета), закопанные на обочине или спрятанные в канализационных колодцах, они взрывались при помощи радиосигнала, когда поблизости проходила военная колонна. Сила взрыва была иногда так велика, что бронетранспортер взлетал в воздух как спичечный коробок.

Но со временем фугасы становились все менее эффективным оружием. Русские научились их обнаруживать и взрывать. Нужен был совершенно новый способ атаки на российские части и объекты. И он был найден, а точнее, привезен с Ближнего Востока и арабских стран, родины многих членов партизанских отрядов. Американские казармы в Ливане и Саудовской Аравии атаковали исламисты, сидящие за рулем нагруженных взрывчаткой

грузовиков, а обвязанные поясами с тротилом палестинцы взрывали себя в центре израильских городов. Так появились в Чечне самоубийцы во имя Аллаха - шахиды. Найти кандидатов не составляло труда. Пострадавших, которые потеряли в боях и зачистках целые семьи, были тысячи. Хватает и жертв изнасилования, а такие - женщина или мужчина - становятся изгоями; чеченские традиции, сочетающие ислам с кодексом чести кавказских горцев, в этом вопросе абсолютно нетерпимы. Такие люди не хотели жить, поэтому их легко было склонить к самоубийственному акту, тем более что радикальный ислам обещает погибшим в борьбе с неверными рай после смерти. И хотя Политковская утверждает, что радикальные исламисты не имеют серьезной поддержки в республике, добровольцев было немало. Первые атаки взрывников - камикадзе начались летом 2000 года.

7 июня груженный взрывчаткой УАЗ протаранил шлагбаум перед бывшей школой в Алхан-Юрте, где расположился на постой омский ОМОН, подъехал к зданию и взорвался. На месте погибли два милиционера, пятеро были ранены. До конца неизвестно, кто сидел в кабине. По одной из версий, в кабине вездехода с взрывчаткой находилась двоюродная сестра упомянутого уже нами Арби Бараева, двадцатидвухлетняя Хава Бараева с семнадцатилетней подругой. Таким образом, не исключено, что это был первый террористический акт в Чечне, совершенный женщиной.

11 июня водитель-камикадзе атаковал блокпост в Октябрьском районе Грозного. В результате взрыва погибли два солдата, один был ранен. Сепаратисты дали информацию, что террорист был этническим русским, принявшим ислам. Его звали Джебраил Сергеев (российские источники сообщали, что это был Сергей Дмитриев, что косвенно подтверждало версию сепаратистов).

2 и 3 июля пять военных грузовиков «Урал», груженных тротилом, атаковали цели в Гудермесе (два объекта), в поселке Новогрозненский, Урус-Мартане и Аргуне. В этом последнем городке грузовик въехал во двор рабочего общежития, в котором квартировал отряд милиции из Челябинска. В результате взрыва более тонны тротила здание было полностью разрушено, под развалинами погибло двадцать человек и несколько десятков было ранено. В сумме за два дня русские потеряли тридцать шесть человек, а восемьдесят четыре были ранены.

Самая мощная атака такого рода была совершена 27 декабря 2002 года в Грозном. Грузовик КамАЗ и вездеход УАЗ беспрепятственно проехали через несколько военных постов - говорят, водители показывали фальшивые удостоверения, - подъехали к самому зданию пророссийского правительства и взорвались. От четырехэтажного строения остался один скелет, а на месте взрыва КамАЗа, наштапигованного несколькими тоннами тротила, осталась воронка десяти метров в диаметре и четырех метров глубины. Погибло семьдесят два человека, более ста были ранены. Есть сведения, что в кабине грузовика рядом с отцом сидела его пятнадцатилетняя дочь.

Но и на этом не кончилось. 12 мая 2003 года в селе Знаменское террористы пытались пробиться на грузовике к зданию местного отдела ФСБ. В кабине машины сидел мужчина, а рядом с ним - две женщины. В результате взрыва большого количества тротила погибло шестьдесят человек и двести пятьдесят были ранены.

- Русские сами инспирируют терроризм, одновременно толкая людей в объятия ваххабитов, - делает вывод Орлов. - В начале войны влияние исламистов было невелико. После нападения на Дагестан слово «ваххабит» звучало как ругательство. Люди проклинали Басаева и его экстремистов. Но ситуация меняется. Униженный народ,

особенно молодежь, видит, что еще есть отряды, которые ведут решительную, бескомпромиссную борьбу против неверных. Нет сомнений, что за крупными террористическими актами в Чечне стоит экстремистское крыло движения сопротивления, исповедующее воинствующий, фундаментальный ислам. А люди, которые идут на самоубийственные акты, не только потеряли всех родных, но и подвергались религиозно-экстремистской обработке.

Анна Политковская стала в Чечне свидетелем такого явления, как своеобразный конкурс среди желающих стать шахидом.

- Многие женщины, которые хотят мстить, обращаются к полевому командиру, контролирующему данную местность, - говорит журналистка. - Командиры принимают решение, выбирая лучших среди тех, кто к ним обратился.

Потом командиры согласовывают с добровольцем цель атаки и помогают совершить теракт, а точнее, сами его организуют. Как утверждает Политковская, так именно было и в случае совершения женщиной теракта против генерала Гейдара Гаджиева.

Гаджиев, до этого служивший политвоспитателем, в 2000 году еще в звании полковника был переведен из соседнего Дагестана и назначен военным комендантом Урус-Мартана. Он лично руководил зачистками, лично составлял планы, кого и как арестовать, надзирал за полевыми фильтрационными пунктами, устроенными вблизи селений, в которых на месте пытали подозреваемых в содействии партизанам, закрывал глаза на грабежи. Когда однажды к нему обратилась мать двух похищенных сыновей, он издевательски ответил: «Слезамися не проймешь». Видимо, именно так должен поступать российский офицер на занятой территории, если осенью 2001 года Гаджиев был произведен в генералы. Его объявили лучшим военным комендантом района в Чечне. 29 ноября 2001 года, около полудня, к стоящему на площади в центре Урус-Мартана генералу подошла восемнадцатилетняя Айзан Газуева, потерявшая в ходе второй чеченской войны мужа, дядю и двух братьев; они исчезли, правда, при разных обстоятельствах, одно было одинаково - никто из властей не взял на себя труд объяснить ей причин их исчезновения. Ее муж погиб в декабре 2000 года. В тот самый день Гаджиев выступал по телевидению, рассказал о задержании Газуева и показал его паспорт. Айзан потом много раз бывала у Гаджиева, но слышала от него одну только ругань. Генерал твердил, что ничего не знает о ее муже.

- Вы меня узнаете? - спросила Газуева, подойдя к генералу, стоящему на площади в окружении охраны.

- Иди отсюда, нет у меня времени на разговоры, - рыкнул генерал.

В этот момент женщина привела в действие детонатор прикрепленной к телу тротиловой пашки. На месте погиб один из солдат охраны Гаджиева. Генерала отвезли в госпиталь, где он пришел в сознание, но через несколько часов умер. Награжден посмертно звездой Героя России.

Сепаратисты быстро поняли, что такие акты вызывают значительно больший ужас, чем взрывы грузовиков. Да и организовать их проще - женщин в Чечне обыскивают редко. Так что теперь все чаще доходят слухи именно о таких терактах, совершаемых «черными вдовами», называемыми так из-за характерных одеяний, а еще потому, что каждая из них потеряла на войне мужа, брата, сына.

14 мая Лариса Мусалаева взорвала бомбу во время религиозного праздника в селении Илисхан-Юрт в Чечне. Целью был глава пророссийской администрации Чечни Ахмат Кадыров. Он, правда, вышел невредимым, однако погибло двадцать шесть человек,

стоявших рядом с ним. Мусалаева мстила за смерть брата, который подорвал себя гранатой, когда несколько месяцев назад его пыталась схватить охрана Кадырова. Сначала сообщалось, что взрыв произвела Шахидат Баймурадова, так как на месте взрыва нашли ее документы. Но оказалось, что эта пятидесятипятилетняя женщина не имеет ничего общего с террористами, она пришла на праздник со своей семидесятилетней сестрой, Аmani Висаевой, чтобы просить Кадырова о помощи в поисках ее сына, который, как это бывает в Чечне, бесследно исчез двумя месяцами раньше. Обе сестры погибли как случайные жертвы теракта. Однако это не остановило таинственных мстителей, которые тремя днями позже, ночью, ворвались в их дом в селении Бачи-Юрит и застрелили их четверых родственников.

5 июня 2003 года молодая женщина-камикадзе подорвала себя у двери автобуса в Моздоке (Северная Осетия, на границе с Чечней), в котором ехали летчики и персонал местной авиабазы. Кроме террористки погибло восемнадцать человек, пятнадцать получили тяжелые ранения. Моздок - основная база российской авиации, совершающей боевые полеты над Чечней, а российские летчики известны своими бомбардировками гражданских целей в чеченских селах.

Месяцем позднее, 5 июля 2003 года, террористки-камикадзе добрались до Москвы. Две чеченки - одна из них Зулихан Эльхаджиева, личность второй не установлена - подорвались у входа на аэродром в районе Тушино, где в это время проходила в течение всего дня серия рок-концертов. Женщины хотели прорваться к сцене, но испугались тщательной милицейской проверки на входе. В конце концов обе детонировали свои взрывные устройства в толпе у касс. Погибло по меньшей мере пятнадцать человек и обе террористки.

На этом, к сожалению, теракты в Москве не закончились. Пятью днями позже, 10 июля 2003 года, чеченка Зарема Мужихоева пыталась взорвать одно из модных кафе в центре Москвы.

К счастью, подвел детонатор - несмотря на то, что двадцатитрехлетняя женщина несколько раз нажимала кнопку, взрыв не произошел. Террористку задержала милиция. Во время попытки обезоружить женщину детонатор сработал - погиб сапер ФСБ Георгий Трофимов.

Москвичи предпочли бы ничего не знать обо всем этом, и действительно, в обыденные дни они не думают о далекой войне. Телевидение постоянно убеждает их, что в Чечне воцарился покой, проводится перепись населения, которая показывает, что сейчас там проживает один миллион восемьдесят восемь тысяч чеченцев, то есть больше, чем до войны, хоть в действительности их стало на треть меньше. Сообщалось, что весной 2003 года был проведен референдум по конституции, а 5 октября 2003 года состоялись выборы президента, что чеченские крестьяне сеют хлеб и собирают урожай, а строители возводят дома. Но это все - сплошная пропаганда.

- Две страшные войны привели к тому, что Чечня стала пороховой бочкой, - утверждает Санобар Шерматова, комментатор еженедельника «Московские новости», которая много лет занимается Чечней и исламом. - Это люди, потерявшие близких, униженные, не представляющие, как жить дальше. Для них смерть в теракте - единственный выход. Я думаю, что война, которую развязали русские, породила тот легковоспламеняющийся материал, который был использован для организации теракта на Дубровке.

Беспощадная война, о которой все хотели бы забыть, только иногда дает о себе знать - когда ее жестокость коснется любимого человека. Десант Бараева был шрапнельным выстрелом в той далекой войне, угодившим в самое сердце Москвы.

Глава 6

В такой вот Чечне, омытой кровью, исхлестанной рейдами эскадронов смерти, замученной чистками и потрясаемой терактами, родился замысел проведения операции, которая могла бы приблизить конец войны, а тех, кто взялся ее провести, прославить, сделать легендарными героями. Люди, планировавшие операцию, понимали что терроризм, чтобы быть эффективным, должен принимать разные обличья. Не только лицо террористки-камикадзе.

- Замысел был простой - повторить нападение Шамиля Басаева на Буденновск и добиться перелома в ходе войны, - уверенно объясняет Олег Орлов из «Мемориала». - Буденновск стал для чеченцев легендой.

И действительно, события, разыгравшиеся в театре в Москве, напоминали то, что происходило почти семь лет назад в ставропольском городке.

14 июня, в первой половине дня, в ужасающую жару, типичную для южной России, в Буденновск въезжают два КамАЗа с закрытыми тентами. Перед ними едет «Лада», перекрашенная под милицейскую патрульную машину. В машинах - чеченцы.

Остановленные патрулем, объясняют, что везут тела своих родственников, и отказываются открывать тенты. Без возражений, однако, едут вслед за настоящим милицейским патрулем в центр города. У здания местного отделения внутренних дел из машин выскакивают вооруженные партизаны, убивают патруль и охранников, стоящих у здания, врываются внутрь. В коридорах идет перестрелка. Начинается беспорядочная стрельба на улицах города - чеченцы стреляют в проезжающие машины и окна домов. Через несколько минут они сгоняют на центральную площадь города сотни заложников, а потом ведут колонну пленных в расположенную неподалеку больницу. В их руках, по разным данным, оказалось от двух до пяти тысяч человек. В больнице, куда согнали заложников, все палаты и коридоры были забиты людьми.

Вскоре выяснилось, что операцией руководит один из самых известных чеченских командиров - Шамиль Басаев, возглавляющий свой отряд с 1992 года, когда он участвовал в военной кампании в Абхазии. Он воевал там полтора года против Грузии на стороне абхазских сепаратистов, активно поддерживаемых Россией. Именно тогда впервые появились слухи, что у Басаева прекрасные контакты с российской военной разведкой ГРУ, руководящей через своих агентов операциями в Абхазии.

В начале июня 1995 года на юге России, на граничащих с Чечней территориях, стали появляться листовки с подписью «НОРДОС» (Независимый особый разведывательно-десантный отряд смертников).

«Мы не зависим ни от Дудаева, ни от народа Чечни. Мы - воины Аллаха, решили до начала боевых действий обратиться к народу России и объяснить наши цели и задачи», - гласил текст листовок. Листовки предупреждали о террористических актах, взрывах и даже применении бактериологического оружия. «Если погибнет Чечня, мы готовы привести к гибели Россию», - написали террористы «НОРДОС». Специалисты подозревали, что автором листовок является Шамиль Басаев, который, впрочем, и сам заявлял о подобных целях и использовал подобную терминологию. Интересно, помнил ли о тех листовках тот, кто принимал решение о проведении террористической акции в

Москве в октябре 2002 года в театре, где шел спектакль «Норд-Ост»? Если это был Басаев, ему, наверное, это казалось забавным *qui pro quo*.

За несколько дней до акции в Буденновске появилась информация, что во время одного из налетов российских самолетов 3 июня 1995 года бомба попала прямо в дом Шамиля Басаева, убив одиннадцать его ближайших родственников, в том числе жену и шестеро детей. Это могло быть одним из мотивов операции, но Басаева интересовало и другое. Он почти сразу же озвучил свои требования - окончание войны и вывод российской армии, свободные выборы. Кроме того, его целью было показать россиянам, что буквально у них под боком с ними идет беспощадная война. Чеченцы кричали людям в Буденновске: «Вы тут живете, смеетесь, веселитесь и не знаете, что творится у нас в Чечне, как мы гибнем, как нас убивают».

Точно такие же цели будут вдохновлять и Мовсара Бараева.

Чеченский отряд, захвативший шестидесятитысячный городок, насчитывал по меньшей мере сто двадцать человек, в том числе три женщины, исполнявшие функции санитарок и поварих. Часть террористов приехала на грузовиках, а часть пробралась в городок раньше небольшими группами. Позднее Басаев будет утверждать, что выехал из Чечни, не зная еще, где конкретно будет проводить операцию. Поскольку за проход через российские посты он давал взятки, у него просто закончились перед Буденновском деньги.

Вечером 14 июня больницу окружили войска. Практически ни на секунду не прекращается стрельба, с российской стороны снайперы безостановочно стреляют по находящимся внутри людям. Террористы утверждают, что здание больницы заминировано и, если начнется штурм, больница взлетит на воздух. Они заявляют также: «За каждого убитого партизана мы расстреляем десять заложников, за каждого раненого - пять». Такое же предупреждение сделают потом в Москве люди Бараева.

Однако, как уверяли позднее все заложники из Буденновска, несмотря на то, что многие бойцы Басаева были убиты или ранены, ни один из заложников не был ими расстрелян. Более того, Шамиль отдал приказ расстрелять одного из своих людей, который проявил особую жестокость по отношению к пленным и нарушил строгую, обязательную для всех дисциплину, возможно употреблял наркотики.

15 июня рано утром в Буденновск была переброшена из Москвы контртеррористическая группа «Альфа». Два дня российские генералы безуспешно пытались уговорить Басаева покинуть больницу добровольно, предлагали ему даже предоставить самолет с возможностью вылета в любом выбранном направлении. Через два дня российские части, в том числе и «Альфа», приступили к штурму.

Странная это была операция, филигранной ее никак не назовешь - царил ужасающий хаос. Штурм начался около пяти утра, были использованы практически все виды оружия, имевшиеся в наличии, - от обычных автоматов до гранатометов и пулеметов, вплоть до четырехствольных 23-миллиметровых зениток. В ответ чеченцы, которые привезли с собой целые ящики оружия, тоже не жалели боеприпасов. После трех часов канонады в здании больницы вспыхивают пожары. Чеченцы требуют от заложников, чтобы они становились в окна, махали белыми простынями и кричали, чтобы федеральные войска прекратили огонь. Пленные, невзирая на свист пуль, исполняют приказ, так как отдают себе отчет в том, что бои в коридорах и на лестницах переживут немногие. Но войска не обращают внимания на высывающихся из окон заложников. Штурм продолжается. Раненные и убитые заложники падают как мухи, а атакующим не удается даже приблизиться к главному зданию. Гибнут три офицера «Альфы» - таких потерь еще не

было в истории этой контртеррористической группы, даже во время достославной атаки на дворец Амина в Кабуле, столице Афганистана, в 1979 году.

Продолжается все это пять часов. Во второй половине дня атака возобновляется, но ненадолго, она продолжается не больше сорока пяти минут и стихает.

Находящиеся в больнице хирурги пытаются оперировать раненых, но пули снайперов попадают даже в операционные. А ранения тяжелейшие - развороченные пулями легкие, животы, головы. Наконец врачи кладут раненых на пол и буквально латают их, стоя на коленях, чтобы их не видели в окна.

Один из врачей, Анатолий Скворцов, заведующий хирургическим отделением, рассказывал позднее, что требовал по телефону от генерала Виктора Медведицкого, шефа Ставропольского Управления внутренних дел, чтобы кто-то усмирил одного из наиболее беспощадных снайперов, который стреляет по всему, что только пошевелится внутри больницы. Через час Медведицкий позвонил доктору и говорит: «Представьте себе, мы ничего не можем с ним сделать. Там лежит какой-то прапорщик, скотина пьяная, и продолжает стрелять, невзирая ни на какие приказы». «Так, может, вы его сами застрелите?» - серьезно предложил доктор. Прошло еще какое-то время, пока прапорщика наконец не убрали с его точки, и - как радостно заметил доктор Скворцов - с той стороны действительно стали стрелять реже.

Наконец в больницу получают доступ журналисты и депутаты Думы. Начинаются переговоры между Басаевым и премьером Виктором Черномырдиным. В кабинете Черномырдина находятся журналисты с камерами. Вся страна видит жалкого премьера великой страны, сидящего за столом с опущенной головой и записывающего требования террориста. Поскольку связь не блестящая, Черномырдин просит: «Господин Басаев, говорите громче».

В конце концов взамен за освобождение заложников Черномырдин обещает Басаеву завершение военных действий в Чечне, мирные переговоры с властями республики, гарантирует безопасное возвращение отряда в Чечню. Последнее обещание, несмотря на многочисленные провокации, все-таки было выполнено - чеченцы сели в автобусы, забрав с собой сто пятьдесят добровольцев из числа заложников, а также восьмерых депутатов Думы и журналистов. В последнюю минуту генералы, так, на всякий случай, хотели заставить всех подписать заявление, что они «добровольно присоединяются к банде и предупреждены о последствиях». Но после очередного скандала и этот вопрос был урегулирован с Черномырдиным - в конце концов конвой с заложниками и террористами безопасно добрался до селения Зандак в Чечне, на границе с Дагестаном.

Два других обещания Черномырдина, политического характера, естественно, были тут же нарушены. Война продолжалась, и никто не собирался вести переговоры с Джохаром Дудаевым.

Из-за этого, в частности, 9 января 1996 года Буденновск повторился. Насчитывающий примерно сорок человек отряд Салмана Радуева, зятя президента Джохара Дудаева, занял дагестанский город Кизляр вблизи границы с Чечней. Болезненно тщеславный, жаждущий известности Радуев, согнал в больницу около восьмисот заложников, а после нескольких дней осады воспользовался обещанием беспрепятственного возвращения в Чечню.

Поначалу все было идеальным повторением Буденновска, только в зимних декорациях. Лишь возвращаясь с заложниками обратно в Чечню, Радуев понял или был предупрежден, что ему устроили засаду. На этот раз никто не собирался выпускать террористов.

Руководство спецслужб отдавало себе отчет в том, что штурм больницы повлечет за собой

сотни жертв, зато нападение на колонну автобусов из засады ограничится несколькими десятками убитых заложников, а с этим никто в Кремле не собирался считаться. Поэтому решились на атаку.

Радуев почувствовал, однако, намерения российских спецслужб и по дороге сбежал в село Первомайское. Россияне подтянули войска, артиллерию, в том числе крупные ракетные системы «град» - пусковые установки для запуска сорока ракет, которые приступили к планомерному истреблению села. Несмотря на то, что местность была оцеплена плотным кордоном войск, чеченцы без особых хлопот пробились в сторону находившейся в нескольких километрах Чечни и исчезли.

Ельцин рассказывал журналистам фантастические истории (выяснилось при этом, как его обманывают генералы): якобы вокруг селения расставлены тридцать восемь снайперов, каждый из них держит на прицеле по одному командиру террористов и готов застрелить его в любую минуту (а потом армия начала обстреливать деревню почти трехметровыми ракетами «град»). Позднее генералы утверждали, что чеченцы удрали, потому что сняли обувь, что позволило им бежать по снегу быстрее, чем ожидала российская армия.

Во время теракта в Буденновске погибло сто двадцать девять человек (некоторые называют цифру сто пятьдесят), четыреста пятнадцать были ранены. Во время боев в Кизляре и Первомайском убито семьдесят восемь заложников, а триста человек были ранены.

Оба эти теракта, конечно же, потрясли общественное мнение в России и в мире, но не привели к окончанию войны. Война прекратилась, потому что в Кремле победили сторонники мирных способов разрешения конфликта. Потом к власти снова пришли ястребы - политики, считающие, что только силой можно удержать чеченцев в границах России, - и через семь лет после Буденновска чеченцы решили повторить подобную операцию в надежде поставить Москву на колени. Тем более, что акция должна была на этот раз проходить не на далеких окраинах страны, а в самом центре российской столицы. План был простой - захватить в Москве значимое здание, взять заложников, требуя вывода войск из Чечни.

О том, кем были люди Мовсара Бараева, откуда они взялись и как готовили операцию, известно немного. Можно только делать предположения на основе немногочисленных фактов и просочившейся в газеты информации из следственных органов и прокуратуры. Среди специалистов существует несколько взаимоисключающих теорий, касающихся этой операции.

Анна Политковская считает, что теракт задумали и самостоятельно подготовили обычные чеченцы, группа униженных, отчаявшихся людей, потерявших родных и близких. С некоторой помощью со стороны партизан они сами добрались до Москвы, провели разведку и захватили здание театра. Однако это представляется маловероятным. Естественно, мысль о такой акции могла прийти в голову и обычным жителям Чечни, и какому-нибудь малоизвестному полевому командиру небольшого отряда. Но они не могли бы ее эффективно подготовить - даже командир среднего уровня не имел ни достаточных организационных и финансовых средств, ни соответствующих контактов в Москве. Почти наверняка он вынужден был обратиться к кому-то, кто разбирался в организации таких операций и кто мог бы ему помочь. Весьма правдоподобно, что это был именно Шамиль Басаев, который после потери ноги на минном поле под Грозным редко давал о себе знать. По другой теории, самому Басаеву пришла в голову мысль об организации очередной операции «в стиле Буденновска», и он приступил к поиску исполнителей. В заявлении,

сделанном через пару месяцев после теракта на Дубровке, Басаев написал, что это была спланированная им акция, а первоначально ее целью был захват Думы (нижняя палата парламента) и здания Совета Федерации (верхняя палата парламента). В доказательство он даже приводил точные данные, сколько шагов отделяет вход в Думу от лифтов в холле. Кроме того, Басаев заявил, что руководить операцией должен был кто-то другой; всего было отобрано четыре командира, но все они погибли, и в последний момент Басаев был вынужден передать руководство Мовсару Бараеву.

Террористы позже утверждали - в разговорах с заложниками и на сайтах Интернета - что подготовка операции длилась больше двух месяцев. Российская пресса («Московский комсомолец»), на основе утечек информации от спецслужб и прокуратуры, сообщала, что Абу Бакар, которого на самом деле звали Руслан Эльмурзаев, появился в Москве еще в начале 2002 года и тогда же приступил к организации террористической сети в российской столице.

Так или иначе, наверняка еще весной 2002 года руководители отдельных звеньев, которые должны были в будущем объединиться в террористическую группу, начали поиск подходящих людей. Таких руководителей звеньев было, вероятно, трое или четверо, и каждый из них имел множество отчаявшихся и униженных родственников и знакомых, жаждавших мести и готовых на смерть. Наверняка, каждый из руководителей звена (такие, как Аслан, который потом командовал на балконе, или Абу Бакар) лично встречался с выбранным кандидатом, человеком, у которого русские убили близких, и спрашивал, готов ли тот пойти с ним на дело. Возможно, участники операции, как писала об этом позже Политковская, сами обращались еще раньше к местному полковому командиру и только ждали сигнала. Наверняка, они происходили из разных районов Чечни и часто не были даже знакомы друг с другом.

- В Чечне существует такая традиция - каждый из командиров, планируя операцию, сам подбирает себе людей, - говорит Санобар Шерматова. - Люди соглашаются идти за конкретным человеком, которого они знают, которому доверяют. Но не знают, куда идут. О цели операции знал, думаю, только руководитель и кто-нибудь из его помощников. Поскольку отряд был разбит на несколько звеньев, каждое из них собиралось и готовилось отдельно. Несомненно, каждый из командиров несколько раз проводил тренировочные сборы своих людей. В ходе подготовки каждый из будущих террористов отрабатывал основные действия в зрительном зале, обучался использованию взрывных устройств, прикрепленных к поясам, и так далее. Но вся группа в полном составе не встречалась ни разу. Впрочем, такой необходимости и не было, а с точки зрения конспирации это было просто недопустимым. Поэтому заложники на Дубровке заметили, что некоторые террористы представлялись друг другу, вероятно встретившись впервые только на территории театра. По мнению Шерматовой, которой удалось собрать информацию о нескольких женщинах, принимавших участие в операции, по крайней мере одна из них не вошла бы в отряд Мовсара Бараева, если бы знала, что именно он будет руководить операцией.

- В свое время ее брат, Бауди Бакуев, занимался похищением людей, и его отношения с Арби Бараевым, дядей Мовсара, были, мягко говоря, напряженными, - рассказывает Шерматова. - Трудно представить, чтобы после гибели брата она могла пойти под командование человека, к которому он был враждебно настроен. Она приняла участие в акции, потому что думала, что идет с кем-то другим.

Вербовка и подготовка, по мнению Шерматовой, проходили не только в Чечне, но, вероятно, и в лагерях беженцев в Ингушетии и Баку, столице Азербайджана, где существует очень сильная чеченская диаспора и где значительно влияние исламских радикалов. Кроме того, некоторые женщины приняли участие в операции только потому, что там были их мужья. Как считает Шерматова, в отряде Бараева было немало ваххабитов, сторонников радикального исламизма.

Главные организаторы, которые сами не участвовали в походе на Москву, должны были разрешить еще несколько важных технических проблем. Одна из них - выбор объекта. Не исключено, что Басаев говорит правду, утверждая, что первоначально целью атаки были Дума и Совет Федерации. Но эти объекты расположены вблизи Кремля, на территории, охраняемой не обычной, до мозга костей коррумпированной милицией, а Федеральной службой безопасности, которая отвечает за безопасность важнейших государственных деятелей. При попытке прорваться в окрестности Кремля риск провала многократно возрастал.

Это касалось и Большого театра, расположенного практически рядом с Кремлем, Думы и Совета Федерации. Один из чеченцев в зрительном зале на Дубровке уверял, что они хотели захватить именно Большой театр, но, возможно, это была простая похвальба. В конце концов выбор пал на театр, практически не охраняемый, расположенный не в самом центре, примерно в километре на юг от знаменитого Садового кольца. Выбор же спектакля был своего рода символом: мюзикл - жанр особенно веселый. Бараев, как Басаев семь лет назад, хотел показать веселящейся, смеющейся, поющей Москве, что творится на их родине, как гибнут их братья.

Разведка явно не достигла цели - возможно, потому что организаторы акции боялись, что их обнаружат. Служебные помещения театра на Дубровке вообще не были обследованы, у чеченцев не было плана здания, они в нем просто терялись, о чем упоминает Васильев. Скрупулезное обследование театра до операции было бы, конечно, слишком рискованным, могло привлечь внимание. Чеченцы тщательно выбирали спектакль для атаки - посещали театры, где шли мюзиклы «Чикаго», «42-я улица» и «Норд-Ост». Зато подготовка снаряжения оказалась на уровне. Прежде всего, отряд Бараева был вооружен двумя фугасами, каждый с 152-миллиметровым артиллерийским снарядом внутри. За несколько часов до штурма десантников, уже в зрительном зале театра, оба взрывных устройства были соединены между собой так, чтобы их можно было взорвать одновременно. В сумме, по мнению специалистов ФСБ, сила взрыва была бы эквивалентной двадцати килограммам тротила.

Кроме того, в зрительном зале было еще двадцать пять самодельных взрывных устройств - двадцать два пояса шахидов и три стационарные мины (так называемые МОН-50) - две были укреплены на стульях на сцене, третья - на стене в конце зрительного зала под балконом. По мнению специалистов ФСБ, каждое из этих взрывных устройств содержало брикет пластида (материала на базе гексогена) и весило около двух килограмм (по другой версии, от 1, 8 до 2кг). Каждое из взрывных устройств содержало, кроме того, около килограмма металлических шариков.

Террористы имели также шестнадцать гранат типа «Ф-1» (так называемые «лимонки») и восемьдесят девять самодельных гранат, в массовом порядке изготавливаемых в подпольных оружейных мастерских в Чечне. Кроме того, у них были автоматы Калашникова с боеприпасами - более двух тысяч патронов (по данным прокуратуры, все автоматы калибра 5,45мм) и самодельный гранатомет.

Московские саперы высоко оценили бомбы, заготовленные террористами.

- Сработано на высоком профессиональном уровне, - отметил Владимир Еремин, заместитель начальника Института криминалистики ФСБ.

Не ясно, были ли взрывчатые вещества, оружие и боеприпасы привезены из Чечни или куплены в Москве. Наверняка, покупка такого количества оружия и взрывчатки в российской столице была бы слишком рискованна. По данным газеты «Известия», практически все криминальные группы, занимающиеся торговлей оружием и взрывчаткой, находятся под тщательным наблюдением ФСБ. Если кто-то пытается закупить крупную партию пластида (а в случае с Дубровкой это десятки килограмм), это сразу же привлекает внимание. Значительно проще купить оружие в Чечне, где оно доступно в практически неограниченных количествах.

Ахмед Закаев (один из ближайших сотрудников лидера сепаратистов Аслана Масхадова) сказал: «Пока российская армия в Чечне, у нас будет оружие, взрывчатка и боеприпасы, а пока будет пророссийское правительство и коррумпированные политики - у нас будут деньги». Его слова привел в разговоре со мной Асланбек Аслаханов, депутат российской Думы, чеченец по происхождению.

На Кавказе оружие не только достаточно просто купить, но его с легкостью можно доставить оттуда в Москву. Ежедневно по этому маршруту длиной около двух тысяч километров идут сотни автобусов и грузовиков. Скрыть в них взрывчатку и автоматы - не проблема, тем более что расставленные через каждые несколько километров стационарные милицейские посты, насквозь изъедены коррупцией. Каждый водитель автобуса, едущего из Чечни, Дагестана или Ингушетии в Москву, прекрасно знает ставку каждого из милицейских постов - сколько нужно собрать денег с пассажиров, чтобы милиционеры даже не заглянули внутрь.

Как сообщил «Московский комсомолец», три фугаса (два, которые попали в театр на Дубровке, и один, взорвавшийся в Москве несколькими днями раньше, 19 октября возле Макдоналдса), были привезены в российскую столицу в августе 2002 года на грузовике с арбузами.

Спецслужбам стоит обратить внимание на последний этап подготовки теракта, который - по мнению многих специалистов - был немислим без поддержки чеченской диаспоры в Москве. Появление около двадцати чеченцев должно было заинтересовать их земляков, живущих очень закрытой колонией, где все друг друга знают. Чтобы укрыть вновь прибывших земляков, нужно было заранее подготовить конспиративные квартиры. Многие говорят о том, что квартиры были арендованы в юго-восточной части города, чтобы машинам террористов по дороге на Дубровку не пришлось проезжать через центр и торчать в пробках. Одна из таких квартир находилась на Рязанском проспекте, одной из лучевых артерий из центра Москвы в сторону области, рядом с Волгоградским проспектом.

Московская милиция тщательно проверяет так называемую «регистрацию». Те, у кого ее нет, часто отправляются в отделения милиции «до выяснения». Но за соответствующую мзду - обычно пятьдесят долларов - эту проблему можно решить. За такие деньги работник паспортно-визового отдела готов выдать «регистрацию» любому. Кто-то из московской «группы поддержки» наверняка должен был обеспечить ее участникам операции;

по крайней мере, часть из них имела временную московскую регистрацию.

Один из моих собеседников предположил, что, если спецслужбы действительно не знали о готовящемся теракте и не взяли его под контроль, значит, у них нет ни одного агента в насчитывающей несколько десятков тысяч человек чеченской диаспоре, то есть властям ничего неизвестно о том, что происходит в чеченской колонии в Москве.

Однако значительно более любопытным кажется предположение, что органы безопасности контролировали подготовку операции и позволили ее провести. К этому предположению я еще вернусь в конце книги.

Люди Бараева попали в Москву тем же путем, что и оружие. Они отправились в столицу, когда все уже было подготовлено. Следствие определило по автобусным и железнодорожным билетам, найденным в карманах и вещах террористов, что они прибыли в Москву примерно 17 октября, хотя одна из женщин приехала только 23-го утром. Мовсар Бараев и, вероятно, еще несколько его подчиненных приехали 17 октября из города Минеральные Воды. Однако большая часть его отряда добиралась автобусами из Хасавюрта и Махачкалы (Дагестан), изображая торговцев, едущих за товаром на московские рынки. И действительно, на обратной стороне билетов кто-то одним и тем же почерком написал: «Сбор 21 октября в Лужниках», на знаменитом стадионе, который, как и стадион Десятилетия в Варшаве, превратился в гигантский рынок. Нет никаких сомнений, что некоторые члены группы прибыли раньше и принимали участие в подготовке теракта.

Сами террористы в разговорах с заложниками сообщали иногда нечто совсем уж загадочное и непонятное.

- Одна из чеченок сказала нам, что они двадцать один день пробирались по лесу, - вспоминает заложница Ирина Филиппова.

Что это - только метафора? Или правда? Или просто шутка?

В Москву, вероятно, добирались парами или тройками, по всем правилам конспирации. Кто-то планировавший их выезд, позаботился и о том, чтобы они ехали разными автобусами и поездами, и о том, конечно же, чтобы при них не было ничего компрометирующего.

У некоторых были заранее изготовленные российские паспорта на чужие фамилии, с несуществующими адресами постоянного местожительства. Экспертиза показала, что документы эти не подделывались в подпольных типографиях, их выдавали абсолютно легально. Например, заместитель Мовсара Бараева, Абу Бакар, настоящее имя которого Руслан Эльмурзаев, имел целых два паспорта - один на имя Али Алиева, другой на имя Фуада Хунова. Как утверждает прокуратура, Фуад Хунов, житель Карачаево-Черкесии, одной из малых кавказских республик, умер в 2001 году. Несколькими месяцами позже сотрудница паспортного стола в небольшой деревушке Кубина, где жил Хунов, по просьбе знакомых чеченцев за пять тысяч рублей выписала новый паспорт на фамилию умершего, но с фотографией Абу Бакара. Новые документы моментально попали в руки Эльмурзаева, который заплатил за них уже пятьсот долларов.

А в паспорте на фамилию Али Алиева, выданном в Дагестане, было записано, что он постоянно проживает в Махачкале на улице Комарова, 12 А, кв. 33. Оказалось, однако, что такого дома нет - улица заканчивается номером 12, нет и квартиры 33. А местные жители никогда не слышали об Али Алиеве.

Операцией руководил, во всяком случае все время выступал в этой роли (о некоторых сомнениях позже), - Мовсар Бараев. И у него был при себе неподдельный, выданный совершенно легально, паспорт, естественно, фальшивый, на имя Шамильхаджи

Ахматханова, родившегося 19 октября 1970 года. Добавленное к этому имени слово «хаджи» означает, что человек совершил хадж, то есть обязательное для каждого мусульманина паломничество в Мекку. На самом же деле его фамилия Саламов или Сулейменов (русская пресса давала разные варианты). По фальшивому паспорту выходило, что ему тридцать два года и что день рождения он отпраздновал ровно за четыре дня до операции на Дубровке. Но это неправда. Большинство источников утверждает, что Мовсару Бараеву было всего лет двадцать пять (некоторые даже утверждают, что двадцать три). И до теракта в Москве о нем практически никто не слышал.

Зато хорошо всем был известен его дядя, стяжавший дурную славу, Арби Бараев, имя которого с ужасом повторяли далеко за пределами Кавказа. Мовсар был сыном его родной сестры. Во время первой чеченской войны Арби Бараев был в составе охраны Зелимхана Яндарбиева, который, после смерти президента Чечни Джохара Дудаева в апреле 1996 года, исполнял его обязанности. По слухам, президент получал значительные финансовые субсидии из-за границы, из арабских стран, и часть этих денег якобы передал Арби на организацию Исламского полка особого назначения. В Чечне говорили, что Яндарбиев и Бараев были яркими сторонниками ваххабизма. В настоящее время Яндарбиев живет с семьей на вилле в одном из элегантных районов Дохи, столицы Катара.

Вскоре после войны Бараев стал одним из наиболее известных чеченцев, но это была дурная слава. Считается, что это он похитил в 1997 году трех журналистов НТВ, среди которых была популярная корреспондентка Елена Масюк. В 1998 году похитил, а затем убил или приказал убить (мы уже об этом писали раньше) трех британцев и новозеландца из компании «Грэнджер телеком». Бараев прославился исключительной жестокостью, что всегда позволяло ему выторговывать солидный выкуп.

Арби Бараев был беспощадным, а вот его дальние родственники (и одновременно дальние родственники Мовсара) прославились в качестве недалёковидных героев шумной «частной» операции, целью которой было освобождение похищенного ими заложника. Напортачили, как могли, и с ними расправились по беспощадному закону гор, не по уголовному кодексу.

Магомет Келигов, житель ингушского городка Мальгобек, был похищен 15 сентября 1998 года бандой Ризвана Бараева. Ризван и его брат Аслан были дальними родственниками Арби Бараева и в свое время служили в его отряде. В какой-то момент они решили действовать самостоятельно и собрали собственную банду. Похищенный не был, однако, рядовым жителем Ингушетии - его богатый брат Мусса Келигов был вице-президентом крупнейшей российской нефтяной компании «Лукойл». Именно на его деньги позарились похитители.

Узнав о похищении брата, Муса Келигов подал заявление о временной отставке с должности - не хотел, чтобы в связи с его планами у фирмы возникли проблемы. Ему потребовалось несколько месяцев, чтобы точно установить, в чьих руках оказался его брат. Похитители угрожали, что освободят его не меньше чем за пять миллионов долларов, однако существовала реальная опасность, что заложника могут убить.

Вероятно, при помощи спецслужб Ингушетии, Муса Келигов создал из мужчин своего рода специальную боевую группу, получившую задание освободить родственника. Но Бараевы скрывались в ваххабитской крепости Урус-Мартан, в которую даже люди президента Аслана Масхадова боялись заглядывать; под крылом ваххабитов Бараевы чувствовали себя в безопасности. Люди Келигова долго выжидали подходящего случая.

Летом 1999 года Келигов, наконец, получил информацию, что похитители выехали из Урус-Мартана в Гойское, другое чеченское селение. «Семейный» спецотряд немедленно был переброшен в Чечню, где устроил засаду на пути возвращения бандитов. Похитители на трех машинах попали в засаду. Бой был недолгим - люди Келигова застрелили семерых бандитов, пятерых ранили. На месте побоища нашли тяжело раненного Ризвана, который вскоре умер. Его и Аслана, тоже мертвого, отвезли в Ингушетию. Остатки банды, потрясенные смертью главаря, после недолгих переговоров обменяли Магомета Келигова на тела братьев Бараевых. Но провал двоюродных братьев не подорвал славы Арби Бараева. Со временем его имя стало своеобразным торговым брэндом. Ему уже не нужно было самому похищать людей, он давал напрокат свое «устрашающее» имя другим, более мелким похитителям и брал за это процент от выкупа, - говорят, это значительно ускорило выплату денег.

В похищениях людей его обвиняли не только русские, но и люди президента Аслана Масхадова. Ничего удивительного - вскоре после окончания первой чеченской войны умеренный, светский Масхадов и приверженец законов Корана, профессионального государства Бараев стали смертельными врагами. Арби, полномочный правитель в своем родном селении Алхан-Кала, пытался в 1998 году захватить власть в Гудермесе, втором по величине населенном пункте в Чечне. Бунт, однако, был подавлен отрядами Масхадова. Президент понизил Бараева из генералов в рядовые и, кроме того, приказал расформировать Исламский полк. Арби не обратил на это никакого внимания и оружия не сложил. Через год власти в Грозном обвинили его в неудачном покушении на Масхадова. Об исключительно неуживчивом духе Бараева свидетельствовало то, что он был дважды ранен в столкновениях с другими чеченскими отрядами (последний раз он был тяжело ранен в июне 1999 года).

Мало этого, в Чечне кружили упорные слухи, что Арби Бараев был агентом российских спецслужб.

- Было понятно, что у Бараева близкие контакты с российскими спецслужбами и прекрасные документы на руках, - утверждает Санобар Шерматова. - Неизвестно, купил ли он их за деньги, или получил за какие-то заслуги. Зато известно, что, когда он проезжал через российские блокпосты, солдаты отдавали ему честь. Уже во время второй мировой войны он дважды женился и два раза играл шумные свадьбы в своем селении Алхан-Кала. И все это в каких-нибудь десяти километрах от Грозного, где были сосредоточены огромные силы российских войск.

Официально российские спецслужбы упорно разыскивали Бараева, и летом 2001 года заявили, что он попал в засаду и убит. По официальной версии, Бараев погиб в результате специальной операции российских десантников. Неофициально, однако, говорят, что с ним расправились родственники его жертв, что это была родовая месть - по чеченской традиции родные обязаны отомстить за смерть близкого. Убийца должен заплатить кровью за пролитую кровь. Только после смерти оказалось, насколько его все ненавидели. Похоронную процессию с его телом жители Алхан-Калы, столько натерпевшиеся от него, не впустили в село. Не удалось похоронить его на местном кладбище, что является тяжелейшим нарушением чеченских традиций.

И только тогда на сцене появился Мовсар Сулейменов. Он был из другого чеченского селения - Мескер-Юрта; жена одного из жителей села была сестрой Арби. Мовсар, по праву одного из ближайших родственников, принял командование Исламским полком и

взял фамилию Бараев - может быть, именно потому, что стала она известной фирменной маркой. В конце концов, Сулейменова не знал никто, а имя Бараева всех повергало в ужас. Позже на сайте чеченских сепаратистов неоднократно появлялись сообщения Мовсара Бараева об удачных операциях «моджахедов из Исламского полка против оккупантов». Специалисты, однако, утверждают, что Мовсар не имел ни достаточного авторитета, ни, прежде всего, денег, чтобы содержать большой отряд. Но даже небольшие вылазки против русских, на которые он был, несомненно, способен, привели к тому, что российские спецслужбы обратили на него внимание. Между летом 2001 года, когда он возглавил Исламский полк, и осенью 2002 года, когда захватил театр на Дубровке, он дважды «погибал» в стычках с российскими частями. Так, во всяком случае, сообщали российские спецслужбы. Во второй раз его «убили» 12 октября 2002 года, а газета с сообщением о его смерти появилась в Чечне 19 октября, когда Бараев был уже в Москве. Несколько раньше появлялась информация о том, что в сентябре Мовсар Бараев был арестован россиянами. Сторонники «теории заговора», по мнению которых за нападением на театр стояли российские спецслужбы, уверены, что это лучшее доказательство их правоты. Я в этом не убежден.

Мог ли такой человек руководить сложной и требующей большого опыта операцией, в ходе которой нужно было не только захватить театр и взять заложников, но и вести сложнейшие переговоры с российскими властями и решать, на какие уступки можно идти? Есть большие сомнения по этому поводу, особенно если учесть прошедшую в прессе информацию, что Мовсар окончил всего три класса начальной школы, что в истерзанной многолетней войной Чечне было явлением вполне обыденным.

Санобар Шерматова считает, что Бараев, благодаря известной фамилии, мог служить только вывеской, а на самом деле операцией руководил Абу Бакар; того же мнения придерживается и «Московский комсомолец». Шерматова также утверждает, что она тщательно проанализировала пленки с записью интервью Бараева телевидению НТВ во время теракта на Дубровке и обратила внимание на то, что совсем рядом с ним сидит Абу Бакар, который шепотом на чеченском языке подсказывает ответы на вопросы журналиста! Например, на вопрос, по чьему приказу они приехали в Москву, Бараев отвечает: «По приказу нашего верховного эмира Шамиля Басаева». А Абу Бакар в это время шепчет: «Скажи о президенте!» И Мовсар послушно добавляет: «И президента Аслана Масхадова».

Корреспондент НТВ Сергей Дедюх, который брал это интервью, сказал потом, что Бараев производил впечатление неотесанного, «деревенщины», что у него были проблемы с точными, исчерпывающими ответами на вопросы.

Пренебрежительно отзываются об интеллектуальных способностях Бараева и переговорщики, которые входили в театр во время драмы на Дубровке. Политковская добавляет, что детали требований террористов она согласовывала только с Абу Бакаром, который во многих ситуациях вел себя как реальный командир.

Как утверждают заложники (в частности, Ирина Филиппова), между Абу Бакаром и Бараевым несколько раз дело доходило до стычек по поводу принимаемых решений. Кроме того, на пленке с видеозаписью, которую делал внутри театра один из террористов, видно, как Бараев просит высказаться Абу Бакара, потому что это именно он «заварил эту кашу».

Об Абу Бакаре, а точнее, о Руслане Эльмурзаеве, известно очень немного. Ему было немного за тридцать, родился в Урус-Мартане, оплоте ваххабизма и таких известных

охотников за головами, как братья Ахмадовы. По одному паспорту, на имя Алиева, он родился 1 мая 1965 года, по другому - на имя Хунова - 13 декабря 1964 года. Хорошо сложен. Как утверждают заложники и Политковская, был спокойным, сдержанным и производил впечатление человека с большим опытом.

«Московский комсомолец», опубликовавший огромный материал о захвате театра, утверждает, что подготовку к целой серии террористических актов в Москве и нападению на театр на Дубровке Абу Бакар начал еще в начале 2002 года. Его близкий сотрудник отправил в августе 2002 года с Кавказа в Москву грузовик с арбузами, под которыми были укрыты три мощных фугаса - один из них взорвался потом рядом с Макдоналдсом, два заложили в зрительном зале театра.

По данным газеты, Абу Бакар планировал потрясти Москву одновременно несколькими громкими террористическими актами. Началось 19 октября 2002 года с атаки на Макдоналдс рядом со станцией метро Юго-Западная. Бомба была заложена в машину, припаркованную рядом с рестораном, а детонатор с часовым механизмом был поставлен на семь часов вечера - в это время на улице больше всего народу. Взрыв прогремел значительно раньше, поэтому погиб только один человек и около десяти были ранены.

Следующий взрыв должен был помочь террористам спокойно занять здание на Дубровке. Абу Бакар запланировал, что 23 октября в семь часов вечера машина-ловушка взорвется перед входом в зал имени Чайковского, одного из самых популярных концертных залов Москвы. И туда тут же съедутся все руководители спецслужб. Однако, по неизвестной причине, бомба в машине не взорвалась. Ее обнаружили через несколько дней.

Третьим в отряде, несомненно, был Ясир, часто называемый Идрисом. Видимо, это его конспиративное имя, потому что паспорт у него был на имя Идриса Алхазурова, прописанного в Грозном на улице Каменщиков. По данным следствия, паспорт принадлежал реальному Идрису Алхазурову, который отдал его в 1994 году одному из сотрудников паспортного стола чеченской столицы. И обратно не получил.

Ясир был арабом, выходцем из одной из арабских стран или Палестины. Не исключено, что он приехал в Россию на учебу и окончил курсы русского языка. Во всяком случае, он прекрасно говорил по-русски с легким арабским акцентом и редкими грамматическими ошибками. Стоит отметить, что по-чеченски он, видимо, не говорил - во всяком случае, с другими чеченцами общался на русском языке. Не говорил он и по-английски.

Учительница английского, Ирина Филиппова, утверждает, что он знал только несколько простейших фраз. Прокуратура считает, что он говорил по-арабски и по-турецки. Именно Ясир, через несколько часов после захвата театра, задавал со сцены вопрос, есть ли в зале люди, исповедующие ислам и иностранцы. И это именно Ясир первым вошел в зал и вскочил на сцену, выстрелом давая сигнал к началу операции.

Следователи считают, что Ясир был своего рода идеологом и политическим комиссаром отряда Бараева. По мнению заложников, это он первым стал молиться на сцене, прекрасно поставленным голосом нараспев читая молитвы и отбивая поклоны в сторону Мекки.

В Чечне воюет много арабских добровольцев, некоторые имеют собственные отряды и благодаря отличным контактам в странах Ближнего Востока и среди радикальных исламских организаций, которые их финансируют, обладают большим влиянием.

Возможно, таким образом, что в организации акции принимал участие кто-то из арабских командиров, и Ясир был его представителем или представлял «арабское крыло» чеченского движения сопротивления.

По рассказу Марка Подлесного, Ясир ни сам никому не отдавал приказов, ни исполнял приказов других, в определенном смысле он был вне структуры отряда.

Об остальных мужчинах из отряда мы практически ничего не знаем.

Самому молодому, как следует из неполного списка террористов, опубликованного в российской прессе, Ахмету Ахмедову было девятнадцать лет, самому старшему - Лечу Тагирову - сорок восемь. Средний возраст остальных - около тридцати. Следователи не нашли в их карманах почти ничего, кроме паспортов. Только у Усмана Татаева (тридцать два года), вероятно отвечавшего за транспорт, были при себе доверенности, на основании которых террористы купили или арендовали микроавтобусы. Была у него и доверенность на управление «Ладой-21099». У Турпала Хамзатова (двадцать четыре года) нашли в кармане удостоверение спортивного клуба «Вайнах» в Грозном, из которого следовало, что он был боксером. У Магомеда Шидаева (27 лет) была справка с места работы - базы снабжения Минтопэнерго, - на которой ручкой было записано «Ваги Ахмедов, Американско-Азербайджанский аналитический центр (может, он был как-то связан с Ахметом Ахмедовым, девятнадцатилетним бойцом отряда?)».

Немного больше известно о женщинах, участвовавших в операции (большинство информации взято из статьи Санобар Шерматовой в «Московских новостях»). В соответствии с опубликованным списком самой старшей из террористок было сорок три года, младшей - шестнадцать. Считается, что в команде находилась и Зура Бараева, вдова Арби и тетка Мовсара. По неподтвержденным данным, именно она сидела рядом с бомбой в партере. Она ни разу не открыла лица, даже пила, приподнимая только краешек чадры. Кроме нее, как утверждала российская пресса, в отряде были также вдовы других печально знаменитых торговцев живым товаром, уничтоженных спецслужбами, братьев Ахмадовых, Зелিমхана и Ризвана. Трудно сказать, правда ли это, скорее похоже на пропагандистскую уловку.

Зато почти точно в зале театра на Дубровке находилась двадцатилетняя Айшат Бакуева (которую также называли Элиной), сестра еще одного похитителя людей, чеченского генерала Бауди Бакуева. Айшат была родом из станицы Ильинка. Как утверждают «Московские новости», погибли все четверо ее братьев. Однако Бауди Бакуев враждовал с Арби Бараевым (о чем я уже упоминал), и поэтому не до конца ясно, как Айшат попала в отряд, которым руководил его племянник Мовсар Бараев.

На Бакуева возлагается вина за похищение двух представителей России в Чечне - Валентина Власова и генерала МВД Геннадия Шпигуна. По неподтвержденной информации, российские власти отказались платить выкуп за Шпигуна, и генерал был убит. Не исключено также, что именно Бакуев приложил руку к похищению французского фоторепортера Бриса Флетье, о котором я уже тоже упоминал. Бакуев был последним полевым командиром, с которым встречался француз, именно ему Брис обещал, что посетит Грозный.

Как утверждает Шерматова, Бакуев сильно отличался от своих «коллег по профессии». Не проявлял жестокости по отношению к похищенным, получив выкуп, раздавал часть денег в трех селах, находящихся под его контролем: Петровское, Ильинка и Долинск. Например, после освобождения Власова, представителя российского президента в Чечне (ходили слухи о сумме от трех до семи миллионов долларов), люди Бакуева раздавали по сто долларов каждой семье.

Бакуев был убит 9 октября 2002 года в ходе операции десантников ГРУ, за два года до нападения террористов на Дубровку. Вскоре после его смерти погибли два его брата,

Аслан и Идрис, и муж сестры Зареты, которая вскоре после трагедии и сама умерла от сердечного приступа. Последний брат Бауди, пятнадцатилетний Дауд, был арестован федеральными войсками и чеченским ОМОНОм в тот момент, когда он устанавливал мощный фугас на северной окраине Грозного. Семье не удалось даже забрать его тело, что в Чечне считается большим горем. Таким образом, от большой семьи остались только две женщины - Айшат и ее мать Дату. Соседи отметили, что Айшат не плакала на похоронах и не ходила на могилы родственников. Они решили, что она стала ваххабиткой. Сторонники этого движения не уважают старших и родных, утверждают, что только они и являются правоверными мусульманами, отвергая чеченские традиции, как не совместимые с исламом - пишет Шерматова.

Айшат держала в Грозном небольшую аптеку, точнее говоря, киоск с лекарствами, сама часто привозила медикаменты из разных районов Кавказа, что, естественно, давало ей возможность выполнять разные поручения ваххабитов. Осенью 2002 года она неожиданно продала свой киоск подруге, сказав, что собирается ехать в Москву и там попытаться счастья в бизнесе. Месяцем позже соседи опознали Айшат Бакуеву среди убитых в театре женщин в черных одеждах. Соседи же утверждали, что Айшат очень дружила с Амнат Исуевой, еще раньше вышедшей замуж и уехавшей в соседнее селение Петропавловское. Муж Амнат умер во время первой чеченской кампании от воспаления легких. У них было три дочери. Молодой вдове помогали друзья мужа, которые позже стали известными лидерами ваххабитов и вовлекли Амнат в радикальный исламский джамаат (исламская община). Однако когда свекровь, мать умершего мужа Амнат, узнала, что та стала последовательницей радикального ислама, она забрала у нее детей и запретила с ними общаться. В октябре 2002 года Амнат приехала в Петропавловское, чтобы попрощаться с дочерьми перед отъездом, но свекровь не захотела с ней даже разговаривать. Тогда Амнат пошла на хитрость - попросила школьную учительницу передать старшей дочери письмо. В письме она сообщала, что снова выходит замуж, что ждет ребенка и у девочек скоро появится братик. Обещала скоро вернуться, писала, что они будут жить нормально и счастливо. Не было ни намека на то, что она готовится к гибели. По неподтвержденным данным, будущий муж Амнат тоже участвовал в теракте на Дубровке.

Секилат Алиева и Мариам Хаджиева были ровесницами, подругами и к тому же стали родственницами - Мариам вышла замуж за Мовсара, брата Секилат. Семья Алиевых считалась ваххабитами. Мовсар и Мариам недолго наслаждались семейным счастьем. Двадцатидвухлетний Мовсар погиб в бою с русскими. Вместе с ним погибло сорок пять бойцов отряда, которым командовал арабский командир Абу Бакар. Смерть брата сильно повлияла на Секилат. Она стала жаловаться на боли в сердце и вскоре поехала на лечение в Баку, столицу Азербайджана, подальше от войны. До этого времени Секилат мало имела общего с радикальным исламом; девушка училась на актерском факультете Грозненского университета, записалась на курсы Международного университета бизнеса, ходила на занятия клуба танцев. Ее мать, Гузан, утверждает, что она была очень способная, всегда все экзамены сдавала на «отлично».

Но она занималась и в исламском университете. И похоже, ислам стал играть в ее жизни все большую роль. Прощаясь в последний раз с матерью перед очередной поездкой в Баку, пообещала, что обеспечит ей место в раю. Гузан не обратила внимания на ее слова и, услышав по телевидению о драме на Дубровке, порадовалась, что ее дочь далеко оттуда. Значительно больше беспокоила ее невестка, Мариам Хаджиева, которая оставила

ей внука, сына Мовсара, и уехала в неизвестном направлении. Гузан даже подумала, что Мариам может быть там, в отряде, который захватил театр в Москве.

- Она услышала, что был штурм, но не могла включить у себя телевизор, так как в комнате муж разговаривал с каким-то мужчиной, - рассказывает Шерматова. - Пошла к соседке.

Сначала на фотографиях среди убитых террористок увидела невестку. Но промолчала. Не хотела выдать себя соседке. В Чечне, где полно шпионов и доносчиков, никто не рассказывает, куда уехал кто-то из членов семьи. Поэтому до сих пор так мало известно о членах отряда Бараева. Вскрикнула Гузан, только когда увидела дочь, Секилат, - она сидела в кресле, наклонившись вперед, опершись головой на руки. Вернувшись домой, она молча ушла в свою комнату - ведь в доме был гость. Только когда мужчина ушел, муж спросил: «Ну что ты там увидела?» Она ответила: «Видела наших девочек. Обе погибли». Две сестры, Кока и Аймани Курбановы, жили в деревне Старая Сунжа в пригороде Грозного. Их семья переехала в Чечню из Ростовской области в 1991 году. Вскоре после окончания школы Кока пошла учиться в исламский институт и попросила, чтобы ее называли именем из Корана - Раяна. Тогда же она стала носить чадру.

Ее подруги до сих пор не верят, что тихая, благочестивая девушка могла отправиться с террористами в Москву. Хотя одна из них утверждает, что очень впечатлительная Раяна тяжело пережила смерть брата, который не был партизаном, просто попал в ходе зачистки в руки федералов. Через некоторое время нашли его тело со следами пыток. Летом 2002 года, за несколько месяцев до операции в Москве, обе сестры вышли замуж.

Избранниками обеих стали ваххабиты, причем один - из дагестанского джамаата.

Поскольку мужья отправились в Москву для участия в теракте, сестры пошли с ними. По данным Шерматовой, обе были в положении. Их родители, узнавшие детей среди показанных по телевидению террористок, немедленно покинули свои дома и уехали в неизвестном направлении.

Не все рассказанное Шерматовой совпадает со сведениями из списка террористов, «утечку» которого организовала прокуратура. Попробуем сравнить:

В соответствии со списком Айшат Бакуевой было не двадцать шесть, а тридцать четыре, и звали ее Луиза.

Секилат Алиева (2 января 1977г.р.) в паспорте имела прописку: Грозный, ул. Садовская; место работы - ассистент на кафедре истории Чеченского университета.

Из найденных документов следует также, что актерской профессии обучалась не она, а Мадина Дугаева (13 января 1978г.р.), бывшая даже ассистенткой на кафедре актерского мастерства. У Мадины нашли две открытки (Любимой сестре Мадине от любимой, единственной и неповторимой сестры Иман... 27.04.01 и Всего самого лучшего в твой день рождения, счастья. Амин и мама. 13.01.02). Кроме того, у Мадины в паспорте лежали четырнадцать фотографий, на которых сняты ее ученики на фоне руин, и пожилая женщина, может быть мать, за стиркой. Трудно себе представить, что почти двадцатипятилетняя женщина идет на смерть и берет с собой такие фотографии.

Шерматова пишет также о двух сестрах Коке и Айман Курбановых, но в списке террористов, опубликованном российскими газетами, есть сестры Кока и Айман Хаджиевы (одна из них родилась 9 апреля 1976 года, вторая - 26 июля 1974 года). Со слов Шерматовой, одна из сестер сменила имя на Раяна. В списке прокуратуры действительно есть Райнан Курбатова, но ничто не указывает на то, что она как-то связана с сестрами. Кроме того, она больше чем на шесть лет старше (родилась 18 февраля 1964 года).

Несмотря на эти неточности, имевшие хождение в Чечне и опубликованные в «Московских новостях», данные представляются достаточно правдоподобными. Была еще одна «женщина с Дубровки», Асет Гишлуркаева, написали о ней журналисты немецкой газеты «Ди Тагесцайтунг». Вот пересказ этой истории: Знакомые утверждают, что Ася, как ее называли, была умной, веселой, всегда со всей душой отдавалась тому, чем занималась. Получила филологическое образование, в своем селе Ачхой-Мартан занялась пекарней, превратила ее в процветающее предприятие. Однако затем бросила это занятие, вышла замуж за ваххабита. Вскоре после свадьбы ее муж ушел в горы, чтобы бороться с оружием в руках, и погиб в одном из боев. Потом федеральные войска задержали ее брата, и он пропал без слуху без духу. В октябре 2002 года Ася сказала знакомым, что едет в больницу в Ростов-на-Дону на обследование. Через несколько дней знакомые увидели ее по телевидению - мертвую.

В рассказе этом не было каких-то подробностей о семье террористки, однако меньше чем через неделю после того, как театр на Дубровке взяли российские десантники, в Ачхой-Мартане взлетел на воздух дом шестидесятидвухлетней Зуры Гишлуркаевой. Около трех часов ночи в дом ворвались русские и спросили, где мужчины. Когда женщина ответила, что они зарабатывают деньги в России, десантники забрали двух женщин и двух мальчиков - десяти месяцев и четырех лет - и увезли на грузовиках за несколько километров от Ачхой-Мартана. По дороге Зура Гишлуркаева услышала два мощных взрыва. Оказалось, что взрывы были настолько сильными, что не только сравняли с землей ее дом, но и снесли крыши и повывивали окна в соседних домах в радиусе нескольких сотен метров. Это была месть русских за Дубровку, месть в ближневосточном стиле.

Беседуя с бывшими заложниками, я расспрашивал обо всех подробностях, касающихся террористов. Я пытался таким образом «оживить» известные по списку имена, собрать воедино мозаику кружащих по Чечне историй. Удалось мне это сделать как раз только в отношении Асет Гишлуркаевой, которую другие члены отряда называли Асей. С ней контактировала учительница Виктория Кругликова. Ася дежурила в партере с правой стороны, рядом с выходом. Кругликова запомнила, что женщина упоминала об оставленном в Чечне сыночке, которому не было и года. Почти не вызывает сомнений, что десятимесячный мальчик, выброшенный ночью российским спецназом из дома, - сын Асет. Судя по возрасту, родился он где-то в декабре 2001 года.

Сестра Кругликовой, Ирина Фадеева, сказала даже в какой-то момент, что, если они выживут в теракте, а с Асей что-нибудь случится, она поедет в Чечню и возьмет мальчика на воспитание. К контактам Аси Гишлуркаевой и Виктории Кругликовой я еще вернусь позднее.

Дискуссии по поводу того, были ли члены террористической группы готовы на смерть и хотели ли они взорвать себя, шли во время оккупации театра, после финала драмы и не стихают до сих пор. Террористы якобы сказали Анне Политковской, что, даже если власти выполнят их требования и все заложники будут освобождены, они добровольно не уйдут, будут сражаться внутри театра и погибнут. Но постараются при этом убить как можно больше русских.

Многие заложники, наблюдая за террористами, пришли к выводу, что на смерть были готовы только женщины, в отличие от мужчин. Они догадывались, что у мужчин был какой-то план побега, а вот женщины были полны решимости взорваться.

- В собранных мной материалах, есть детали, свидетельствующие о том, что только одна из женщин, о которых я писала, была готова идти на смерть, - возражает Шерматова. - Остальные вовсе не собирались умирать, то есть они считали, что смогут сбежать и спастись, как в Буденновске и Кизляре.

Глава 7

Практически сразу после «программного» выступления Бараева Ясир спросил, вероятно по-арабски и по-турецки, есть ли в зале мусульмане. Бараев, уже по-русски, добавил: «А грузины есть?», а стоящий рядом с ним Ясир весело крикнул: «И другие иностранцы!» Террористы неоднократно повторяли, что собираются выпустить всех граждан стран, с которым они не воюют, всех, кроме русских. Они намеривались выдавать иностранцев лично послам тех стран, гражданами которых были заложники. Хотели воспользоваться случаем и объяснить дипломатам, какую жестокую войну ведут в их республике россияне. Планировали таким образом попросить поддержки и помощи в прекращении военных действий. А выпущенные заложники должны были рассказывать, как гуманно с ними обходились захватчики. Наверняка, журналисты во всем мире рвались бы заполучить такое интервью.

Среди иностранцев оказалось много этнических русских с украинскими, казахскими или белорусскими паспортами. Чеченцам это не мешало - формально это были люди, никоим образом не связанные с российским правительством, против которого они воевали. Таких тоже планировали отпустить в первую очередь. Чтобы отделить иностранцев от россиян, террористы устроили проверку паспортов.

Документы иностранцев проверял один из главных помощников Бараева, Абу Бакар - высокий, крепкий и очень спокойный. Именно это излучаемое им спокойствие убеждало, что террорист - человек опытный, уверенный в себе и своих силах.

Абу Бакар стоял в проходе перед сценой, а каждый иностранец должен был подойти к нему и показать паспорт. Тех, кто прошел проверку документов, террористы сажали в последние ряды зрительного зала, под балкон, поэтому позже появились слухи, что чеченцы освободили мусульман и иностранцев - ведь сидящие на балконе заложники не могли видеть, что с ними сделали. На самом же деле практически все зрители-иностранцы были освобождены, как и остальные заложники, только во время штурма спецподразделений. Они полностью разделили участь остальных зрителей - из семидесяти пяти человек, усаженных в «сектор для зарубежных гостей», погибло восемь.

Среди русских, которых планировали отпустить раньше других, оказалась и Ирина Филиппова - гражданка России, удачно сыгравшая канадку.

Филиппова преподает в известной школе английского языка English First, точнее, в ее московском филиале. По-английски говорит в совершенстве. В тот вечер, несмотря на занятость, выбралась на спектакль в театр на Дубровке, в обществе своего друга Веселина Неткова, болгарина, несколько лет уже живущего в Канаде.

- Веселин тихонько спросил меня, правильно ли будет, если он признается, что он иностранец, - рассказывает Ирина Филиппова, худенькая блондинка около тридцати. - Немного поколебавшись, встал и подошел к Абу Бакару. Тот покивал головой, изучив паспорт. Веселин вернулся ко мне, в шестнадцатый ряд, сказав им, что ему надо забрать вещи. И не успела я и слова вымолвить, как он схватил меня за руку и потащил к этому чеченцу. Встал перед Абу Бакаром и говорит: «Это моя жена, канадка, она не говорит по-русски». А я думаю - Боже, во что он нас впутывает, какая-нибудь мелочь может меня выдать, даже православный крестик, который я ношу на шее. Только потом вспомнила,

что крестик остался дома. Никогда я его не снимала, а тут в душе оставила. «А где ее паспорт?» - спрашивает Абу Бакар. «А паспорт в милиции, ей же нужно было зарегистрировать пребывание, это занимает несколько дней», - не задумываясь, заявляет Веселин. Тут вдруг возникли проблемы, - говорит Ирина. - Подошел еще один партизан, видимо заинтригованный долгой дискуссией, и я поняла, что они сейчас устроят целый консилиум. Спрашиваю по-английски у Веселина: «Что происходит, чего хотят эти люди?» И тогда они нас пропустили, - она триумфально улыбается. - Посадили в предпоследний ряд.

Все говорило о том, что их в ближайшие часы выпустят, но конечно не ночью.

Террористы явно опасались темноты.

- Один из них так и сказал: «Будем вас выпускать на рассвете, когда станет светло, - говорит Филиппова. - Иначе российские спецслужбы вас расстреляют, а свалят на нас». И началась дискуссия, когда в Москве в конце октября рассветает. Мы решили, что в девять. Абу Бакар согласился: «Ладно, пусть будет в девять».

Несмотря на предоставлявшийся шанс освобождения, не все зрители с зарубежными паспортами решились прибегнуть к этому способу. Были и такие, которые боялись какого-то подвоха со стороны террористов.

- Не все признались, потому что не верили им, - говорит Филиппова. - Никто не знал, зачем они отбирают иностранцев. Я тоже не верила, что нас выпустят. Это же была такая смачная наживка для мировой прессы. Если бы они выпустили иностранцев, никого бы уже не интересовало, как русские разрешат проблему и как будут потом объясняться. Но для некоторых предъявление зарубежного паспорта означало бы еще и разлуку с близкими.

- В какой-то момент я сел рядом с двумя нашими оркестрантами, - рассказывает Васильев.

- Евгений Кочет - гражданин Украины, и его жена Александра - россиянка. Женщина всеми способами пыталась убедить его показать паспорт, могли бы его выпустить. Она прямо-таки гнала его на свободу. А он не хотел уходить. Эта драма разыгралась на моих глазах. Позднее, во время штурма, Женя Кочет погиб. А с другой стороны от меня, - продолжает Васильев, - сидела английская семья - муж, жена и взрослый сын. Пожилого мужчину передергивали конвульсии. Я утешал его как мог. Кажется, он был серьезно болен. И в конце концов его, как больного, освободили. Он встал и вышел, даже не оглянувшись на семью.

Террористы объявили также, что домой смогут спокойно уйти чеченцы и люди, исповедующие ислам. Тут же подали голос трое азербайджанцев - мужчина и две женщины. Мужчина заявил, что занимает высокую и очень влиятельную должность в Азербайджанских авиалиниях - является одним из директоров московского бюро фирмы и террористы должны освободить его себе во благо. Однако связи азербайджанца не произвели на чеченцев никакого впечатления, что было с их стороны ошибкой. Уже после штурма власти Баку, где проживает крупная чеченская диаспора, закрыли их информационный центр, несмотря на то, что террористы перед самым штурмом в конце концов выпустили азербайджанцев. Мы еще вернемся к этому позже.

Самым удивительным был, однако, случай Яхи Несерчаевой. Эта сорокатрехлетняя чеченка не созналась в своей национальности и поделила судьбу остальных заложников - провела пятьдесят семь часов в руках своих земляков, а потом, как все, перенесла на себе воздействие газа, чуть не поплатившись жизнью.

Когда на сцене появились террористы в масках, Несерчаева пережила настоящий шок.

- Когда они прервали действие и стали говорить по-чеченски, я поняла, что все это очень серьезно, - рассказывает Яха. - И кончится все очень плохо. Я это сразу поняла.

Экономист по образованию, Яха приехала в Москву в начале 2000 года, когда в Чечне шли тяжелые бои. Просто сбежала от войны. Нашла работу, стала продавщицей в продовольственном киоске - в Москве на лучшую работу чеченке не устроиться, кому нужны лишние проблемы. Сначала сняла, а потом при помощи семьи купила небольшую квартирку в пригороде. В октябре к ней приехала Галина Можегова, русская, давняя приятельница из Ухты, города в Республике Коми на севере России. Галя уговорила Яху и еще одну свою знакомую, Евгению, пойти на модный столичный мюзикл. Купила билеты в тринадцатый ряд.

Когда на сцене появились мужчины в масках, Галина подумала, что ОМОН разыскивает наркоманов. Подруги, однако, стали ее убеждать, что это элемент спектакля. Галина упрямо твердила, что до Второй мировой войны таких мундиров не было. Минутой позже их уже окружили мужчины и женщины, обвешанные взрывчаткой.

Когда террористы объявили, что чеченцы, мусульмане и грузины смогут спокойно выйти, Яха решила, что не бросит подруг в беде, и не призналась, что она чеченка. Впрочем, она и побоялась признаться, потому что радикальные сепаратисты считают чеченцев, живущих в России, банальными предателями.

- Боялась я. Не знала, что лучше - сказать или нет, - говорит Яха. - Могли ведь застрелить только за то, что чеченка пошла на мюзикл.

И осталась с подругами.

Силой удерживаемые в театре люди пытались понять, зачем террористы делят заложников. Но это было только началом потрясений, которые им пришлось пережить в течение тех трех дней.

Управившись с иностранцами, Бараев опять вышел в проход перед сценой.

- Пусть ко мне подойдут маленькие дети, которые есть в зале, - сказал вооруженный до зубов террорист. А его помощники начали указывать на детей, которые должны подойти. Раздались крики, матери не хотели выпускать из рук своих чад, все больше людей, напуганных, потрясенных происходящим, плакало.

- Дети, подошедшие к Мовсару, напуганные плачем десятков людей, жались к ногам террориста, - вспоминает Филиппова. - И тогда Бараев отправил одного из них обратно, заявив, что он слишком большой. «У нас в Чечне ваши русские солдаты во время зачисток забирают двенадцатилетних». Тогда впервые прозвучала фраза о детях, достаточно взрослых, чтобы остаться в зале и играть роль заложников.

В конце концов Бараев собрал вокруг себя около пятнадцати ребятишек. Всех вывели под аккомпанемент страшного плача, раздавшегося в зрительном зале. Посторонние люди заливались слезами, как будто отправляли на смерть собственных детишек. Никто ведь не знал, куда идут с ними террористы. И потом, в течение нескольких часов, эти дети для родителей как будто умерли, как будто их потеряли навсегда. Дело в том, что спецслужбы продержали детей в автобусе до полуночи, где их допрашивали агенты ФСБ. Видно, все-таки они были недостаточно маленькими, чтобы избавить их от этого. Многие родственники только под утро получили сообщение, что могут забрать внучонка или племянника. И только тогда звонили матери в театр, если у нее был с собой мобильный, и сообщали, что ребенок спасся.

- Денис, руководитель ансамбля ирландского танца, кричал одной девочке из своей группы: «Только не вздумай забирать вещи из репетиционного зала, бегом в метро и

домой!» - рассказывает Филиппова. - Ему, наверное, и в голову не пришло, что ФСБ продержит ее всю ночь в автобусе. Родители, оставшиеся в зале, сходили с ума от волнения, не имея никаких известий о своих детях.

Несмотря на это, несколькими минутами позже Бараев был награжден бурными аплодисментами за то, что согласился выпустить беременную женщину. Это была тридцатилетняя Наталия Сухарева из Челябинска. Предпринимательница, занимающаяся торговлей обувью. Она тесно сотрудничала с объединением «Уралобувь», производящим ботинки. В Москве как раз проходила ярмарка обувной промышленности, и она, несмотря на восьмой месяц беременности, со своими двумя коллегами представляла в российской столице интересы уральского предприятия. В среду после работы решили пойти на мюзикл, развлечься. Когда в зал ворвались террористы, им казалось, что пули свистят над их головами. Наталии стало плохо, и ее приятельница, сорокачетырехлетняя Людмила Товмасын, упростила террористов отпустить подругу. Люда Товмасын погибла во время штурма, а для Наталии все закончилось хорошо. Выйдя на свободу, она чуть ли сразу же вернулась в Челябинск. Через месяц после теракта попала в роддом. Это был ее первый ребенок. Роды, по словам врачей, осложнял сильнейший стресс, пережитый в театре. Поэтому решено было делать кесарево сечение. Так появился на свет Александр весом 3950граммов.

- Это он меня спас, ему я обязана жизнью, - повторяла позже Наталия.

Позже террористы, уже без оаций, освободили с балкона еще одну беременную, восемнадцатилетнюю Ольгу Трейман, работницу театрального буфета.

В тот вечер, сразу же после антракта, Ольга пошла в туалет на третьем этаже рядом с балконом. Несмотря на седьмой месяц беременности, чувствовала она себя прекрасно, рожать, по словам врачей, должна была через два месяца и собиралась до конца работать. Следом за ней в туалет вбежала театральная уборщица, пожилая женщина, которая шепотом сообщила Ольге, что в здании что-то творится - похоже, грабят! Обе просидели в туалете часа два. Слышали доносящиеся из коридора выстрелы, чьи-то голоса и шаги. В конце концов кто-то пинком ноги выломал дверь в туалет, появился мужчина в камуфляже и маске, обвешанный какими-то мешочками, с рюкзаком на руке. Так, во всяком случае, утверждает Ольга.

- Того, кто нас вывел из туалета, звали Аслан, - рассказала Ольга сразу после освобождения газете «Известия». - Когда он проходил рядом, я его остановила и спросила, долго ли они собираются нас держать. Он сказал: «А мне все равно, хоть целый год, нас отсюда и так живыми не выпустят».

А потом Ольга увидела, как в партере освободили беременную женщину. Притворилась, что ей стало плохо, и Аслан решил выпустить ее из театра. Приказал ей поднять руки вверх и не оглядываться.

Муж Ольги, Андрей Трейман, в расположенном в двухстах метрах от театра центре, где собирались родственники заложников, буквально сходил с ума. Но еще почти два часа никто так и не сказал ему, что его жена на свободе, - все это время ее допрашивали сотрудники ФСБ, которых чьи-то волнения мало трогали.

Были опасения, что пережитый Ольгой стресс может вызвать преждевременные роды, - к счастью, все закончилось благополучно - через три недели родился маленький Сергей. Правда, он был недоношенным, но абсолютно здоровым и нормальным ребенком. Даже врачи удивилась - ребенок весил 3330граммов, рост 51сантиметр. В семье Трейманов его боготворят - если бы не он, эта история могла бы закончиться для Ольги печально.

Около полуночи, через три часа после захвата театра террористами, освободился, по существу по собственной инициативе, один мужчина. Владимир Школьников, научный работник Центра демографии и экологии человека в Институте планирования народного хозяйства Российской академии наук. Поскольку он часто бывал в Германии, он предложил террористам свою помощь - у него были прекрасные связи с немецкими журналистами, и он пообещал, что устроит Бараеву интервью для немецкого телевидения. Начал звонить в Германию, потом ждал ответного звонка. Однако появились какие-то проблемы со связью, и чеченцы договорились с профессором, что выпустят его, а он уже на свободе свяжется с журналистами и договорится относительно интервью. В зале осталась его жена, Мария Школьникова, и больной сын Максим, лет пятнадцати. Террористы покончили с разделением заложников далеко за полночь. Многие бывшие зрители все еще не могли поверить в спектакль, который разыгрывался на их глазах. Представление нереальное, как кошмарный сон. Многие все еще надеялись проснуться. А пробуждение приближалось семимильными шагами, только, увы, оно оказалось страшнее всякого кошмара.

Глава 8

Милиция не сразу узнала о том, что случилось в театре на Дубровке. Охранники, сидевшие в своей каморке в задней части здания, с первых же минут пытались дозвониться, но телефоны были заняты, а вскоре их спугнул вооруженный чеченец, и они попросту сбежали. Только после девяти вечера некоторым зрителям удалось дозвониться, но, поскольку они звонили украдкой, опасаясь террористов, и быстро прекращали разговор, дежурные милиционеры сочли, что звонит какой-то ненормальный. В конце концов, в Москве ежедневно регистрируется несколько десятков звонков о бомбах в Кремле или здании правительства, хотя первенство тут держат школы, «заминированные» перед экзаменами и контрольными. Рекорд, несомненно, побил некий пятилетний гражданин, который не хотел идти в детский сад и сообщил о заложенной там бомбе. Трудно дивиться милиции - так же, как зрители «Норд-Оста», они не могли поверить - теракт в самом центре Москвы?! Это же невероятно! Заложники позднее признавались, что милиционеры ругали последними словами и бросали трубку. Но таких звонков становилось все больше, заложники звонили не только в милицию, они набирали также номера городских служб. А попытки передать сообщение усилились после того, как Бараев закончил свою речь. Это катилось как цунами. Телефонная сеть в окрестностях театра была так перегружена, что многие никак не могли дозвониться. Один из первых драматических разговоров запертого в театре на Дубровке зрителя с дежурной Московской службы спасения был записан на пленку. Вероятно, это был не первый звонок, от предыдущих, видимо, просто отмахнулись, потому что звонивший сразу же предупреждает, что не шутит, что информация очень серьезная. Записанный разговор опубликовало радио «Маяк»:

- Служба спасения, оператор 300, добрый вечер.
- Добрый вечер...
- Слушаю, говорите...
- Это не розыгрыш, тут заложники в зале театра, на «Норд-Осте».
- Да...
- Метро Пролетарская, в театре.
- Назовите адрес.
- Поймите же, я не знаю адреса, это мюзикл «Норд-Ост».

- Да, да...
- Мне кажется, улица Курочкина, 6 или 7.
- Сколько заложников?
- Заложников? Полный зал.
- Какие требования?
- Что они требуют? Чтобы вывели войска из Чечни.
- Ясно, понимаю, прошу не отключаться.
- Извините, но может, придется отключиться. (Минутное молчание)
- Скажите, что сейчас происходит в зале?
- В зале? Ну, собственно, ничего, все пробуют дозвониться, но не у всех получается. А террористы расхаживают с оружием.
- Они вас не выпускают, но можете ли вы свободно передвигаться по залу?
- Ходить нельзя. Сидим. Как сидели, так и сидим. Как на спектакле. По бокам, приставные места, стоят женщины, заминированные.
- Какие?!
- Заминированные, все женщины заминированы. Посреди зала лежит бомба.
- И женщины стоят рядом?
- Да, рядом с ней и вокруг всего зала.
- Женщины стоят в проходах?
- И в проходах, и вокруг. Стоят.
- Они специально женщин вытащили?
- Нет, эти женщины с ними. Заминированные, и с оружием. По ходу - камикадзе... (плохо слышно)... это нереально, но мне кажется, что мы тут все погибнем. И это не шутка. (Конец записи)

Наконец перед зданием театра появилась патрульная машина. Свидетели подтвердили милиционерам, что в театре были слышны выстрелы. А поскольку зрители звонили и в редакции газет и телевидения, обеспокоенные журналисты прибыли на место почти одновременно с милицией.

Только в 21.30 в Москве была объявлена тревога для всех городских и специальных служб.

К театру стали подъезжать машины скорой помощи, пожарные машины, спецотделы милиции и агенты ФСБ. Из Подмосковья были вызваны особые отделы МВД - ОДОН (отдельная дивизия особого назначения) некогда носившая раньше гордое имя Феликса Дзержинского, и 21-я бригада спецназа войск МВД, так называемая Софринская (ее база находится в подмосковном Софрино). Их задачей было создание многоуровневого кольца оцепления вокруг Дома культуры и обеспечение порядка в районе театра. У софринцев были давние счеты с чеченцами - они не раз бывали в кавказской республике и снискали там дурную славу своей жестокостью. Именно софринская бригада еще до рассвета расставила несколько бронетранспортеров вокруг театра на улицах, где до этого уже было перекрыто движение. Все подмосковные воинские части, прежде всего воздушно-десантные, были приведены в состояние повышенной боевой готовности.

Перед театром появилось множество разного рода специальных и городских служб - ГАИ, саперы, отряды спасателей МЧС, милицейские отряды СОБР и ОМОН - именно с ОМОНОм зрители так неудачно спутали террористов. Поначалу неизвестно было, кто кому должен подчиняться, с каждой минутой нарастал хаос. Даже спецслужбы не знали, что делать. Приказы отдавали все кому не лень. Кроме того, у милиции почти сразу

родился замысел немедленного штурма, пока террористы не укрепились в театре. К счастью, этот план не был реализован.

Царил такой хаос, что поначалу даже оцепление было организовано кое-как. Еще пару часов после того, как спектакль был прерван террористами, журналисты и зеваки беспрепятственно проходили почти к самому зданию театра. Как окажется позже, и в четыре утра, когда в театр проникла Ольга Романова, оцепление тоже не было герметичным, а ситуация на перекрестке улиц Мельникова и Первой Дубровской была по настоящему взята под контроль только под утро.

Никто не отважился спасти запертых в театре людей. В 22 с минутами технический директор театра Андрей Ялович обратился к милиции с просьбой помочь ему вызволить коллег. Ялович, получивший, наверное, сообщение по телефону от кого-то из укрывшихся в служебных помещениях театра, знал, что в гримуборных второго и третьего этажей, в детской гримуборной и театральных мастерских спрячутся актеры и технический персонал театра. Все эти помещения находятся недалеко от служебного входа, и террористы не сразу туда добрались. К этому времени укрывшиеся там сотрудники театра заперли двери на ключ, а чеченцы не проверяли помещений, в которые не могли попасть. Значит, надо было точно определить, где спрятались люди, и как можно скорее помочь им. Конечно, это было рискованно, так как никто не знал, где именно находятся террористы. Была и еще одна проблема - все окна на первом этаже были зарешечены. Без помощи Ялович сам не мог с этим справиться. Милиционеры, однако, не рвались в герои. Помогли директору только спасатели МЧС. Экипированные специальным инструментом, разрезали и отгибали решетки на окнах, помогали вытаскивать попавших в ловушку людей. Страховали актрис и Алексея Иващенко во время их головокружительного спуска с третьего этажа.

Фрагмент акции спасателей успели снять появившиеся с камерами у театра телерепортеры. Вскоре запись показывали уже все российские телеканалы. Сообщение о теракте российские агентства передали почти точно в 22. 00. Однако первая информация была довольно обыденной и, надо признаться, даже несколько несерьезной: «...сегодня вечером в одном из домов культуры на окраине Москвы группа неопознанных лиц захватила заложников. Не исключено, что нападающие - выходцы с Кавказа. Их требования пока не известны». Жители Москвы настолько привыкли к ежедневным заказным убийствам, к частым взрывам и бандитским разборкам, что заложники в пригородном Доме культуры никого особенно не взволновали.

Только через несколько минут выпуск теле- и радионовостей был прерван и все телевизионные и радиоканалы начали вживую передавать репортажи с Дубровки. Поначалу журналисты не знали никаких подробностей. Некоторые сообщали, что заложников всего несколько десятков человек. Только в 23.00 по ОРТ выступил Александр Цекало, один из продюсеров мюзикла, и сообщил, что в тот вечер было продано семьсот одиннадцать билетов и что в зрительном зале находится также часть технического персонала театра и актерской труппы, а также, вероятно, небольшое количество людей с входными билетами и приглашениями и, может быть, кто-то прошедший без билета. Цекало сказал также, что пытался связаться со знакомыми, находящимися в зале, но по телефону ответил чеченец, который коротко бросил: «У нас война».

Именно во время первых репортажей в прямом эфире случались кошмарные журналистские ляпсусы. Корреспондент телевидения, который разговаривал с Цекало,

прямо спросил его: «Что он мог бы посоветовать десанникам? Как проникнуть в театр?» И Цекало стал в подробностях рассказывать о планировке театра. Террористы в течение всех драматических событий слушали радио и внимательно следили за новостями на небольших экранах переносных телевизоров. К счастью, они, кажется, не воспользовались советами продюсера.

Однако это не российские средства массовой информации первыми передали сообщения о теракте. Уже в 21.49 на сайте чеченских сепаратистов появилась короткая информация о нападении на театр под триумфальным заголовком «Моджахеды вошли в Москву».

Дословно сообщение было следующее: «С агентством Кавказ-центр связался Мовсар Бараев. Чеченские моджахеды захватили в Москве театр с тысячей заложников. Отряд возглавляет Мовсар Бараев. С его слов, в отряде кроме чеченских моджахедов находятся сорок вдов чеченских партизан. Здание заминировано. Все участники операции обвязаны минами. Мовсар Бараев заявил, что все атаковавшие Москву - смертники. Требование одно - окончание войны и немедленный вывод российских оккупационных войск с территории Чечни. Бараев заявил также, что чеченские моджахеды пришли в Москву не выживать, а умереть. Заверил, что все находившиеся в здании театра дети отпущены. Агентство следит за развитием событий».

Террористам было важно, чтобы их акция прозвучала как можно громче на весь мир, поэтому примерно в то же время в редакцию Би-би-си на Северном Кавказе позвонил Мовлади Удугов. Тем, кто занимается Россией и Чечней, эта личность хорошо известна. Во время первой чеченской войны Удугов был министром информации партизанских властей. Обхаживал каждого журналиста, который хотел показать войну с чеченской стороны. Один из российских генералов позднее заметил, что Россия проиграла информационно-пропагандистскую войну одному человеку - Удугову, который оказался более эффективным, чем, как выразился генерал, «весь отдел пропаганды Центрального Комитета». Во время второй войны Удугов, связанный с радикальным крылом сепаратистов, практически исчез из эфира. Если во время первой войны он был всем доступен и почти ежедневно комментировал события в республике, из которой практически не выезжал, то во время второй никто его не видел. Ничего странного - в Чечне он не показывался, жил в Турции и арабских странах.

В беседе с английским корреспондентом Удугов подтвердил, что отрядом руководит Мовсар Бараев, и заявил, что театр заняли боевики из 29-й дивизии чеченских смертников. Именно этот звонок стал на следующий день для президента Владимира Путина главным доказательством того, что Москву атаковали международные террористы, входящие в мировую террористическую сеть.

Сообщения по радио и телевидению привели к тому, что у театра помимо милиции и журналистов появились толпы зевак. Были среди них люди, которые действительно хотели как-то помочь, но были и банды подвыпивших скинхедов, которые громко требовали навести порядок с черными и внимательно вглядывались в лица прохожих, ища повода для скандала. Еще ночью появились сообщения, что неизвестные хулиганы сильно избили какого-то азербайджанца, жившего неподалеку от театра, поздно возвращавшегося домой с работы. Пришли к театру и люди психически неуравновешенные, и герои, готовые добровольно отдаться в руки террористов за освобождение женщин. На один из металлических гаражей влезли двое мужчин в белых бумажных масках. В руках они держали плакат «Русские мужчины поменяются с заложницами». Почти сразу же к ним присоединились еще четверо не очень трезвых мужчин. Трудно сказать, были ли это

серьезные намерения, или желание покрасоваться перед телекамерами. Тут же завязалась драка, потому что кто-то счел это кривлянием и порвал плакаты. Несколькими часами позже несколько мужчин, называвших себя ветеранами Чечни, попытались прорваться через кордон, «чтобы разобраться с черными». К счастью, безуспешно. Только утром милиция окончательно навела порядок вокруг театра.

Президент Владимир Путин был проинформирован о событиях на Дубровке задолго до 22. 00, еще до появления сообщений в средствах массовой информации. После первых телефонных переговоров в Кремль прибыли директор Федеральной службы безопасности Николай Патрушев и министр внутренних дел Борис Грызлов. Примерно в 22. 15 Патрушев встретился с журналистами в коридоре Кремля. На этой встрече он сказал: «Вместе с министром внутренних дел мы проинформировали президента о ситуации вокруг Дома культуры театрального центра на Дубровке в Москве, где вечером 23 октября во время представления мюзикла "Норд-Ост" группа вооруженных людей захватила заложников. Кроме того, хочу сообщить, что в состоянии боевой готовности приведены части особого назначения ФСБ, МВД и Министерства обороны. На месте создан штаб, который возглавил один из моих заместителей. Именно он получает всю информацию, оценивает ее, и на основе этой информации будет предпринимать конкретные меры». Можно предположить, что первая встреча в Кремле носила технический характер, там еще не принимались решения, от которых зависела жизнь заложников. Руководители ФСБ и МВД проинформировали президента о принятых ими решениях и договорились об очередной встрече через несколько часов.

Во главе упомянутого Патрушевым штаба встал не просто «один из заместителей», а первый заместитель директора ФСБ и его многолетний близкий и доверенный сотрудник, сорокадевятилетний генерал Владимир Проничев. Личность не рядовая -он много лет прослужил в погранвойсках (в советское время эти войска входили в состав КГБ), руководил окружным управлением ФСБ в Карелии, а затем пошел на повышение вместе со своим патроном: был командиром контртеррористической группы «Вымпел», затем главой департамента по борьбе с терроризмом, а после реорганизации возглавил значительно более мощное подразделение - департамент по делам охраны конституционного строя и борьбы с терроризмом. Занимался не только террористами, но и, кажется даже в большей степени, радикальной левой и правой оппозицией.

Штаб, который возглавил Проничев, моментально нашел для себя прекрасное место - Госпиталь ветеранов войны напротив Дома культуры, дословно - на противоположной стороне улицы Мельникова. На третьем этаже госпиталя со стороны улицы и театра имелся балкон, с которого как на ладони было видно захваченное здание. Находиться там, однако, было небезопасно - опасались чеченских снайперов.

Из соображений безопасности почти сразу же было принято решение об эвакуации пациентов госпиталя. Всего с улицы Мельникова в течение нескольких следующих часов было вывезено пятьсот двадцать четыре старика, которые помнили еще Вторую мировую. Один из пациентов сознался журналистам, что все это сильно напоминает Великую Отечественную войну.

Одно из первых решений штаба было весьма радикальным - в здании театра отключили воду. Это должно было помочь сломить дух террористов. Точно так же семь лет назад поступил штаб, руководивший осадой больницы в Буденновске, - очень быстро условия в переполненной людьми больнице стали невыносимыми, однако это никак не повлияло на людей Басаева, которые выстояли до конца осады.

На Дубровке последствия смелого шага спецслужб, одобренного, как можно предположить, лично Проничевым, были прямо противоположны ожидаемым - один из выпущенных террористами детей сказал, что вода там обязательно нужна, потому что террористы дают пить заложникам. Штаб тут же отдал новый приказ - немедленно включить воду! Специалисты из городских служб водоснабжения незамедлительно исполнили приказ, и старые, почти тридцать лет не отремонтированные трубы в здании, не выдержали такого эксперимента. Снова пришлось, на этот раз частично, перекрывать воду и просить у террористов согласия на допуск в театр ремонтной бригады.

История с водой имела неприятные последствия и для скрывавшихся в подвальных помещениях театра людей - подвалы залило водой, им пришлось бродить по щиколотку в жидкой грязи. Убегать в глубь подземных коридоров пришлось и Михаилу, прятавшемуся за станком в мастерской.

Очередное решение было значительно более понятным и наверняка принесло ощутимую пользу, однако его законность до сих пор вызывает сомнения. Оперативный штаб принял решение немедленно раскодировать мобильные телефоны. По предложению штаба Министерство связи - вероятно, еще до полуночи - разослало специальное письмо операторам сотовой связи с требованием немедленно прекратить шифровку сигналов, поступающих с сотовых телефонов. Как утверждают специалисты, даже зашифрованный сигнал можно раскодировать, но это требует времени и сложной аппаратуры.

Незакодированный сигнал тоже нелегко расшифровать, но значительно более простые приспособления позволяют сделать так, чтобы разговор по сотовому телефону перестал быть тайной и мог прослушиваться. В других странах для прослушивания телефонных переговоров необходимо решение суда или хотя бы санкция прокурора. В России достаточно решения Министерства связи. Операторы сотовой связи не протестуют, поскольку в подписанных ими договорах на лицензирование деятельности есть пункт, предписывающий в таких ситуациях подчиняться указаниям властей.

Все операторы сотовой связи, в том числе два крупнейших - «Билайн» и «МТС», без возражений немедленно раскодировали сигналы и предоставили свои помещения десяткам агентов ФСБ и ФАПСИ (Федеральная служба правительственной связи и информации, которая не только обеспечивает охрану правительственных телефонов, но и занимается электронной контрразведкой; через несколько месяцев после событий на Дубровке ФАПСИ была расформирована в рамках реорганизации). Правда, рядом с театром почти наверняка сразу же появились напичканные электроникой и антеннами машины электронной разведки, но на них ложилась только поддержка работы агентов в офисах операторов сотовой сети. Многие говорят о том, что спецслужбы просто подключились к аппаратуре, передающей и усиливающей сигнал с мобильных телефонов. А возможно, им и не требовалось с этой целью ехать в трансмиссионные центры отдельных операторов - не исключено, что нужный сигнал передавался по специальным каналам в центр связи ФСБ.

Стоит добавить, что агенты занимались не только подслушиванием разговоров. Требовался еще и перевод - ведь часть разговоров шла по-чеченски, по-арабски и на других языках. Звонили и заложники, и толпы журналистов со всего мира, собравшиеся вокруг театра. Кроме того, если разговор представлял особый интерес, ФСБ, используя возможности оператора и собственные машины с пеленгаторами, с точностью до нескольких метров определяла местоположение говорящего. Похоже, что именно таким образом был задержан Заурбек Талхигов, единственный чеченец, который позже будет

осужден за содействие террористам. Он затесался в толпу журналистов на улице возле театра и очень подробно рассказывал Мовсару Бараеву о ситуации вокруг здания - о размещении снайперов, бронетранспортеров и воинских частей. Говорят, что спецслужбы запеленговали говорливого чеченца с точностью до нескольких метров.

Большинство сотовых телефонов дали своим владельцам сигнал, что аппарат раскодирован и легко прослушивается. На экранах некоторых телефонов появился маленький символ открытой задвижки, на большинстве - восклицательный знак. Трудно сказать, знал ли Бараев о том, что телефонные разговоры прослушиваются. Наверное, догадывался. Тогда так же трудно сказать, насколько соответствует действительности опубликованная позже ФСБ запись разговоров Бараева, например, с Зелимханом Яндарбиевым.

Попытки вступить в контакт с террористами были предприняты в первые же часы после захвата театра. В штабе появился известный депутат Госдумы из Чечни, бывший генерал милиции Асланбек Аслаханов, никогда не скрывавший своих стремлений стать президентом кавказской республики. Аслаханов быстро определил номер мобильного телефона Мовсара Бараева и пытался договориться с ним о встрече. Первый разговор состоялся примерно в два часа ночи и был кратким - террористы не желали вступать в контакт. Аслаханов договорился, что позвонит через два часа, то есть в четыре утра. Однако в тот момент в театре уже ни у кого не было ни времени, ни возможности разговаривать с депутатом - как раз около четырех утра в театр пробралась Ольга Романова, которую вскоре террористы расстреляют. Так, на звонки Аслаханова несколько часов никто не отвечал, зато сам Аслаханов охотно делился с журналистами, чего он хочет добиться от террористов.

- Пусть выпустят женщин! Ведь чеченцы не воюют с женщинами, - объяснял он журналистам. - Я с радостью стану заложником. Пусть вся чеченская диаспора приедет сюда и идет в театр, чтобы все увидели, какие чеченцы на самом деле.

Закончилось все, однако, громкими словами. По призыву Аслаханова у театра появилась группа проживающих в Москве чеченцев, но никто из них не пошел в театр в обмен на освобожденных заложников. Зато вместе с ними появился и упомянутый уже Заурбек Талхигов, который потом так подробно обсуждал ситуацию с Бараевым, называя его при этом братом.

Наверное, уже тогда, в первые часы после захвата театра террористами, штаб под командованием Проничева принял решение начать подготовку к силовому разрешению ситуации. Две самые элитные российские контртеррористические группы «Альфа» и «Вымпел», подчиненные руководству ФСБ, получили приказ начать подготовку к штурму. Пока что этот приказ был отдан на тот случай, если террористы начнут вести себя агрессивно или убивать заложников.

Наверняка еще до рассвета антитеррористические силы изучили все московские дома культуры. Оказалось, что есть два очень похожих на Дом культуры на Дубровке строения - Дом культуры АЗЛК (Московского завода им. Ленинского Комсомола, выпускавшего автомобили «Москвич»), расположенный всего в паре километров от Дубровки на Волгоградском проспекте 46/15, поблизости от метро «Текстильщики», и Дом культуры «Меридиан» у метро «Калужская». Первый подвергся перестройке, поэтому именно «Меридиан», почти близнец Дубровки, стал на ближайшие два дня полигоном, на котором до потери сознания тренировались офицеры «Альфы». Они ни на минуту не выходили из

здания. Еду привозили в столовую, спали по несколько часов в день там, где их застал приказ «Вольно!», чаще всего на полу в коридорах.

О том, как выглядела тренировка контртеррористических групп неизвестно практически ничего. Мне удалось только узнать, что вначале офицеры «Альфы» изучали здание, заглядывали во всевозможные закутки, запоминали каждый поворот коридора. Потом они были разделены на звенья, а Дом культуры - на зоны. Каждое звено многократно тренировало подход к «своей» зоне и ее зачистку.

Почти наверняка уже тогда президент Путин рассматривал, как наиболее вероятное, предложение штурма здания театра. Здания, в котором находилась почти тысяча заложников и несколько десятков террористов. Если бы это удалось, успех вознес бы внутренний и международный рейтинг Путина на недостижимую высоту. Весьма вероятно, что именно об этом говорил Путин во время очередного совещания в Кремле, которое началось около полуночи, то есть через три часа после захвата театра террористами. На этот раз, кроме двух предыдущих посетителей, Патрушева и Грызлова, в кремлевском кабинете Путина появился премьер Михаил Касьянов и шеф президентской администрации Александр Волошин. Телевидение позже показало запись этой встречи, но с отключенным звуком.

Наблюдатели, которые впоследствии анализировали поведение президента в ходе драматических событий с заложниками, заметили, что не было одного, казалось бы, обязательного элемента подобных кризисов - обращения к народу. В течение пятидесяти семи часов драмы Путин ни разу не выступил по телевидению и не обратился напрямую к народу. Наблюдатели считают, что российский президент, сохранивший привычки сотрудника КГБ, все еще остается больше разведчиком, чем политиком, и считает, что в момент кризиса нужно искать пути его разрешения, а не завоевывать благосклонность общественного мнения. С обращением можно подождать до окончания штурма.

Молчание Путина возмутило журналистов. Первая пленка с записью ночного совещания президента, премьера и глав МВД и ФСБ была тщательно проанализирована, журналисты наняли даже специалистов чтения по движению губ. Именно так этот разговор расшифровал Леонид Парфенов в программе «Намедни» на НТВ:

Путин: Итак, наша следующая встреча состоится на месте.

Патрушев: Думаю, надо все подготовить.

Касьянов: Я против. Это может пойти во вред требованиям.

Путин: Обсудим это на месте.

О каком месте говорит президент? Каким образом что-то, что собираются предпринять политики, может повредить требованиям террористов? Часть журналистов сочла, что Путин говорил о планируемом штурме и хотел приехать на место захвата, к Дому культуры. Однако официально Путин ни разу не появился ни в оперативном штабе, ни вблизи театра. Не было и никаких утечек, намекающих на возможность его появления там инкогнито. Впрочем, не совсем понятно, зачем президенту нужно было появляться рядом с занятым террористами театром.

У меня есть другая теория: есть такое место, куда Путин мог бы приехать, чтобы лучше ориентироваться в том, что происходит на Дубровке, без всякой сопутствующей такому визиту суеты, - это Дом культуры «Меридиан», где вскоре должны были начаться учения «Альфы». Там Путин мог своими глазами увидеть театр изнутри и поговорить с десантниками. И спросить их, насколько велик риск того, что операция закончится

бойней. Приезжал ли президент в «Меридиан» и разговаривал ли с «альфовцами»? Не известно.

Зато мне удалось с достаточной степенью вероятности установить, что уже через сутки, то есть 24 октября вечером или ночью с четверга на пятницу, решение о штурме с использованием газа было принято. Практически наверняка его принял лично президент России. Официально до сегодняшнего дня не назван человек, ответственный за штурм, что может только свидетельствовать в пользу того, что решение принял лично Путин. Теоретически такой приказ мог отдать шеф оперативного штаба Проничев, но многое указывает на то, что он был исполнителем, который самостоятельно принимал решения только относительно технических деталей.

Глава 9

Электрик Василий Рузаев работал на Дубровке с тех пор, как построили Дом культуры. С самого начала неизменно занимал он свой пост в небольшой комнатухе под сценой, прямо напротив входа в оркестровую яму. Снаружи все менялось - умирали генеральные секретари партии, потом развалилась и сверхдержава, казавшаяся вечной. Ба, даже в самом Доме культуры произошли перемены - ушли в прошлое партийные и заводские торжественные заседания, а на сцене появился спектакль мирового образца. Только Василий Рузаев не менялся - худой, несмелый, скромный блондин, не любивший быть в центре внимания. Поэтому о том, как он помогал победить террористов, захвативших театр, почти никто не знает. А было именно так - скромный электрик заводского Дома культуры сыграл немалую роль в этой истории. Если бы не Рузаев, штурм десантников задержался бы, наверное, на день или два. И трудно сказать, что еще бы произошло за эти дни - может, власти были бы вынуждены пойти на уступки, а может, террористы расстреляли бы десятки людей.

Известно, однако, что происходило с электриком все 57 часов до начала штурма. В среду, 23 октября, у Рузаева было дежурство, которое он, как обычно, проводил под сценой. В комнате с ним был его помощник Юрий, который заступал ему на смену.

- На стене висят два громкоговорителя, - рассказывает Рузаев. - Один на случай технических неполадок - если в театре что-то не так, нас по нему вызывают. А второй транслирует, что происходит на сцене, но этот мы обычно выключаем в начале спектакля. И вдруг слышим по этому первому приемнику два глухих хлопка и голос помрежа: «Охрана, немедленно на сцену, охрана - на сцену.» И приемник замолчал, как будто прервалась связь. Мы выскочили из комнаты, из туалета рядом выбежал театральный охранник. Мы помчались по коридору под сценой в сторону лестницы на первый этаж, к служебному входу. Там уже собралась толпа, кто-то спрашивал: «Что случилось?», а кто-то говорит: «Чеченцы в камуфляжах!» Вдруг вижу, а из-за угла, метрах в двадцати от нас, вышел человек в камуфляже, с автоматом, и стал выкрикивать в нашу сторону какие-то угрозы, типа «Стой, стрелять буду!», - продолжает электрик. - Говорил он с акцентом. И даже сделал шаг в нашу сторону, но я уже больше на него не смотрел. В один момент всех как ветром сдуло, каждый побежал туда, где рассчитывал спастись: кто к служебному входу, кто на второй этаж, а мы с Юриком побежали в подвал.

Но они не сразу скрылись в темном лабиринте под театром. Когда стало ясно, что за ними никто не гонится, вернулись к служебному входу. Там уже никого не было. Наверное, именно тогда террорист в маске услышал от театрального пожарника, что стреляет холостыми, а потом наткнулся на Георгия Васильева, повел его в зрительный зал и на этом закончил осмотр коридора за сценой. Тем временем под сценой находились

музыканты, вышедшие из оркестровой ямы. Некоторое время Рузаев и музыканты обменивались информацией о том, что творится в театре, а потом Василий и Юрий зашли в свою комнату обдумать, как быть дальше. Ясно было, что ситуация серьезная. После короткого обсуждения решили, что надо бежать в подвальные коридоры и там спрятаться, лучше всего за вентиляционными или отопительными трубами.

- По пути заглянули в комнату, где сидели девушки из оркестра, и предложили им свою помощь, - рассказывает Рузаев. - Но они и слышать не хотели о подвалах. Говорили, что там темно, холодно и некуда даже сесть. Некоторые сначала согласились идти с нами, а послушали других - и тоже остались.

За Рузаевым и его помощником пошел один из музыкантов, Михаил, но только затем, чтоб спокойно покурить. Рузаев этого уже не видел.

Поначалу электрики никак не могли решить, где спрятаться, наконец пошли подземным коридором в сторону улицы Мельникова и нашли подходящее место под строением с левой стороны от главного здания, где находилась коморка Николая Любимова.

Работники Дома культуры называли это строение зоной «Б».

Сидели они там недолго. Как утверждает Рузаев, определившись с местом, они тут же вернулись, чтобы разобраться в обстановке. Снова подошли к оркестровой яме, но на этот раз с другой стороны, совсем другим подземным коридором, из которого не было дверей в помещения для музыкантов. Зато были вентиляционные люки, через которые Рузаев, невидимый для тех, кто находился на сцене, мог в полной безопасности спокойно наблюдать, что творится у него над головой. Видел, как террористы поймали девушек из оркестра, как забрасывали их вопросами, кто они и что делают в подвале под сценой.

Электрики вздрогнули - стало ясно, что дело не шуточное. Ведь они и сами чуть не попали в руки чеченцев.

Потом Рузаев еще услышал выступление Бараева: «Звоните, кому можете, говорите, что вы заложники, что мы приехали из Чечни и что мы требуем немедленно вывести войска». Рузаев с помощником вернулись под зону «Б», поспали несколько часов, и электрик опять пошел «на разведку». Заглянул в оркестровую яму, но на этот раз там никого не было. Было раннее утро, оркестровую яму освещали крошечные лампочки на пюпитрах музыкантов. Террористы пока не устроили там туалет. Рузаев слышал покашливания людей в зрительном зале и понял, что теракт еще не закончился.

Они снова стали думать, как бы выбраться отсюда. В голову приходили разные идеи, но одна была на сто процентов нереальной - бежать через служебный вход. Они не знали, где находятся террористы, и прекрасно понимали серьезность их намерений. Не было никакого желания проверять это, хватило того, что они увидели в оркестровой яме и услышали в словах Бараева. Тут им пришлось в голову выглянуть через решетку бассейна. В центре внутреннего дворика стоял разваливающийся от старости бетонный фонтан. Электрики пробрались под него и выглянули через зарешеченные оконца в боковых стенках.

- Во всем ДК горит свет, а вокруг - потрясающая тишина, не видно никакого движения, - рассказывает Рузаев. - Обычно двери, возле которых дежурит Любимов, хлопают весь день. Все время кто-то входит и выходит. Мой помощник говорит: «Может, все кончилось?» Но я знал, что это не так - везде горел свет, я видел двери в зону «Б», и они были заперты.

Побег через внутренний дворик исключался. Они отказались от этого пути, так как поняли, что он их на свободу не приведет. Дворик прекрасно просматривался из окон театра, и, стоило им только высунуться, чеченские часовые тут же бы их заметили. Рузаев и еще несколько человек рассказали мне услышанную от кого-то историю о том, что именно так один человек погиб, а другой был ранен; оба, вероятно, бойцы спецподразделений. По этим не подтвержденным данным спецназовцы пытались пробраться со стороны улицы Мельникова через дворик к дверям в углу здания, в глубине двора. Наверное, это было в то время, когда десантники постепенно овладевали теми помещениями Дома культуры, которые не контролировались террористами. Оказалось, однако, что террористы поставили часового на втором этаже у дверей в кабинет директора - идеальное место, с которого весь внутренний двор был виден как на ладони. Поэтому попытка проникновения внутрь театра окончилась трагически. Эта информация, правда, никогда не была подтверждена официально, - по сообщениям властей, во время осады театра никто из милиционеров и бойцов спецназа не погиб.

Рузаев с помощником вернулись в зону «Б», устроили себе небольшую, бесхитростную лежанку на трубах. Как настоящие бомжи. Оставалось только ждать.

Глава 10

Через несколько часов после того, как террористы захватили театр, в кулинарном ПТУ № 190, расположенном буквально в ста метрах от Дома культуры, власти организовали центр помощи родственникам заложников. Именно в этом профучилище работала и работает по сегодняшний день Виктория Кругликова. Центр разместили в спортзале, где кроме занятий физкультуры иногда проходили свадьбы. Как раз в этом зале два месяца назад состоялась свадьба Данилы Чернецова.

В центре дежурили врачи и психологи, можно было перекусить, было горячее питание, кофе и чай, но практически никого это не интересовало.

- Никто и не думал о еде, - рассказывает Валентина Храмцова, жена трубача из оркестра мюзикла. - Оксана, жена Саши, моя невестка, один раз заставила нас что-нибудь съесть, но это потому, что у Александра проблемы с желудком, язвенная болезнь. Есть не хотелось. Все время кофе и кофе.

Кто мог старался заходить в центр, который родственники заложников до сих пор называют штабом, но ненадолго. Просто спросить, нет ли новостей, или посмотреть телевизионные репортажи.

- Там было страшно. Плач, истерика, невозможно находиться в такой атмосфере, - вспоминает Валентина Храмцова. - Тут своя боль, а там еще чувствуешь и страдания других. И с каждой минутой все нарастало. Мы пропускали через себя боль каждого, кто там находился. И это несмотря на собственные страдания. Долго там сидеть было просто невыносимо. Но пока мы были там, эти люди становились нам близкими, как родственники. Мы успокаивали и старались поддерживать друг друга, но толку было мало. Тяжелее всего было смотреть на женщин, у которых в театре были в плену маленькие дети.

Нелегко видеть отчаявшихся людей, когда сам переживаешь трагедию. Психологи утверждают, что если собрать в одном месте много людей, переживших одинаковую драму, например смерть близких в авиакатастрофе, то бесконечное страдание, который каждый из них видит вокруг, усиливает его собственную боль. Начинает действовать обратная связь. Истерика нарастает с каждой секундой.

- В штабе были две категории родственников, - вспоминает Ирина Храмцова, дочь Федора. - Одни были в глубоком отчаянии, они просто сидели там, и их то и дело приходилось приводить в сознание, а другие пробовали что-то делать, чтобы только забыться. Мы были то в одной, то в другой группе. Переходили из одного состояния в другое.

Близкие Федора Храмцова чаще всего все-таки сидели в машинах, припаркованных возле заправочной станции на углу улицы Мельникова и Волгоградского проспекта, и редко появлялись в штабе. Их история - яркий, можно сказать, типичный пример судьбы семей заложников.

О захвате театра они узнали из вечерних новостей. В ту же минуту им стали звонить знакомые, чтобы узнать, все ли в порядке с Федором. А Валентина сама ничего не знала. Надеялась, что муж работает в другом театре и играет сейчас в другом спектакле. Пыталась позвонить ему на мобильный телефон, но он был выключен. Правда, он всегда так делал, трудно представить себе мобильный телефон, трезвонящий в кармане музыканта во время концерта. Очень скоро, однако, подтвердились самые худшие предположения - Федор в этот вечер работал в театре на Дубровке.

А тем временем, именно из-за звонков многочисленных друзей, сам Федор Храмцов не мог дозвониться домой. Ему удалось это сделать только после полуночи.

- Он сказал, что сомневается, что выйдет оттуда, - вспоминает Валентина. - Я его успокаивала, говорила, что власти сделают все возможное и его оттуда вызволят, но он в это не верил. Просил прощения за все, что не так сделал, и прощался с нами. Каждый раз, как дозванивался оттуда, прощался и говорил: «Береги детей», а поскольку очень любил нашу собаку, добавлял: «Поцелуй от меня Эльку, я уже отсюда не выйду». Он был уверен, что их взорвут.

Дети Храмцова, Александр и Ирина, сразу же бросились к театру и пробыли там практически до конца, непрерывно. Еще много часов после штурма они метались между больницами и центром, пытаясь добыть хоть каплю информации об отце. Поначалу они и мысли не допускали, что отец может не вернуться.

- Первую ночь мы просидели в машинах, слушали радио, и нам все это казалось нереальным, - рассказывает Ирина. - Как будто кто-то снимает приключенческий фильм. Мы все думали, что предпримут власти, чтобы их освободить. Только через двенадцать часов нами стала овладевать паника, мы просто тряслись от ужаса.

Валентина поначалу не поехала к театру, потому что ждала очередного звонка мужа, а утром должна была идти на работу - она работала на фирме компьютерного программирования и интернет-технологий. Шеф поехал в отпуск и попросил Храмцову, чтобы, пока он отсутствует, она ежедневно обязательно приходила на работу. Но тут, где-то вскоре после двенадцати, опять позвонил Федор.

- Федя сказал всего несколько слов о том, как они закладывают бомбы, и отключился, - вспоминает Храмцова, не в силах сдержать дрожь. - Еще раз позвонил через пятнадцать минут. «Не могу говорить», - сказал он и страшно заторопился. Говорил очень быстро и хаотично: «Тут везде устанавливают бомбы, нас взорвут, прощай, береги детей, у нас чудесные дети, поцелуй от меня собачку и внуков - от меня...»

Этого Валентина Храмцова уже была не в силах вынести. Сказала коллегам, чтобы управлялись сами, и поехала к театру. По пути еще зашла в аптеку за лекарством для дочери - ночью был страшный ливень, а потом дождь со снегом, и Ирина, бродя вокруг театра, промокла - начался сильный бронхит. Валентина попросила в аптеке и что-нибудь

успокаительное, но не хотела брать новопассит, который продавался без рецепта. Это было слишком слабое средство. Она объяснила, зачем ей нужно лекарство, и аптекарша над ней сжалась - дала упаковку психотропного фенозепама, который продавался только по рецептам.

Когда Храмцова добралась до театра, был уже вечер. Она быстро нашла детей и дала Ирине таблетки. Дочь заснула в машине.

- У меня было такое впечатление, что я закрыла глаза и тут же их открыла, - рассказывает Ирина. - Понятия не имела, что проспала всю ночь и проснулась только где-то в полдень. Открыла глаза и спросила: «А почему так светло? Ничего не понимаю, ведь еще вечер!» Ирина и ее брат, как и другие родственники заложников, четыре раза в день обходили кордон, спрашивали солдат и милиционеров, других родственников, с которыми они познакомились в штабе. Большинство пожимали плечами, повторяли, что сами ничего не знают, стоят в кордоне вторые сутки, никто их не подменяет и им уже все это надоело. Иногда только родственники передавали какую-то информацию от заложников, которые до них дозвонились.

- Мы поняли, что, если не хотим потерять голову, нужно что-то делать, - вспоминает Ирина. - Это была потребность - сделать хоть что-то, чтобы помочь заключенным в театре. Когда на следующий день возникла мысль устроить демонстрацию, кто-то принес рулоны обоев, и мы начали писать лозунги.

Иногда в штаб приходили представители власти и рассказывали, как прекрасно себя чувствуют заложники в руках террористов, как с ними хорошо обращаются. А потом сами заложники, если удалось дозвониться, говорили, что нет воды, еды и, ко всему прочему, террористы не пускают их в туалет.

Для родственников заложников самым ужасным было то, что их близкие, практически на расстоянии вытянутой руки, в здании, расположенном в ста метрах от них, на самом деле были так далеки, как будто были на другой планете. Наверное, многие хотели ворваться в театр и умолять террористов, чтобы их освободили, но - и они это прекрасно знали - все это было бессмысленно. До сих пор неизвестно, как удалось это молодой женщине, которая ворвалась в зрительный зал и потребовала от террористов освобождения заложников.

Глава 11

Заложники еще долго не могли поверить в реальность теракта. Ведь они были в театре, где каждый вечер разыгрываются на сцене нереальные, выдуманные истории. Они верили, что все закончится быстро и счастливо, что переговоры пройдут молниеносно и закончатся успешно, как в кино. Не думали, что чеченцы беспощадны и готовы на все. Но близился момент, когда им пришлось убедиться, что жизнь страшнее самого ужасного триллера.

Первой погибла Ольга Романова, двадцатилетняя, худенькая девушка, пробравшаяся в театр, чтобы спасти заложников. Решение расстрелять ее, было принято в течение нескольких секунд. Мовсар Бараев, не колеблясь, отдал приказ. Собственно говоря, неизвестно, была ли она героиней, или погибла из-за собственной безрассудности. Зато хорошо известно, как выглядела. Ее точное описание было передано в сообщении милиции с просьбой помочь опознать тело: на вид двадцать пять лет, рост 165-170см, худощавая, крашенная блондинка с короткой стрижкой. Была одета в черную пуховую куртку с капюшоном, черный пуловер, черные джинсы и черные полуботинки на молнии. С собой у нее была связка ключей на цепочке из белого металла.

Ольга не раз повторяла, что умрет именно такой - молодой и красивой. Любила этим поддразнивать родителей и друзей. И еще добавляла: «Сделаю что-нибудь такое, что обо мне напишут в газетах». Галина Ивановна, мать Ольги, покрикивала на нее: «Не болтай глупости, еще детей и внуков дождешься!» И все-таки забеспокоилась и пошла к гадалке. И услышала в ответ: «Доживать будешь свои дни с сыном и внуками».

Трудно ей было вообразить жизнь без Ольги. Ведь это именно она, любимая дочь, зарабатывала на жизнь всей семьи. Жила с родителями, пожилыми уже людьми, оба инвалиды по здоровью, один после инфаркта, другой - после инсульта. В семье был еще брат, намного старше Ольги, сорокадвухлетний Сашка, тоже инвалид. В детстве он перенес тяжелый менингит и отставал в развитии. Все трое в сумме получали всего около пяти тысяч рублей пенсий по инвалидности. Семейный бюджет спасала Ольга, но даже с ее зарплатой не всегда хватало на все. Поэтому она одевалась очень скромно, хоть была продавщицей в магазине косметики эlegantной торговой марки «Л'Этуаль». Иногда, когда подружки, качая головами, говорили: «Романова, ты же хорошо зарабатываешь, могла бы получше одеваться», она спокойно отвечала: «Вы работаете только на себя, а я еще троих содержу». Но говорила это без всякой злости.

Ее любили. Когда ее перевели в магазин поближе к дому, да еще и зарплату повысили, подружки решили это отметить. В последний день на старом месте работы, 23 октября вечером, после закрытия магазина, девушки открыли бутылку вина и выпили за ее успехи. Пили вино, смеялись, когда неожиданно телевидение сообщило о теракте на Дубровке. Для Ольги это не был какой-то там абстрактный «театральный центр на Дубровке», это был прекрасно знакомый ей с детства старый Дом культуры на противоположной стороне улицы, прямо напротив ее дома. Сколько раз она туда ходила! Чтобы туда попасть, ей достаточно было просто выйти из дому, пройти через двор, перейти перекресток, и ты уже на месте.

- Поеду туда, и они меня убьют, - заявила своим подругам Ольга, словно ведомая предчувствием. Приехала поздно, было уже далеко за полночь. Дома никто не спал, родители в ужасе смотрели телевизор. Ольга заварила чай, посидела за столом, потом сорвалась с места и стала одеваться.

- Куда? Не видишь, что творится на улице?! - запротестовала мать, Галина Ивановна. Ольга махнула рукой.

- Осмотрюсь, и, если получится, попробую пробраться внутрь, в Дом культуры, - спокойно сказала она матери.

Мать упала перед ней на колени, плакала, просила, умоляла.

- Оленька, не ходи туда, там тебя убьют, это же не местные мальчишки, которых ты разнимала во дворе или в школе, это бандиты.

Но переубедить дочь ей не удалось. Наоборот, воспоминание о дворовых драках и ссорах только придало Ольге сил. Она вспомнила, как когда-то без колебаний бросалась разнимать и мирить дерущихся мальчишек. Иногда и ей доставалось, но в следующий раз она опять так же решительно и по-боевому успокаивала драчунов. Террористы должны ее послушать, это же мужчины, они должны воевать с мужчинами, а не с женщинами и детьми. Это унижает воина, показывает его слабость. У них в Чечне остались свои дети, поэтому они, конечно же, освободят детей, попавших в их руки здесь, в Доме культуры. Так она уговаривала мать.

Мать, утирая слезы, качала головой. Впрочем, она даже не верила, что дочке удастся попасть в театр. Ей казалось это невозможным. Она скорее боялась, что ее могут обидеть

стоящие в оцеплении милиционеры. Кроме того, на окрестных улицах было беспокойно, сразу же после сообщений телевидения о нападении к театру потянулось множество подвыпивших зевак, бродили вокруг театра скинхеды, ища повода подраться, да и просто всякие сумасшедшие.

После бурных пререканий Ольга вырвалась из рук матери и ушла. Было три часа ночи. Ольга пошла через двор в сторону улицы Мельникова, где в доме номер 16 расположился компьютерный клуб. Она знала, что застанет там Максима, своего парня, с которым встречалась уже два года. Надо бы сказать - бывшего парня, они как раз расставались. Он больше не хотел с ней встречаться, она не до конца с этим смирилась. Только что они пережили очередную ссору, поэтому ночная встреча была малоприятной.

- Чего тебе, уходи отсюда! - зло крикнул Максим, увидев ее. Он был явно недоволен ее появлением в клубе.

Ольга немного постояла, подумала, на глаза набежали слезы, потом махнула рукой и ушла. В ней все так и кипело от злости.

Не удалось выяснить, что с ней происходило в следующие полчаса. Кто-то вроде видел ее с двумя мужчинами в гражданской одежде. Может, это были журналисты, может, друзья из соседнего двора, а может, агенты спецслужб - неизвестно. Мы не знаем и того, каким чудом Ольге удалось прорваться через достаточно плотный к тому времени кордон, никого не пропускавший к Дому культуры. Может, она воспользовалась какими-то ходами, известными ей с детства, а может, двое таинственных мужчин располагали достаточной властью, чтобы приказать солдатам пропустить ее, потому что хотели проверить реакцию террористов? Трудно сказать.

Журналисты, занявшие позицию в квартире жилого дома напротив театра, увидели ее только тогда, когда она пересекала паркинг - девушка в черной куртке с капюшоном. На этой записи, когда камера дает крупный план, за кадром четко слышно, как кто-то по милицейскому радиопередатчику спокойно произносит: «Внимание, к вам идет девушка». Кого предупреждал этот голос? Снайперов на крышах соседних домов? Кого-то, укрывшегося поблизости от театра или в самом театре? А может, террористов?

Уверенным шагом она подошла к стеклянным дверям и исчезла внутри. Очутилась рядом с гардеробом, но там было абсолютно пусто - террористы, в страхе перед снайперами, которые могли стрелять через стекла, редко спускались вниз. Она пошла вперед по коридору вдоль зрительного зала и, так же как семь часов назад сделал Ясир, вошла в зал через боковую дверь рядом со сценой. Все террористы удивленно оглянулись. Далее события развивались с такой скоростью, что их герои едва успели произнести несколько фраз, а заложники, зрители этой драматической сцены, запомнили только ее фрагменты. Ольга спокойно подошла к Мовсару Бараеву и ткнула его кулаком в грудь.

- Что вы творите, людей напугали?! Убирайтесь отсюда, быстро! - сказала она резким тоном, глядя в лицо террористу.

- Ты кто такая? - спросил Бараев, ошеломленный неожиданным появлением.

Но Ольга уже успела повернуться к нему спиной.

- Люди, чего вы боитесь, они же клоуны, устроили маскарад, вам нечего бояться! - крикнула она в сторону заложников.

Может, ей запали в голову известные по телерепортажам фрагменты чеченского кодекса чести, который запрещает стрелять в безоружных людей и воевать с ними. И неожиданно многие в зале подумали - действительно, чего мы их боимся, наверное, нужно встать и уйти. Но никто не встал, люди только неуверенно переглядывались.

- Девушка, садись скорей, они же тебя убьют! - крикнул кто-то, но она только пожала плечами.

- А я не боюсь, я тут еще в детский сад ходила, в музыкальную школу, - крикнула она в ответ.

- Это правда, мы тебя убьем, - решил Бараев, взбешенный тем, что из-за какой-то блондинки не старше его самого ситуация уходит из-под его контроля.

Ольга взглянула на него, как бы не понимая. В этот момент один из его подчиненных схватил ее за плечо. Какая-то женщина кричала, что девушка пьяна, чтобы они не убивали ее, но было поздно. Высокий террорист вывел ее через боковую дверь с левой стороны зала.

Ольга не сопротивлялась. Когда они переступили порог зала, террорист легонько подтолкнул ее в сторону гардероба, так что она исчезла из поля зрения даже тех заложников, которые сидели рядом с выходом. Сам же террорист продолжал стоять в дверях, и зрители хорошо видели, как он поднял автомат. Из-за двери раздался страшный крик, заглушенный короткой серией из «калашникова». Вероятно, Ольга успела обернуться и сделать шаг в сторону своего убийцы, потому что эксперты позже определяют, что она получила три пули в грудь, а ладони обожжены пороховыми газами из ствола автомата. Это могло произойти только в том случае, если она стояла близко от своего убийцы с протянутыми в его сторону руками.

Чеченец выстрелил, вернулся в зал и закрыл за собой дверь.

В зале воцарилась тишина, от которой кровь стыла в жилах.

- Когда убивали Романову, я закрыла глаза и заткнула уши руками, - говорит Ирина Филиппова. - Это было невыносимо. Тогда я поняла, что оправдываются мои самые страшные предположения, что их слова о расстрелах - это серьезно. Я поняла, насколько они безумные. Ведь эта маленькая, хрупкая девушка ничего им не сделала.

Примерно через час на сцену вышли Абу Бакар и Бараев. Может быть, они сами поняли, что не следовало убивать девушку, потому что это разрушило образ романтических борцов за свободу и справедливость, которые добиваются окончания войны, но никому не собираются приносить зла. А может, - как кое-кто предполагает - руководители двух молодых чеченцев, издаലെка контролирующая операцию, устроили им взбучку? Это вполне правдоподобно, так как после расстрела Романовой Бараев позвонил, в частности, в редакцию Интернет-портала «Кавказ-Центр». Он наверняка также разговаривал с людьми, руководящими операцией извне. Наверное, именно они и подсказали, как объяснить случившееся. Во всяком случае, у Филипповой создалось впечатление, что оба главаря оправдывались.

- Вы поняли, почему мы ее расстреляли? - задал Абу Бакар риторический вопрос людям, сидящим в зале. И сам тут же ответил на него: - Она была из ФСБ. То же самое они делали в Буденновске. Подсылали пьяных людей, чтобы спровоцировать бунт среди заложников. Абу Бакар повторил свое объяснение, явно ожидая реакции зрителей, но в зале царил тишина. Бараев поддержал коллегу, но тоже безрезультатно. Взбешенный, он наконец крикнул: «Понятно?!!»

- И тогда все закивали головами, что все понятно, но я думаю, что это не потому, что они поверили их словам, - говорит Филиппова. - Люди кивали, как будто наконец поняли, какие перед ними звери.

Примерно в то же время, когда Бараев и Абу Бакар толковали о пьяной агентке ФСБ, на сайте чеченских сепаратистов появилось короткое сообщение. Террористы утверждали,

что расстреляли агентку ФСБ, проникшую в здание, несмотря на неоднократные предупреждения, запрещающие ей делать это.

В ту ночь погиб еще один человек, который пытался своими силами спасти заложников.

О его расстреле, однако, чеченцы на своем сайте не сообщили.

О нем известно значительно меньше, чем о Романовой.

Тридцатипятилетний подполковник Константин Васильев был военным юристом. Он родился в провинциальном Сарове, небольшом городке под Нижним Новгородом, который с 1946 года является важнейшим советским, а теперь российским ядерным центром. На переломе 80-х - 90-х годов он стал известен как Арзамас-16, а позднее вернулся к своему историческому названию. Васильев с серебряной медалью окончил там среднюю школу. Потом было училище Ракетных войск в Краснодаре, служба в ракетных войсках стратегического назначения (ядерное оружие), наконец, окончание с отличием военной академии в Москве. Молодой офицер остался в столице, служил в военной прокуратуре. В Москве же, но отдельно от него, жила его четырнадцатилетняя дочь с матерью.

Как утверждают его приятели, взгляды Васильева всегда тяготели к националистическим, ультрапатриотическим. При этом он был очень эмоциональный, болезненно реагировал на все, что, как он говорил, било по гордости русского народа.

Примерно в полпервого ночи 24 октября он позвонил одному из своих друзей, Сергею Ващуку. Он ужасно переживал нападение террористов, не мог думать о том, в какой ситуации оказались россияне, запертые в театре на Дубровке. Для него это была просто великая национальная трагедия, он воспринимал ее, как личную.

В тот вечер он допоздна работал и, как утверждают друзья, ушел с работы без каких-нибудь служебных документов, зато в парадном мундире. По всей вероятности, он уже тогда задумал прорваться в театр, и мундир должен был ему в этом помочь - обычно он возвращался домой в штатском костюме. В последний раз его видели примерно в 3-4 часа утра 24 октября. На следующий день не явился на работу.

Неизвестно, как он прорвался через оцепление. Не исключено, что помог офицерский мундир и военное удостоверение. Многие указывают на то, что он вошел в театр сзади, через служебный вход, как ходят актеры. Друзья предполагают, что он хотел предложить обмен - террористы отпускают детей, а его берут в заложники. Однако никто не знает, удалось ли ему сделать террористам такое предложение, что он делал в здании и где наткнулся на террористов. Говорили ли они с ним, били, издевались? На эти вопросы нет ответа. Известно только, что его прошили шесть пуль калибра 5,45мм, выпущенных из автомата Калашникова.

Совершенно не ясно также, когда он погиб. Примерно в шесть утра журналисты слышали доносящиеся из здания театра звуки автоматных очередей. Появилась информация, что террористы убили милиционера, но этого позже никто не подтвердил. Не исключено, что это был именно Константин Васильев, которого приняли за представителя карательных органов.

В Доме культуры настало время утренней молитвы.

ЧАСТЬ II

Глава 12

Для всех находящихся в зрительном зале убийство Ольги было не только шоком - оно стало переломным моментом. Прежде всего для тех, кто все еще не верил в серьезность

планов террористов. К утру четверга, 24 октября, последняя искорка надежды почти погасла.

Заложников охватила апатия. Большинство не спали уже почти сутки, ведь до театра все они прожили обычный день - были на работе, утром отправляли детей в школу. Шли часы, дни и ночи, но сон не приходил. А они как будто спали наяву - шок, трагические события, скачки адреналина - все это притупило ощущения. Многие замкнулись в себе, почти не замечая того, что творится вокруг. Это была форма защиты - побег от людей с оружием в руках, от их угроз.

- Заложники вели себя по-разному, - вспоминает Маргарита Дубина, латышка, которая пришла на спектакль с двумя взрослыми детьми, Александром и Кирой Зельцерман. - Были и такие, которые впадали в панику и почти непрерывно плакали, а потом, когда стали раздавать лекарства, целыми пузырьками пили сердечные капли и брали их только для себя.

Лишение людей свободы привело к тому, что жизненное пространство каждого заложника съежилось внезапно до размеров зрительного зала, и даже больше - до одного театрального кресла, которое вдруг стало целым их миром. Нельзя было встать - это грозило смертью. А время превратилось в капризную, медленно плывущую реку, которая в какие-то моменты, когда события вдруг набирали обороты, превращалась в стремительный и бурный поток. А главное - река эта не текла прямым руслом, она резко сворачивала, вилась странными излучинами, разделялась на не связанные между собой протоки. Потом, уже через несколько дней после штурма, бывшие узники не могли вспомнить хронологии событий - что случилось раньше, что позже. Не в состоянии были восстановить причинно-следственные связи между событиями. Что-то для одних длилось секунды, для других было вечностью. Были события, полностью поглотившие внимание заложников в одном конце зала, в то время как в другом их никто вообще не заметил. Повод такого разного восприятия времени был очевиден - в зале непрерывно горел свет, и не было окон. В такой ситуации день и ночь, по существу, не отличаются друг от друга. Как написал заложник Александр Сталь в своих воспоминаниях, опубликованных в Интернете, ночь отличалась только тем, что тогда террористы не выпускали заложников в туалет.

«Организм вообще вел себя непонятно - я засыпал на пятнадцать минут, а казалось, что спал несколько часов. Сердце билось с частотой 100-120 ударов в минуту. Я сильно потел, мучила жажда. Есть не хотелось. Спать сидя, да и просто сидеть, было ужасно неудобно», - написал Сталь.

И чуть дальше добавил: «Время шло очень медленно. Хоть у меня были часы, уже 25 октября днем я начал терять ощущение времени - какой сегодня день, сколько мы здесь сидим».

Один Георгий Васильев мог свободно передвигаться по залу, он все еще был нужен террористам, которые не умели обходиться с театральной аппаратурой. А он пытался этим воспользоваться и выторговать для заложников хоть небольшое послабление.

- Я все время был чем-то занят, был как бы в центре какой-то постоянной борьбы, какой-то сложной шахматной партии, которая лично мне очень помогла - я вдруг попал в привилегированное положение. Другим было значительно труднее, они были фактически прикованы к креслам. Им запретили вставать, звонить, поворачивать голову и даже разговаривать - конечно же, им было намного сложнее. И физически, и морально, - сказал Васильев в одном из интервью.

Наверное, именно поэтому реакции людей были прямо противоположными.

- Психически мы были абсолютно измотаны, - вспоминает Ирина Филиппова. - Я не могла спать, но иногда мне удавалось на какое-то время отключиться. Это были такие странные моменты, когда время неожиданно проскакивало. Я была уверена, что не спала, а часы показывали уже другое время, а я бы голову дала на отсечение, что все время смотрела на них и даже глаз не сомкнула.

Только немногие сладко спали. Двадцативосьмилетний Александр Зельцерман, сын Маргариты Дубиной, тоже гражданин Латвии, как только понял, что акция террористов быстро не закончится и сидеть придется не одни сутки, как ни в чем не бывало заснул и проспал большую часть тех пятидесяти семи часов, которые заложники были в руках чеченцев.

- Нервы у меня крепкие, я же директор школы, - объяснял он с радостной улыбкой удивленным соседям, когда просыпался.

- Не везде в зале было плохо. В нашем углу царил дружеская атмосфера, люди так сжились, что к нам приходили даже с других концов зала, - рассказывала Виктория Кругликова, сидевшая в одиннадцатом ряду справа, рядом с выходом. Учительница, однако, уточняет, что «прийти с другого конца зала» было делом не простым - ведь заложникам запрещали вставать с мест. Чтобы перейти куда-то, надо было попроситься в туалет. И только выйдя из оркестровой ямы, можно было выбрать, куда сесть, возвращаться на «свое место» было не обязательно. - Мы беседовали, старались создать такую атмосферу, чтобы можно было как-то продержаться. В какой-то момент присела к нам женщина из другой части зала и говорит: «Ох, как у вас тут хорошо, там, где я сидела, царит такая депрессия и пессимизм, что выдержать невозможно. Все считают, что у нас нет никаких шансов выжить».

Именно там, в последних рядах, где преобладали пессимистические настроения, сидел парень, который позже, за несколько часов до штурма, бросился в отчаянии бежать буквально по головам других заложников. Попытка побега закончилась трагически. Атмосфера внутри театра постоянно менялась. Лучше всего, наверное, это описал Сергей Лобанков, актер и режиссер, который благодаря своим профессиональным навыкам прекрасно «чувствовал» зрителя.

- Если кто-то разговаривал, то очень тихо, - вспоминает Лобанков. - Измученные люди в основном молчали, стояла почти полная тишина. Иногда я чувствовал, как меняется атмосфера, все как-то расслабляется, или наоборот, напряжение сгущается и становится невыносимым. Моментами у меня было ощущение, что это не реальная жизнь, что все происходит на экране, а мы - «внутри» фильма. Зал забит заложниками, вокруг люди в масках и с автоматами. Странная, парадоксальная ситуация, полный сюрреализм.

Людей, напряженных до физического ощущения боли, лишенных даже малой толики свободы, не имеющих права без специального разрешения встать и выйти в туалет, разговаривать, все происходящее вокруг ужасало, болезненно ранило их психику. Страшнее всего, похоже, был один звук, такой обыденный, на который в нормальной жизни и внимания-то не обратишь.

- Я до сих пор не могу слышать звук рвущегося скотча, - сказал Николай Любимов. - Один из террористов все время сидел на сцене и без конца, кусочек за кусочком, рвал скотч. Этот звук был слышен везде. Он что-то склеивал, вроде шашки тротила или другой взрывчатки, потом вставлял туда запал, прикреплял, опять при помощи куска скотча, электрические провода и тянул их в глубь сцены, где террористы организовали своего

рода центр управления взрывными устройствами. Там были детонаторы, какие-то кнопки; казалось, что они могут сделать так, что все взлетит на воздух. Один из чеченцев все время оклеивал там скотчем заряды и раскладывал их по углам зала.

Сергей Лобанков тоже вспоминает, что взрывчатку, спрятанную у чеченок в поясах шахидов, постоянно поправляли, укрепляли, обматывали очередными слоями прозрачной липкой ленты. И эти действия сопровождалось звуком, который до сих пор для хореографа, как и для многих других, ассоциируется с опасностью и заставляет бывших заложников бледнеть и хвататься за сердце.

Были и другие звуки, доводившие до безумия измученных людей. На сцене террористы поставили магнитофон, найденный в репетиционном зале, где еще совсем недавно Лобанков готовил с детьми новый сценический номер. У чеченцев была с собой кассета с музыкой, напоминающей турецкую или арабскую - острые, раздражающие звуки инструментов, какие можно услышать на восточных базарах, и гортанные голоса певцов. Никто не может сказать, на каком языке они пели. Впрочем, для заложников это не имело никакого значения, сама музыка доводила их до сумасшествия. К счастью, чеченцы слушали свои песни не часто и не подолгу.

Многие заложники с нескрываемой ненавистью слушали молитвы террористов. Те, как пристало мусульманам, пять раз в день читали молитвы, причем делали это громко и демонстративно. Пожалуй, только это и позволяло заложникам отличать день от ночи. Рано утром в четверг, не прошло и трех часов с убийства Ольги Романовой, на сцену вышел Ясир, поставил автомат в угол и впервые певучим, прекрасно поставленным голосом прочел утреннюю молитву. А потом стал отбивать поклоны в сторону Мекки. Заложников это выводило из себя так же, как песни с кассет.

Но чаще всего в театре царила гробовая тишина, которую только подчеркивал едва слышный шелест голосов - террористы запретили громко разговаривать. Если люди немного оживлялись, чеченцы тут же принимались стрелять. Сначала стреляли в потолок зрительного зала, но когда Георгий Васильев предупредил, что подвесной потолок может рухнуть на зрителей, охранники стали выходить в коридор, откуда тут же раздавались серии автоматных выстрелов. Иногда был слышен взрыв гранаты.

- Таким способом они моментально восстанавливали порядок, - вспоминает Марк Подлесный. - Стреляли регулярно, раз в несколько часов. Мне кажется, больше пяти часов подряд поспать не давали. Всего во время нашего заключения в театре стреляли раз десять. Когда раздавались выстрелы, большинство людей падали на пол или забивались под кресла. И тогда террористы, главным образом женщины, кричали заложникам, чтоб они поднимались с пола, потому что сиденья и подлокотники кресел и так никого не спасут. Вот как рассказывает об этом Александр Сталь в своих воспоминаниях в Интернете:

«Всего мы падали на пол раз семь. Научились это делать очень быстро, заранее договариваясь, кто как будет лежать. Тяжко было так лежать на полу и слушать стрельбу. Зато появлялась надежда, что все скоро кончится. Не важно как. Впрочем, после двух дней многие, в том числе и я, перестали падать. Странное дело - не так ужасали сжимающие в руках детонаторы шахидки, как это падение на пол, когда ты прикрываешь голову руками и ждешь конца».

Мучительными были и запахи. Иногда было нетрудно их распознать, как например, запах дымящихся фильтров на рефлекторах, но чаще всего нельзя было понять, откуда они исходят, тем более что вскоре все заглушила ужасающая вонь мочи и кала. Вонь неслась

из оркестровой ямы, превращенной в отхожее место, и была такой невыносимой, что вынужденные сидеть в первых рядах люди обливались струями пота и были на грани обморока. Это была настоящая, изощренная пытка, впрочем, кажется, не планировавшаяся террористами, - в конце концов, им самим приходилось стеречь заложников в том же, все усиливающимся смраде. Многие уже через несколько часов натянули на лица маски и платки, такой ужасающей была эта вонь.

Планируя операцию, чеченцы просто не подумали о том, каким образом несколько сот человек смогут спокойно и цивилизованно отправлять свои физиологические потребности. И в результате сотворили кошмар - смердящую клоаку посреди зрительного зала с закрытыми дверьми и отключенной вентиляцией. А ведь как следует из некоторых высказываний террористов, они с самого начала предвидели, что их требования будут выполнены не раньше чем через неделю! Трудно даже вообразить, что бы творилось в зале театра на Дубровке после стольких дней.

Проблема с отпращиванием физиологических нужд появилась в первые же часы после захвата театра. Для заложников с балкона решилась она довольно просто. Поскольку террористы рассадили людей так - женщины с правой стороны балкона, мужчины с левой, то и в туалеты их выпускали по тому же принципу. Женщин почти сразу стали выводить в нормальный туалет в коридоре с левой стороны третьего этажа, в котором прятались беременная Ольга Трейман и театральная уборщица. Мужчин же выпускали направо, в репетиционную комнату, где еще недавно Сергей Лобанков проводил занятия с детьми. Там устроили импровизированный туалет - из пола вырвали металлическую крышку люка, под которой находился туннель с какими-то трубами, и мужчины просто пользовались этим отверстием в полу.

В отношении же зрителей партера террористы поначалу пробовали некие полумеры. Нормальный туалет отпадал, до него было слишком далеко идти по остекленным коридорам и холлу, попадая под обстрел снайперов, а чеченцы чувствовали себя крайне неуверенно в остекленных помещениях Дома культуры. Какое-то время роль туалета исполняла служебная лестница, расположенная значительно ближе, но и этот вариант вскоре перестал нравиться чеченским командирам.

И тут кто-то из чеченцев предложил использовать для этих целей оркестровую яму. Для Васильева мысль об этом была невыносима, он пытался сопротивляться, но тщетно. Он предложил, чтобы за занавесом, в боковых кулисах устроить из фанеры и картона две «будки», но чеченские командиры отвергли эту идею. Объясняли, что они не смогут уследить там за пленниками. Так что все заложники из партера - и мужчины, и женщины должны были ходить в оркестровую яму и опорожняться прямо на пол.

- Поход в туалет был делом трудным и в некотором смысле небезопасным, так как чеченцы тогда были очень агрессивны, - рассказывает Николай Любимов. - Каждый выход по нужде требовал их согласия. Надо было поднять руку и попроситься.

Ближайшая чеченка давала, или - что, к сожалению, бывало значительно чаще, - не давала разрешения.

Доходило до драматических сцен, когда заложники умоляли о разрешении, а чеченки их не пускали, потому что у барьера, отгораживающего оркестровую яму от зала, собралось слишком много людей. Бывало, чеченки говорили женщинам: «Сиди, я же как-то терплю!» И заложницы сидели, с трудом сдерживая слезы, потому что не были в туалете уже больше суток.

Иногда, ни с того, ни с сего, террористов начинала раздражать очередь в туалет, и они прогоняли людей от сцены, угрожая расстрелять тех, кто немедленно не сядет. Заложники стали занимать очередь, сидя в креслах и постепенно пересаживаясь все ближе к оркестровой яме.

Опасность, о которой упоминал Любимов, была вызвана тем, что чеченцы рассматривали идущих «по нужде» людей как потенциальную угрозу. Одного из заложников, например, избили прикладами и ногами по пустяковому, казалось бы, поводу - выходя из оркестровой ямы, он резко ответил часовому, который его обругал. Вход и выход из оркестровой ямы требовали также немалой физической подготовки.

- Высота барьера - около ста двадцати сантиметров, - рассказывает Любимов. - Не так легко перебросить через него ногу. Поэтому со стороны зала подставили стул. Сама же яма была намного ниже, примерно два метра вниз, и там построили настоящую пирамиду - какой-то стол, на нем тумбочка, на тумбочке табурет, а сбоку еще лесенка. Внизу человека окружали пюпитры с нотами и брошенные там крупные музыкальные инструменты: виолончель, контрабас, пианино, кажется, еще какие-то ударные. Люди спускались вниз и искали какой-нибудь уголок. Но после первого же дня там не было сухого места, и стояла страшная вонь. Хуже того, люди начали разносить нечистоты на обуви по залу, пачкали барьер, а о барьер - руки и одежду. А чеченцы все это сверху с удовольствием снимали на камеру.

Любимов был в туалете всего один раз. Потом, хоть много раз просился, чеченки его больше не пустили.

- Живот вздулся, начались страшные боли, - жалуется этот пожилой человек, даже через несколько месяцев все еще страдающий от заболеваний, начавшихся там, в зрительном зале.

Спуск в оркестровую яму с каждым часом требовал все большей самоотверженности.

- Это была пытка, - говорит Васильев. - Оркестровая яма быстро превратилась в кошмарную клоаку, где кровь смешалась с фекалиями. Не дай Бог никому пережить такое!

В конце концов, когда промокли полы, в импровизированном туалете вспыхнул пожар. Причина была простой. В оркестровой яме нельзя было выключить свет, там было бы совсем темно. Васильев решил, что освещать проклятый закуток будут лампочки на пюпитрах музыкантов. Произошло короткое замыкание, огонь разрушил изоляцию, потом загорелись ноты. К счастью, Васильев и Федякин были начеку - немедленно отключили электричество, принесли огнетушители и погасили пламя. Несмотря на такую опасность, террористы не изменили своего решения по поводу оркестровой ямы - она до конца служила туалетом.

Поначалу заложников выпускали под сцену поодиночке и с перерывами. Пока человек спустится вниз по шаткой пирамидке, сделает свои дела, вскарабкается наверх, проходит много времени. Васильев опять ходил к чеченским командирам и объяснял, что если каждый заложник из партера пробудет там хоть одну минуту, то очередь воспользоваться туалетом дойдет до последнего из шестисот зрителей партера через десять часов. После долгой дискуссии террористы разрешили заложникам спускаться под сцену по несколько человек сразу.

Впрочем, у них не было другого выхода. Недостаток сна и движения, кошмарный стресс, питье воды из крана и отсутствие еды привели к тому, что большинство заложников

начали страдать расстройством желудка. Того, что творилось во всех трех туалетах - под сценой и на третьем этаже, - словами не описать.

Заложники утверждают, что, несмотря на отсутствие еды, они не испытывали голода. Зато все хотели пить, особенно после того, как чеченцы выключили вентиляцию и в зрительном зале стало жарко и душно.

Воды не хватало практически все время. Захватив театр, чеченцы обнаружили в буфете только небольшой запас минеральной воды, газированных напитков, бутербродов и шоколадок и стали раздавать все это еще ночью.

- Сначала принесли из буфета маленькие бутылочки фанты и пепси, - вспоминает Любимов. - Раздавали их в каждом ряду, так что на четырех человек приходилась одна бутылка.

Напитки, однако, быстро закончились, впрочем, сладкая фанта или кола не утолили жажду - пить хотелось еще больше. Поэтому Любимову пришла в голову другая идея.

- Я сказал чеченке, которая сидела рядом со мной: «Передай своим командирам, что за сценой есть два туалета», - вспоминает Любимов. - Можно набрать воды из крана в какую-нибудь посуду и раздавать людям». Она сначала сказала: «Сиди спокойно!», но потом все-таки пошла, поговорила с командиром, вернулась и говорит: «Не позволил!»

Но в конце концов все-таки взяли нескольких заложников покрепче и велели им принести воду в пластиковых канистрах, примерно тридцатипятилитровых. Таких канистр было четыре, их расставили в разных концах зала в равных промежутках. А поскольку у людей остались бутылочки из-под напитков, теперь можно было набрать себе воды. Одна канистра стояла рядом со мной, и я тоже налил себе полбутылки. Я предвидел, что будут проблемы с туалетом, поэтому почти не пил. Так, мочил губы время от времени. Конечно же, ни к чему хорошему это не привело - организм обезводился, и у меня еще долго были из-за этого проблемы.

Самим террористам пришла в голову еще одна идея. Забрали из буфета коньяк и виски и разносили воду в бутылках из-под «Хеннесси» и «Балантайна». После штурма российская пропаганда утверждала, что чеченцы пили спиртное, и даже показала фотографию убитого Мовсара Бараева, которому кто-то вложил в руку бутылку «Хеннесси», но это неправда. Взяв театр, десантники обнаружили в подсобке буфета настоящее озеро ароматного французского коньяка, вылитого туда террористами.

Оперативный штаб не слишком утруждал себя. Только в пятницу доставили небольшое количество воды и соков, хотя, как утверждает Васильев, длинный список необходимых заложникам вещей, прежде всего напитков, он передал еще в четверг. Официальные власти сообщали, что террористы отказались принимать напитки и еду. Возможно, они действительно опасались подвоха, но более правдоподобно, что спецслужбы не особенно трогали страдания заложников.

- Я даже не просил еду, просил то, что нужно было срочно, -желудочные, сердечные средства, - вспоминает Васильев. - К сожалению, ничего такого мы не получили, передали совсем не то.

О фатальной работе тех, кто якобы занимался спасением заложников, рассказывала мне и Анна Политковская. В пятницу после обеда, выйдя из Дома культуры, она дала свои деньги журналистам, стоящим за оцеплением, и просила купить минеральную воду и соки для заложников. В штабе ничего этого не было!

Значительно хуже обстояло дело с питанием. В буфете после антракта осталось немного бутербродов, а кроме них были только шоколадки и жевательная резинка. Террористам

пробовали объяснить, что заложникам нужна еда, но безрезультатно. «Мы уже давно убедились, что человек может долго выдержать без еды», - отвечали они, ссылаясь на свой военный опыт. Поэтому именно сладости были основным питанием заложников в течение всего их пребывания в театре. И редко кому удалось получить больше пары крошечных упаковок.

Впрочем, чеченцам быстро наскучило разносить и раздавать сладости заложникам. Вскоре один из них с коробкой шоколадок в руках встал на сцене и начал горстями бросать конфеты в зал. Многие заложники утверждают, что ему это занятие явно нравилось, а для них было унижительно.

- А может, объявить голодовку? - крикнул кто-то из зала, вызвав общее веселье. Видно, зрители «Норд-Оста» не теряли присутствия духа даже в такой ситуации.

Стресс, проблемы с желудком, неудобства, отсутствие сна привели к обострению заболеваний, которыми некоторые заложники страдали и раньше, а у многих проявились недомогания, которых они раньше не знали. В зале были пожилые люди, и на их здоровье заключение повлияло особенно сильно. У англичанина, о котором упоминал Васильев, было больное сердце. Яха Несерхаева, чеченка, не признавшаяся в том, что она землячка террористов, страдала от болезни сердца, легких и к тому же недавно перенесла тяжелую операцию. Рядом с Ириной Филипповой сидела пожилая женщина с тяжелой артритом. Но страдали не только старики. Сын профессора Марии Школьниковой, врача по профессии, страдал астмой. Алексей Шальнов, один из мальчиков, занимавшихся с Сергеем Лобанковым, в тот день впервые пришел на репетицию после только что вылеченного гриппа; у него вскоре началось воспаление легких.

Наиболее драматичным, и к тому же таинственным, был, кажется, случай Игоря Денисова из «Иридана». Денисов со своей группой попал в руки террористов из левого крыла здания, того, где работал сторож Николай Любимов. Большинство детей были старшего школьного возраста, но среди них оказалась и одна маленькая девочка, ученица начальных классов. Именно ее единственную террористы отпустили в первые же часы после захвата театра. Именно ей Игорь крикнул: «Бегом в метро и домой!»

До сих пор неизвестно точно, что произошло с Денисовым. В четверг утром он почувствовал страшную боль в нижней части живота и упал в проход между креслами. Все в театре слышали его стоны. Его немедленно перенесли и положили у стены. Врач Мария Школькова, детский хирург, осмотрела его по мере возможности, спросила, что у него болит и сказала чеченцам, что это приступ аппендицита и что если он немедленно не будет отправлен в больницу, умрет в страшных муках.

- Террористы уже хотели его выносить, когда вдруг Бараев начал орать: «Куда? Зачем?», - рассказывает Ирина Филиппова. - Школькова объясняет, что Игорь не выживет, а Бараев пожимает плечами: «Значит расстреляем! Пусть подыхает». И приказывает вынести его в холл. Это было ужасно. Мы не слышали выстрелов, но казалось, что его действительно расстреляли. А в пятницу его внесли обратно. Он был как мертвый, не двигался. Его положили где-то сзади, между последними рядами.

В конце концов Денисов все-таки выжил. Потом он рассказывал, что лежал в холле почти без сознания, но видел иногда проходящих мимо переговорщиков. Поскольку временами он действительно терял сознание и выглядел как труп, в четверг к вечеру власти объявили, что он умер от перитонита. На короткое время он стал очередной жертвой террористов. Но пережил и штурм, и газовую атаку, после которой, как все остальные, попал в больницу, где оказалось, что это все-таки не был аппендицит. Врачи не

обнаружили причины страшной боли, мучавшей его в течение двух дней. Наверное, это был какой-то спазм на нервной почве.

Были и другие, хоть не столь острые, случаи. Террористы прекрасно понимали, что без врачей им не обойтись, тем более что и среди них был раненый. Один из чеченцев, Рашид, вероятно в момент первой атаки на театр, глубоко разрезал и порвал внутреннюю часть ладони. Несмотря на многократные перевязки, кровь все еще сочилась сквозь бинты. Правда, у чеченцев были с собой хорошо подобранные аптечки - анальгетики, перевязочный материал, пластыри, шприцы; тем не менее они не могли сами помочь Рашиду и многим заложникам. Нужны были врачи.

В зале было несколько специалистов высокого класса. Детский хирург, профессор Мария Школьникова пришла в театр с мужем и сыном; муж, однако, пообещав террористам организовать пресс-конференцию с западными журналистами, вышел на свободу в самом начале драматических событий, в первые же часы после захвата театра. В четверг, ближе к полудню, Школьниковой удалось убедить террористов, что ее сын серьезно болен и без специальных средств не сможет прожить в этих условиях нескольких дней. Отпустили и его. Вскоре террористы отпустили и саму Школьникову, которая вышла, чтобы лично прочесть перед камерами обращение к президенту Владимиру Путину, в котором заложники умоляли не идти на штурм.

Школьникова помогала людям, в основном поддерживая их морально, ведь поначалу у нее не было никаких лекарств. И, так же как Васильев, старалась смягчать отношение чеченцев к заложникам.

- Она вела себя с террористами, как с несносным ребенком, которого, будучи врачом, она вопреки его желанию обязана вылечить, - рассказывает Филиппова. - Очень спокойным голосом объясняла им простейшие вещи. Когда надо было кого-то выпустить или за кого-то заступиться, она подходила к ним и говорила: «Это человек очень болен, слово даю, он не выживет». Но этот аргумент не действовал, они на это отвечали: «Ну, так мы его расстреляем». Однако все больше прислушивались к ней, вероятно поняв, что она для них не представляет опасности, и с определенного момента ей все чаще удавалось смягчать напряженную ситуацию.

Как утверждают заложники, она приводила в себя даже слишком эмоциональных журналистов. Именно она часто звонила на радио и телевидение, очень деловито рассказывая о том, что происходит в театре и, например, спрашивала: «Зачем спецчасти стоят вокруг театра?» Тем самым давая понять: террористы все время слушают радио и смотрят телевидение, не рассуждайте о деталях и передвижениях войск. Но - как считают бывшие заложники - для террористов это звучало вполне естественно, они были довольны такими ее действиями. В конце концов ее освободили в качестве представителя заложников, который должен был добиваться от их имени выполнения требований террористов и отказа от планов штурма.

- Она прямо излучала спокойствие, но перед самым ее выходом я увидела, каких сил ей это стоило, - вспоминает Ирина Филиппова. - У нее было абсолютно серое лицо, ни кровинки. Видно, она очень беспокоилась о муже и ребенке, хоть никак этого не показывала.

В партере сидели также два врача из Краснодара. Владислав Пономарев, заведующий гинекологическим отделением 2-й городской больницы в Краснодаре, и его друг и подчиненный, Олег Магерланов. На спектакль они попали совершенно случайно. Были в

Москве на научной конференции и решили вечером сходить в театр. Владислав предлагал «42-ю улицу», но Олег не знал английского, поэтому они пошли на «Норд-Ост».

Оба доктора знали, что перепуганные люди впадают в истерику, что стресс отрицательно сказывается на их здоровье. Случалось, что заложники теряли сознание от одних угроз, и тогда, несмотря на возражения террористов, врачи подходили к нуждающимся, делали массаж, приводили в чувство. В течение первых суток у них практически не было никаких лекарств, их принесли только во второй половине дня в четверг. Тогда стало легче успокаивать людей.

Они до конца помогали людям. К сожалению, для них штурм закончился трагически - Олег Магерланов погиб во время газовой атаки.

В свою очередь на балконе больным заложникам помогала хирург Фатима Шахова, врач из Кабардино-Балкарии. Всего два года назад она окончила медицинскую академию и в момент теракта работала аспиранткой в одном из московских научно-исследовательских институтов. Был момент, когда террористы хотели ее расстрелять, так как решили, что она помогла бежать двум заложницам. А после штурма сотрудники ФСБ подозревали, что она могла быть одной из террористов: женщина была с Кавказа, ее, брюнетку со смуглой кожей, можно было принять за чеченку.

Больным помогала и Мария Крылова, администратор театра, которая добровольно отдалась в руки террористов. Она повесила себе на шею стетоскоп, ходила между рядами и просто разговаривала с больными. Как Школьникова и врачи из Краснодара, она не могла им по-настоящему помочь, но давала что-нибудь успокоительное или болеутоляющее, а иногда и просто аспирин. Как заметил кто-то из заложников, людям часто даже не нужны были лекарства, они только хотели поговорить, услышать слово поддержки, хотели, чтобы кто-то подержал их за руку.

Связь между террористами и оперативным штабом удалось установить только в четверг ближе к полудню, и тогда чеченцы потребовали, чтобы в театр пришли врачи. Но не соглашались на то, чтобы это были россияне. По одной из версий, они требовали иорданцев, поэтому, хоть в штаб обратились с предложениями о помощи, в частности, французские «врачи без границ», в четверг во второй половине дня власти сообщили, что в театр пойдут двое врачей-иорданцев. Только значительно позже появилась информация, что одного из них зовут Ахмед Заке. Фамилия второго врача еще какое-то время держалась в тайне, наконец оказалось, что это был россиянин, Леонид Рошаль.

По словам специалистов, Леонид Рошаль - выдающийся, очень известный в медицинских кругах детский хирург. Он руководил отделением травматической хирургии Научного центра здоровья ребенка при Российской академии медицинских наук. Прославился как врач, несущий помощь детям во время войн и катастроф. Ездил помогать жертвам землетрясений в Армении, Грузии, Японии, Индии, Турции и Афганистане, лечил детей во время революции в Румынии в 1990 году, был на войнах в Югославии, Нагорном Карабахе и Чечне, лечил людей во время «Бури в пустыне» в Персидском заливе.

Рошаль, несмотря на свои почти семьдесят лет, выглядел внушительно - прямой как стрела, с высоко поднятой головой и белыми как снег волосами. И всегда в безупречно белом халате, который даже после многих часов пребывания доктора в театре выглядел свеженакрахмаленным. В контактах с террористами он был предельно конкретен, спокоен и, как утверждали заложники, неспешен, но именно эта медлительность чрезвычайно успокаивала всех - и террористов и их пленников.

Трудно, собственно говоря, объяснить, как ему удалось расположить к себе террористов, - несмотря на то, что он не был иностранным врачом, его впустили, и вскоре даже террористы прониклись к нему доверием. Вероятно, он напомнил им, что во время своих многократных поездок в Чечню лечил и чеченских детей, а может, налетчики узнали его. Террористы трактовали партер, как особую зону, об этом говорили все заложники. Они заметили, что на балконе дисциплина была значительно мягче, например, можно было лечь в проход между креслами, чтоб немного поспать. Разницу эту подтверждает и тот факт, что обоих врачей - Рошалья и Заке -пустили только на балкон. Но сначала террористы заставили их вынести из театра тело Ольги Романовой. Для обоих врачей это был страшный момент. Несли ее, держа под руки, а ноги убитой девушки волочились по земле. Тело передали милиции примерно в 17.15 в четверг.

Направляясь в театр, Рошаль взял с собой полную сумку лекарств и, как только оказался на балконе, стал раздавать их нуждающимся. Часть передал своим коллегам по профессии, находившимся в партере. Школьникова тогда уже была на свободе, но там действовали оба врача из Краснодара и Фатима Шахова. Рошаль позже назвал их настоящими героями, до конца сохранившими верность клятве Гиппократова.

Рошаль ни разу не проявил страха перед террористами, вел себя с ними спокойно и в то же время свысока, как бы давая понять, что он здесь главный. Пытался навязать свою волю, что временами страшно нервировало этих молодых, необразованных мужчин, для которых давно единственным аргументом был калашников.

- Он все делал страшно медленно, как будто никуда не спешил, - рассказывала Филиппова. - Я слышала, как один из террористов в какой-то момент крикнул ему: «Ну чего выпендриваешься? Профессор, что ли?» А он, гордо выпрямившись, спокойно ответил: «Да, профессор».

Профессор Рошаль пришел к выводу, что заложникам прежде всего необходимы успокоительные средства, что-нибудь снижающие давление и капли для глаз. Больше всего его беспокоило состояние удерживаемых в театре детей. Оказалось, что один из них страдает эпилепсией, у другого острый бронхит, а еще у одного воспаление легких. Пока продолжалась трагедия заложников, Рошаль много раз приходил в театр, приносил лекарства.

Уже в ходе своего первого посещения он устроил в туалете на третьем этаже процедурный кабинет; счел это наиболее подходящим местом, поскольку там была вода. Сначала одному из заложников, молодому парню, перевязал рану на предплечье. Наверное, во время стрельбы пуля разбила лампочку и кусочек стекла поранил сидящего на балконе парня. Потом перевязал ладонь чеченцу и ногу другому раненому террористу, которого задела пуля снайпера во время побега двух заложниц, случившегося именно тогда, когда Рошаль впервые пришел в театр. Ему ассистировала Фатима, врач с балкона. Когда Рошалья спросили, что он испытывал, когда помогал террористам, он очень коротко ответил:

- Я прежде всего врач и вначале должен вылечить пациента, а потом пусть его судят. Несмотря на первое недоверие, террористы вскоре стали проявлять к нему симпатию. К сожалению, побег двух заложниц чуть не окончился для доктора трагически. Террористы решили, что он подосланный агент спецслужб, и не хотели его выпускать. Непокоримое спокойствие доктора, однако, заставило их вскоре опять поверить ему, свидетельством чему стало освобождение вместе с ним восьмерых детей, все еще оставшихся в театре, несмотря на звучавшие до этого заверения Бараева. По этому поводу Бараев даже

поднялся на балкон, а когда объявил об освобождении детей, опять заработал аплодисменты всего зала.

Рошаль, однако, не сомневался, что террористы все это время ему не доверяли. Хоть он входил в театр шесть раз, его каждый раз обыскивали - искали скрытые камеры, проверяли швы пиджака и стетоскоп. Доктор убежден, что, если бы они нашли что-то подозрительное, ни секунды не размышляя, убили бы его. Бараев как-то сказал: «И что из того, что он детский врач, ему мы тоже не верим, они все агенты спецслужб». Честно говоря, врачи мало чем могли помочь заложникам. Успокоительные и обезболивающие лекарства не отгоняли тяжелых мыслей и парализующего страха смерти. С этим каждому приходилось бороться самостоятельно.

Александр Сталь в своих воспоминаниях в Интернете описывает три чувства, с которыми труднее всего было справиться.

«Во-первых - беспомощность. Мне кажется, я очень реально оценил свои возможности. У меня не было мобильного телефона, значит, я не мог отправлять SMS. Малейшая попытка сопротивления была обречена на провал. Естественно, я без труда мог вырвать пистолет из рук шахидки, а может, и пристрелить двух-трех террористов, но оставшиеся в живых уничтожили бы меня, не позволив воспользоваться минутным превосходством. Причем это стоило бы жизни еще нескольким заложникам. Даже если бы мне кто-нибудь помог и мы обезвредили бы большинство террористов, что, впрочем, представляется абсолютно неправдоподобным, остальные успели бы детонировать заряды взрывчатки. Поэтому я понимал, что, даже пожертвовав жизнью, я не мог бы в этой ситуации ничего сделать, никого спасти. Это мучило больше всего.

Во-вторых - мысль о том, что, возможно, все наши мучения напрасны. Вот мы здесь сейчас страдаем, а через несколько дней все равно погибнем. Но эту мысль удалось отогнать. Достаточно было припомнить, что множество людей уже боролись за жизнь в значительно более безнадежных ситуациях и выжили.

Наконец, в-третьих - ощущение абсолютной безнадежности. И именно это чувство во мне превалировало. Я понимал, что из-за нас никто не станет выводить войска из Чечни. А это значило одно - оставался только штурм. Но как штурмовать здание, нафаршированное бомбами, где в каждом втором ряду сидят шахидки с пластидом, а все боевики держат в руках гранаты? Шансов выжить не было. Наиболее правдоподобным представлялся мне такой вариант - наши объявляют о выводе войск, террористам и заложникам дают коридор до Чечни, мы переходим из театра в автобусы, и в этот момент начинается штурм. В такой ситуации шансы на выживание можно оценить пятьдесят на пятьдесят». С чувством отчаяния, безнадежности и депрессией люди боролись по-разному. Каждый старался найти что-то, что ему больше всего помогало. И как это обычно бывает в таких ситуациях, реакции людей бывали поразительными.

Васильев, Школьников и Крылова помогали товарищам по несчастью, при этом боролись с террористами за очередные послабления в пользу заложников - благодаря этому они не думали о своих проблемах, у них просто не было на это времени.

Георгий Васильев пользовался любой возможностью, чтобы поддержать дух заключенных, - в конце концов, это была «его публика».

- Я подошел к Бараеву и говорю: «Может, я скажу людям пару слов, поддержку их морально?» - вспоминает Васильев. - «Ну, говори», - сказал Бараев. Я вышел вперед и говорю: «Может, вам это покажется несерьезным, а может, кому-нибудь поможет, но многие ясновидящие утверждают, что все будет в порядке». Вы бы только видели

реакцию людей! Это было потрясающе. Позже многие мне говорили: «Я ни в каких ясновидящих не верю, но на душе полегчало».

Актеры, в свою очередь, постоянно всем напоминали, чтобы люди не теряли билеты, потому что, как только этот кошмар закончится, спектакль обязательно покажут до конца. А поскольку трудно было предвидеть, когда это произойдет, актеры пересказывали соседям продолжение истории Кати Татариновой и Саши Григорьева и даже пробовали ее разыгрывать.

Марк Подлесный рассказывает, что делал все, чтобы успокоить сидящих рядом англичан - Ричарда Лоу, его мать и отца, у которого была серьезная болезнь сердца; впрочем, в какой-то момент его выпустили, о чем я уже упоминал. Марк рассказывал им анекдоты, бурно дискутировал с ними на всевозможные темы, иногда громко и с юмором комментировал то, что происходило в зале, лишь бы иностранцы улыбнулись. Короче говоря, вел себя как хозяин, отвечающий за своих гостей, с которыми, к сожалению, случилось нечто неприятное - попали в руки террористов, да еще как раз на спектакле, в котором он играл. И Марк старался изо всех сил, потому что это были, как он сказал, настоящие иностранцы.

- Иностранцы делятся на несколько категорий, - объясняет Марк. - Есть иностранцы настоящие и такие, которые раньше были гражданами СССР, а иностранцами стали только недавно. Но мы продолжаем говорить на том же языке, воспитывались мы с ними в одинаковых условиях. Так вот им, «не совсем настоящим иностранцам», было легче. Они же живут в странах, где проблемы такие же, если не хуже, чем в России. А мы, россияне, бывшие советские люди, независимо от того, где живем, всегда готовы к тому, что на улице или в метро нас могут толкнуть, стукнуть или устроить скандал. У нас своего рода иммунитет. Настоящий иностранец, приехавший из Германии или Англии, где жизнь более цивилизована и безопасна, не имеет «российской закалки», и там, в зале, было видно, как сильно они все происходящее переживают. Наши люди, россияне, тоже были измучены, но для них акция террористов была как кино.

Марк Подлесный тоже боялся, но прятал страх глубоко в себе, не хотел его показывать, старался о нем забыть. То, что творилось в начале теракта - выстрелы, разбитые лампы, - было для Марка ужасным, ведь это был в каком-то смысле его театр. Он был для него как дом родной, а тут какие-то террористы разбивают усилители и ломают декорации. Это волновало до глубины души и повергало в ужас. Но молодому актеру удалось преодолеть страх. Раз ничего сделать не можешь, значит, надо успокоиться. Все кончится хорошо, сказал себе Марк Подлесный. Но больше всего его поддерживало то, что он не один, вокруг сотни других заложников. Иногда ему казалось, что он прекрасно укрыт и никто его не видит. До момента, когда в пятницу, во второй половине дня, террористы не указали на него и одного из его коллег, Андрея Суботина, и вывели их в коридор. Они должны были принести с первого этажа доставленные туда коробки с соком и едой.

- Тогда появился ужасающий, какой-то животный страх, - неохотно вспоминает Марк. - Я, конечно, знал, что мы идем за соками, но все равно боялся. Неожиданно появилась мысль, что меня могут расстрелять, и в одну секунду подавила все остальное. Это ужасно, когда тебя ведут неизвестно куда и зачем, вокруг абсолютная пустота, в тишине несется эхо шагов, а рядом с тобой идет человек с автоматом, и неизвестно, что ему придет в голову. В коридорах было не совсем пусто, там стояли два или три террориста с «калашами», но это отнюдь не успокаивало. В зале я был спокоен. И вдруг выпало на меня, и я опять стал бояться. Злился на себя, но не мог сдерживать страх. Говорил себе: «Что ты творишь?! Ты

же уже успокоился! Ну что с того, что тебя убьют? Ну убьют, и все!» Но это не помогло. Когда мы вернулись с соками в зал, камень с души свалился. Только тогда я вздохнул свободно - ну наконец среди людей. Все вдруг стало веселым, радостным и ярким - никто меня расстреливать не будет, мы просто пошли за соком.

Подобную же историю пережил и Александр Сталь. Один из террористов выбрал несколько заложников, чтобы - как он с юмором висельника заявил - «пройтись освежиться». Среди отобранных был и Саша Сталь. Чеченца спросили, зачем он ведет их в холл, он ответил: «Может, расстреляем, а может - нет».

«Я не чувствовал страха, - пишет Сталь. - Подумал: если что, прыгну с разбега в окно, а там - будь что будет. Больше я ничего сделать не могу. В фойе нас построили в шеренгу и приказали забаррикадировать лестницы и двери. Мы доставали из склада разную рухлядь, ставили на подоконник или бросали на лестницу, а террорист укреплял все и минировал. Ставил мины-ловушки. Мелькнула мысль, что я ставлю баррикады против своих. И тут же подумал, что, если они будут штурмовать через окна, у нас и так нет шансов, будут ли там баррикады или нет. С тоской смотрел на мир за окном - там была Свобода. До сих пор я всегда был свободным, всегда сам мог решить, идти куда-то или нет. А теперь у меня свободу отобрали. Закончив работу, мы постояли еще несколько минут в фойе, я воспользовался этим и сделал несколько гимнастических упражнений. Подумалось - может, хватит у них ума, не пойдут на массивированный штурм. Тогда мы должны выжить. Потом отогнал от себя все мрачные мысли и вернулся в зал».

Саша Сталь описывает еще одну историю такого мнимого расстрела.

«Позже у одного мальчика нашли мобильный телефон. К этому времени все уже отдали свои аппараты, звонки запретили, за это грозил расстрел (...). Вывели его в фойе и сказали, что расстреляют. Прозвучало несколько выстрелов, потом мальчик вернулся. Мы ни о чем не спрашивали, а он ничего не рассказывал. Думаю, они несколько раз выстрелили над его головой».

Чтобы не дать себя запугать террористам, заложники прибегали к разным способам.

Некоторые даже пробовали читать книги.

Виктория Кругликова, несколько дней назад заглянувшая в книжный магазин, взяла с собой одну из купленных там книг. Это была поэзия Марины Цветаевой. Она уже пару дней с ней не расставалась и даже в среду, когда она отвозила домой коллегу с работы, они читали в машине стихи из этого томика. И теперь в театре Виктория достала из сумки книгу, и Ярослав вполголоса читал стихи соседям. Виктории запомнилось одно стихотворение, написанное Цветаевой 3 октября 1915 года, через год после начала Первой мировой войны. Там были такие слова:

Я знаю правду! Все прежние правды - прочь!

Не надо людям с людьми на земле бороться.

Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.

О чем - поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в росе,

Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,

И под землею скоро уснем мы все,

Кто на земле не давали уснуть друг другу.

Кругликова вспоминает, что ее дочь, Настя, поначалу впала в истерику, паниковала, все время повторяла: «Я не хочу умирать, я хочу жить». Поэтому, наверное, ее все запомнили, все сидящие поблизости пытались ее успокоить. А до сих пор всегда казалось, что

Анастасия - девушка с сильным характером. Поэтому Ирина и Виктория, если не хотели говорить открыто, просто переглядывались.

- Настя сразу взрывалась: «Что вы говорите, что случилось?» - вспоминает Кругликова. - Поэтому мы разговаривали с Ириной взглядами. Если я хотела что-то сказать, смотрела ей в глаза, и она все понимала. Отвечала мне так же. Это было удивительно. Потом одна женщина, тоже заложница, на похоронах Ярослава подошла и сказала, что узнала нас по глазам, потому что видела, как мы молча общались в зрительном зале.

А Ярослав неожиданно оказался настоящим мужчиной. Под его влиянием Настя понемногу стала успокаиваться. У него не было и тени истерики. Героя из себя не строил, признавался, что боится, что террористы ужасны, но сказал об этом только матери, шепотом на ухо.

- Это же так необычно для пятнадцатилетнего мальчика, правда? - размышляет Виктория.

- Дома, среди близких, Ярослав всегда был смелым, веселым, любил шутить. А с ровесниками был застенчивым и несмелым.

Был у него такой комплекс. Он хотел быть крутым, решительным и сильным. В тетрадке, куда он записывал главные мысли, которые приходят в голову человека в пятнадцать лет, Ярослав написал: «Ненавижу, что я такой трусливый, несмелый и нерешительный».

Тогда, в театре, оказалось, что это неправда, что он сам себя не знал.

- В какой-то момент мы боялись, что меня расстреляют, как офицера ФСБ. Среди кресел нашли удостоверение какой-то женщины, связанной с милицией или какими-то службами. Так вышло, что почти все сходилось - имя Виктория Васильевна, только фамилия другая, а год рождения, как у меня, - 1960. Террористы все время искали среди заложников каких-то военных, - думаю, они проверяли документы, чтобы нас запугать. Стали ходить по залу и искать. Может, я была похожа на женщину на фотографии, потому что они потребовали показать документы. Я им говорю, что это не мое удостоверение, а они в ответ: «Все в порядке, сейчас мы это выясним». У меня при себе были только водительские права. Я сказала, что работаю недалеко, на Мельникова, в ПТУ № 190. Но когда этот чеченец услышал адрес, он недоверчиво переспросил: «Где, где?» Для них адрес на Мельникова означал место, где действовал оперативный штаб, который разместили в госпитале, по соседству со школой. Я почувствовала, что становлюсь для них агентом ФСБ. А он говорит: «Ну, тогда все ясно» и идет к командиру.

Ирина сказала: «Если тебя заберут, мы пойдем с тобой», но Виктория решительно запротестовала. Сказала сестре, что одна из них обязана выжить - ради детей и родителей, дедушки и бабушки Насти и Ярослава. Ожидание возврата документов и решения террористов тянулось бесконечно долго. Настя в это время пошла в туалет в оркестровую яму, и тут-то сын Ирины сел на свободное место рядом с Викторией.

- «Тетья, что бы ни случилось, я пойду с тобой», - сказал мне тогда Ярослав, - вспоминает Кругликова со слезами на глазах. - Меня это поразило до глубины души. До сих пор мы все в семье считали его маленькими, он же был младший. А он еще добавил: «Одну тебя не пущу, ты не должна идти одна». И обнял меня, а я поняла, что он вдруг стал мужчиной. Я почувствовала такую силу и спокойствие. Он так крепко держал меня, что я поняла - не смогу вырваться из его объятий и он действительно пойдет со мной. К счастью, в этот момент подошел террорист, отдал мои документы и сказал, что все в порядке, что они нашли ту женщину, другую Викторию Владимировну. Потом оказалось, что она выжила, что они ее вовсе не хотели расстреливать, собирались забрать с собой в Чечню и выменять на своих задержанных товарищей.

Вот так, чтением, пятнадцатилетний Ярослав успокаивал своих родных. Даже Настя перестала впадать в истерику, только мрачно заметила, что если уж им суждено погибнуть, то чтоб хоть не было больно.

Именно тогда Ирина, как пишет об этом в «Новой газете» в своем репортаже Анна Политковская, подумала, что это самый страшный кошмар для матери - когда она ничего не может сделать для любимого сына. «Там я поняла, что, даже если я встану и скажу: убейте меня вместо него, и даже если меня убьют, это вовсе не будет значить, что его оставят в живых. Вы себе представляете, какой это кошмар?» - цитировала ее слова Политковская.

Читал не только Ярослав. У многих людей были с собой книги, хоть не всегда им удавалось сосредоточиться на чтении, тем более что по залу, бряцая оружием, все время ходили террористы.

Люди пытались успокоиться и по-другому. Рядом с Ириной Филипповой, например, сидела супружеская пара, которая играла в карты.

- Из простого листка бумаги в клеточку они сделали игральные карты, - вспоминает Филиппова. - Карты получились миниатюрные, чуть больше половинки большого пальца. Авторучкой сделали на них рисунки и, не обращая ни на что внимания, самозабвенно играли. Видно было, что мужчина ужасно нервничает, но не хочет, чтоб жена это заметила.

Множество людей рассказывало друг другу анекдоты. Надо признаться, многие заложники именно смехом пытались бороться со страхом. Как пишет Александр Сталь, шутки чаще всего не отличались тонкостью, скорее были примитивными, зато приносили ожидаемый эффект - заложники начинали смеяться. В какой-то момент пришлось даже подавлять взрывы веселья, так как террористы криками призывали к порядку одну компанию, которая слишком громкими залпами смеха реагировала на рассказанный анекдот. Поэтому смеялись вполголоса, но, несмотря на это, известные своим чувством юмора русские побеждали в этом поединке «на языках» малообразованных горцев.

Один из чеченцев, произнеся со сцены очередную успокоительную тираду, бросил: «Чувствуйте себя так, как будто вы у нас в гостях», что прозвучало, хоть и не намеренно, как пародия на знаменитое «кавказское гостеприимство», на что кто-то из заложников громко крикнул в ответ: «Нее, это вы у нас в гостях».

Многие рассказывали анекдоты - ну, а как же - даже на тему смерти! Сосед Сталя задумался в какой-то момент над возможностью штурма и сделал грустный вывод: «Например, мы сейчас умрем, и кто-то из нас попадет в пекло, а там опять террористы сидят. Вот будет радости от такой встречи!»

На балконе, где «регламент» был значительно мягче, мужчины, сидящие слева, и женщины, сидящие справа, писали друг другу записочки. Там было много семей, пар, иногда брат и сестра, иногда жених и невеста. Террористы не запрещали им общаться таким образом, и записочки, часто полные нежных слов, поддерживали дух заложников. А сидящие на балконе дети, которые пришли на спектакль целым классом (одной из них была тринадцатилетняя Оля, которую в самом начале пытался успокоить Лобанков), начали писать друг другу записочки придуманным тут же простеньким шифром - так началась игра в «подполье» и «сопротивление». Код, ясное дело, был банальный, но благодаря игре у детей стерлась грань между действительностью и фантазией.

Одной из сидящих на балконе заложниц удалось как-то припрятать бутылку виски, и она время от времени к ней прикладывалась.

- Это был ее личный способ борьбы со стрессом, - улыбается Лобанков. - Пила по глоточку, и была уже здорово навеселе, когда это заметил Аслан. Она еще раньше разозлила его - сначала без разрешения пошла за сумкой, которая валялась где-то посреди балкона, потом украдкой звонила по мобильному телефону, который должна была в соответствии с распоряжением террористов бросить в проход между рядами. Все старались не провоцировать террористов, а она все время нарывалась на какие-то скандалы, и я чувствовал, что это плохо кончится.

Третий скандал был связан именно с виски. Аслан заметил, что она выпивает, подошел к ней, вырвал бутылку, обругал ее. Сказал что-то вроде: «Может, тебе скоро придется предстать перед Создателем, как же ты, такая пьяная, собираешься это сделать?» И отставил бутылку в угол.

Но Лобанков понимал эту женщину.

- С точки зрения психологии это легко объяснить, - говорит он. - Когда ты действуешь, движешься, чем-то занимаешься, время бежит незаметно, и ты функционируешь нормально. Но когда тебе вдруг приходится сидеть неподвижно, без дела, тебя буквально заливают поток мыслей, а в такой ситуации, как там, в театре, в атмосфере угрозы и негативных настроений, это было сильнейшим психологическим грузом. И люди не выдерживали, ломались, срывались. За несколько часов до штурма стрельба возникла именно из-за того, что кто-то не выдержал, перестал владеть собой.

Лобанков, конечно же, тоже имел право нервничать. Дома его ждали жена и дети. Но он делал все, чтобы об этом не думать. В противном случае он бы погиб, он в этом не сомневается.

- Если бы я о них думал, сошел бы с ума, - уверяет он. - Я сразу же заставил себя отбросить все мысли о своих близких. Понял, что, если этого не сделаю, не выдержу. Начну переживать, бояться, думать, что со мной будет. А что будет с семьей? Иногда, когда наступало относительное спокойствие, мысли устремлялись к ним, но я тут же призывал себя к порядку. Только замечу, что начинаю думать о доме, сразу говорю себе: Сережа, стоп! И старался занять голову чем-то другим.

Лобанков звонил жене Марине два раза. Первый раз вскоре после захвата театра террористами. Разговор был коротким, Лобанков боялся, что сорвется, поэтому, можно сказать, сухо описал ситуацию, заверил, что все нормально, что он сидит с детьми на балконе, что у них есть вода, и под конец подчеркнуто строго просил жену не звонить, потому что им запрещено разговаривать по телефону. Потом положил мобильный туда, где по приказу террористов он должен был лежать - на полу между рядами кресел. Но это стало началом новых мучений - мобильник Лобанкова имел характерный сигнал - мелодию известного советского композитора Исаака Дунаевского. И хореограф прекрасно знал, что это звонит именно его телефон. На секунду замолкал и звонил снова. А террористки не разрешили ему отключить его. В конце концов Аслан, в очередной раз проходя по балконе, ответил на звонок. Впрочем, точно так же, просто для смеха, поступали и другие террористы, там ведь лежало несколько десятков телефонов. Прекрасное развлечение - ответить на звонок и напугать неизвестного человека, которого волнует судьба близких. Лобанков так и не узнал, кто тогда звонил, а Аслан вышел с его телефоном в коридор. Много позже, когда в прокуратуре ему отдавали его телефон, он узнал, что с его номера кто-то звонил в Арабские Эмираты и Турцию.

Второй раз Лобанков позвонил жене много часов позднее, когда террористы потребовали, чтобы семьи заложников устроили демонстрацию на Красной площади, но и этот разговор был коротким.

Не думать и не переживать, - может быть, звучит жестоко, но это был единственный шанс. Многие заложники, те, кто впал в панику, кого охватил страх и сомнения, позднее погибли. У них не осталось сил бороться за жизнь.

- Меня потом спрашивали, что нужно делать в такой ситуации? - вспоминает Лобанков, - Главный принцип - не думать о себе и своих родных. Лучше всего заниматься сидящим рядом человеком. Это придает силы, поддерживает морально обоих - того, кто помогает, и того, кому помогают. Многие выжили, потому что помогали другим.

Лобанков выжил благодаря детям.

- Под моей опекой были дети, и только это помогло мне собраться, - вспоминает он. - Им было от одиннадцати до четырнадцати лет, и они прекрасно понимали, что вокруг происходит - террористы с автоматами, запрет вставать с места, выстрелы. Они слышали разговоры и видели, что ситуация серьезная. Но мне нужно было сделать все, чтобы помочь им победить страх. А сделать это можно только тогда, когда человек сам спокоен и эмоционально сконцентрирован. Иначе дети поймут его состояние, и конец, катастрофа - ты не сможешь уже им помочь. Поэтому я благодарен детям, что они там были со мной. Если бы я был один, не смог бы уберечься от страха и мыслей о родных. С одной стороны, мне было тяжелее, а с другой - значительно легче, именно потому, что на моих плечах лежала забота о десяти ребятах. Моей задачей было вывести их оттуда, так чтобы никто из них не пострадал, ни физически, ни морально.

Сохранить психическое здоровье ребят было особенно трудно.

- Ведь там постоянно раздавались то автоматные очереди, то взрывы гранат, - качает головой хореограф. - Это была методика террористов - держать всех в ежовых рукавицах, не позволять напряжению падать. Когда заложники начинали успокаиваться, расслабляться, поддерживать друг друга, утешать, что ничего страшного не происходит, неожиданно раздавалась автоматная стрельба - таким способом чеченцы призывали всех к порядку, удерживали состояние нервного напряжения. Это влияло и на самих охранников. И никто уже не мог сказать, не начался ли штурм? Или что-то еще страшнее? Достаточно было грохота взорвавшейся гранаты - ба-бах - и с человеком происходило что-то непонятное и ужасное.

- А дети, как обезьянки, моментально вскакивали, пытались увидеть, что происходит, и тут я должен был гасить это любопытство, - продолжает Лобанков. - «Прячьтесь под кресла», приказывал я. Позже я снял сиденья кресел в первом ряду балкона и сказал им: «Если что-то случится, прикройтесь ими». Даже когда я понимал, что в следующий момент может произойти какой-то драматический поворот в ситуации, я не мог им прямо сказать: «Накройтесь, сейчас что-то случится». Это бы их только больше возбудило. Вот я и вел с ними бесконечную своеобразную игру. Предлагал им: «А может, вам сейчас лечь и отдохнуть немного?»

Лобанков говорит, что его два глаза работали как минимум за пять пар глаз. Он знал театр, знал, каким образом можно в него проникнуть, поэтому все время обдумывал, как именно десантники могут пойти на штурм здания, что случится, если произойдет взрыв, где в это время будет безопаснее всего. Наблюдал за перемещениями террористов и пробовал предсказать, что может произойти в следующий момент. Думал, куда убежать, если «что-то начнется».

Больше всего, однако, он боялся обещанных террористами публичных казней. Постоянно повторявшиеся угрозы террористов, что за малейшее неповиновение заложников будут расстреливать, по прошествии времени перестали действовать на захваченных людей. Но когда в пятницу вечером террористы заявили, что, если к ним не придет представитель президента, они будут каждый час расстреливать по десять заложников, это прозвучало совсем иначе. Seriously. И Лобанков охватил ужас.

- И не только потому, что самому было бы тяжело смотреть, как кого-то расстреливают, - беспомощно пожимает плечами Лобанков. - Главное, я не представлял, что было бы с детьми, как я мог бы их от этого оградить.

Публичных экзекуций боялся не только Лобанков. Это была самая страшная угроза террористов, дамкловым мечом повисшая над зрительным залом. А после убийства Ольги Романовой никто уже не сомневался, что террористы готовы выполнить любую угрозу. Георгий Васильев мог себе представить, как это будет выглядеть. В фильме «Террор в Москве» он сказал:

- В детстве, когда я смотрел фильмы о войне, о фашистских концлагерях, я все время думал: как же так? Столько людей, десятки тысяч, и все покорно идут на бойню, делают, что им приказано, боятся одного солдата с автоматом? Только когда я попал в зрительный зал, я понял, как это действует на психику. И стал себе представлять - на сцену вышел бы Бараев, показал пальцем: ты, ты и ты. И эти люди покорно бы встали и пошли, а их соседи ничего бы не сделали, отвели бы только глаза. Я понял, что в нашей ситуации такое было бы возможно. И мне стало плохо.

Так же, как расстрелов, а может, еще больше заложники боялись атаки десантников.

Никто из бывших заложников, с которыми я разговаривал, не верил, что такое действие властей способно принести свободу. Наоборот - это означало для них смертельную опасность.

- Больше всего люди боялись штурма, - подтверждает Георгий Васильев. - Они знали, что это огромный риск. Может быть, не понимали, что благодаря штурму удастся спасти хоть часть заложников. Они были убеждены, что любой штурм приведет к детонации мощных бомб, лежащих на стульях, и все погибнут. Так что для них штурм значил смерть.

Поэтому в телефонных разговорах они призывали друзей и родственников, журналистов и политиков обратить на них внимание, умоляли выйти на демонстрацию, умоляли, чтобы ни в коем случае не было штурма. Чтобы власти пошли на уступки.

Величайший драматизм заключался в том, что эти люди, как они сами признаются, боролись за жизнь не только со своими захватчиками, но и с властями собственной страны. Они отдавали себе отчет в том, что для политиков их жизнь особого значения не имеет.

- Мы понимали, что никому не нужны: ни правительству, ни террористам, - вспоминает Лобанков. - Я все время думал, что штурма не будет. Рассчитывал на то, что те, кто призван нас защищать, а вместо этого пропустил террористов в центр Москвы и вверг нас в эту передрагу, все-таки сделают все, пойдут на любые уступки, только бы вытащить нас оттуда. Потом, когда стало известно, что шестьдесят человек даже не вынесли из зала, потому что они уже были мертвые, и что всего погибло больше ста двадцати человек, я подумал - ну вот, и освободили их, навсегда...

Подтверждают это и слова Валентины Храмцовой, которая несколько раз разговаривала с мужем по телефону и каждый раз слышала одно и то же - Федор Храмцов был уверен, что не выживет.

- Он все время повторял: «Я уже не вернусь, никто меня спасти не будет», - качает головой Валентина Храмцова, вдова трубача из оркестра, вспоминая, что ее муж, каждый раз, когда звонил из занятого террористами театра, напоминал ей, где спрятаны документы на покупку квартиры. - Просил, чтоб театр не штурмовали, был уверен, что их всех взорвут. «Достаточно одного движения, чтобы все взлетело на воздух. Не дай бог штурм, нас даже спасти не успеют, я точно отсюда не выберусь», - повторял муж. В добрые намерения властей не верили не только заложники, но и их родственники, наблюдавшие за драматическими событиями за стенами театра.

- Это ужасно, что люди не верили, что их спасут, что их вообще будут спасать, - вспоминает Храмцова. - Ну разве это не позор для страны? С кем бы я тогда ни разговаривала, каждый говорил: «Это Россия, никто за нас бороться не будет». Мы уже привыкли, что, кроме нас самих, никто о нас не позаботится.

Журналисты, особенно представители правительственной прессы, поначалу сообщали, что в зрительном зале всего несколько десятков, а потом пару сотен человек. Тем временем радио и телевидение слушали и террористы, и заложники. Для захваченных, удерживаемых в Доме культуры людей передача такой неправдивой информации означала только одно - идет пропагандистская подготовка к штурму. Среди заложников большинство было русских, у которых, кажется, на генном уровне закодировано, что власть никогда не считается с жертвами во имя победы - так было и во времена Петра Великого, и во время Второй мировой войны, так было и сейчас. Поэтому заложники трезвонили знакомым и друзьям, чтобы те делали все, что можно, - организовывали митинги, убеждали власти и любого, кто только захочет их услышать, только бы не было штурма.

- Тележурналисты нам уверенности не прибавляли, - кривится сторож Николай Любимов.

- Рядом со мной сидела чеченка с маленьким переносным телевизором и без конца переключала каналы. А там все время болтали, что нельзя соглашаться ни на какие уступки, что еще неизвестно, может, террористы привезли с собой муляжи бомб и петарды, и только делают вид, что это все серьезно. А тут террористки стоят рядом со мной, и я вижу их взрывпакеты: в одном под прозрачным пластиком - металлические шарики, в другом - гвозди без шляпок. Какие там муляжи?!

Через несколько часов, когда наконец стали сообщать реальное количество заложников, в зале воцарилась почти праздничная атмосфера. Вот как это описал Александр Сталь: «Позже по радио сообщили, что нас не двести-триста человек, а по меньшей мере восемьсот. И люди обрадовались, что штурм, скорее всего, не будет. Для нас слова штурм и смерть были тогда почти синонимами».

А вот Васильев утверждает, что, вслушиваясь в тон радио- и телерепортажей и выступлений политиков, он не сомневался - штурм становится все ближе. Он прекрасно понимал, что спецслужбы не избежат искушения взять слабо охраняемое здание с помощью десантников.

- Появилась даже какая-то глупая теория, что все заложники подвержены так называемому стокгольмскому синдрому, то есть что они полюбили своих мучителей и поэтому выполняют все их приказы, - с насмешкой говорит Васильев.

Действительно, уже в четверг в российских средствах массовой информации стали подробно описывать проявления стокгольмского синдрома, который появляется тогда, когда заложники начинают по собственной воле поддерживать идеи своих захватчиков, а нередко даже присоединяются к ним. Пропаганда не говорила этого напрямую, но можно

было домыслить, что все заложники практически потеряли способность разумно мыслить. Не в состоянии оценить, что для них хорошо, не понимают, что штурм будет их единственным спасением. Естественно, ничего этого не было. Никто не разделял идей террористов, хотя многие заложники просто по-человечески им сочувствовали.

- Ничего подобного, Федор звонил не потому, что чеченцы приказывали или он их полюбил, - возмущается Валентина Храмцова. - Он сам звонил и говорил, что, если они кого-нибудь заметят, одно движение - и все взлетит на воздух. Когда он говорил, что нельзя допустить штурм, в его голосе был страх.

Васильев, Политковская и многие другие убеждены, что можно было избежать жертв, которые стали результатом атаки. Достаточно было спокойно поговорить с террористами, но - как вскоре окажется - с чеченцами никто даже не пытался вести серьезные переговоры.

В этой ситуации у заложников оставались два выхода - молитва и побег.

- Я думаю, это было время, когда даже неверующие обращались к Богу. Я в этом не сомневаюсь, - уверяет Лобанков. - Многие говорили: «А к кому мы можем обратиться, если не к Богу? Пробовать дозвониться до Путина?»

Александр Сталь, который сидел недалеко от Лобанкова, тоже вспоминает о молитвах: «Мы молились, но чаще всего своими словами - мало кто знал целиком даже Отче наш». Лобанков, как только оказался на балконе, спросил у своих подопечных, крещенные ли они, - оказалось, что все крещенные. Он говорит, что сделал это просто так, на всякий случай. Сам он не отличается фанатичной религиозностью, но крестик носит и ходит в церковь. С молитвами, однако, были проблемы - большинство детей их не знало. Поэтому Лобанков на карточках, которые всегда носил с собой, написал слова.

- Написал я им самые популярные молитвы, - вспоминает хореограф. - Сам тоже не все знаю, но две знаю хорошо. Раздал им листочки и говорю: «Молитесь». Там были Отче наш и самая простая - Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, защити меня, раба божия ... тут нужно назвать свое имя... «Молитесь! Видите? - и показываю им террористов. - Они все время молятся, поют свои молитвы, укрепляют свой дух. И с этой верой идут против нас. Значит, Божья помощь должна стать и нашей силой. Наша молитва должна быть сильнее их молитвы». Объяснял им, и сам тоже уходил в себя и молился, только так можно было помочь самому себе. Я молился, чтобы, не дай Господи, не было никакого штурма, ни прорыва снаружи, потому что все это могло закончиться или расстрелом, или взрывом. Или просто огромным количеством жертв, чем все, в конце концов, и закончилось. И еще молился, чтобы все выжили, молился за своих детей, за своих родных. Позже Лобанков пришел к выводу, что именно молитвы спасли их от взрыва - свершилось чудо. Но не уберегли молитвы от массы жертв, вызванных штурмом. Видно, говорит Лобанков, так было Богу угодно.

Стоит отметить, что не все в зрительном зале впадали в пессимизм и депрессию. Были и те, кто хотел бороться, и готовил бунт заключенных.

- Мы стали размышлять над возможными вариантами развития событий и пришли к выводу, что, если начнут расстреливать заложников, мы попытаемся бежать, - вспоминает Александр Зельцерман, учитель из Латвии. - Постараемся разоружить хоть одну террористку и выбежать из зала.

Александр сидел рядом с входной дверью с левой стороны зала - именно через эту дверь в начале второго акта в зал вошел Ясир. Теперь вход, через который ворвалась неволя, должен был стать вратами свободы. Рядом с Зельцерманом сидели актеры мюзикла, в том

числе и Марк Подлесный, а также Ирина Филиппова, изображающая канадку, и ее приятель, болгарин из Канады, Веселин Нетков. Именно Александр с Веселином разработали точный план побега.

- Мы разговаривали с Веселином по-английски, чтобы террористка, сидевшая буквально в двух метрах от нас, ничего не поняла, - вспоминает Зельцерман. - Договорились, что будем делать: я вырву у нее пистолет, а он - детонатор. От ребят-актеров, которые сидели рядом с нами, мы немного знали топографию театра, знали, в какую сторону бежать. Ирина Филиппова чисто по-женски, более скептически оценивает планы своих друзей. - Это слишком громко сказано - готовились к побегу. Весь план состоял из двух фраз: если начнут стрелять, они нападут на чеченку, потом бросятся к двери и побегут. Они, конечно, хотели, чтобы за ними побежали остальные, планировали выломать дверь для всех.

Александр Зельцерман утверждает, что план был подготовлен на случай крайней необходимости. Причем ему приходилось охлаждать пыл своего болгарского «сообщника».

- Мне все время приходилось сдерживать этого болгарина, он был ужасно нервный, - вспоминает Зельцерман. - Я ему говорил, что еще не время, пару раз чуть не за руку хватал, когда он пытался ускорить события. Говорил: «Подожди, раз пока что не расстреляли никого, кто их не провоцирует, может, ситуация сама как-то разрешится». Мать Александра и Киры, Маргарита Дубина, ничего об этих планах не знала, хотя тут же после захвата театра террористами они и говорили о побеге.

- Мы договорились, что если появится возможность побега, то они с Кирой убегут, а я останусь, я была бы для них только балластом, - вспоминает Дубина. - Я бы только мешала. При моем весе побег был нереальным. Но если бы понадобилось, я бы, конечно, их заслонила своим телом.

О побеге и бунте думали и другие заложники, среди них и Александр Сталь, сидевший на балконе. Но он прекрасно понимал, что подобная акция обречена на провал, что результатом будут только лишние жертвы среди заложников.

И все-таки один побег из захваченного террористами театра произошел! Несмотря на, казалось, безупречную охрану, сбежали две восемнадцатилетние заложницы - Елена Зиновьева и Светлана Кононова. Их эскапада 24 октября в 18.20, то есть уже с наступлением темноты, доказывает, что террористы вовсе не были такими беспощадными, какими хотели казаться.

- В четверг наступил самый страшный момент, - рассказывает Елена Зиновьева. - Лежа между рядами кресел, я на какое-то время отключилась, а когда проснулась, увидела, как чеченки-смертницы схватились за детонаторы бомб на своих поясах и стали прощаться друг с другом. До этого они вообще не трогали детонаторы, поэтому я и подумала, что сейчас что-то случится. Чеченки сказали нам, чтоб мы тоже попрощались друг с другом. Приказали сидеть и не вставать с мест. Мы с подружкой ужасно испугались и тут же решили удрать. Хоть никого не выпускали, мы попросились в туалет. Не просто так! Я уже раньше проверила все возможные пути побега - где и как открываются окна, где лучше всего спрыгнуть. Возле туалета все время сидел один из чеченцев, а в туалете мы застали женщину с ребенком, попросили ее, чтобы она закрыла и придержала дверь. Воспользовались моментом и спрыгнули с третьего этажа на козырек над боковым входом. Я была в туфлях на низком каблуке, а подружка Света - на высоком, ей пришлось прыгать босиком. Пятки себе все разбила. Уже на козырьке огляделись, и я поняла, что

надо как можно скорее спрятаться за угол. Козырек позволял это сделать, он тянулся вдоль стены за угол дома. Из окна в любой момент могли раздаться выстрелы. Я побежала и стала из-за угла подавать Свете знаки, чтоб она как можно скорее присоединилась ко мне. Света сказала, что не может подняться. Я бросилась к ней, схватила ее в охапку и потащила за угол. Потом соскочила вниз. Света могла только повиснуть на козырьке. Я ее силой стащила вниз. И тут мы увидели, что какие-то люди машут нам руками и кричат: «Быстро к нам!» Мы жутко испугались, думали - террористы. Но оказалось, что это группа «Альфа». Один из их ребят схватил Свету на руки, и мы побежали, а за нами раздались автоматные очереди. Мне казалось, что пули щелкают меня по пяткам. Пока мы бежали, «альфовец», который нес Свету, был ранен в руку.

Лена почувствовала такое счастье, которого не испытывала еще никогда в жизни.

- Вы себе представить не можете, что такое свобода, - говорила она позже журналистам. - Я ее пью, ем, я ею наслаждаюсь. Свобода - это больше, чем жизнь. Когда я выскочила в это окно, я выскочила из ада. Не могу себе представить, что бы я делала и как бы себя чувствовала, если бы все еще сидела под дулами автоматов.

Побег двух девушек удался, в частности, благодаря тому, что в соседнем женском туалете доктор Рошаль и его ассистентка Фатима Шахова как раз перевязывали ладонь Рашиду, а охранники, вместо того чтобы стеречь заложников, с любопытством наблюдали за операцией. Спихватились слишком поздно. Услышав подозрительный шум, подскочили к окнам в коридоре и увидели убегающих заложниц. Обстреляли их из автоматов и подствольных гранатометов. В ответ огонь открыли снайперы, занявшие позиции в домах на расстоянии не более двухсот метров. Стреляли, не ожидая приказа. Спасали убегающих девушек.

- Пули свистели над нашими головами, - вспоминает доктор Рошаль. - Когда стрельба стихла, охранники бросились на меня и Фатиму, уверенные, что мы специально отвлекли их внимание, чтобы позволить девушкам сбежать. Один из них даже собирался расстрелять Фатиму.

Ситуацию осложняло то, что во время перестрелки российский снайпер ранил одного из террористов.

- Слава Богу, не убил, - и сегодня со вздохом отмечает Лобанков. - Пуля рикошетом ударила террориста в бедро и легко ранила. Так, царапина. Все это продолжалось буквально несколько секунд. И сразу после этого мы слышали, как чеченцы бегут по коридору обратно на балкон и что-то кричат. Затолкали внутрь доктора Рошала и еще кого-то, кто в тот момент стоял рядом с туалетом. Я испугался, подумал: ранили террориста, теперь они расстреляют пятерых заложников. Но они как-то забыли о своей угрозе.

Раненому террористу доктор Рошаль тут же сделал перевязку и объяснил, что у него нет соответствующих инструментов, чтобы зашить рану. Но благодарности не дождался.

Взбешенный террорист обвинил профессора, что все произошло по его вине, что он спровоцировал побег и что он вообще не врач. Поэтому он останется в зале и будет сидеть, как остальные заложники.

Для Рошала это было ударом - только ему удалось завоевать хоть мизерное доверие чеченцев, а тут опять стал подозреваемым. Не помогли объяснения, что он должен вернуться к больным детям, которые умрут, если они не позволят ему выйти. Террористы были неумолимы.

Тем временем в оперативном штабе, где не было никакой информации о Рошале, нарастало беспокойство. В четверг примерно в 21.00 появилось сообщение, что штаб не располагает никакими сведениями об «иорданских» врачах и выражает свою обеспокоенность их исчезновением.

Рошаль просидел на балконе почти до полуночи, только тогда его выпустили. Ему все-таки удалось убедить террористов, что он вернется на следующий день с лекарствами и медицинскими инструментами. У чеченцев не было выбора - врачи и лекарства им были необходимы.

Но это был не единственный удачный побег из захваченного театра. В здании находились люди, не попавшие в руки террористов. Они скрывались в разных закутках Дома культуры. Пять человек, спрятавшихся в помещениях администрации за кассами у главного входа, после многочисленных попыток сумели все-таки связаться с оперативным штабом - вероятно, благодаря помощи директора Андрея Яловича, который обычно работал именно в этих кабинетах, - и попросить о помощи. Спецслужбы заверили их, что будут о них помнить и при первой возможности спасут. Спас их, как оказалось, чистый случай, а не десантники, что лишний раз доказывает, насколько плохо ориентировались члены оперативного штаба в ситуации в театре.

Свобода пришла к ним в пятницу утром, а помог им в этом один из театральных охранников, который, как мы помним, не успел убежать и прятался по соседству, в туалете рядом с входом.

Полтора суток в полном одиночестве не лучшим образом сказались на психике мужчины, как мне рассказывали потом заложники. У него начались какие-то видения. Видел, говорят, ветку с чудесными яблоками и райскими птичками. Наконец, в пятницу, 25 октября, около пяти утра, он неожиданно решил, что операция террористов уже давно закончилась, а он, всеми забытый, остался в театре один. Не долго думая, вышел из туалета и пошел за своими вещами, которые лежали в его шкафчике у служебного входа. Спокойным шагом прошел в глубь коридора, миновал боковой вход в зал, и в голову ему не пришло, что за дверью - вооруженные террористы и сотни заложников. Потом также спокойно миновал дверь, ведущую на сцену, а за сценой свернул в коридор направо. Дошел до места, где должны были нести вахту его коллеги из охраны, но там никого не было. Он забрал из шкафчика свою одежду, вышел через служебный выход в тыльной части здания и практически тут же попал в руки спецслужб.

Довольно быстро удалось установить, кто он такой. Во время допроса охранник подтвердил, что в коридорах и холле на первом этаже он живой души не встретил. Это облегчало дело. Сотрудники ФСБ связались с людьми, укрывшимися рядом с кассами, и сказали им: «Можете спокойно выходить». Бедолаги не сразу поверили им - вероятно, подозревали какую-то ловушку. Но, осторожно открыв дверь и выбежав наружу, не услышали ни криков, ни предупредительных выстрелов из здания. Было 6.30 утра, пятница.

Пресс-секретарь ФСБ, как обычно в таких ситуациях, радостно сообщил, что заложники были освобождены в результате сложной операции спецслужб.

Глава 13

Уже после штурма одна из заложниц призналась, что ей жаль одного из террористов, Ясира. Он был молодым и привлекательным, некоторые его даже прозвали «красавчиком». Лицо доброе и веселое. Охотно разговаривал с заключенными и успокаивал их. И другие заложники говорят о чеченцах не только с ненавистью, хоть они

были их захватчиками и стражами. И в этом нет ничего странного - с каждым часом заложники все лучше их узнавали, начинали понимать мотивы их поведения. Под масками разглядели человеческие лица. О многих отзываются так: они были от природы хорошими, не знали, на что пошли, во что ввязались, они, как и мы, были заложниками ситуации и большой политики.

Многие из пришедших в тот вечер в театр на Дубровке до теракта искренне ненавидели жителей Кавказа; так в других странах не любят цыган или негров. И о приезжих с юга говорили «черные» или «чурки» (в русском языке это очень унижительное прозвище). После теракта даже спокойная и доброжелательная Виктория Кругликова испытала чувство злобы. Придя в себя в больнице, она подумала, что купит автомат и поедет туда, откуда пришли террористы, в Чечню, и будет убивать всех подряд - мужчин, женщин и детей. Но это были только сиюминутные эмоции.

- Я ведь мать, я никогда не поступлю так, как поступили они, - качает головой учительница и тут же добавляет, что, если честно, она понимает чеченских женщин. - Отчаяние их на это толкнуло и безнадежность. Там ведь поубивали их детей и родных. Я понимаю, но простить им не могу.

Во время штурма все террористы погибли, их уже ни о чем нельзя спросить. Мы ничего не знаем об их эмоциях, мотивах поведения, о том, чего они боялись и на что надеялись. Поэтому я попросил моих собеседников, бывших заложников, набросать портреты чеченцев - безжалостных террористов, с которыми судьба столкнула их в зрительном зале театра на Дубровке.

Стоит отметить, что портреты получились очень человеческие, почти без предубеждений и ненависти. Потрясает, так считают бывшие заложники, что большинство из этого чеченского отряда вовсе не собиралось умирать.

Виктория Кругликова, сидевшая - напомним - в партере, в одиннадцатом ряду рядом с выходом с правой стороны зала, запомнила двух чеченских женщин, дежуривших поблизости. Одну из них скорее следовало бы назвать девушкой.

- Ей было не больше шестнадцати, даже и не девушка еще, скорее ребенок, - рассказывает Кругликова. - Она сидела рядом с нами и весело развлекалась. У меня была зажигалка в виде мобильного телефона. Сестра посоветовала отдать ей, когда они начали отбирать телефоны. На всякий случай. И эта девчонка часами играла с этой зажигалкой. Ей было ужасно интересно. Впрочем, ее интересовало все вокруг, обо всем расспрашивала, много смеялась, хихикала, куда-то выходила, возвращалась. Ведь знай она, что скоро умрет, вряд ли вела бы себя так! Неподалеку сидели другие чеченские девушки - мы с ними весело болтали, они нас утешали, что все кончится хорошо. Подходили к нам и говорили: «Все будет хорошо!» И очень боялись, что пойдет не так, как им обещали. Когда объявляли тревогу и они срывались, становились к стене и брали в руки детонаторы, мне было их ужасно жаль - бледнели, потели, руки у них дрожали, гранаты и пистолеты валялись из рук. Это не были хладнокровные смертницы-убийцы.

У Кругликовой создалось впечатление, что эти женщины, на которых она смотрела и с которыми разговаривала, вовсе не приехали умирать. Это были обычные женщины, которым сказали - поедem в Москву и там проведем операцию, чтобы война наконец закончилась. Она убеждена, что им сказали: «Мы никого не будем убивать». Учительница вспоминает, что они с сестрой по очереди много раз подходили к этим женщинам и просили отпустить Ярослава. Объясняли, что он еще ребенок, хоть очень рослый.

- А женщины нам отвечали: «Мы вас понимаем, мы бы вас выпустили, но наши мужчины не согласятся, - приводит Кругликова слова чеченок. - Они ужасно злые, там, в Чечне, даже дети участвуют в боях, лучше их не раздражать. А вы и так отсюда выйдете, подождите еще немного, это уже скоро».

Такие обещания они слышали от чеченок не раз, поэтому все надеялись, что требования террористов скоро удовлетворят и заложники окажутся на свободе.

- Был такой момент, одна из них подошла и остановилась в нашем ряду, как раз между моей дочкой и Ярославом, - продолжает вспоминать Кругликова. - Ее звали Ася, и мне показалось, что я видела ее во время антракта в коридоре. Я ей сказала: «Пройдите дальше», но она ответила, что будет стоять именно здесь. В руках она держала гранату. Я уже раньше заметила, что она внимательно за нами наблюдает, больше всего присматривалась к моей сестре и ее сыну. Ирина все время пыталась спрятать Ярослава, обнимала его, прижимала к себе. Ну, вот, Ася остановилась между нами. Но быстро устала так стоять, граната тяжелая, она опустила ладонь на бедро моей дочери. Я попыталась убрать ее руку, а она вдруг спрашивает: «Бойтесь?» И таким жалобным тоном говорит, обращаясь к сестре: «Ты своего сына обнимаешь, а мой остался там, в Чечне!» Ирина спросила, сколько мальчику лет, Ася ответила: «Маленький, годика еще нет». Ирина спрашивает: «Как же ты могла оставить там своего ребенка?», а Ася так убежденно отвечает: «Я туда еще вернусь. А если не вернусь, Аллах ему поможет».

Асет стала объяснять сестрам и их детям, что в случае штурма, если произойдет взрыв в центре зала, они могут не сразу погибнуть и будут страшно мучиться от боли. Поэтому она и встала рядом с ними с гранатой, из симпатии к ним. «Я вас сразу убью, так чтоб не было больно», - сказала Асет.

- Потом ситуация успокоилась, - говорит Кругликова. - Ася, уходя, еще раз шепнула: «Не волнуйтесь так, все кончится хорошо». Она была в этом уверена. Приехала в Москву, чтобы отомстить и добиться мира в Чечне, но была твердо уверена, что вернется домой. После разговора с ней Ирина мне сказала: «Когда это все кончится, а с ней что-нибудь случится, я поеду в Чечню, возьму ее ребенка и буду его воспитывать».

Кругликова утверждает, что они с сестрой были уверены, что выйдут из театра без проблем. Ведь их освобождение было делом несложным - достаточно было властям переговорить с террористами и выслушать их аргументы. Ведь все поведение чеченцев свидетельствовало об одном - они не намерены тут гибнуть. Учительница вспоминает восемнадцатилетнего чеченца, который часто подходил к ним, приносил воду и соки, шутил и фотографировал - у него был такой простенький фотоаппарат. За спинами сестер с детьми сидели ребята, которые работали в театральном гардеробе. Он к ним подходил и весело спрашивал: «Вы меня помните?» Он был одним из тех, кто много раз приходил на спектакль, поэтому считал гардеробщиков своими старыми знакомыми. Ребята сначала перепугались, подумали, что, раз они его узнали, он с ними быстро расправится. Ничего подобного. «Не бойтесь, все будет хорошо», - говорил он вполголоса, как будто делился секретом с приятелями. И подмигивал им.

Виктория раздумывает, видела ли она среди террористов людей, готовых на смерть.

Может, та женщина, что сидела в центре зала рядом с бомбой? Но и в этом она не уверена. Действительно, это была, пожалуй, самая серьезная из террористок, почти не спала и ничего не ела, изредка пила, и не снимала чадры. Но ее устрашающий облик и решимость были только видимостью. Георгий Васильев разговаривал с ней.

- Я подумал, что на всякий случай стоит сесть рядом с бомбой и познакомиться с женщиной, которая там сидит, - рассказал Васильев в фильме «Террор в Москве». - Я надеялся, что в критической ситуации мне удастся вырвать у нее кабель или удержать руку. Мы говорили о разных вещах, о роли женщины в исламе, об искусстве. Видно было, что спектакль ей понравился, хоть ей неловко было в этом сознаваться. Она знала, что я один из авторов, и ей хотелось поделиться со мной впечатлениями. Написала мне на кусочке бумаги одну арабскую фразу, которую я должен произнести перед смертью. Благодаря этому я как мусульманин попаду в мусульманский рай. Там были такие слова: Нет Бога, кроме Аллаха.

Со ссылкой на источник в спецслужбах газеты писали, что возле бомбы в партере могла дежурить Зура, вдова Арби Бараева. Могла ли женщина, исповедующая исламский фундаментализм, так разговаривать с автором мюзикла, развлекательного представления, в котором актеры танцуют и поют? Могла ли она признаться, что спектакль ей понравился?

А Ирина Филиппова вспоминает веселую, улыбающуюся чеченку, сидевшую в партере недалеко от сцены.

- Такая крупная женщина, все у нее было большое, даже нос, и она была значительно старше остальных, - припоминает Филиппова. - У нее был такой глубокий голос, я прекрасно помню, как она с огромной уверенностью повторяла: «Все будет хорошо». Когда мужчины перекрикивались и передавали друг другу новости по-чеченски, именно она конспиративным шепотом объясняла заложникам, что происходит: «Ждем представителя президента» или «Будут предприняты радикальные шаги». И это именно она, когда ее спросили, как они добрались в Москву, ответила серьезно, хоть, скорее всего, это была шутка: «Мы шли по лесам двадцать один день». Это она упоминала, что они были на многих мюзиклах в разных театрах.

- Она говорила: «Сколько мы этих мюзиклов обошли, и на «Чикаго» были, и здесь были несколько раз, и потом решили, что придем сюда», - вспоминает Филиппова. - И правда, она не выдумывала. Знала всех актеров, спрашивала, куда делась Катя Татарина, конечно же актриса, которая ее играла. Она приставала с этим вопросом к Андрею Богданову, игравшему главную роль, но он ей ничего не сказал, пожал только плечами. Филиппова вспоминает, что женщины были разные. Была одна девушка, которая, казалось, летала как на крыльях. Она была одухотворенной, утонченной и доброй, всем помогала. Были женщины, напоминавшие монашек. Всегда помнили, когда кто-то просил воды или разрешения пойти в туалет. Говорили: «Сейчас нельзя, позже». Потом подходили сами и говорили: «Идите». Но были там и другие. Одна из них, как рассказывает Филиппова, ходила в грубом, связанном на спицах свитере, похожем на мужской, слишком большом на нее. Поверх свитера чеченка затянула широкий кожаный ремень с взрывным устройством. Сидела со злым, напряженным лицом, мыслями где-то далеко, отрешившись от происходящего в зале.

- Видно было, что она исполняет миссию, и не усомнится, если ей придется себя взорвать, - говорит Филиппова. - У некоторых женщин были абсолютно пустые, ничего не выражающие лица. Их ничем нельзя было тронуть. Были, наконец, и такие, которые относились к ситуации в театре, как к игре. Для них это было приключение, риск. Я только потом поняла, что в партере сидели самые суровые из чеченок, на балконе дисциплина была значительно мягче.

- Женщина в мужском свитере оживилась только однажды. Одна из заложниц пыталась ее как-то смягчить, попросила о помощи. Сказала, что она не русская, что она с Украины. И чеченка вдруг сказала: «В Киеве много наших сестер, у нас там сильная организация, там много наших девушек», - цитирует Филиппова. - Сказала даже: «У нас там крупный отряд» - и сообщила, сколько в нем людей.

Позже, уже после освобождения, в прокуратуре попросили Филиппову попытаться опознать на фотографиях террористов, припомнить их имена, чем они занимались, отдавали ли приказы. Прокуроры сделали копии фотографий из паспортов, найденных у террористов, и увеличили их до формата А4, так что лица были почти в натуральную величину.

- Я тогда подумала, они ведь должны были знать, что отправятся на эту операцию, когда фотографировались на паспорта, - вспоминает Филиппова. - Я смотрела на их лица и размышляла, о чем они тогда думали. Разглядывала их и задавала себе вопрос: чем мы, собственно, отличаемся? И оказалось, что ничем! Девушки на фотографиях улыбались, в ушах у них поблескивали сережки.

События в театре нанесли Ирине Филипповой страшную травму. Как-то, много позже, она пошла с подругой в супермаркет за покупками, и вдруг там появились две женщины, арабки, в черных платьях до пят, в черных платках, частично закрывающих лицо. Для Ирины это был шок - она все бросила и побежала к выходу. На улице прислонилась к стене, боялась, что упадет. Чуть не потеряла сознание.

Сергей Лобанков, который сидел на балконе, запомнил несколько сцен с чеченскими террористками в главной роли.

На балконе на барьере пульта звукорежиссера стоял старенький телевизор, который террористы нашли в комнате звукооператоров. Картинка была маловразумительной, телевизор был ужасно старый, зато звук вполне приличный. Чеченцы аккуратно включали его во время новостей. Как-то раз на экране появился Патрушев, вернувшийся после очередного визита в Кремль, и сообщил: «Если террористы выпустят всех заложников, я лично гарантирую, что с ними ничего не произойдет, все выйдут живыми».

- Девушка, сидевшая рядом с бомбой, и вторая, сидевшая за нами, вдруг стали смеяться, - рассказывает Лобанков. - И одна говорит другой: «Послушай, а тебе нужна жизнь?» А вторая отвечает: «Такая жизнь - нет. Взорву тут все во имя Аллаха, и это будет для меня праздником». И это не был фарс, это был ответ на вызов, прозвучавший по телевизору. Они как будто говорили: мы бы не пришли сюда, если бы боялись за свою жизнь. Это подтверждение тому, что, получив приказ, они действительно взорвут себя.

То же самое говорит и Александр Сталь в своих воспоминаниях. Он так описывает свой разговор с одной из террористок: «... она ответила, что хоть ей и не хочется, она приказ выполнит. Она должна детонировать заряд или по приказу, или если увидит российского десантника. Сидящий рядом со мной пожилой мужчина прошептал: «Никого она не взорвет, она сама боится!» Но террористка его услышала и накричала на старика. Сказала, что она смертница и пришла сюда, чтобы умереть».

Александр Сталь, беседуя с чеченкой, спросил, что будет, если российские власти выполнят их требования. «Она ответила, что мы все вместе поедem в Чечню. Я ей говорю, что для нас это будет равнозначно смерти. А она улыбнулась и сказала, что в Чечне нас выпустят, там мы никому не нужны, ничего нам там не грозит, если наши власти будут себя правильно вести».

В свободные минуты, когда в зале становилось спокойно, атмосфера была близка к идиллической; дети дремали, Лобанков с балкона наблюдал за террористами в партере. Он описал одну сцену, которую наблюдал много часов спустя после захвата театра, когда заложники и террористы, как определил это хореограф, узнали друг друга и лучше осознали ситуацию, в которой оказались.

Перед самой сценой, в углу с правой стороны на приставных стульях сидели три чеченки. Один из террористов сидел на сцене, другой стоял сбоку у стены и разговаривал с «сестрами» (между собой мужчины-террористы так называли своих женщин). В зале абсолютная тишина и покой.

- И вдруг в первых рядах кто-то громко чихнул, - смеется Лобанков. - Это было так неожиданно и прозвучало как выстрел. Заложники, сидевшие рядом, прямо подскочили на своих местах. Чеченки, сидевшие немного дальше, совсем не испугались. А когда увидели, как перепугались люди вокруг, смеялись от души. Смех этот заразил и тех, кто испугался. В одну секунду смеялся уже весь зал. И я вдруг подумал: какие террористы?! Какие заложники?! По обеим сторонам - просто люди, которым одинаково тяжело. И те, и другие - жертвы ситуации, и сидят в одинаковых условиях. Люди по обе стороны окопов не хотят войны, и те, и другие хотят спокойно жить. Эти мгновения смеха как-то немного согрели атмосферу.

Лобанков заметил не только комические сценки, но и лирические, и прямо-таки мелодраматичные. Правда, добавил при этом, что это походило на фильмы Дзефирелли, а может, и самого Феллини по трагизму.

- Это было с одной из девушек, стоявших у стены с правой стороны (примерно там, где сидела Кругликова с сестрой и детьми. - Авт.), - вспоминает Лобанков. - В какой-то момент к ней подошел парень, чеченец. Далекое, я, конечно, не слышал, о чем они говорят, но было ясно, что это близкие люди. Не брат и сестра! Это другая близость, видно было по жестам и поведению. Я профессионально занимаюсь с артистами «языком тела», а тут, наоборот, стал расшифровывать их «язык тела». И вижу, что между ними начался очень личный диалог, совершенно не касающийся того, что происходит в зрительном зале. Неожиданно он сует руку в карман, потом берет ее ладонь и что-то в нее кладет. Жестом, смысл которого читается - это тебе, подарок. Я подумал, что он дал ей шоколадку или печенье. Ведь они, так же как мы, почти ничего не ели. Я, во всяком случае, не видел, чтоб они ели. Она посмотрела на подарок, покрутила в руках, взвесила на ладони и отдала ему обратно. Только тогда я разглядел - это был маленький дамский пистолет.

Мужчины были совсем другими. Заложники запомнили, что в них не было никакой теплоты, они были значительно жестче и не снисходили до прозы жизни. Они считали себя главными. В соответствии с чеченскими традициями женщина готовит еду, занимается домом и детьми, мужчина - властелин и воин. А заложники были для них в определенном смысле детьми. Ирина Филиппова описывает, как через несколько часов после захвата театра заложники стали проситься в туалет.

- Сначала кто-то поймал одного из террористов за рукав и спросил, можно ли выйти в туалет, - рассказывает Филиппова. - За ним последовали другие, и тогда чеченец разозлился: «Что вы ко мне прицепились с этим туалетом. Обращайтесь с этим к сестрам!»

Чеченцы привнесли в московский театр свое мировоззрение, свои жизненные принципы. Как пишет Александр Сталь, разместив на балконе мощную бомбу, командир этой группы Аслан захотел, чтобы заложники сами убедились, что снаряд настоящий. «Аслан спросил,

разбирается ли кто-нибудь из мужчин в минах, но никто не ответил. Тогда он рассмеялся: «Тоже мне мужчины!»

Террористы не могли не ощущать серьезности ситуации, близости смерти, но большинство из них были молодыми парнями, скорыми до шуток и шалостей. Ну чем плохая шутка - спрашивать лишний билетик за два часа до начала операции, о чем вспоминала Кругликова? Георгий Васильев тоже говорит о том, что их просто распирала энергия. В одной из сцен спектакля главным реквизитом был огромный арбуз, естественно, как все в театре, не настоящий.

- Я потом выяснил, что они играют в футбол нашим знаменитым арбузом, помните, в спектакле с ним ходит по сцене узбек, - вспоминает Васильев. - Я отобрал арбуз, говорю: «Что вы делаете, это же реквизит!» И тут они ошетинились: «А ты кто такой, чтоб нам приказывать?!»

Иногда, не задумываясь, пытались решить любую проблему автоматами.

- За последним рядом кресел на балконе есть огромные окна кабин осветителей, - рассказывает Филиппова, сидевшая в предпоследнем ряду. - Террористы хотели устроить проход через эти окна. Один из чеченцев, вместо того чтобы их открыть, решил просто выбить стекла, но они оказались какими-то сверхпрочными. Сначала ударил локтем - ничего, потом прикладом - опять ничего. Тогда он отошел на пару шагов и говорит: «Нагнитесь!» Я поняла, что он будет стрелять, нас засыплет осколками стекла или кого-нибудь рикошетом ранит пуля. Мы упали на пол между креслами, но тут, к счастью, кто-то из террористов его остановил. Они потом открыли одно из окон и в средней комнатухе сидели и пили чай, наблюдая оттуда за заложниками.

Больше всего о членах чеченского отряда рассказывает Лобанков, но в этом нет ничего удивительного, поскольку он с самого начала поставил перед собой задачу, как можно больше сблизиться с террористами ради детей.

- Я хотел установить возможно близкий контакт с террористами, дежурившими на балконе, - говорит Лобанков. - Я это делал, чтобы завоевать их симпатию и дать хоть минимальный шанс детям. Важно было, чтобы в экстремальной ситуации они не пытались их убивать, чтобы детей никто не тронул. Террористы ведь тоже все время были в страшном напряжении. Мы все были заложниками ситуации - и мы, и они. Они же не пришли в театр отдохнуть. Их было значительно меньше, чем нас, а им приходилось наблюдать за каждым - что делает, как ведет себя. И надо было исполнять приказы командиров. Поэтому к ним надо было подходить очень осторожно и мягко, требовать, но не пережимать, иначе результат мог оказаться плачевным, прямо противоположным твоим намерениям.

У одного из подопечных хореографа, Алексея, было воспаление легких и высокая температура. Лобанков постоянно напоминал чеченцам, что ребенок болен и его надо выпустить. Говорил он об этом и доктору Рошалю.

- Ведь это дети, они с вами не воевали, у вас и так достаточно заложников, - уговаривал Лобанков террористов. - И тогда один из них сказал мне: «А у нас такие, как они, воюют». Я ему на это: «Там у вас воюют, а не здесь». И услышал в ответ: «Это будущие солдаты». Лобанкову не только не удалось освободить ни одного из своих подопечных, но вскоре во время разговора с одним из террористов, Рашидом, одетым не в военную форму, а в майку и спортивные брюки, он узнал страшную вещь. Террористам запрещено стрелять в десантников во время возможного штурма.

- В них нет смысла стрелять, они как в броне - бронежилеты, каски... ворвутся сюда, как танки, - объяснял Рашид. - У нас приказ стрелять в заложников. Мы все равно смертники, мы пришли умирать, защищаться не будем.

- Тогда я ему сказал: «Рашид, я понимаю, что у тебя приказ, но прошу тебя, не стреляй в детей, - вспоминает Лобанков. - Если тебе так важно исполнить приказ, у тебя и так вокруг полно целей. Стреляй в меня, только не в детей. Я не знаю, чем это кончится, может, мы все погибнем, но хоть ты не стреляй в детей».

Рашид ничего не ответил, но Лобанков все-таки надеялся, что он каждым таким разговором чуть-чуть увеличивает шанс своих детей выжить.

Одного нельзя сказать, что террористы, которые находились на балконе, были кровожадными. Вот что написал Александр Сталь: «С некоторыми детьми сидящие рядом террористы охотно играли в разные игры, типа «камень, ножницы, бумага», и страшно радовались, когда выигрывали, что меня, мягко говоря, удивляло».

Рашида, дежурившего на балконе, трудно было не заметить. У него единственного среди террористов с самого начала была повязка на руке.

- Как только нас привели на балкон, я сразу заметил, что он ранен, - вспоминает Лобанков.

- Рана была свежей, кровь еще сочилась сквозь повязку.

Несколькими часами позднее раненый террорист сел в кресло недалеко от Лобанкова, который внимательно за ним наблюдал, и стал рыться в карманах. Достал свернутые десятки и пятидесятирублевки и бросил их на пол. Потом вытащил патрон к «калашникову», внимательно его осмотрел и поставил на подлокотник. Больше в карманах ничего не было. Хореограф догадался, что чеченец ищет бинт или пластырь, во всяком случае что-то для перевязки раны.

- Деньги остались на полу, они Рашида совершенно не интересовали, а патрон спрятал обратно в карман, и это было символично - последний патрон.

Лобанков внимательно присматривался к тому, как раненый террорист разматывает пропитанный кровью бинт. Он хотел понять, была ли во время захвата театра перестрелка. Если бы рана была огнестрельная, значит, террористам было оказано сопротивление.

- В этот момент к нему подошла одна из чеченских девушек, которая должна была ему помочь сменить повязку, - продолжает Лобанков. - Бинт присох к ране, и они не могли его оторвать. Рашид даже кривился от боли. Тогда я им подсказал, чтобы полили бинт водой из бутылки. Повязка отпала, и я увидел, что пулевого отверстия нет. Рана на внутренней стороне ладони была рваная, как если бы он зацепился за какой-то крюк или поранился о стекло. Рана была глубокая, я заметил оторванный кусок тела с кожей, было много крови. У террористов были с собой лекарства и перевязочные материалы, но чеченка, которая делала перевязку, не имела ничего для дезинфекции раны.

- И я опять подсказал им, что в углу стоит бутылка виски, которую Аслан отобрал у одной из заложниц, - вспоминает Лобанков. - Полили рану «Джонни Уокером» с черной наклейкой. А потом я еще подсказал ему, чтобы он поднял руку вверх, тогда кровотечение прекратится.

Так вот Лобанков стал «приятелем» Рашида. Благодаря этому хореографу удалось договориться пересадить Галю Делятицкую и двух девочек из его ансамбля, которых террористы сначала усадили в правой, «женской» половине балкона, к мальчикам. Естественно, Лобанкову пришлось об этом попросить, и Рашид милостиво согласился. Может показаться, что это мелочь, но и это было для них облегчением. «Дружба» Сергея с Рашидом, однако, длилась не долго. После побега Зиновьевой и Кононовой Рашид

подошел к хореографу, оперся на соседнее кресло и вполголоса сказал: «Мы вроде подружились, а теперь нас снова поссорили». Но сидящие на балконе заложники не почувствовали на себе последствий подорванного доверия. Лобанков считает, что им просто повезло - на балконе дисциплина была значительно менее суровая, чем в партере, к тому же их охранники от природы не были злыми.

Зато в партере, по воспоминаниям Филипповой, свирепствовал один из террористов, которого она называет «настоящим гоблином».

- У него на ремне от автомата было написано «киллер», - вспоминает англичанка. - В зале он появлялся редко, но всегда было видно, что его просто распирает жажда убивать.

Достаточно было, чтобы кто-то лег на пол немного отдохнуть, он тут же кричал:

«Вставай, а то брошу гранату!» Или: «Отдай телефон, а то брошу гранату!»

Наверное, именно с этим террористом была стычка у Марка Подлесного.

- Я ему ужасно не понравился, - рассказывает Марк. - Может, потому что много болтал? В какой-то момент я повернулся, хотел что-то сказать людям, сидевшим рядом со мной. А он сидел в полуметре от меня. Воткнул мне дуло автомата под ребра и тихим, ледяным тоном произнес: «Не вертись!» Я вполголоса спросил: «Ладно, а что мне делать?» «Сиди тихо», - был ответ. Если рядом были их женщины, они на это смотрели сквозь пальцы. Ну, болтает себе парень, кому это мешает, пусть болтает. А этому типу страшно это не нравилось.

На балконе ничего похожего не было, заложники могли спокойно ложиться между рядами подремать, а одна из дежуривших там террористок приносила воду, лекарства и термометр мальчику, у которого было воспаление легких. Так же хорошо к Лобанкову и его детям относился один из молодых «рядовых» террористов. Как говорит Лобанков, видно было, что он добрый от природы человек, видимо, когда вербовали их для участия в операции, его просто обманули. Не сказали конкретно, в чем она будет заключаться.

Примерно по прошествии двух дней молодой чеченец вошел на балкон, держа в руках два куска хлеба с солидным куском колбасы между ними. Это был шок. Ведь в театре хлеба не было, в магазин, ясное дело, сбегать было невозможно. Заложникам давали только шоколадки, вафли и жевательную резинку. Наверное, они все-таки привезли с собой запасы продуктов, подумал Лобанков и вспомнил, что один из террористов говорил, что, пока власти выполняют их требования, может пройти и две недели. Значит, они выходили из зала и подкреплялись там, где их никто не видел, пришел к выводу Сергей. Тем временем чеченский юноша, который шел от входа с правой стороны, исчез за его спиной. Неожиданно Лобанков услышал голоса своих воспитанников, сидевших слева от него. Они спрашивали, могут ли принять угощение. Оказалось, что террорист предложил хлеб с колбасой его подопечным. Лобанков кивнул головой и сказал только, чтоб они поделились с соседями.

- Конечно, когда напряжение возрастало, они занимали свои посты и замыкались, сердито бросая: «Нет, нельзя! Мы должны...» - вспоминает Лобанков. - Но когда опасность миновала, снова добрели. Это были обычные рядовые на посту. Это не были идеологи, выступавшие со сцены. У меня было такое впечатление, что они ввязались в эту ситуацию неосознанно, а некоторые просто боялись. Видно было, что только немногие знали, как действительно будет выглядеть их операция, а остальные так, пушечное мясо, - дали им автомат, похлопали по спине и сказали: «Так надо, за Аллаха и Чечню». И они тоже стали заложниками ситуации.

Лобанков уже не помнит, как звали чеченца, который угостил его учеников колбасой. Он объясняет это тем, что одним из последствий газовой атаки, которую провели спецслужбы, стали провалы в памяти, проблемы с припоминанием самых простых вещей. К счастью, Сергей запомнил еще одну поразительную сцену, героем которой был тот молодой террорист.

На балконе сидел четырнадцатилетний мальчик, который приехал на спектакль со своей мамой откуда-то из Подмосковья. Когда террористы разделили заложников на мужскую и женскую стороны, мальчик оказался рядом с Лобанковым в одиночестве, потому что мать посадили на женской стороне. Педагог спросил его имя, а потом предложил ему пересесть к своим ученикам, там ему будет не так одиноко. На всякий случай он внес его в список членов ансамбля, который носил с собой, - Александр Пономарев. Лобанков планировал, если получится и чеченцы их выпустят, забрать Сашу с собой. Покажет террористам список своих подопечных, а если бы они с подозрением рассматривали приписку, сделанную ручкой, объяснение было готово - мальчик занимается с ними недавно, не успели начисто перепечатать список. В какой-то момент к Саше, сидевшему спокойно, в расслабленной позе, с ногами на спинке кресла, подсел тот самый чеченец, который приносил хлеб с колбасой детям. И также положил ноги на спинку кресла, автомат на колени, подтянул вверх маску. Одному было четырнадцать лет, другому - может, восемнадцать. Между ними завязывается спокойная, ленивая беседа.

- Как тебя зовут?

- Саша.

- Ага... А далеко живешь?

- Под Москвой, мы на электричке приехали.

- Долго пришлось ехать?

- Около часа.

- Ну и как, понравился тебе спектакль?

- Понравился?

- А билеты дорогие?

- А вот у меня тут и билет есть. - Саша встает и ищет в карманах билет.

- Не ищи, я так просто спросил.

- Ясно, - кивает Саша и отвечает: - 350 рублей.

- Это дорого?

- Вообще-то нет, но сам знаешь, есть люди побогаче, есть -победнее. В общем, нормальная цена.

Лобанкова поразила сама обыденность этой сцены - сидят рядом два парня, почти ровесники, один из них никогда не был в столице, понятия не имел о театрах и спектаклях. Оба не думали о том, что творится вокруг, в каких обстоятельствах они встретились, для обоих разговор был необычайно интересным.

- Я подумал тогда, что эта война в Чечне никому не нужна. Простые, обычные люди становятся жертвами игр власть предержащих, - злится Лобанков. - Такие люди, как эти двое мальчишек, беседующих о билетах в театр. Но стоит кому-то крикнуть: «Аллах акбар!» - и один из них взорвет себя, потому что ему дан такой приказ. А крикнуть мог один из их командиров, тех, что пришли в Москву, - и я в этом уверен, не только по идеологическим причинам, но и ради денег. Они же снимали фильм - эдакий рапорт работодателям, скрывающимся где-то за границей. Что-то вроде отчета за финансирование операции.

Сам факт съемок этого фильма говорит о том, что чеченцы не планировали гибнуть в театре. По данным спецслужб, чеченцы часто используют видеофильмы, на которых фиксируются теракты, в качестве своеобразного отчета перед зарубежными спонсорами, которые финансируют полевых командиров. Люди Мовсара Бараева, и тому масса подтверждений, собирались лично доставить видеозапись в Чечню.

Видеопленка точно зафиксировала, как выглядели террористы, но мне кажется, стоит взглянуть на них глазами заложников.

По описанию Лобанкова, у каждой женщины была черная одежда, пояс с взрывчаткой, пистолет и граната. Александр Сталь добавляет, что некоторые не умели обращаться с пистолетом и учились этому только в театре на глазах у заложников, с любопытством наблюдавших за ними. Многие заложники заметили, что у некоторых женщин был маникюр, а темные глаза подчеркивал макияж.

- Была там одна худенькая девушка с округлым лицом, молоденькая, лет шестнадцати, - вспоминает Любовь Корнилова, сидевшая на балконе. - Ее звали Айша. Как-то раз, проснувшись, она минут пятнадцать надевала хиджаб перед зеркальцем, поправляла его. Смертники вряд ли так занимаются своей прической.

И все же эти женщины всегда были в боевой готовности и на своих местах.

- Пистолеты они все время держали в руках, гранаты иногда цепляли к поясу, - вспоминает Лобанков. - Если кто-то из чеченских командиров отдавал приказ или возникал какой-то опасный момент, они немедленно хватались за провода. От взрывпакета на поясе, завернутого в прозрачный пластик, сквозь который были видны шарики от подшипников, два провода шли к небольшой пластинке с двумя круглыми контактами. Кроме того, под взрывпакетом было что-то вроде выключателя, предохраняющего от случайного замыкания контактов. Взрыв мог произойти только после его переключения. Когда кто-то отдавал приказ, они нажимали переключатель и были готовы к взрыву. Это тоже был элемент психического воздействия - когда эти женщины вдруг вскакивали с мест и хватали в руки провода, становилось страшно. Как утверждает хореограф, мужчины, в отличие от женщин, были вооружены автоматами Калашникова, в большинстве своем с традиционными деревянными прикладами, но некоторые имели и металлические, складные приклады. Одеты они были по-разному. У рядовых членов отряда были просто солдатские брюки, солдатские ботинки, иногда свитера, стянутые поясами. Рашид был в майке и широких спортивных тренировочных штанах. У него не было автомата, только пистолет и прикрепленные к поясу гранаты. Еще один чеченец носил красный свитер - парень лет восемнадцати, чуть старше ребят Лобанкова. У него был автомат, широкий пояс с парой гранат, рюкзак с запасными магазинами и бутылкой с водой. Старшие по званию носили камуфляжные жилеты со множеством карманов с гранатами и взрывателями.

- На плечах у них висели какие-то сумки, - продолжает Лобанков. Они были прекрасно вооружены. И были готовы к газовой атаке, но только отчасти. В тот момент, когда пустили газ, я видел, как один из них достает маску. Но противогаза у него не было. Как минимум, половина из них была не в ладах с техническими новинками, - например, они не умели пользоваться мобильными телефонами.

- Видно было, что они действительно спустились в Москву прямо с гор, - говорит Лобанков. - В этом смысле цивилизация им была абсолютно чужда, они были дикарями. Но были и такие, можно сказать, опытные партизаны, у которых был с собой даже японский мини-телевизор.

Александр Сталь пишет, что в какой-то момент террористы начали обыскивать заложников, требуя показать часы. «Террористы требовали, чтобы мы им показали свои часы, боялись, что можно часами фотографировать и передавать фотографии за стены театра. Мы немного успокоились - раз боятся фотографий, значит, надеются выжить и пока что не собираются взрывать нас. Мы им объяснили, что часами нельзя фотографировать. Тогда стали искать звукозаписывающую и передающую аппаратуру и документы».

Так дела обстояли на балконе, а в партере в это же время, во второй половине дня в пятницу, террористы распорядились конфисковать все электронные приспособления. В большую пластиковую емкость собрали сотни мобильных телефонов, карманных компьютеров, плееров, СД-плееров. Коробку поставили на сцене. Когда кто-то из террористов хотел позвонить, он просто брал оттуда наугад любой телефон.

- Чеченцы забрали все телефоны и сложили их в большой ящик, - рассказывает Филиппова. - Некоторые валялись на сцене и грустно попискивали, когда приходила SMS. Так странно было слышать эти сигналы из свободного мира.

Сергей Дедух, журналист НТВ, который брал интервью у лидеров террористов, говорит, что они были ужасно неотесанные и понятия не имели о поведении современного человека, воспитанного в «цивилизации телевидения».

- Совершенно не умели говорить на камеру, она их смущала, - рассказывал потом Дедух. То, что творилось перед камерой НТВ, было настоящей комедией. На скамейку уселся Бараев, с открытым лицом, в черной шерстяной шапочке, и Абу Бакар в маске. Бараев поправляет шапочку и по-чеченски спрашивает Абу Бакара:

- Ну как мой подшлемник?

- Подшлемник в порядке, - успокаивает Абу Бакар, но сам явно нервничает. - Ты меня узнал? Точно не узнал?!

- Никто тебя не узнает, не волнуйся! - успокаивает Бараев.

- Ой, мама, что мы делаем?! Что мы здесь делаем? - вздыхает Абу Бакар.

В этот момент звукооператор просит Бараева что-нибудь сказать - нужно проверить, работает ли микрофон, и отрегулировать уровень звука.

- А что я должен сказать? - спрашивает удивленный лидер террористов, но, видно, тут же что-то припоминает. - Раз, два, три, семь, пять, восемь. Как меня слышно?

Я уже писал раньше, что трудно однозначно определить, кто из двух чеченцев был лидером. Шерматова утверждает, что во время интервью Абу Бакар подсказывал Бараеву, что он должен говорить.

Бараев, как уверяют заложники, был прямой противоположностью Абу Бакара. Этот формально второй человек в отряде был хладнокровен, спокоен и решителен. Производил впечатление очень опытного человека, причем такого, который не остановится ни перед чем. Мовсар же Бараев руководствовался эмоциями, легко впадал в ярость и в эйфорию.

- Но по глазам было видно, что по природе он не был кровожаден, - вспоминает Филиппова. - Мне казалось, что в детстве он должен был быть послушным сыном. Когда заложники подходили к нему с какой-то жалобой, не прерывал их на полуслове, не кричал: «Садись и молчи!», не вел себя как типичный грозный командир, которого заложники мало волнуют. Бараев всегда выслушивал людей до конца, ну, например, когда спрашивали разрешения пойти в туалет или просили отпустить ребенка из театра. Согласия не давал, но успокаивал: «Все в порядке, у меня тоже есть дети дома». По моему, не так должен себя вести командир террористов.

Чем дольше длился захват, тем меньше Мовсар походил на кровавого бандита. Ходил по залу какой-то расхристанный, как будто только что проснулся, с торчащими хохолками волос.

- Когда он вышел на сцену за несколько часов до штурма и стал говорить, все время нервно ерошил волосы, - рассказывает Филиппова. - Видно было, что у него нет опыта таких выступлений, тем более по-русски. Поэтому он помогал себе жестами, чтобы выглядеть более решительным. Мальчишки во дворе так разговаривают. Говорил как восьмиклассник и так же вел себя. Но иногда вдруг произносил фразу, которую мог сказать только отец своим детям. Тогда, перед атакой десантников, Бараев обещал заложникам: «Если будет штурм, я вас спрячу за сценой, и вы все останетесь в живых». И весь зал начал смеяться, так это было смешно. Мы себе представили, как они нас будут там прятать за сценой. Наверное, дома он своим детям тоже что-то такое говорил. Сыграть такое невозможно.

Хотели ли они умереть? Это самая большая, до сих пор неразрешенная загадка. Судя по рассказам заложников, многие террористы были готовы на смерть, но большинство, несмотря на эту готовность, на самом деле умирать не хотело. Анна Политковская утверждает, что во время ее разговоров с террористами в осажденном театре они говорили ей прямо противоположные вещи, но, может быть, причина этого кроется в том, что хотя она известна, как журналистка, с симпатией пишущая о Чечне, террористы трактовали ее как представительницу российских властей и оперативного штаба.

- Может, кому-то другому они говорили иначе, но мне повторяли одно: мы пришли сюда, чтобы погибнуть, - вспоминает Политковская. - Говорили еще, что, даже если россияне выполнят условия, они сами не выйдут из здания. Они не хотели уходить оттуда, хотели остаться в театре и дать бой. Конечно, это была бы борьба с заранее известным исходом - они бы все погибли. И они это прекрасно понимали.

Стоит отметить, что террористы были готовы отпустить заложников взамен на уступки властей - к подробностям я вернусь в разделе, касающемся переговоров, которых, если говорить честно, вовсе не было.

Политковская представила чеченцев, прежде всего женщин, с которыми она в основном разговаривала, так, как она их видела. В зрительный зал ее, естественно, не пускали.

- У них были дежурства, но если кто-то был свободен, приходил поговорить, - вспоминает журналистка. - У каждой из них была своя история - одна потеряла мужа, другая брата, у третьей погиб отец, а у кого-то трое братьев. У каждой из них был свой счет к оплате. Они прямо говорили мне, что пришли отомстить. Я разговаривала с ними об их детях, спрашивала, что с ними будет, что они думали, оставляя их там. У некоторых из них были совсем маленькие дети. Все отвечали так: «Конечно, жаль, но мы приняли это решение для того, чтобы они остались жить, чтобы их жизнь была похожа на вашу жизнь, на жизнь людей вашего мира». И добавляли: «Мы стояли в очереди, чтобы нас взяли на это задание». При подготовке к этой операции состоялось что-то вроде конкурса, отобрали лучших.

Во время штурма десантники убили всех террористов. Некоторых в ходе боя, большинство, прежде всего женщины, парализованные газом, получили пулю в висок или затылок.

Глава 14

Запертые в театре люди были для террористов только аргументом, который должен был помочь заставить власти выполнить их требования. Чтобы усилить давление, чеченцы

готовы были расстреливать заложников. И показали, что они способны на это. Одного они не приняли во внимание - что с ними никто не захочет вести переговоры.

За все время драматических событий в театральном центре на Дубровке не было никаких переговоров! Российские власти даже не пытались найти компромисс с террористами и освободить заложников без применения силы.

- А они и не заметили того, что никто с ними не собирается вести переговоры! - восклицает Орлов из «Мемориала». - Это были отморозки - группа молодых людей, абсолютно необразованных и не готовых ни к чему, кроме стрельбы. Все, кто с ними контактировал, единодушно утверждают, что они были не в состоянии даже ясно и понятно сформулировать свои требования. Даже если бы с ними начали вести переговоры, я думаю, они сами не сумели бы этого сделать. Они хотели повторить Буденновск и привести к перелому в войне, но это были люди из другого теста, чем Басаев. Впрочем, и Басаев был тогда совсем другим, и его люди отличались от этих, с Дубровки.

Басаев в 1995 году точно знал чего хочет и умело обходил все опасные моменты. И, наконец, заставил пойти на уступки премьера Виктора Черномырдина. Но тогда ему противостояла совершенно другая власть и другие политики. Власть Ельцина была слабой, в России 1995 года царил хаос. Нельзя сказать, что Путин всесилен, но ситуация, несомненно, изменилась радикально. И прав Орлов - руководившие операцией Бараев и Абу Бакар позволяли водить себя за нос, хотя специалисты ФСБ и представители оперативного штаба даже не прилагали к этому особых усилий.

Фатальную оценку интеллектуального уровня лидеров террористов разделяет и Анна Политковская, которая утверждает, что сама помогала им уточнять требования, стремясь к их возможно быстрому удовлетворению и освобождению заложников.

- У Бараева были серьезные проблемы, ему не хватало ума, - говорит Политковская.

- С самого начала было понятно, что переговоры - не их цель, - считает Сергей Дедух, который вел интервью с командирами террористов. - Если бы на их месте был Шамиль Басаев, возможно, начались бы длительные и упорные переговоры с российским правительством, со спецслужбами. Эти люди просто не были готовы к таким действиям.

А вот еще одно мнение о том, как проходили переговоры с террористами. Автор - специалист по переговорам, дипломат, многолетний посол Грузии в Москве, Зураб Абашидзе. Во второй половине дня в пятницу Абашидзе сказал журналистам, что никакие переговоры не ведутся.

- Трудно сказать, кто ведет переговоры, - сказал Абашидзе, который находился в оперативном штабе недалеко от театра, надеясь, что террористы освободят иностранцев, среди которых были и грузины. Посол добавил, что на самом деле никакие переговоры не ведутся, а террористы, пользуясь разными информационными каналами, просто передают свои требования.

Примерно то же сказал и Александр Зданович, многолетний пресс-секретарь ФСБ. Он признал, что профессиональные переговорщики не могут связаться с террористами, потому что те идут на контакт только в одностороннем порядке. Звонят, когда им что-то нужно.

Чеченцы, напавшие на Дубровку, как большинство террористов, действовали во имя высших целей - их требования можно было, собственно говоря, только приветствовать. Они хотели прекращения военных действий, окончания войны и вывода российской армии с территории кавказской республики. Стоит отметить, что их требования были

почти идеальной копией тех, что Шамиль Басаев выдвинул в Буденновске. Так, как будто с тех пор ничего не изменилось.

Как я уже упоминал, через несколько минут после начала операции и заявления Бараева о том, чего они добиваются, он приказал заложникам звонить родственникам и знакомым, чтобы их требования стали известны всем. Заложники еще в течение нескольких часов звонили, пока террористы не запретили им пользоваться мобильными телефонами.

Но чеченцы не собирались сразу же начинать переговоры. В соответствии с принципами психологии, решили выждать несколько часов, чтобы общественное мнение и политики в полной мере осознали их угрозы, чтобы эти угрозы прозвучали еще более ужасающе.

Это, пожалуй, единственное объяснение тому, что все усилия депутата Думы, чеченца

Асланбека Аслаханова, который всю ночь со среды на четверг пытался связаться с

террористами, оказались напрасными. Чтобы быть точным, то примерно в 2.00

Аслаханову удалось дозвониться до террористов, но разговор превратился в перепалку.

Как позднее сказал Аслаханов, сопляки из отряда Бараева во главе со своим командиром вели себя по-хамски. В конце концов дали несколько номеров телефонов, но ни один из них не отвечал.

Специалистам из оперативного штаба тоже до утра не удалось дозвониться до террористов. В отчаянии руководители антитеррористической операции отправили к журналистам Валерия Грибакина, пресс-секретаря Московского управления внутренних дел, который примерно в 8.00 призвал террористов связаться со штабом.

- Если вы имеете возможность смотреть телепередачи, просим немедленно связаться с оперативным штабом, у нас есть важная информация, - призывал террористов Грибакин при помощи средств массовой информации. На вопросы журналистов сказал, что террористы, к сожалению, не отвечают на телефонные звонки.

Примерно в это же время некоторые российские средства массовой информации со ссылкой на ФСБ стали высказывать предположение, что, возможно, террористы удовлетворятся солидным выкупом и отпустят заложников, а сами улетят в любую страну, которая согласится их принять. Ведь в середине 90-х годов неоднократно случались нападения на рейсовые автобусы на юге России, и бандиты, бравшие заложников, почти всегда чеченцы, требовали от правительства миллионы долларов выкупа. А когда получали деньги, отпускали заложников, не причинив им никакого вреда.

Вероятно, Федеральная служба безопасности, стоявшая за этими предположениями, надеялась, что чеченцы соблазнятся крупным выкупом и возможностью вылета в одну из арабских стран. Но намеки, что можно было бы договориться о выкупе, только разозлили чеченцев. Один из них в e-mail, отправленном в редакцию newsgu.com, одного из российских информационных порталов в Интернете, опроверг все сообщения подобного рода: «Я хотел бы напомнить: нам не нужны деньги, нам нужна свобода. Некоторые ваши каналы сообщали, что мы якобы просили выкуп. Мы не просим - если нам будут нужны деньги, мы их просто возьмем».

В доказательство того, что деньги их не интересуют, чеченцы разбросали по залу и выбросили в туалет в оркестровой яме рубли (огромную сумму, кстати), которые обнаружили в одном из помещений театра.

Еще четыре часа чеченцы не вступали в контакт со штабом. Только ближе к полудню в штаб позвонил человек, представившийся Абу Саидом из Ведено (высокогорного селения, в котором родился Шамиль Басаев). Из сказанного Абу Саидом опубликовано очень немного. Он требовал немедленного выполнения условий, сообщил, что в отряде

пятьдесят человек - поровну мужчин и женщин. Заверил своих собеседников, что все они смертники и с радостью готовы умереть в любую минуту. Это будет несложно, поскольку здание заминировано. Предостерег перед попытками штурма.

О том, что чеченцы, несмотря на молчание, теряют терпение, сообщали заключенные в театре заложники. Врач Мария Школьникова, трезво оценившая атмосферу в театре, связалась с редакцией «Эхо Москвы» еще до того, как Абу Саид позвонил в штаб.

Сказала, что «ситуация становится все более напряженной, а требования террористов все больше приобретают характер ультиматума».

- Они говорят так: «Вы тут сидите уже больше десяти часов, а ваше правительство ничего не сделало, чтобы вас освободить», - рассказывала Школьникова в прямом эфире. - Самое главное - обязательный вывод войск из Чечни. Если не будут выведены войска, они начнут расстреливать людей.

Именно тогда в рассказе заложницы прозвучали имена россиян, с которыми чеченцы готовы были разговаривать. Речь шла о политиках - как сформулировала это Школьникова, - не слишком дискредитировавших себя. И назвала имена: Григорий Явлинский, лидер демократической партии «Яблоко», Борис Немцов и Ирина Хакамада, сопредседатели либерального Союза правых сил, и, наконец, Иосиф Кобзон, независимый депутат Думы, но прежде всего очень известный певец и бизнесмен. Все они более или менее решительно высказывались против войны в Чечне.

В том же разговоре Школьникова сообщила, что в зале есть тяжелобольной пожилой англичанин и попросила, чтобы к зданию театра пришел Марк Франчетти, многолетний корреспондент «Sunday Times», и забрал больного.

Оперативный штаб не мог сразу исполнить всех пожеланий террористов. Возникла проблема - Явлинский был в Сибири, в Томске, в четырех тысячах километров от Москвы. Но он заявил, что немедленно вылетает в столицу, чтобы встретиться с террористами. Хакамада, Немцов и Кобзон были в Москве и довольно быстро появились в расположении штаба.

Какую роль сыграл штаб в установлении контактов между политиками и террористами? Насколько функционеры спецслужб оказались в этом полезными? По некоторым высказываниям можно судить, что не очень. Это заложники подсказывали чеченцам, с кем они могли бы переговорить, и звонили на радио и телевидение с просьбой, чтобы пришли те политики, на которых дали согласие террористы.

Первым вошел в захваченный театр и переговорил с террористами Иосиф Кобзон, известный российский эстрадный певец, получивший в советское время звание Заслуженный артист Чечено-Ингушской АССР. Он там был очень популярен. Многие годы был депутатом Думы и весьма известным в России бизнесменом.

Позже Кобзон утверждал, что сам нашел номер террористов, позвонил и договорился о встрече! И только потом уведомил оперативный штаб, что собирается на переговоры в театр. И что его никто не инструктировал, как вести себя во время встречи с чеченцами. Не было никаких инструкций относительно переговоров, утверждает певец.

Первый контакт с оккупировавшими театр людьми был крайне нервным. Встреча состоялась в холле театра, рядом с гардеробом, примерно в 13.00 в четверг. С певцом разговаривали четыре террориста.

- Иди сюда, Кобзон, - бросил один из командиров, увидев входящего в театр артиста, и направил на него дуло автомата.

- Как ты себя ведешь?! - возмутился певец. - Мне шестьдесят пять лет, я старше тебя. Когда входит старший, вайнах (так сами себя называют чеченцы) должен встать.

- Можно и встать, - лениво отозвался чеченец и усмехнулся: - Ты что, меня воспитывать пришел?

- Пришел, чтобы с тобой познакомиться, - ответил Кобзон. И добавил, чтоб они опустили автоматы, потому что он к ним пришел без оружия, как принято на Кавказе.

Только тогда главарь террористов представился: Абу Бакар. Певец сразу стал объяснять ему, почему он должен освободить детей, женщин и иностранцев - это завоеует ему симпатии в мире. Это будет жест, который убедит всех, что террористы действительно хотят вывода войск из Чечни. Оставьте себе мужчин, не воюйте с женщинами и детьми, просил певец.

- Он все выслушал и говорит: «Никого из русских не выпущу», - вспоминает Кобзон. - Тогда я ему сказал: «Отдай мне детей!»

Абу Бакар приказал привести троих самых младших. Когда трое малышей подошли к Кобзону, одна из девочек схватила его за полу пальто и сказала: «Дяденька, а там мама осталась».

- Я говорю, Абу Бакар, отдай ее мать, как дети будут жить без матери, - вспоминает Кобзон. - Они привели эту женщину, а она дурочка, вся в нервах, заливаясь слезами, вместо того, чтобы броситься к детям, стала требовать, чтобы выпустили беременную, которой угрожали преждевременные роды.

В этот момент Кобзон испугался, что заложница все испортит, схватил ее за руку, толкнул в сторону выхода и сказал: «Беременных потом, правда, Абу Бакар?» И вся группа поспешно двинулась на улицу. Но террорист остановил Кобзона и сказал: «Тут еще англичанин есть, ему совсем плохо, его тоже забери».

Через минуту Любовь Корнилова, жительница подмосковного Павлова-Посада с тремя маленькими детьми и англичанин добрались в обществе Кобзона до оперативного штаба. Там выяснилось, что освобождение детей отнюдь не заслуга политика-переговорщика, а один ребенок и вовсе не имеет отношения к Корниловой.

Сама Любовь Корнилова утверждает, что уже по крайней мере часа два с половиной назад террористы стали готовиться к первой встрече с переговорщиками. Один из шефов чеченского отряда, скорее всего сам Мовсар Бараев, пришел на балкон, где сидела Корнилова, и стал выбирать самого младшего ребенка. Каждая из заложниц протягивала в его сторону своего, но выбор пал на маленькую дочку Корниловой.

- Я как нормальная русская баба бросилась на колени и в рев: «У меня еще одна дочь», - рассказывала позднее заложница в одном из интервью. - Тогда террорист сказал: «Возьми и старшую». А третья девочка появилась как-то сама по себе. Мама ее выталкивала, я только успела записать ей на ручке номер телефона, который мать мне крикнула. Чеченцы с балкона знали, что это не мой ребенок. Когда мы спустились, террористы много раз переспрашивали, все ли дети мои, и я уверяла их, что это так. Девочка плакала и рвалась к маме. Я боялась, что обман раскроется и нас не выпустят.

Мать с тремя девочками провели на втором этаже театра больше двух часов в ожидании переговорщиков. Рядом все время сидел Мовсар Бараев. Как вспоминает Корнилова, чеченцы с самого начала в качестве жеста доброй воли хотели отдать детей кому-то, кто придет на переговоры. Называлось имя Явлинского, который тогда еще был в Томске, и, наконец, Кобзона. О судьбе детей Мовсар и другие террористы без смущения рассуждали в присутствии заложницы.

- Я себя чувствовала, как коза на базаре, - вспоминает Корнилова. - Наконец пришел Кобзон. Террористы забрали у меня детей и вывели их. А я опять, как это русские бабы делают, завыла, запричитала, что дети маленькие, что они потеряются и я их потом не найду. Я просто бросилась одному из них на шею, и они меня выпустили. Я так думаю, они не хотели, чтоб началась массовая истерика в зрительном зале, потому как я ревела в голос. А Кобзон тоже со своей стороны просил, чтобы детям отдали мать.

Как потом оказалось, родители третьей девочки остались в живых, а дочка Корниловой до сих пор тепло вспоминают женщин из отряда Бараева.

- Мои дети до сих пор уверены, что эти тети были красивые и добрые, - вспоминает бывшая заложница. - Они давали детям сладости, коробочки с «Рафаэлло», чипсы. Когда мы вышли, младшая ужасно обиделась, что мы не взяли с собой шоколадку.

Освобождение Корниловой было одним из последних жестов доброй воли со стороны террористов. Позже, в полдень в пятницу, они освободили еще восемь детей - их вывел из театра доктор Леонид Рошаль. Дети были в возрасте от восьми до двенадцати лет. А ведь до этого Бараев через Интернет уверял, что всех детей отпустили в самом начале операции.

В зрительном зале осталось еще около тридцати детей, среди них как минимум четверем не было одиннадцати лет, а одной девочке было всего шесть. Пятеро погибли во время штурма. Чеченцы же на все просьбы переговорщиков освободить детей отвечали: «Подарков больше не будет». Чеченец, написавший в newsru.com, утверждал: «Да дети сами хотят остаться с нами, никто им ничего плохого не сделает. Мы их даже учили стрелять».

Больше часа рассказывал Кобзон сотрудникам оперативного штаба, что он видел в театре. Поскольку, выходя с детьми и Корниловой из театра, он обещал террористам вернуться, примерно в 15.00 отправился обратно. С собой взял Ирину Хакамаду, так как террористы хотели, чтобы она тоже пришла.

В оперативном штабе был Борис Немцов, его имя тоже звучало в требованиях террористов, но он не пошел. Кобзон утверждает, что он испугался - вроде стал нервно звонить в Кремль, и там якобы было решено, что он не должен идти. Немцов утверждает, что руководство страны приняло такое решение, потому что он как раз в это время вел важные телефонные переговоры с Абу Бакаром.

В сущности, не имеет никакого значения, боялся Немцов или нет. Важен вывод, который напрашивается из этого инцидента, - о переговорах и о том, кто в них должен принимать участие решение принимал не оперативный штаб, казалось бы созданный именно с этой целью, а Кремль и, как выразился Немцов, руководство страны, то есть президент. Если Владимир Путин принимал решение даже по таким вопросам, то разве не достаточно очевидно, что именно он принял решение о штурме и использовании газа?

Когда Кобзон и Хакамада вошли в театр, с ними вели переговоры шесть террористов - у двоих на лицах не было масок. Один из них - Абу Бакар. Политики стали дискутировать с ними относительно выдвинутых условий. Кобзон напомнил, что уже давно существует декрет президента о постепенном сокращении военного контингента в Чечне. Заметим, кстати, что, по мнению специалистов, количество военных на протяжении нескольких лет практически не меняется.

- Во второй мой приход, - вспоминает Кобзон, - когда мы были там с Хакамадой, я им сказал: «Вы же знаете, должны знать, что есть решение нашего президента о выводе войск». Они на это: «Хорошо, если есть такое решение, пусть освободят хоть два-три

района, тогда мы будем знать, что это решение реализуется». Я объясняю: «Даже если президент примет решение о выводе, этого же не сделаешь в два-три дня». «Мы это понимаем, - говорят, - но пусть он покажет нам и мировой общественности, что этот процесс уже идет и что районы освобождаются. Без этого можете нам не звонить и не приходиться. Без этого мы не примем никаких решений, не пойдем ни на какие компромиссы». Я спросил: «А сколько вы намерены ждать?» Сказали: «Неделю. Но если в течение трех дней не наступит видимый прогресс в выполнении наших требований, мы начнем ликвидировать заложников».

Кобзон стал объяснять, что ведь люди не имеют на все это никакого влияния.

- Тогда они заметили: «Может, президента заинтересует судьба этих людей, и правительство к ним прислушается?» - вспоминает артист.

Главарь террористов сказал еще Кобзону, что его люди полны решимости и готовы умереть. «Мы не хотим жить, мы хотим умереть больше, чем вы хотите жить», - заявил Абу Бакар, оглашая девиз акции. В доказательство велел привести одну из женщин, невысокую девушку, которую звали Зуля. Чеченка показала пояс шахида и детонатор на открытой ладони, при помощи которого, как уверяли террористы, можно в одну секунду разнести вдребезги весь театр.

- Я не могу подтвердить, что это террористы-смертники, - сказала журналистам несколькими минутами позже Хакамада. - Да, они так утверждают, но я не вижу этого в их глазах.

На прощание Абу Бакар дал обоим политикам номер личного сотового телефона, прибавив при этом, чтобы не звонили, если власти не начнут выполнять их требования. И еще сказал, что они намерены разговаривать исключительно с представителем президента, наделенного всеми полномочиями.

Выходя, Кобзон и Хакамада предложили обеспечить доставку еды и питья, но террористы отказались. Как позднее рассказала Хакамада, они утверждали, что и так неплохо относятся к заложникам и не выполняют многих инструкций своих руководителей, находящихся в Чечне или даже за границами России. А они требуют более жесткого обращения с заложниками. Чеченцы отказались также выпустить остальных детей. Абу Бакар, как утверждает Кобзон, даже пошутил, что в Чечне двенадцатилетние могут уже жениться. Согласились, однако, на приход врачей. Через час в театр вошли два «иорданца», одним из которых позже оказался Леонид Рошаль.

Сразу же после выхода из театра Кобзон, Хакамада и Немцов отправились в Кремль на встречу с президентом. Скорее всего, именно рассказ политиков о том, что они увидели в театре, об их впечатлениях от разговора с террористами окончательно утвердили Путина во мнении, что проблему заложников можно решить силой, что уступки не потребуются. По моим сведениям, именно в тот вечер было принято решение о штурме спецназа с использованием парализующего газа.

Руководители оперативного штаба и Кремль и не помышляли о выполнении требований террористов прислать полномочного представителя президента. Им нужно было, чтобы псевдопереговоры с участием людей, не имеющих права принимать какие-то решения, длились как можно дольше. Чем дольше террористы будут ввязываться в бесплодные дискуссии, тем больше времени будет у «Альфы» на подготовку штурма. Поэтому еще в тот же день, в четверг, ближе к полуночи в театр вошел Григорий Явлинский, срочно прилетевший из Томска. Совершенно неизвестно, о чем говорил Явлинский с чеченцами. Лидер «Яблока» не встречался с журналистами и никогда об этом ни словом не

обмолвился. Путин потом похвалил его за то, что «не зарабатывал себе популярности на людской беде». На следующий день, в пятницу, в театр был направлен Сергей Говорухин, режиссер документального кино, сын известного кинорежиссера. Он снимал свои фильмы в Таджикистане, Афганистане и Чечне, где в одной из боевых операций даже потерял ногу. Вместе с ним в театр отправился Дмитрий Беловецкий, заместитель главного редактора еженедельника «Литературная газета». Тремя часами позже, в 20.00, к театру подошла очередная группа «переговорщиков» -бывший премьер России Евгений Примаков, бывший президент Ингушетии Руслан Аушев и чеченский депутат Думы Асланбек Аслаханов. Наконец подъехала Алла Пугачева, «примадонна», как ее часто называют в России, которая пыталась уговорить террористов отпустить четырех участников мюзикла «Чикаго». Пугачева с мужем являлись собственниками фирмы, которая перенесла мюзикл на московскую сцену. Все три встречи были удивительно похожи одна на другую и на встречи предыдущего дня. «Переговорщики» просили, чтобы чеченцы отпустили хотя бы детей и женщин, а террористы решительно отказывали им в этом.

- Кого мы считали нужным отдать, во имя Аллаха отдали, остальных во имя Аллаха оставим здесь, - отвечал все более раздраженно Абу Бакар.

На все аргументы, просьбы уступить, смягчить требования террористы отвечали нервно, часто переходили на крик. Аслаханов сказал мне, что они себя вели просто по-хамски.

- Разговор шел в огромном напряжении, - вспоминает Примаков. - Беседа слепого с глухим. Бараев срывался, был все время возбужден, сказал: «Клянусь Аллахом, вы меня не понимаете. Я запрограммирован, завтра буду все решать, завтра в 12.00 начнем расстреливать». Я ему тогда говорю: «Послушайте, что вы тут клянетесь Аллахом? Я специалист по Востоку, знаю Коран не хуже вас, а может, и лучше. Так вот, Коран гласит, что нельзя воевать с женщинами и детьми». А Бараев на это: «Немедленно выводите войска из Чечни». Вот в таком, более или менее, духе проходил этот разговор.

Отметим, что никто из парламентариев даже не пытался обсуждать требования, уточнять условия, сроки их выполнения.

Если еще как-то можно понять, с какой целью руководство оперативного штаба отправляло в театр очередных парламентариев «по просьбе», то уж совсем неизвестно, зачем был послан туда журналист НТВ Борис Кольцов. Кто-то из генералов в штабе присоединил его к двум псевдопереговорщикам - Говорухину и Беловецкому, несмотря на то, что для Кольцова это было смертельно опасно. Шеф оперативного штаба не мог не знать отношения террористов к корреспондентам НТВ. Дело в том, что несколько часов назад другой журналист этого канала, Сергей Дедух, записал интервью с Бараевым и Абу Бакаром, но материал не появился в эфире, власти запретили его показывать. Главари террористов были взбешены, и в штабе об этом прекрасно знали, рассказывали об этом заложники в своих контактах с внешним миром. Тем не менее офицеры ФСБ вызвали Кольцова и сказали, что террористы хотят с ним встретиться и ждут его съемочную группу.

- Сотрудники штаба вызвали нас за оцепление и сказали, что Говорухин и Беловецкий собираются идти в театр и мы с оператором пойдем с ними, - вспоминал Кольцов в разговоре со мной. - Мы не очень понимали, зачем нам туда идти, но все-таки пошли. Там оказалось, что террористы нас совсем не ждали, они вообще не знали, что мы придем. Впрочем, как и Говорухин с Беловецким. Несколько минут держали нас на прицеле автоматов. Абу Бакар сказал тогда: «Прежде чем сюда кто-то входит, мне должны

позвонить и предупредить». А в тот раз никто ему не звонил. Я считаю, что это выходило за пределы допустимого риска. Ведь они могли принять нас за агентов ФСБ.

В конце концов напряжение несколько спало, а один из переговорщиков, Дмитрий Беловецкий, достал из кармана фотографию, на которой он был снят с известным чеченским хирургом Хасаном Баиевым, который в свое время оперировал Басаева и Радуева, а также лечил мать Бараева. В настоящее время Баиев живет в США.

- Я догадался, что Говорухин и Беловецкий хотели связать этого хирурга с шефом террористов и надеялись, что он на них как-то повлияет, - вспоминает Кольцов. - Они с Абу Бакаром пошли на третий этаж и там разговаривали. А мы с оператором ждали внизу сорок минут. Бараев в это время спал. Когда проснулся, первым делом пришел к нам и спросил, почему нет интервью. Я ответил, что не знаю, наверное, запретили показ. Он, когда это услышал, резко оборвал меня и крикнул: «Пошли вон отсюда, бегом! И чтоб никто из журналистов больше не показывался, будем расстреливать». Через три минуты следом за нами вышли Говорухин и Беловецкий, - видно, Бараев пошел туда, где они разговаривали с Абу Бакаром, и тоже их выгнал.

Совсем по-другому, чем остальные переговорщики, вела себя Анна Политковская, которая, услышав о террористическом акте, поспешила вернуться из США и уже в пятницу во второй половине дня вошла в театр и разговаривала с террористами. Она сочла, что не имеет смысла в очередной раз просить их выпустить женщин и детей, как это делали остальные. Террористы были по уши сыты этими просьбами. Политковская решила, что, раз ее отправили в качестве своего рода парламентаря, она должна заняться переговорами. Причем, не обращая внимания на то, что оперативный штаб делает все, чтобы этого не делать.

Она исходила из предположения, что, если условия террористов будут разумными, власти быстро их выполнят, а чем скорее это произойдет, тем скорее заложники окажутся на свободе.

- Можно было с ними договориться об освобождении всех заложников, не только детей, - вспоминала Политковская в разговоре со мной. - Во всяком случае, когда я была там, я говорила как раз об этом. Важно было найти выход из сложившейся ситуации. Я разговаривала с Абу Бакаром, он был достаточно разумен и предсказуем. Бараев - сложная личность, он крайне непоследователен и вспыльчив - с ним нельзя было ни о чем разговаривать, не было никаких шансов хоть в чем-то найти взаимопонимание. Просто из-за его ужасающе низкого интеллектуального уровня. И потом, когда я там была, он спал. Несмотря на открытость Абу Бакара, разговор был тяжелым и долгим. Политковская убеждала его, что условия не могут быть обобщенными, типа «вывод войск». Кроме того, такое требование не может быть выполнено в разумные сроки, ведь вывод нескольких десятков тысяч человек со снаряжением займет много времени. Она старалась убедить террористов, чтобы они отказались от этого условия. Трудно в это поверить, но Политковская утверждает, что ей это удалось!

- Вначале они хотели, чтобы президент остановил войну, подписал соответствующий декрет и вывел войска, - вспоминает Политковская. - Мне пришлось долго их убеждать. И наконец мы договорились, что они выдвинут три требования. Во-первых, Путин не подписывает указ, а выступает по телевидению и заявляет о намерении прекратить войну. Это президенту было сделать легко, потому что он и раньше неоднократно говорил, что хочет покончить с войной, это ни в коей мере не нанесло бы ущерба его престижу. Вторым условием был вывод федеральных войск из одного района по выбору

федеральных властей. Это тоже было несложным условием - в Чечне есть районы, буквально напичканные войсками, а есть и такие, откуда их можно было бы вывести в течение суток, потому что там почти не было военных. В-третьих, договорились, что один из международных наблюдателей, лорд Фрэнк Джадд, главный координатор Парламентской ассамблеи Совета Европы по делам Чечни, подтвердит, что вывод войск действительно начался. И это все. Никаких других условий не было. Террористы обещали, что после выполнения этих трех условий освободят заложников. Я тут же попросила не только власти, но всех, кто мог помочь, отыскать как можно скорее лорда Джадда. Если соглашение будет достигнуто, он должен быть в полной готовности здесь, в Москве, или в Чечне, немедленно подтвердить начало вывода войск, так чтобы террористы могли освободить заложников.

Оговоренные таким образом условия Политковская передала в оперативный штаб и редактору своей газеты. Была пятница, середина дня, время обеда. Как утверждает журналистка, если бы Путин действительно хотел спасти всех этих людей, у него было на это время - он мог еще в пятницу выступить по телевидению с обращением, в котором объявил бы об окончании войны. А уже в субботу лорд Джадд мог бы подтвердить, что в одном из районов Чечни нет российских войск. В субботу вечером все заложники были бы на свободе.

Несмотря на усилия Политковской, штаб никак не отреагировал, и вообще трудно сказать, что там происходило. Беловецкий описывает потрясающую сцену: шеф оперативного штаба, генерал Проничев, сидя в штабном автобусе, дает им с Говорухиным последние инструкции перед выходом в театр: «Ребята, узнайте, на каких условиях они готовы вести переговоры. Мы готовы выполнить все условия, обеспечим коридор, вывезем из Москвы. Для меня важнее всего люди!» - передает Беловецкий патетическую речь генерала ФСБ. Трудно сказать, правда ли это, но если так, то сцена курьезная - руководитель операции, целью которой является освобождение заложников, через полтора суток после начала теракта понятия не имеет о том, чего они в действительности хотят! Кроме того, как следует из текста Беловецкого, Проничев произнес свою тираду уже после «договоренности» Политковской с Абу Бакаром.

Власти, естественно, не могли согласиться на сценарий, предложенный журналисткой «Новой газеты», поскольку это означало бы триумф террористов, а этого российские власти не намерены были допустить. Поэтому, когда во второй половине дня через театр продефилировал хоровод «переговорщиков», умоляющих выпустить детей и женщин и ничего не решающих, Мовсар Бараев понял, что его обманывают, и вышел из себя.

Со слов Кольцова и Политковской, Бараев в пятницу несколько часов спал. Проснулся он как раз в тот момент, когда в театре находились Говорухин с Беловецким и Кольцов с оператором. Главарь террористов сначала выгнал их из здания театра, а потом, взбешенный тем, что власти все еще не собираются выполнять его требований, объявил, что скоро начнет расстреливать заложников. Заканчивались вторые сутки оккупации здания на Дубровке, а Кремль не прислал ни одного человека, наделенного полномочиями для ведения серьезных переговоров. Бараев не собирался больше этого терпеть.

Никто не знал точно, когда террористы начнут расстрелы. Говорили - может, в пятницу вечером, может, в субботу утром, сообщали разное время - 22.00, 6.00, 10.00, 12.00. Но руководство оперативного штаба наконец поняло, что это не шутки. Не были это и брошенные всуе угрозы, как в начале операции, это был очень конкретный «последний ультиматум». Поэтому примерно через три часа после заявления Бараева, то есть около

21.00, в театр позвонил Виктор Казанцев, полномочный представитель президента в Южном федеральном округе, включающем в себя и Чечню.

Казанцев был прекрасно известен чеченцам не только по тем временам, когда он командовал российскими частями, занимающими их республику. Осенью 2001 года Кремль предложил проведение переговоров с сепаратистами. Предложение было само по себе странное, так как речь шла только об условиях сдачи оружия и принципах возврата республики к мирной жизни. Президент Аслан Масхадов не хотел говорить на таких условиях, но не мог отвергнуть это предложение, поскольку Москва вообще впервые с начала войны в 1999 году проявила желание вести с ним переговоры. Поэтому он отправил в столицу своего представителя, своего близкого сотрудника Ахмеда Закаева. 18 ноября 2001 года Закаев и Казанцев встретились в аэропорту Шереметьево, но их двухчасовые переговоры потерпели фиаско.

Для террористов, оккупировавших театр, которые наверняка прекрасно помнили ту встречу годичной давности, Казанцев был подходящей кандидатурой - переговорщиком, у которого, несомненно, будут широкие полномочия от президента. По телефону генерал пообещал, что приедет на следующий день и поговорит с ними обо всем. Попросил при этом, чтобы до его приезда не было никакой самодеятельности и жестоких акций. Он, естественно, имел в виду расстрел заложников.

- Чтоб там не было никаких ненужных шагов, очень прошу, ничего не предпринимайте, - решительным тоном, больше похожим на приказ, чем на просьбу, говорил Казанцев. - Договорились?

- Думаю, что да, - ответил Бараев.

- И чтоб все было спокойно, - добавил генерал.

- Хорошо, - покорно согласился шеф террористов.

- Завтра увидимся, - сказал генерал.

- Ждем, - ответил партизан.

- До свидания, - сказал генерал.

- До свидания, - вежливо попрощался террорист.

После этого звонка, как утверждают заложники, Бараев впал в эйфорию. Вел себя так, как будто уже победил. Террорист не понял, что Казанцев позвонил именно затем, чтобы успокоить захватчиков. Телефонный разговор с генералом не был прелюдией к серьезным переговорам, совсем наоборот, он их завершил, так и не дав начаться.

Через восемь часов начался штурм.

Подведем итоги тех двух дней, которые прошли с момента захвата террористами театра до телефонного звонка генерала Казанцева. Существует, как мне кажется, несколько неоспоримых доводов, подтверждающих тот факт, что власти с самого начала не намеривались вести с террористами переговоры.

С ними ни разу не вступил в контакт профессиональный переговорщик, наделенный полномочиями. Самозванцы-парламентеры выслушивали требования террористов, пробовали с ними спорить, просили выпустить хоть некоторых заложников, но не были в состоянии ответить на простой вопрос - на какие уступки готов пойти Кремль. Они не только не имели оснований делать подобные заявления. Они вообще понятия не имели об этой проблеме. В течение двух дней террористов посетили: Иосиф Кобзон и Алла Пугачева - эстрадные артисты и бизнесмены; Ирина Хакамада - политик, заместитель спикера Думы; Асланбек Аслаханов - депутат Думы, генерал милиции в отставке; Григорий Явлинский - председатель «Яблока»; Сергей Говорухин - кинорежиссер-

документалист; Дмитрий Беловецкий - редактор газеты; Руслан Аушев - бывший президент Ингушетии и Евгений Примаков - бывший премьер России. У всех, несмотря на многочисленные отличия, есть одна общая черта - они не связаны с Кремлем и командой, принимающей решения. Почти наверняка у них не было никаких сведений о том, что творится непосредственно в центре принятия решений при президенте Путине, каковы реальные намерения Кремля. Так что они не были представителями властей, как того требовали террористы. Приходили в театр, чтобы более или менее осознанно затягивать время. А кроме того, никто из них даже на минуту не был допущен в зрительный зал, где сидели захваченные зрители мюзикла «Норд-Ост».

Заложник Александр Сталь, который, сидя на балконе театрального центра, имел возможность узнавать о ходе переговоров, поскольку террористы время от времени включали телевизор, так оценивает увиденное: «Нас обрадовали слова Путина о том, что приоритетом является освобождение заложников. Хоть все и понимали, что это только слова. Мы были довольны переговорщиками (Немцов, Хакамада, Кобзон). Пока идут переговоры - мы живем. Но серьезно их усилия мы не воспринимали, понятно было, что на самом деле у них нет никакой власти».

Виктор Казанцев, человек, властью облеченный, полномочный представитель президента, который - как ожидали террористы - должен был говорить о конкретных вещах, позвонил Мовсару Бараеву только тогда, когда больше тянуть было невозможно, то есть в пятницу вечером. Когда террористы пригрозили, что начнут расстреливать заложников. Но и в этом случае, мы можем быть уверены, никто не собрался выполнять требования террористов. По мнению Казанцева, если бы он на следующий день появился в театре, можно было бы выиграть еще один день. Не исключено, что генерал даже согласился бы на уступки, но только затем, чтобы террористы отложили объявленные экзекуции и можно было закончить подготовку к штурму. Казанцев позвонил в театр в тот момент, когда Кремль уже принял решение: атака десантников - единственный способ разрешить ситуацию. Не было только известно, удастся ли провести штурм еще в эту ночь. По моим данным выходит, что «Альфа» начала разведку в подвальных помещениях театра только около полуночи, то есть через три часа после звонка Казанцева. Перед разведкой стояла задача определить, можно ли провести штурм еще до рассвета, и утвердительный ответ появился после полуночи - почти через четыре часа после звонка Казанцева! Если бы разведка показала, что немедленный штурм невозможен, Казанцеву пришлось бы бороться за жизнь заложников, изображая «настоящие» переговоры. Тогда, наверное, он даже появился бы в театре.

И еще одно доказательство того, что Кремль не намеривался выполнять требования террористов. В Чечне ни одна воинская часть не была приведена в боевую готовность, ни один командир не получил приказа начать подготовку к эвакуации. Жизнь шла своим чередом. Как будто ничего не произошло. Мало того, террористы, которые связывались со своим руководством в Чечне, утверждали, что акции спецназа и зачистки в чеченских селениях продолжаются.

Естественно, уже во время оккупации театра российские власти опровергали все обвинения в том, что они не стремятся к компромиссу и не намерены идти на уступки. В пятницу в районе театра появилась Валентина Матвиенко, вице-премьер российского правительства, которая, конечно же, располагала значительно большей властью и лучше знала о планах Кремля, чем те политики, которые вступали в контакт с террористами.

Матвиенко встретила с родственниками заложников и пыталась их успокоить, чтобы они не впали в панику. Потом ответила на вопросы журналистов.

- Мы готовы на любые переговоры, но террористы не хотят с нами разговаривать, - заявила она.

Террористы требовали встречи с серьезным переговорщиком, но прибегали и к другим способам давления на общественное мнение и власти.

Для этого они, прежде всего, использовали средства массовой информации, хотя были на удивление беспомощны в этом -они не умели вести себя перед камерой, не могли четко сформулировать своих требований. За время своего пребывания в театре террористы дали несколько интервью. Однако первый, ударный контакт с прессой состоялся во второй половине дня в четверг, когда посыльный привез в московское бюро катарского телевидения «Аль-Джазира» посылку - видеокассету с записью выступления Мовсара Бараева и группы женщин из его отряда, которые уже около двадцати часов удерживали заложников в театре на Дубровке.

Это был великолепно продуманный шаг - телевидение «Аль-Джазира» называют арабской CNN. Новость о появлении на экране террористов, захвативших здание в центре Москвы, в секунду облетела весь мир. Это была еще одна попытка заставить Путина пойти на уступки, попутно чеченцы хотели показать свою решимость и вкратце представить свои условия.

На экране появился Бараев, который, сидя по-турецки под белой стеной неизвестного помещения, склонившись над ноутбуком, произнес следующее:

- Мы готовы пожертвовать жизнью во имя Аллаха и независимости Чечни. Мы хотим смерти больше, чем вы хотите жить. Мы пришли в Москву, чтобы остановить войну или умереть во славу Аллаха.

Стоит обратить внимание на слова «Мы хотим смерти больше, чем вы хотите жить».

Они звучали как рекламный слоган акции на Дубровке. Люди Бараева неоднократно их повторяли. Политолог Анатолий Гушер отметил, что они напоминают фразу, которую в VII веке употреблял в своих письмах Халид Абу аль-Валид, военный предводитель арабского халифата. Когда он хотел, чтобы соседние народы добровольно приняли ислам, на всякий случай писал такое предупреждение: «Иначе Тот, кроме которого нет Бога, пошлет против вас людей, которым нравится умирать, как вам жить». Еще один довод в пользу того, что теракт готовили люди не только разбирающиеся в истории ислама, но и прекрасно знающие принципы, правящие прессой, пропагандой и рекламой.

В кадре появилась также группа женщин в черных одеждах с чадрами на лицах.

- Нам все равно, где мы умрем. Мы выбираем смерть в Москве и возьмем с собой сотни неверных, - сказала одна из женщин. Они стояли на фоне плаката с надписью «Аллах велик». Этот плакат во время теракта висел на занавесе в театре.

Акрам Хузам, шеф московского бюро «Аль-Джазире», позднее утверждал, что, если бы он получил эту кассету на два дня раньше, отдал бы ее спецслужбам. Но поскольку неизвестный мужчина принес ее почти через сутки после начала операции, запись тут же пустили в эфир. По мнению Хузума, запись была сделана в Москве накануне теракта.

Только после показа записи всеми телеканалами мира террористы потребовали прислать к ним журналистов. В ночь с четверга на пятницу (24/25 октября) в театр вошла съемочная группа НТВ. Несмотря на многочисленные изменения, наступившие на этом канале с конца девяностых, для чеченцев он продолжал оставаться символом объективности. Во время первой чеченской войны журналисты НТВ чаще других передавали репортажи с

«чеченской» стороны фронта. Для Мовсара Бараева не имело значения, что пять лет назад его дядя Арби похитил группу именно этого канала во главе с журналисткой Еленой Масюк и продержал их в неволе три месяца. А освободил журналистов, только получив солидный выкуп.

Входя в театр, Сергей Дедух и его оператор вряд ли думали об этом. А увидев перед собой главаря террористов, проверяющего микрофон словами «раз, два, три...» и задающего вопрос своему заместителю, хорошо ли смотрится его шапочка, они окончательно перестали об этом думать. Сила телевидения!

Перед журналистами уселись два террориста - Бараев, снявший маску, и Абу Бакар, оставшийся в маске с отверстиями на глазах и рту. За ними, немного сбоку, стояли две чеченки, тоже с закрытыми лицами.

Само интервью было конфузным. У Бараева и Абу Бакара были трудности с русским языком, они были скованны и не могли ясно и четко изложить свои требования. Бараев вообще говорил, как деревенский парнишка.

Бараев: Наша группа называется «Рияд ус-Салихийн». Наша цель, мы уже не раз говорили, остановить войну и вывести войска.

Корреспондент: А если российские представители начнут переговоры с Масхадовым или еще кем-то?

Бараев: Мы действуем по приказу высшего военного эмира. Военный эмир там у нас - это Басаев, вы все его хорошо знаете. Масхадов это наш президент. Хоть мы не раз слышали, что Масхадов никому не подчиняется, что с ним никто не считается, это, не знаю, как сказать по-вашему, обман и ложь. Мы даже очень подчиняемся и очень с ним считаемся. И наши разговоры с Масхадовым... Конечно моей задачей было приехать сюда. То, чего мы хотели, мы с помощью Аллаха сделали.

К. Почему вы выбрали именно это место для операции?

Абу Бакар. По воле Аллаха. Центр города, чтобы все видели и все знали.

К. Только поэтому?

Б. Мы хотели еще что-то захватить, но у нас не получилось.

К. То есть спонтанно так получилось, что вы приехали сюда?

А. Нет, мы готовились уже месяц, два, ходили, спектакли смотрели, что и как.

К. Значит, было несколько таких пунктов?

Б. Было несколько пунктов. Мы ждали. Мы могли это и раньше сделать. Ждали, что кто-то придет, кто-нибудь остановит.

К. Вас называют племянником Арби Бараева, это так?

Б. Да, я его родственник.

К. Можно ли считать, что эта акция - месть за его смерть?

Б. Нет.

Дедух, обращаясь к стоящим сзади женщинам: Скажите, пожалуйста, что означают ваши одежды и пояса с взрывчаткой?

Женщина: Это означает, что нас ничто не остановит. Мы на пути Аллаха. Если мы тут умрем, это не конец. Нас много. Это будет продолжаться.

Запись не была показана ни одним из российских телеканалов. Власти запретили ее демонстрацию, объясняя, что это было бы пропагандой терроризма и экстремизма. Не помогли настояния террористов, которые обещали, что за трансляцию интервью Бараева и Абу Бакара они освободят двенадцать заложников.

Еще одно интервью взял Марк Франчетти, журналист «Sunday Times». Террористы - и на этот раз Абу Бакар и Бараев - сказали ему, что они в прекрасном настроении, потому что достигли того, чего хотели, остальное зависит от Путина, который теперь должен принять правильное решение. Чеченцы подчеркивали, что они не террористы, иначе они бы потребовали миллионы долларов и самолет. Перед камерой британского журналиста появился и Ясир, который не очень грамотно, зато точно выразил решимость террористов. - Я хочу сказать, наши враги, клянусь Аллахом, мы стремимся, чтобы умереть на пути Аллаха больше, чем они хотят жить. Аллах акбар, - заявил он.

Очередное интервью прозвучало в прямом эфире на волне «Эха Москвы». Журналисты этой информационной московской радиостанции дозвонились до одной из заложниц и попросили передать телефон ближайшему чеченцу.

- С вами говорит командир разведбатальона смертников, меня зовут Хасмамат, - гордо заявил террорист.

Журналисты спрашивали его о требованиях его группы, о том, как они представляют себе их реализацию, просили об освобождении детей. Хасмамат рассказывал о том, что творится в Чечне, и делал это довольно складно, значительно лучше своих командиров.

- Требования самые простые, - говорил Хасмамат. - Остановить войну, вывести войска, вот и все. В этом нет ничего сложного. Заложники не только здесь, в зрительном зале, заложники есть вот уже три года и в Чечне, и никто ими не интересуется. Решение этих проблем лежит в Чечне. Пусть теперь Путин сам думает, как вывести войска, которые он туда ввел. Неделя - достаточный срок, чтобы вывести все войска или хотя бы половину. Нужно немедленно прекратить военные действия, немедленно, потому что люди гибнут ежечасно. Во время двух войн в Чечне убито три тысячи детей в возрасте до десяти лет. В зрительном зале нет ни одного ребенка младше десяти лет, всех выпустили. Вот вам еще несколько цифр - четыре тысячи детей стали инвалидами - без ног, без рук. Тринадцать тысяч человек пропали без вести, понимаете, что это значит, пропали без вести? Двести пятьдесят тысяч убиты. Надо немедленно начать переговоры и вывод войск. Сколько успеете, столько успеете, а там посмотрим. Я могу сказать, что в этом зале ни одного человека пальцем не тронет ни один моджахед.

Журналисты спросили, с кем следует вести переговоры.

- Там есть только одна сторона, - ответил Хасмамат. - Президент Масхадов, только он может представлять Чечню.

Был задан вопрос, почему террористы запрещают заложникам звонить по телефону и ходить в туалет.

- Это так похоже на ваши спецслужбы, ничего удивительного, - ответил чеченец. - Это полная ерунда, я не хочу даже комментировать такую глупость.

Террориста спросили, ожидают ли они получить конкретный ответ от руководства страны.

- Я хочу сказать, что они до сих пор пытались игнорировать нас, наши требования, - заявил Хасмамат. - Присылали каких-то простых людей, разные провокации устраивали. Поэтому мы не будем поддерживать с ними связь, пока они не возьмутся серьезно за это дело.

Власти не могли приостановить трансляцию интервью, так как разговор шел в прямом эфире, однако на следующий день Министерство по делам печати, радио и телевидения потребовало, чтобы запись разговора убрали с сайта «Эха Москвы» в Интернете. До исполнения поручения доступ на сайт был заблокирован.

Мне удалось найти еще одно интервью, которое неплохо отражает настроения в среде террористов в пятничный вечер и при этом подтверждает, что подчиненные были более разговорчивы, чем главари. Интервью организовали журналисты бакинской газеты «Зеркало». Разговор шел с Абу Саидом из Ведено, тем самым террористом, который звонил во второй половине дня в четверг в оперативный штаб. Он состоялся в тот момент, когда в театр вошли «переговорщики» Говорухин и Беловецкий в сопровождении съемочной группы НТВ.

- Абу Саид, какая там ситуация сейчас?

- Мы сидим в зале и ждем штурма российского спецназа «Альфа».

- Ждете штурма?

- Они все равно пойдут на штурм. Мы этого ждем. Если начнется штурм, мы взорвем этот зал. И больше ничего не будет. Нам все равно. Пусть штурмуют. Пусть делают, что хотят. Одна пуля сюда залетит, и я вообще не знаю, мы не только театр в Москве, мы весь город в порошок сотрем.

- В случае атаки вы даже не собираетесь ее отражать, просто сразу будете взрывать?

- Да, именно так.

- Знал ли Масхадов или кто-то из руководства о ваших планах?

- Конечно, план был конкретно подготовлен. И тактически это самый лучший план. Мы его готовили все лето. Мы приехали сюда по воле Аллаха. Инш Аллах, мы добьемся своего.

- У вас есть возможность связываться с Масхадовым или Шамилем Басаевым?

- Да, конечно.

- И они знают, что там происходит?

- Знают, они все знают. Они нам звонят и ориентируются в ситуации. Мы доложили обо всем.

- Появилась информация, что в штабе Масхадова шла работа над механизмом переноса вооруженных действий на территорию России. Это часть того плана?

- Да, это только небольшой фрагмент. Мы еще не начали своих действий. И если это только их часть, перед нами большие планы. Если они не выполнят требований, будут предприняты конкретные шаги.

- Когда вы разрабатывали эту операцию, Аслан Масхадов знал об этом?

- Да, мы делали это сообща, он знал обо всем. Но рядовые моджахеды не знали, куда мы идем.

- Рядовые не знали, куда и зачем идут?

- Когда выходили, не знали. А потом им сказали, в чем заключается план.

Надо признать, что высказывания террористов оказали незначительное влияние на общественное мнение. Зато, несомненно, каждое их слово подвергалось скрупулезному анализу экспертов спецслужб. Мы, правда, не знаем, что им удалось выжать из интервью Бараева, Абу Бакара, Абу Саида и Хасмамата. Не известно и помогли ли спецслужбам сообщения чеченских сепаратистов на сайтах Интернета. Раз в три-четыре часа в редакцию одного из чеченских порталов звонил Бараев с новыми сообщениями о происходящем в театре. Именно там впервые появилась информация об убийстве Ольги Романовой, официально подтвержденная только через несколько часов.

Чтобы ускорить выполнение своих требований, террористы использовали и самих заложников, и их семьи. Важно было усилить давление на власть.

Во второй половине дня из окруженного театра вышла врач Мария Школьникова с листком бумаги в руке. На нем было обращение заложников к президенту. Скорее всего террористы не принимали участия в его составлении, это была идея самих заключенных. Зато террористы согласились выпустить Школьникову, чтобы она огласила обращение перед камерами. Обращение оказалось пророческим.

«Женщины, мужчины, юноши и дети - мы просим вас принять разумное решение, прекратить военные действия в Чечне. Хватит войны, мы хотим мира. Вы там, наверху, решаете эти вопросы, а мы здесь можем только наблюдать. Сегодня мы оказались в ситуации, когда решаются наши судьбы - жизнь или смерть. У нас есть родители, братья, сестры и дети. Наша жизнь в ваших руках. Просим вас, решите эту проблему мирным путем, иначе прольется слишком много крови».

- Люди, которые там остались, просили меня передать, что они не поддерживают войну в Чечне и не хотят платить за нее своей жизнью, - добавила от себя Школьникова.

Ни президент, ни один из представителей российских властей не отреагировали на обращение и даже его не прокомментировали. Зато представители ФСБ и оперативного штаба стали без конца повторять, что это проявление так называемого стокгольмского синдрома. Как позднее оказалось, это было неправдой, но благодаря этому пропагандистскому трюку удалось успешно нейтрализовать любые обращения и просьбы, направляемые заложниками руководству своей страны. В основном речь шла о призывах не проводить штурм. Стокгольмский синдром, однако, не мог проявиться у родственников заложников, поэтому власти не разрешили провести манифестацию, которую те собирались организовать.

Уже в четверг террористам пришла в голову идея, чтобы родственники заключенных устроили перед театром демонстрацию. Они требовали, чтобы люди, стоящие за оцеплением скандировали «Мир Чечне!» В пятницу под утро, между тремя и шестью часами, заложники начали массово звонить из театра, умоляя, чтобы их близкие организовали манифестацию на Красной площади.

- Заложники звонили, говорили, сделайте что хотите, но манифестация на Красной площади должна пройти, иначе нас начнут расстреливать, - рассказывает Ирина Храмцова, дочь Федора, трубача из оркестра. - А если манифестация состоится, они выпустят всех детей, даже пятнадцати- и шестнадцатилетних.

Как рассказывает Ирина, тут же кто-то из живших поблизости побегал домой и притащил рулоны обоев.

- Мы стали писать антивоенные плакаты и транспаранты, - говорит Ирина. - мы были готовы на все, лишь бы выпустили наших близких.

Оказалось, однако, что не так просто организовать манифестацию на Красной площади. Главная площадь России была окружена кордоном милиции. Родственники заложников уговаривали власти дать разрешение, представители власти отвечали, что идет согласование между разными организациями (за Красную площадь отвечает не обычная милиция, и даже не ФСБ, а Федеральная служба охраны), городскими властями и федеральными.

После долгих часов ожидания и отговорок родственники, в конце концов, сами поехали на площадь, чтобы провести манифестацию без всяких разрешений. Около полудня на Васильевском спуске рядом с Кремлем собралось примерно двести пятьдесят человек, были там и журналисты. Демонстрацию, направляющуюся на Красную площадь, встретил четверной кордон милиции. Какой-то полковник повторял в мегафон, что демонстрация

нелегальна, и просил разойтись. Поскольку люди не хотели подчиниться, милиция задержала несколько человек, а остальные поняли, что власти не пойдут ни на какие уступки.

К журналистам вышел Владимир Васильев, заместитель министра МВД, который не терпящим возражения тоном сообщил:

- Акции и манифестации, на которые не получено разрешение властей, будут решительно пресекаться. Можете рассматривать это заявление как предупреждение тем горячим головам, которые стремятся породить панику в обществе. В случае подобных акций мы будем действовать жестко, но в границах закона.

Очень скоро выяснилось, почему нет согласия на манифестацию. Заместитель мэра Москвы Валерий Шанцев заявил журналистам, что власти не в силах обеспечить безопасность манифестантов, так как в Москве не хватает милиции. А заместитель премьера Валентина Матвиенко добавила: «Кто может гарантировать, что там, на Красной площади, не дойдет до очередной провокации?» И сказала, что демонстрацию можно организовать в радиусе пятисот метров от Дома культуры, где милиции вполне достаточно.

Однако в разговорах с родственниками заложников высокопоставленные чиновники были более откровенны, чем перед камерами.

Валентина Матвиенко во время встречи с родственниками заложников на вопрос, почему власти не дают согласия на манифестацию на Красной Площади, ответила прямо: «Мы не можем показать, что Россия так слаба».

В том же духе высказался и мэр Москвы Юрий Лужков, который практически в течение всей драмы заложников находился в оперативном штабе - был заместителем начальника штаба и прекрасно отдавал себе отчет в настроениях, царящих в Кремле.

- Мы встали перед выбором: или трагедия смерти всех заложников в результате взрыва, или позор уступок террористам, - заявил уже после штурма московский политик. Дело дошло до штурма, - значит, российским властям легче было смириться с трагедией, чем с унижением.

- Мы весь день пытались получить разрешение на демонстрацию, нас все больше охватывала паника, приближался вечер, - рассказывает Ирина Храмцова. - И тогда в центр пришел Владимир Платонов, председатель Московской городской Думы, и так спокойно говорит: «Не волнуйтесь, мы договоримся с Федеральной службой охраны, организуем эту демонстрацию, что вы так нервничаете?» Родственники ему отвечают: «Вы что, не понимаете, там же наши дети, мужья, как вы можете так говорить. У вас там никого нет!» «Там мои избиратели», - с пафосом ответил Платонов. Все просто потеряли дар речи, а он продолжает: «Ну не будет демонстрации, ну и что? Ничего не случится».

Для заложников проблемы с организацией демонстрации до сегодняшнего дня являются доказательством того, что власти не собирались идти ни на какие уступки. И все ради того, чтобы не показать слабость России. А ведь можно было разыграть это по-другому - в ходе переговоров заставить террористов отпустить всех заложников моложе восемнадцати лет в обмен на разрешение проведения демонстрации.

- Способ спасения заложников подсказывали сами захватчики, - замечает Георгий Васильев, автор мюзикла. - Постепенно выпускали детей, иностранцев, больных и раненых. Если можно было бы потянуть этот процесс, симулировать уступки, а при этом вытащить еще пару человек, всем было бы только лучше.

Однако оперативный штаб и Кремль на это не пошли. Президент не собирался выслушивать обращения заложников и их родственников, они были в меньшинстве. Большинство россиян не желали соглашаться ни на какие уступки террористам. Агентство РБК (Росбизнесконсалтинг) опубликовало 24 октября результаты опроса, проведенного в Интернете. Вопрос звучал так: «Следует ли выполнять требования террористов?» Результаты: 74% - против, 14% - за, 12% - не знаю. В опросе приняли участие 2915 человек.

У террористов в руках был еще один способ давления на власти. Они с самого начала обещали без всяких предварительных условий освободить иностранцев, в том числе и русских с паспортами других государств. По непонятным причинам они, однако, своих обещаний не выполнили. По разным оценкам, в зрительном зале было от семидесяти пяти до ста иностранцев более чем из десяти стран, в большинстве своем граждан СНГ. Уже через несколько часов после захвата театра, когда террористы отделили их от остальных заложников, Абу Бакар обещал, что их освободят между девятью и десятью часами утра. Ранним утром в четверг чеченцы потребовали, чтобы к театру прибыли послы тех стран, чьи граждане оказались запертыми в зрительном зале. Неизвестно, почему несколькими часами позже террористы отказались их освободить. Они утверждали, что не всех послов удалось поставить в известность и не все успели приехать к назначенному времени. Но может быть, причина была совсем в другом.

Освобождение иностранцев перенесли на девять утра следующего дня. Все дипломаты явились в назначенное время, однако террористы несколько раз переносили выдачу заложников, пока, наконец, ближе к середине дня стало ясно, что ничего из этого не выйдет. Вечером все началось сначала - террористы снова обещали иностранным заложникам, что освободят их на следующее утро. В субботу утром они уже не были в состоянии ни выполнить, ни нарушить своего обещания. К этому времени их уже уничтожили десантники.

Было, правда, одно исключение. Террористы освободили четырех граждан Азербайджана, мужчину и трех женщин. Их освобождение, состоявшееся буквально за несколько часов до штурма, история, прямо скажем, детективная.

На фатальном представлении «Норд-Оста» оказался генеральный директор представительства Азербайджанских авиалиний в Москве Эльдар Гаджиев с двумя важными гостями из Баку. Это была Зафира Гамзаева, жена его шефа, председателя компании Дзахангира Аскерова, и ее сестра Фируза Касимова. Их сопровождала Севиль Алиева, сотрудница московского бюро фирмы.

В Азербайджане, с его почти феодальными порядками, президент авиалиний - большая шишка и необычайно влиятельное лицо, поэтому сотрудники Посольства Азербайджана в Москве буквально из кожи лезли вон, чтобы убедить террористов освободить всю четверку. Они были настойчивее всех других дипломатов. Наконец появилось официальное сообщение, что президент фирмы Аскеров лично прилетел в Москву, получил разрешение оперативного штаба, вошел в театр и убедил Бараева, чтобы тот освободил его жену и сопровождающих ее лиц. Объяснял, что они мусульмане, которых Бараев с самого начала обещал выпустить. Главарь террористов вроде бы утверждал, что не знал, что в зале есть азербайджанцы. Это не могло быть правдой, так как террористов буквально бомбили телефонами из посольства, им напоминали, что мусульмане, которых они якобы выпустили, продолжают сидеть в зале.

По неофициальным данным, освобождение четверки азербайджанцев выглядело совсем иначе.

Баку, столица Азербайджана, является одним из центров новейшей чеченской эмиграции. Тысячи беженцев, многие известные сепаратисты и бандиты, исламисты и приверженцы светского государства чувствуют себя там, как у Бога за пазухой. Власти практически не вмешиваются в их деятельность. До теракта на Дубровке там очень активно действовало неформальное «чеченское посольство», официально выступающее в качестве представительства президента Аслана Масхадова.

После того как жена президента авиалиний попала в руки террористов Бараева, чеченским представителям в Баку сделали предложение, от которого невозможно было отказаться: если ее немедленно не вызволят из рук собратьев, их спокойная жизнь в Азербайджане уйдет в прошлое. По сведениям моего источника, руководство авиалиний заплатило, в конце концов, влиятельным чеченцам в Баку от полумиллиона до миллиона долларов за освобождение жены президента компании. Бараев получил по телефону соответствующее распоряжение, и в пятницу вечером вся четверка - женщины в дорогих мехах и украшениях, в туфлях на высоких каблуках - вышла из здания театра.

Отсутствие чутья и политического опыта Мовсара Бараева сослужило плохую службу чеченской диаспоре в Баку. То ли необходимость платить выкуп, то ли унижение, которое пережили азербайджанцы в театре, - можно себе представить, что испытывали эти высокопоставленные богатые дамы, которым приходилось пользоваться туалетом в оркестровой яме, - переполнили чашу терпения. Во всяком случае, сразу же после завершения десантниками операции против террористов в Москве представительство чеченского президента в Баку было закрыто.

И все-таки ни угрозы террористов, ни обращения заложников об отказе от штурма не повлияли на окончательное решение. Проблема была решена с помощью десантников, которые пошли на штурм в субботу под утро, предварительно закачав в помещение театра специальный газ, парализовавший большинство заложников и террористов.

Большинство переживших штурм считает, что его не следовало проводить. Были другие способы, которые не привели бы к гибели стольких людей.

- В театр не пришел никто, наделенный полномочиями, - приводит свои аргументы учительница Виктория Кругликова. - Кто-нибудь, кто бы сказал чеченцам: «Вы совершили страшное дело, но наши граждане для нас слишком большая ценность». Не было ни одного человека, для которого мы что-то значили. Конечно, приходил Кобзон, он хотел нам помочь, но ведь он ничего не решал. Если бы президент Путин хотел нас спасти, в театр бы пришел человек с полномочиями, наделенный властью принимать решения и знающий ситуацию в Чечне. Такой, который бы умело, дипломатично, тактично провел переговоры. Я думаю, человеческая жизнь стоит того, чтобы пойти на уступки. Ведь все можно исправить. Раз можно начать, то можно и закончить войну, можно все купить и продать, но жизнь человеку дается только раз. Я считаю, что Путин - не человек. А если бы в зале сидели его жена и две дочери? - продолжает Кругликова. - Что тогда сделал бы господин президент Путин? Сказал бы он тогда: не сяду за стол переговоров с террористами, не буду унижаться? Я не хочу, чтобы он унижался, никто его не ставил на колени. У меня там было такое впечатление, что чеченцы прекрасно знают, что их требования о прекращении войны не так просто выполнить. Но они поставили такие условия, чтобы обратить на себя внимание всего мира. И если бы велись переговоры, планка бы опустилась. Я думаю, они не хотели, чтобы пролилась кровь,

потому что знали, что тогда их весь мир возненавидит. А они этого не хотели, ждали какого-то решения. Наша судьба зависела от каких-то бюрократов, сидящих где-то там, наверху, и решающих проблемы, о которых мы не имеем понятия. Все должно было закончиться иначе. Мы просили об этом президента, но он нас не услышал.

Глава 15

На столе российского президента в его кабинете в Кремле стоит маленький глиняный глобус, подарок десятилетнего глухого мальчика из Северобайкальска - городка у озера Байкал в Сибири. Дима Нетак серьезно заболел, когда ему было шесть месяцев, и потерял слух. Он учится в художественной школе для особо одаренных детей. Однажды Дима вернулся из школы с вылепленным из глины глобусом и сказал, что сделал его для президента. Мама долго не знала, как передать подарок Путину. Наконец оказалось, что глава Российского государства приехал на расположенный неподалеку лыжный курорт. Там им удалось подойти к Алексею Громову, пресс-секретарю президента. Дима передал свой подарок и написал Путину записку: «Я не слышу и пока что только учусь говорить, но могу Вам написать. Я сделал для Вас подарок и хочу, чтобы Россия стала самым лучшим местом на Земле». Было это примерно за полгода до событий на Дубровке. Путин ответил мальчику: «Наши желания совпадают. Я тоже хочу, чтобы Россия была самой лучшей в мире».

Именно из-за этих амбиций Путина погибли в театре на Дубровке сто тридцать заложников и сорок террористов, а жизнь девятисот людей висела на волоске. Для Путина главной целью и основным лозунгом его правления является «мощь России». Эти слова появляются почти во всех интервью и выступлениях президента.

«...все наши решения и все наши действия мы должны подчинить тому, чтобы уже в предвидимом будущем Россия навсегда заняла место среди действительно сильных, экономически передовых и влиятельных стран мира», - сказал Путин в своем обращении к обеим палатам российского парламента весной 2003 года.

Представляется, что атаку террористов на театр на Дубровке Путин воспринимал как покушение на престиж России и ее величие. Главным для него было не то, что террористы требуют прекращения военных действий, а то, что своими требованиями они хотят унижить его страну, заставить его пойти на уступки. Подтверждением тому - первое обращение, с которым президент выступил после штурма, вечером в субботу 26 октября 2002 года.

- Мы доказали, что Россию нельзя поставить на колени, - твердо подчеркнул Президент Российской Федерации. И для него это была ключевая проблема, хоть уже тогда все знали, что победа эта оплачена сотней жертв.

Именно об этом говорила еще раньше заместитель премьера Валентина Матвиенко, которая наверняка прекрасно знала, какие настроения превалируют в Кремле. За несколько часов до штурма на встрече с семьями заложников ей пришлось отвечать на постоянно повторяющийся вопрос отчаявшихся родственников: «Почему власти не разрешили антивоенную демонстрацию на Красной площади?» Ведь террористы обещали, что взамен выпустят часть заложников. Но милиция не допустила этого: родственников запертых в театре людей, которые попытались пройти на Красную площадь, разогнали, а некоторые даже попали в отделение милиции.

- Я вас понимаю, но вы тоже должны нас понять. Мы не можем показать, что Россия до такой степени слаба, - честно ответила тогда Матвиенко.

Это одно из подтверждений тому, что ведущие российские политики рассматривали проблему заложников сквозь призму величия государства и думали, прежде всего, о спасении престижа страны, а уж потом о судьбе заложников.

Каковы же причины? Настойчиво напрашивается предположение, что Путин и его ближайшее окружение и сотрудники и, прежде всего, руководители спецслужб, поражены комплексом «слабой России».

Поколение, которое сейчас правит Россией, созревало и начинало карьеру во времена Генерального секретаря Леонида Брежнева (который руководил партией и государством в 1964-1982 годах). Не стоит забывать, что всего за две недели перед терактом российскому президенту исполнилось пятьдесят лет, то есть ему было ровно двадцать, когда в 1972 году СССР и США подписали первый договор СТАРТ о сокращении ядерных вооружений. Тогда казалось, что СССР (читай - Россия) находится на вершине мощи, вызывает страх и ужас в мире и что так будет продолжаться вечно. Ужас тогда пробуждал и КГБ, а именно в этой организации начинал свою карьеру агента разведки молодой Владимир Путин. Будущий российский президент не достиг еще сорока лет, когда в 1991 году сверхдержава распалась, оставив триста миллионов человек жить в нищете и унижении. Россия - оазис стабильности во времена Брежнева - в одночасье, причем на целое десятилетие, стала героем ужасающих новостей и потрясений для всего мира, а ее злоупотребляющий спиртным президент Борис Ельцин - посмешищем, клоуном, без конца фигурирующим в материалах телекомпаний всего мира.

Несомненно, для людей поколения Путина это был шок. Они тяжело перенесли упадок России, следствием чего мог стать своеобразный комплекс неполноценности. Российские политики в руководстве страны - по мнению специалистов, четвертая часть их в прошлом носила мундиры, начиная карьеру в армии или спецслужбах, - прекрасно знают, что Россия, несмотря на природные богатства и фантастические доходы от продажи нефти и газа, все еще слаба и, вероятно, еще надолго такой останется. Но можно ускорить процесс ее укрепления - делать вид, что она уже стала державой. В Москве популярен тезис, что государство не должно быть сверхдержавой, зато оно должно им слыть, и все вокруг должны верить в его силу. Важна видимость.

Каждый очередной день триумфа террористов ослаблял и без того не слишком твердую веру в то, что Россия - государство сильное. Именно поэтому штурм готовили поспешно, в горячке, не мороча себе голову переговорами и вызволением заложников. В конечном счете это не имело большого значения. Важно было ликвидировать террористов, причем таким образом, чтобы всем стало ясно - не будет милости ни для кого, кто покусится на Россию.

Пошел бы глава по-настоящему сильного государства на уступки террористам с тем, чтобы позднее захватить их и уничтожить, где бы они ни укрылись? Не исключено, хотя власти каждой страны заверяют: «никаких переговоров с террористами». Российские политики, в умах которых поселился страх, как бы кто-то не подумал, что мы слабые, решили: докажем, что это не так. В этой ситуации можно было только расправиться с террористами. Даже ценой сотен человеческих жизней. Никто больше не посмеет бросить вызов Кремлю, если известно, что его хозяин готов принести в жертву столько людей, если это будет необходимо.

На Дубровке могли погибнуть более тысячи человек - заложников, бойцов антитеррористических отрядов, спасателей и милиционеров. Я почти уверен - об этом убедительно свидетельствуют материалы, которые мне удалось собрать, - что, решаясь на

штурм, Путин и руководители спецслужб понятия не имели, действительно ли террористы детонируют взрывчатку, привезенную в театр. Кроме всего прочего, вероятность того, что кто-то переживет штурм, была мизерной. Все говорило о том, что, по крайней мере некоторые, чеченки взорвут бомбы. Из-за этого, отчасти, столь хаотичной была спасательная акция на Дубровке - врачи скорой помощи не ожидали, что жертвы будут от воздействия газа, зато были готовы принимать пострадавших от взрывов.

В итоге во время штурма погибло сто двадцать пять заложников (пятеро были расстреляны террористами раньше) и сорок чеченцев. Это, несомненно, успех, но не Путина и его людей. Лучше было бы назвать это «настоящим чудом», как говорят многие заложники.

В истории России есть личность, которая импонирует Путину больше других, которая является для него образцом действий. Это царь Петр, называемый Великим. Правитель с неиссякаемой энергией, сделавший Россию современным и могучим государством, которое уже через несколько лет активно участвовало в разделе Польши.

Именно Петр прорубил окно в Европу и заставил Россию совершить огромный скачок в развитии. Но Петр был в то же время властителем кровавым - беспощадно расправлялся с оппозицией и абсолютно не считался с количеством жертв, которых требовала реализация его идей. Для него было очевидно, что строительство современного государства поглотит тысячи, десятки тысяч человеческих жизней. Оттого в России до сих пор говорится, что Петр построил государство на костях. А хуже всего то, что с тех пор мало что изменилось.

- Система власти в России всегда строилась на убеждении, что жизнь конкретного человека не является высшей ценностью, - заметила в интервью для «Комсомольской правды» Ирина Хакамада, заместитель спикера российской Думы, сопредседатель Союза правых сил, которая принимала участие в переговорах с террористами. - Идея сильного государства, ради которого необходимо жертвовать жизнью людей, властвовала и в царское время, и при коммунистах. Народ унаследовал от них эту идею.

Но не только «комплекс великой России» повлиял на принятие решения о штурме. В октябре 2002 года российскому президенту приходилось бороться и с «чеченским синдромом». Он был к этому моменту у власти уже больше трех лет, и все это время на Кавказе продолжалась беспощадная, кровавая война. Кроме того, именно благодаря чеченской кампании Путин стал хозяином Кремля.

Началось с того, что в августе 1999 года, сразу же после нападения Басаева на Дагестан, Ельцин отправил в отставку, слишком мягкого, как считалось, премьера Сергея Степашина и назначил на его место известного своей твердостью шефа Федеральной службы безопасности Владимира Путина. Басаева вскоре разбили, а в российском обществе стали набирать силу «военные» настроения и ненависть к чеченцам, умело подогреваемая пропагандой. Путин начинает выступать в роли вождя, под водительством которого Россия ведет войну за выживание. Эту роль экспонируют, одновременно приближая Путина к Кремлю, два взрыва в Москве и Волгодонске в сентябре 1999 года. До сих пор не ясно, кто организовал эти взрывы. Официальная Москва утверждает, что это сделали чеченцы, однако нельзя не отметить, что взрывы произошли в идеальный момент - когда операция против бунтующей республики уже была подготовлена и нужен был только предлог. Многие наблюдатели подозревают, что к терактам, так или иначе, приложили руку российские спецслужбы. Буквально через несколько дней после взрывов российская авиация начала налеты на чеченские города и селения, а 1 октября на Грозный двинулись российские танки. Большинство россиян решительно поддержали радикальные

шаги, предпринятые властями против Чечни. Причем для Путина и многих россиян это была чуть ли не религиозная война. Российские власти часто отождествляют сепаратистов, стремящихся к независимости Чечни, с радикальными исламистами, воюющими за конфессиональное государство. Эта идея стала все больше преобладать после терактов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне. Шамиля Басаева сделали чуть ли не кровным братом Усамы бен Ладена.

Осенью 1999 года популярность вождя, идущего на врага в защиту страны, растет как на дрожжах. О Путине все чаще говорят как о преемнике Ельцина на посту президента. А ведь еще два месяца назад никому бы это в голову не пришло. Пик популярности Путина приходится на март 2000 года - 70% жителей России высказались за войну, - как раз тогда, когда происходят президентские выборы, которые Путин выигрывает уже в первом туре. Россиянам пришлось по вкусу воинственные высказывания Верховного главнокомандующего Вооруженными силами РФ (это одна из функций российского президента), который на пресс-конференциях заявлял, что будет преследовать террористов, где бы они ни скрывались, и если застанет их в туалете, то «будет мочить в сортире».

Позднее ему случалось высказываться и резче.

- Радуев - один из тех, кто терроризировал страну, великую Россию. Но вы все видели, что (теперь) он мало похож на террориста. Это уже какое-то животное. И мы их всех приведем в такое состояние, - заявил по телевидению Путин сразу же после того, как российские спецслужбы схватили одного из наиболее одиозных чеченских командиров Салмана Радуева. Того самого, что в январе 1996 года напал на Кизляр. Однако вскоре после этого Радуев был тяжело ранен в голову и, когда его схватили россияне, действительно не напоминал страшного террориста - это был полубезумный инвалид, приписывавший себе авторство всех терактов, совершенных в России, и даже несчастных случаев, таких, как происшествие на дальнем Востоке, где удар молнии поджег склады боеприпасов Тихоокеанского флота.

Путин еще неоднократно высказывался в таком же резком тоне, - кроме того, бросалось в глаза, что его все больше раздражали вопросы о преступлениях российской армии в кавказской республике и о страданиях чеченского народа. Несложно понять раздражение Путина. Вопреки его заявлениям ситуация в Чечне была далека от стабилизации. Правда, крупные партизанские отряды были разбиты, но война не закончилась. И российское общество было прекрасно осведомлено об этом. Это подтверждают исследования общественного мнения, которые показали - количество сторонников военных действий уменьшается, а высказывающихся за мирные переговоры - растет. Накануне нападения на Дубровку, по прошествии двух с половиной лет после президентских выборов, уже более семидесяти процентов россиян хотели завершения войны и мирных переговоров. Раздражение Путина не удивляет, хотя язык его высказываний приводит в недоумение. Этот интеллигентный и наделенный чувством юмора политик, отвечая на вопросы о Чечне или правах человека в кавказской республике, превращался в разъяренного солдафона. Так именно случилось за год до нападения на Дубровку, 3 октября 2001 года, во время визита в Брюссель в рамках встречи на высшем уровне Россия - Европейский Союз.

- Вы говорите о нарушении прав человека. Чьих прав? Конкретно: имена, контакты, фамилии! Мы должны знать и говорить на одном языке, а не пользоваться общими схемами, за которыми ничего нельзя рассмотреть и увидеть сущности проблемы, - рыкнул

Путин в переполненном журналистами конференц-зале. Представители прессы в абсолютном молчании и изумлении выслушали его заявление.

Годом позже, через две недели после штурма театра на Дубровке, опять-таки во время встречи на высшем уровне Россия - Европейский Союз, и совершенно случайно опять в Брюсселе, Путина довел до бешенства корреспондент «Le Monde». Он спросил: «Не считаете ли вы, что, пытаясь ликвидировать терроризм в Чечне, вы уничтожаете гражданское население?» Путин ответил долгой тирадой, из которой следовало, что Москва уже когда-то дала Чечне независимость, а в результате радикальные исламисты, заполонившие эту кавказскую республику, атаковали Россию, а в будущем намерены охватить и Европу. Затем Путин стал пугать журналистов тем, что целью исламистов является создание всемирного халифата, конфессионального государства, а это значит, и сами журналисты находятся в опасности.

- Они твердят о необходимости убивать всех немусульман, - продолжал Путин. - Значит, если вы христианин, вам уж угрожает опасность. Если вы атеист, то и вы, по их мнению, должны быть уничтожены. Вы тоже в опасности. Если вы решите стать мусульманином, это вас тоже не спасет. Потому что они считают, что традиционный ислам враждебен тем целям, которые они перед собой ставят. И в этом случае вы в опасности. Но если вы готовы стать радикальным исламистом и готовы совершить обрезание, приглашаю вас в Москву. У нас прекрасные специалисты, я поручу им сделать операцию так, чтобы у вас уже никогда ничего не отросло!

Акция чеченских террористов, захвативших театр чуть ли не в самом центре Москвы, должна была не на шутку разъярить президента. На протяжении драматических событий с заложниками Путин практически не делал никаких заявлений. О том, что на самом деле думает глава Российского государства, можно было узнать только из коротких сообщений информагентств. Первое появилось 24 октября во второй половине дня, через восемнадцать часов после нападения на театр. Путин, скорее всего, уже принял решение об освобождении театра штурмом.

- Моральная поддержка будет на стороне тех, кто борется с терроризмом, - заявил Путин. И добавил, что акция в Москве - это «одно из проявлений международного терроризма в Индонезии и на Филиппинах». Напомним, во время теракта в дискотеке на индонезийском острове Бали 12 октября 2002 года погибло более двухсот человек и более трехсот были ранены. На Филиппинах, в свою очередь, была совершена целая серия терактов.

- Те же люди спланировали и этот террористический акт, - сказал Путин, имея в виду Дубровку. И привел довод - первая информация о теракте на Дубровке пришла из-за рубежа. Российский президент имел в виду телефон Мовлади Удугова в редакцию радио Би-би-си.

Естественно, Путин не высказывался более открыто, не желая, чтобы террористы разгадали его намерения. Чтобы понять, в каких категориях Путин рассматривает террористов, обратимся к его более позднему выступлению, на заседании правительства после другого громкого теракта, случившегося через несколько месяцев после событий на Дубровке. Пятого июля две женщины-камикадзе взорвались у входа на аэродром в Тушино, где проходил большой рок-концерт. Двумя днями позже, 7 июля, Путин встретился с президиумом правительства и произнес весьма резкую речь, которая, как мне кажется, прекрасно иллюстрирует его душевное состояние в момент принятия решения о ликвидации всех террористов. Я процитирую ее почти целиком, так как Путин сам объясняет, почему он решил рискнуть жизнями тысячи людей:

«У нас и раньше не было сомнений, что бандиты, орудующие на Кавказе, связаны с международными террористическими организациями. Сегодня, после серии террористических актов, думаю, что мы можем говорить о другом. О том, что организации, действующие в Чечне, не просто связаны с международным терроризмом - они являются неотъемлемой, наиболее опасной частью международной террористической паутины.

Еще раз подчеркну, что ни одно государство не идет на поводу у терроризма. Не сделает этого и Россия, потому что самый первый шаг на этом пути будет означать начало распада государства, и тогда количество жертв возрастет в десятки, сотни, тысячи раз. Вместе с тем Министерство иностранных дел, специальные службы, правоохранительные органы по своим партнерским каналам, должны усилить работу, направленную на выдачу в Российскую Федерацию бандитов, совершивших преступления на территории России. Мы должны усилить эту работу в рамках антитеррористической коалиции.

(...) способ, совершения преступлений (теракт в Тушине. - Авт.), каналы и источники финансирования, а главное то, что преступление было направлено против гражданского мирного населения, убеждают нас в том, о чем я сказал вначале. В том, что бандиты, орудующие в Чечне, являются частью международной террористической сети. Вот с этими людьми бесполезно проводить профилактическую работу. Их нужно выковыривать из подвалов и пещер, где они до сих пор прячутся, и уничтожать. Вместе с тем, особо обращаю внимание, что главной задачей террористов сегодня является срыв процессов политического урегулирования в Чеченской Республике. Те чеченцы, кто хочет восстановления и социальной реабилитации, могут это сделать. Мы создали для этого все условия: приняли решение и закон об амнистии, пошли на принятие Конституции Чеченской Республики, предоставляющей Чечне самую высокую автономию.

Мы готовим и поможем Чечне избрать своего президента и парламент. Но люди, которые не хотят восстановления Чечни, они преследуют другие цели. Они вербуют своих сторонников и исполнителей преступлений из числа местного населения, но их задачи ничего общего с интересами чеченского народа не имеют. И таких людей, повторяю, надо уничтожать.

Подчеркну особо, что решительные действия должны быть точечными и избирательными. Ни в коем случае нельзя поддаваться на провокацию, на которую нас толкают террористы. Именно этого они добиваются, рассчитывают на то, что наши действия будут непрофессиональными, что они затронут мирных граждан, которые отвернуться от тех процессов, которые сегодня начаты в Чечне. Этого мы ни в коем случае не должны допустить».

Стоит обратить внимание на слова Путина о том, что любые уступки требованиям террористов приведут в будущем к еще большему количеству жертв. Так, наверное, звучал один из важнейших аргументов, которые представил во время трагедии на Дубровке российский президент. Но разве этот аргумент не оказался в результате сомнительным? Будущего ждать не пришлось, жертвы появились уже сегодня. Был и еще один аргумент. Переговорщики, освобожденные заложники, а также те, кто еще находился в руках террористов, подтверждали, что теракт на Дубровке был подготовлен непрофессионально. Абсолютно точно известно, что автор мюзикла, Георгий Васильев, рассказывал сотрудникам ФСБ о том, что террористы совершенно не ориентируются в театре, - радиотелефон, который он получил от террористов, чтобы иметь возможность выключить лишнее освещение и вентиляцию, позволил ему в какой-то

момент связаться с оперативным штабом! А террористы вообще этого не заметили. Об отсутствии профессионализма в ведении переговоров президенту должны были докладывать и специалисты ФСБ, которые наверняка разработали психологические портреты налетчиков. Не следовало ли из них, случайно, что они отнюдь не готовы взлететь на воздух? А лозунг «мы хотим умереть больше, чем вы хотите жить» был только попыткой устрашения?

Это только предположения. На самом деле абсолютно ничего неизвестно о том, что происходило в кабинете президента и какие сомнения его одолевали. По неподтвержденным сведениям, на случай, если бы все-таки было принято решение о переговорах и возможном удовлетворении требований, на одном из московских аэродромов были приготовлены самолеты. Они не понадобились.

Наблюдатели признают, что выбор у Путина был небольшой. Особенно после 11 сентября 2001 года, после террористических атак в США, когда Вашингтон объявил «крестовый поход» против террористов. В этой ситуации президент России должен был показать свою твердость, решительность и непоколебимость.

Георгий Васильев, уже после выхода из больницы, по мере возможности деликатно раскритиковал решение о штурме:

- То, что я видел в театре, утвердило меня в уверенности, что штурм без огромных жертв среди заложников невозможен. По моим ощущениям, существовала большая вероятность катастрофы. И под развалинами могли погибнуть девяносто девять процентов людей. И так потери огромны. А только представьте себе, что бы было, если бы у одной из террористок дрогнула рука и бомбы взорвались! Поймите, там было кошмарно, но все были готовы и дальше терпеть эти муки, только бы жертв было меньше.

В интервью Васильев намекал, что власти не приняли в расчет длительных переговоров и возможности уступок. Такие варианты спасли бы многих заложников, но были отвергнуты, поскольку ущемляли достоинство России.

Значительно жестче высказывается на эту тему Анна Политковская.

- Путин принял такое решение, потому что он палач и убийца, - прямо заявляет она журналистам.

Со слов Политковской, которая, без всяких на то полномочий, проводила переговоры, в пятницу существовал несомненный шанс на спасение всех заложников, но никто не принял этого в расчет. С ее помощью террористы уточнили требования - и они не были столь уж сложными для выполнения.

- Можно было вести переговоры таким образом, чтобы определить удобоваримые условия, не слишком унижительные для России, - считает журналистка. Но, как она горько замечает, никого это уже тогда не касалось. Приказ атаковать был отдан, и главной целью было отнюдь не спасение людей. Штурм был проведен с целью ликвидации террористов, и только на втором месте было освобождение заложников, - считает Политковская.

Глава 16

В четверг вечером Рузаев и его помощник, все еще находившиеся в театре, смирились с мыслью о том, что придется здесь провести еще одну ночь. Перед сном на всякий случай опять отправились на разведку. Из зоны Б пробрались в зал с вентиляционными установками, где был доступ ко всей системе климатизации и, прежде всего, к щиту управления, позволяющему включать и выключать систему вентиляции во всем Доме культуры. И там они вдруг увидели человека. Он стоял возле щита управления, повернувшись к ним спиной. Они окликнули его. Незнакомец панически испугался.

Оказалось, что это один из помощников звукорежиссера; они уже сутки просидели, спрятавшись за вентиляционной системой.

- Один из радистов был здоровым мужиком - 192 сантиметра ростом и больше ста килограммов веса, - смеется Рузаев. - Как он протиснулся из туалета за те трубы, понятия не имею. Он вечно нос задирает, ходил такой важный, с нами, электриками, даже не здоровался. А теперь выглядел как тридцать три несчастья, весь черный, грязный и перепуганный. Обнялись мы радостно, в конце концов - товарищи по несчастью, оно нас сроднило.

Вместе со звукооператорами появился сотовый телефон, а это означало связь с внешним миром и, главное, информацию. Электрики узнали, что в театре побывали разные переговорщики, был доктор Рошаль, что кого-то убили, и самое страшное, что террористы все еще там.

После короткого совещания вся группа решила держаться вместе. Родилась еще одна идея побега - они опять пошли в сторону улицы Мельникова, но на этот раз к небольшой кирпичной стене, за которой прятались трубы с горячей и холодной водой. Хотели проверить, не удастся ли разобрать стенку, дойти до люка, который находится где-то на улице Мельникова, и таким образом выбраться на свободу. Стенка, однако, оказалась солидной, потихоньку разобрать не получалось, а стучать ломом они боялись.

Общее несчастье их объединило, но далеко не все складывалось идеально. Рузаев хотел позвонить домой, но коллега не позволил воспользоваться телефоном, сказал, что садится батарейка.

Они решили проверить еще один вариант возможного выхода из здания. Добрались подземным лабиринтом до места, которое снаружи перекрывал транспарант с парусником. Это было что-то вроде штольни, полая колонна, подпиравшая левый угол здания. Когда они добрались до штольни, стало ясно, что удача им опять не улыбнулась - они были в восьми метрах от поверхности земли, не было ни ступенек, ни лестницы, ни каких-нибудь зацепок на гладких стенах колонны. Самим им было не выбраться, хоть казалось, до свободы рукой подать. Снизу была видна вентиляционная решетка, через которую воздух закачивал один из климатизаторов, так называемый «К-1».

Значит, опять ночь «на трубах», как бомжи.

В пятницу с самого утра Рузаев был настроен по-боевому. Ничего удивительного, они почти не пили и с вечера среды ничего не ели.

- Я понял, что дело серьезное, надо использовать любую возможность, - говорит Рузаев. - Надо сообщить в штаб, где мы находимся, пусть они нас отсюда вытаскивают. И я продиктовал SMS директору Дома культуры.

Узники подземелья отправили коротенькое сообщение: «Директор ДК Е.Т. Сбросьте ключи от всасывающих решеток. Наше место - «К-1», паялка - ДНД. Рузаев».

- Парень, который отправил SMS, сказал, что отключит телефон на два часа, потому что батарейка в кошмарном состоянии, - качает головой Рузаев.

Сообщение вызвало в штабе настоящее смятение. Поначалу даже директор Тимофеев не в состоянии был понять, кто и что ему пишет. Кажется, сообщение дошло обрывочно, вокруг театра, несмотря на все усилия операторов, были проблемы со связью. Наконец люди в штабе сообразили, о чем идет речь. Информацию без проблем расшифровали. Дело в том, что еще несколько лет назад в колонне собирались члены Добровольной народной дружины (ДНД). Рузаев, как старый работник «подшипника», прекрасно это помнил. А для тех, кто недавно пришел в Дом культуры, дописал слово «паялка», то есть

паяльная мастерская. «К-1» - это, конечно же, обозначение одного из двух климатизаторов, которыми был оборудован театр.

- Не сразу врубилась, - говорит Рузаев. - Потом поняли, что у них есть возможность входа в подвалы. Когда через два часа коллега включил мобильный, там было сообщение: «Вашу информацию получили, ждите освобождения вечером».

ЧАСТЬ III

Глава 17

Пятница, 25 октября 2002 года, 17.30

Последние часы перед штурмом были особенно беспокойными. В пятницу вечером исчезла странная неопределенность, царившая в течение полутора дней, с утра четверга, когда многим заложникам казалось, что время остановилось. Наступающая ночь, как оказалось позднее, была полна неожиданных, драматических и кровавых событий. Узники в зрительном зале почуяли быстро приближающуюся смерть, несмотря на то, что ярость Мовсара Бараева, с которого начался тот вечер, тут же сменилась непонятной эйфорией. Как мы помним, главарь террористов проспал большую часть второй половины пятницы. Кто-то из чеченцев говорил, что Мовсар не спал целых два дня и ему надо было отдохнуть. Проснулся он около 17.00 и совсем не выглядел отдохнувшим - заспанный, с всклокоченными волосами. То, что он увидел, привело его в бешенство. Он немедленно выгнал из холла двух журналистов НТВ, которое так и не выпустило в эфир интервью с ним, а потом выгнал и документалиста Говорухина, и редактора «Литературной газеты» Беловецкого, беседовавших с Абу Бакаром. На прощание сказал им, что очередные «переговорщики», которые явятся без полномочий Кремля, будут встречены автоматным огнем.

Минутой позже Бараев как фурия ворвался в зрительный зал. Заложники вспоминают, что он ругался по-чеченски, что-то выкрикивал и о чем-то разглагольствовал.

Одна из террористок объяснила сидевшим рядом с ней людям, что Бараев говорит о решительных, радикальных шагах. Но не сказала, о каких именно. Только через несколько минут террористы объявили со сцены, что, если к переговорам не отнесутся серьезно и к ним не придет официальный представитель президента, они начнут расстреливать заложников.

- Заявили, что каждый час будут расстреливать по пятьдесят человек, - вспоминает Марк Подлесный. - А потом вдруг подобрали и сказали - ладно, пускай, будем расстреливать по десять человек. Видно было, что для них не имеет значения, скольких они расстреляют, важна была сама идея - сейчас начнем расстреливать.

Другой заложник рассказал в российской прессе, что террористы еще раз уточнили свои планы - первая десятка не будет расстреляна. Перережут им горло, отрежут головы и выбросят на площадь перед Домом культуры. В подарок властям.

Чеченцы с самого начала грозили заложникам смертью. Достаточно было малейшего проявления непослушания, иногда просто слишком веселое поведение, и уже бросали грозное «расстреляем тебя». Но, как позже говорили многие, за два дня все успели к этому привыкнуть. Поняли, что это только слова, рассчитанные на то, чтобы вызвать страх. Ведь, как написал Александр Сталь, не расстреляли даже парня, который спрятал в кармане мобильный телефон.

Но в пятницу вечером всем стало ясно, что эта новая угроза носит совсем иной характер. Речь идет не только о поддержании порядка в зале, но прежде всего о том, чтобы

заставить власти пойти на уступки. И видно было, что на этот раз Бараев может исполнить угрозу.

- Они сказали, что поставили окончательное условие - к ним должен прийти полномочный представитель президента, - вспоминает Ирина Филиппова. - Сказали, что будут ждать до семи. Я посмотрела на часы - осталось полтора часа. А время бежит. Я поняла, что власти ничего не успеют сделать. Это были полтора часа безумия.

В результате оказалось, что заложники не поняли своих захватчиков. Чеченцы объяснили, что, назначая начало исполнения своих угроз на семь часов, они имели в виду время утренней молитвы.

Филиппова позже рассказала мне, что эти страшные, полные напряжения минуты, подготовили ее психически к штурму десантников. После драматической «комедии ошибок», связанной с ультиматумом, ей было уже все равно, что произойдет ночью. Она была так психически истощена, что была согласна даже на штурм и практически неизбежную смерть и рассчитывала только на везение, когда российский спецназ пойдет в атаку.

Возвращение взбешенного Бараева и объявление ультиматума привело к тому, что террористы стали нервничать. Возможно, испугались немедленной реакции властей. Не исключено, что они думали: в такой ситуации десантники, наверняка, пойдут на штурм! А может, заметили вокруг театра какое-то подозрительное движение? Ведь в близлежащих дворах именно тогда начались хаотичные маневры воинских частей, перемещались грузовики и бэтээры. Возможно, это была какая-то мелочь, но ведь террористы ожидали атаки в любой момент. Сказал же Абу Саид в интервью «Зеркалу»: «Мы ожидаем штурма, наверняка до этого дойдет». Так что достаточно было, чтобы чеченские часовые заметили где-то вдали бегущих солдат, чтобы решить, что началась атака десанта.

Многие заложники говорили позже, что это была генеральная репетиция, - террористы показали им, как будут взрывать театр, когда начнется настоящий штурм. Но в их действиях не было ничего театрального, сценического, не было это и тренировкой. Чеченцы действительно подготавливались к взрыву театра и были готовы сделать это в любую минуту. Похоже, в тот вечер они были ближе к тому, чтобы нажать кнопку, чем когда бы то ни было.

На улице уже сгустились сумерки, но в зале не было ни дня, ни ночи, все время горел свет. Может быть, поэтому заложники, которых я потом расспрашивал, не были в состоянии припомнить, в котором часу произошла эта «репетиция штурма». Наверняка, это было вскоре после объявления «последнего ультиматума» - где-то между шестью и восемью часами вечера.

Неожиданно раздались выстрелы - это чеченцы, выкрикивая приказы и взывая «Аллах акбар», выбежали в коридор и стали стрелять в ту сторону, откуда они ожидали подхода «Альфы». Женщины в черном вскочили с мест, крепче сжали в руках кнопки детонаторов и стали прощаться, как перед расставанием или дальней дорогой. Это штурм, - значит, идет смерть, подумали заложники.

Особенно нервными были террористы, отвечавшие за фугас, установленный в партере. Незадолго перед этим чеченцы решили его переместить. Заставили двух заложников перенести фугас на пару рядов дальше, так чтобы он оказался почти точно под краем балкона. Они хотели объединить оба фугаса - в партере и на балконе - в снаряд огромной взрывной силы, который можно было детонировать одним нажатием кнопки. Сверху уже сбросили кабель, но, когда была объявлена тревога, он еще не был подключен.

- Это не было инсценировкой, - рассказывал мне потом Лобанков, имевший возможность сверху наблюдать за тем, что происходило под балконом, прямо под ним. - Воздух буквально сгустился от напряжения. Все чеченцы заняли свои места в боевой готовности, женщины обхватили руками взрывпакеты на поясах. Воцарилась страшная тишина. Террористы выкрикивали «Отойти от стен!» и велели столпиться в центре зала. Так было в партере, а нас согнали в первые ряды балкона, как можно ближе к сцене. Кто-то сказал «так лучше концентрация», что означало - в случае взрыва в массе будет больше жертв; как будто кто-то, сидевший ближе к стене, имел шанс выжить. Сгруппировали всех вокруг бомбы, а вокруг нас встали люди с зарядами на поясах. Я чувствовал, как все во мне сжалось. Ужасно боялся штурма и взрыва. Подумал, что, если бы все закончилось только стрельбой, и так жертв было бы множество, а вдобавок видел под собой эту мощную бомбу. Обычно рядом с ней сидели женщины, но тогда рядом сел один из чеченцев, вероятно сапер, подтянул кабель, свисавший с балкона, и стал торопливо соединять концы проводов. Зубами отрывал куски изолянт. - Каждое движение террористов Лобанков иллюстрирует жестами. - Все в спешке. Лучшее доказательство тому, что бомбы были настоящие. Этот тип не притворялся, не устраивал там театр. Ведь его практически никто не видел - может, еще пара человек кроме меня. Меня охватило такое напряжение, что мне даже плохо стало.

Ожидание штурма длилось недолго, десять - пятнадцать минут. Вскоре террористы успокоились, вернулись на свои места, женщины расселись на стульях под стенами и в креслах для зрителей по краям рядов. А через пару часов позвонил генерал Казанцев, который пообещал террористам, что на следующий день проведет с ними настоящие переговоры.

Разговор с Казанцевым изменил Бараева до неузнаваемости. Террористы почувствовали себя победителями - до победы было рукой подать. Высокопоставленный российский генерал и представитель президента просил их, чтоб они не действовали необдуманно, значит, они были властителями ситуации. Казанцев, если придет, будет вынужден согласиться с их требованиями. Ведь Казанцев не позвонил бы, если бы не хотел идти на компромисс. Значит, они смогут вернуться в Чечню героями!

Смену настроений моментально почувствовали и заложники - террористы, которые пару часов назад с каменными лицами собирались взорвать их, теперь были радостными и улыбающимися, стали чуть ли не по-дружески относиться к заложникам.

- Ждем Казанцева, - шепнула одна из террористок Ирине Филипповой, которая в первый момент подумала, что генерал должен появиться с минуты на минуту и, может, еще этой ночью выведет их на свободу. Только через несколько минут Бараев объявил заложникам, что встреча перенесена на субботу, на десять часов утра, и в связи с этим расстрелы откладываются.

- На сцену вышел Бараев, но люди уже расслабились, не боялись так, как вначале, было шумно, - вспоминает Николай Любимов. - Он моментально навел тишину серией выстрелов в воздух и сказал: «У меня несколько хороших и плохих новостей, и для вас и для меня. Во-первых, на сегодня переговоры закончились, я договорился, что завтра придет генерал Казанцев. Это человек, которому я верю и готов с ним договариваться. Новость неприятная - если завтра в десять утра я выйду, а его не будет в холле, выберу сто человек и начну расстреливать. Вторая хорошая новость - я оставил представителям ваших властей список чеченцев, сидящих в ваших тюрьмах, которых я хотел бы освободить. О цене мы пока не договорились, но за каждого чеченца я мог бы освободить

от шести до десяти человек. И в-третьих -мы начали переговоры, завтра их продолжим, о предоставлении коридора, который позволил бы нам спокойно и безопасно уйти.

И Бараев добавил, что если соглашение будет достигнуто, то уже завтра они освободят всех заложников.

- Завтра расстанемся, - повторил Бараев. - Вы пойдете в одну сторону, а мы - в другую. Слава Богу, я сберег вас, ничего с вами не случилось. Поэтому мы можем спокойно разойтись.

Удивительные слова для человека, который планирует через несколько часов расстреливать пленников. Многие заложники считают, что, если бы штурм не было и Казанцев действительно пришел на переговоры, может быть, они еще в субботу вечером были бы на свободе. Террористы не собирались их убивать.

- Если бы Казанцев приехал и прошли хоть какие-нибудь переговоры, я на сто процентов уверена, что не было бы всех этих ненужных жертв, - утверждает Кругликова.

Чеченцы заметно ослабили дисциплину. Прямо-таки уговаривали людей лечь в кресла и спать, а родителям двух мальчиков, подопечных Лобанкова, позволили пересечь из партера на балкон. До сих пор об этом не было и речи. Почти праздничной атмосферы близкой победы и свободы не смогли разрушить даже кровавые события ближайших часов.

Глава 18

Пятница, 25 октября 2002 года, 23.30

Рузаев и его коллеги не знали о переменах в зрительном зале, которые произошли под влиянием обещаний Бараева. Пятеро мужчин все с большим нетерпением ожидали обещанной помощи. Слово «вечером» в SMS, полученном из штаба, значило, что уже около 19.00 можно было ждать, что кто-то придет к ним на выручку. Во всяком случае, они надеялись, что это вот-вот произойдет. Все устали, не выспались, были голодны и страшно хотелось пить - в подвале не было воды. Они сидели на дне штольни, в месте, которое описали насколько возможно подробно, посматривали вверх, прислушиваясь, не раздастся ли там, в восьми метрах над ними, спасительный скрип открывшейся двери. Но снаружи стояла абсолютная тишина.

Рузаев в очередной раз посмотрел на часы. Минул вечер, приближалась полночь, но не было никаких знаков того, что помощь близка. Электрик думал, почему же спецподразделения до сих пор не проникли в подвалы - ведь прошло уже двое суток.

Неужели они не знали, что в подвалах террористов нет? Это казалось странным. Много позже ФСБ будет похваляться тем, что десантники завладели частью здания задолго до штурма и при помощи аудио- и видеоаппаратуры наблюдали за тем, что происходит в зрительном зале. Рузаеву ничего об этом неизвестно, зато он точно знает, что именно он помог спецподразделениям попасть в подвалы здания.

- Не знаю, может, это я им подсказал, - скромно говорит Рузаев. - Может, они и сами бы додумались, но, раз до сих пор не догадались, значит, могли еще долго раздумывать.

Но все это было значительно позже. Пока что приближалась полночь, и ничто не указывало на то, что помощь близка. Внезапно наверху раздались тихие стуки и шорохи, заскрипела открывшаяся дверь, зажегся свет фонаря и кто-то сдавленным голосом окликнул: «Вася, это я, Ялович!» Рузаев вскочил на ноги - он свободен!

Тут же оказалось, что не совсем так. Вместе с Яловичем внутрь вошли вооруженные бойцы «Альфы», появилась лестница. Спустившись вниз, один из офицеров, полковник, сказал, что им нужен проводник, который покажет подвалы, поможет в них

сориентироваться, найти вентиляционные установки и подключиться к источнику питания. Естественно, звукооператоры для этой цели негодились. Вася Рузаев молча кивнул головой - понял, что он один может это сделать.

- Я подумал, что, кроме меня, никто не облазил эти подвалы вдоль и поперек, - рассказывает Рузаев. - Мы первыми за тридцать лет обошли все подземные закутки этого здания.

Рузаев повел вооруженных людей в помещение, где находился пульт управления системой вентиляции. Шли цепочкой, впереди десантник с автоматом с глушителем на изготовку, за ним Рузаев, следом еще несколько «альфовцев». Под ногами хлопала вода, которая текла уже два дня из пробитых наверху труб. Когда они добрались до пульта и оказалось, что климатизация отключена, кто-то из офицеров выругался. Рузаев сначала не мог понять, чем «альфовцы» разочарованы, но вскоре выяснилось - они собирались во время штурма использовать газ. К сожалению, равномерно и эффективно его можно было закачать по всему зданию только при помощи системы климатизации. Ее включение, вой работающих механизмов насторожит террористов. Пропадет эффект неожиданности, - хуже того, чеченцы могут взорвать театр.

Один из офицеров доложил по радиосвязи о ситуации. После короткого совещания шеф штаба, генерал Проничев - кажется, только он мог отдать такой приказ - решил: рискнем! Только что минула полночь. Начиналась суббота, 26 октября. На улице шел дождь с мокрым снегом.

Под землей, в темных коридорах, полковник «Альфы» расставлял по местам своих людей и задорно усмехался Рузаеву. Улыбка должна была означать: не бойся, все под контролем, нам ничего не грозит. Офицер спокойно лег спать. Началось ожидание.

Глава 19

Пятница, 25 октября 2002 года, 23.30

В то время, когда в подвалах появились бойцы группы «Альфа», в здание театра проник еще один человек. Он вошел, как и Ольга Романова, через главный вход, неуверенным шагом, слегка покачиваясь. Издали казалось, что он под хмельком. Несколько минут дергал по очереди все двери, никак не мог найти ту, что не заперта. Наконец ему удалось войти. Переступив через порог, он, как посетитель в учреждении, снял с головы шерстяную шапку. Обнажилась солидная лысина. На мужчине была черная куртка, темные брюки, в руке - желтый пластиковый пакет.

По поводу этого человека больше полугода ничего не было известно. Вопросы без ответа. Как он проник через тройной кордон войск и милиции? Что ему нужно было в театре? Кем он был?

Особенно всех интересовало последнее. Только в начале июня 2003 года, то есть больше чем через семь(!) месяцев, шеф московской прокуратуры Михаил Авдюков сообщил, что тело неизвестного мужчины наконец-то опознано. Авдюков сообщил и его имя - Геннадий Влаха, житель Москвы. До этого момента мужчина формально считался террористом - был сорок первым членом чеченского отряда, а точнее говоря, сорок первым трупом в морге, где лежали убитые террористы. Только в начале июня официально сообщили, что террористов было сорок, а не сорок один, как утверждали до этого.

Удивляет одно - значит ли это, что никто не искал Геннадия Влаха? Семь месяцев никто не заинтересовался его исчезновением? Значит ли это, что у таинственного мужчины не было родных и знакомых, которые могли бы узнать его на фотографиях, показанных по телевидению, которые могли бы сообщить об его исчезновении в милицию? Почему более

полугода прокуратура спокойно утверждала, что в связи с терактом на Дубровке нет ни одного пропавшего без вести? Ведь в других случаях, когда родственники в течение нескольких дней после штурма не могли найти своих близких, они обращались в прессу, звонили на телевидение и в газеты. И тела убитых заложников находились. Только по поводу Геннадия Влаха никто никуда не обратился?

Ответ на эти вопросы удалось получить только летом 2003 года, когда после информации от прокурора Авдюкова еженедельник «Коммерсант - Власть» рассказал историю Геннадия.

Геннадию Влаху было тридцать девять лет, работал машинистом подъемного крана. Женился в 1984 году. Позже жена Галина родила ему сына Романа. Когда мальчику было три года, Влахи разошлись, причина развода - «не сошлись характерами». Но отец, который не женился вторично, жил и работал только ради сына. Всегда о нем помнил, присылал почти все заработанные деньги. Даже плату за квартиру - он сдавал свою квартиру, а сам жил у друзей. Не пил, не курил, занимался спортом. Был отменного здоровья. Сын был для него всем.

На следующий день после нападения террористов Геннадий позвонил жене и спросил, где Роман. Жена сказала, что он во дворе с друзьями. Возможно, мужчина не поверил жене. Наверное, интуиция подсказала ему, что любимый сын может быть в опасности. И тогда он, наверное, решил взять дело в свои руки - может, считал, что ему удастся что-нибудь сделать.

Последним с ним разговаривал его приятель Алексей Ландышев.

- Он позвонил около десяти вечера (вероятно, 25 октября), - говорит Ландышев. - Мы говорили о ремонте нашей квартиры. В голосе я ничего необычного не услышал. Только потом подумал, что во всем виновато телевидение. На всех каналах была Дубровка. Круглые сутки. Вот он и подумал, что сын там и его надо спасать.

В этой трагической истории есть и комический момент. Все находившиеся в театре при виде вошедшего крановщика подумали одно и то же - это секретный агент.

- Все в нем говорило, что это человек из спецслужб. Манера держаться, одежда, даже прическа, - утверждает Ирина Филиппова, опираясь на свою женскую интуицию.

А Лобанков, напряженно всматриваясь с балкона, заметил, что в желтом пакете среди других вещей есть большой фонарь. Тоже, что ли, собирался обследовать подвалы? Одно ясно, в руки террористам он попадать не планировал.

- Они сразу о нем стали говорить «разведчик», - вспоминает Лобанков. - Но сначала в коридорах вокруг зрительного зала устроили на него настоящую охоту: «Хватай его, заходи справа, он туда побежал!» А когда поймали, забили прикладами.

Били безжалостно. Когда после штурма нашли Влаха, у него были выбиты почти все зубы. По словам Лобанкова, таинственный мужчина был высокий, лысоватый, в сером пиджаке. Кто-то еще запомнил, что на нем был рваный свитер. Может, как это часто бывает в Москве в холода, надел свитер под пиджак? А куртку, наверное, с него сорвали террористы при обыске. В зал его ввели залитого кровью, голова, лицо были размозжены прикладами. Террористы набросились на него с двух сторон и, как следователи, обрушили на него перекрестный огонь вопросов.

- Его спрашивают: «Откуда ты взялся?» - снова вспоминает Лобанков. - Он ответил, что пришел искать сына, хочет, чтобы его отпустили, а он останется вместо него. «Как зовут твоего сына?» Спрашивают грубо, не дают времени на размышления. «Роман», - отвечает мужчина. В этот момент террористы в разных концах зала начинают выкрикивать:

«Роман, вставай, отец за тобой пришел!» А у меня среди моих мальчишек был одиннадцатилетний Роман, - продолжает вспоминать Лобанков. - И один из чеченцев подскочил ко мне и спрашивает: «Где этот твой Роман? Пусть встанет!» А рядом с Романом в этот момент уже сидела его мать, которой позволили пересечь из партера. Она бросилась на сына, закрыла его своим телом, поднялся крик и причитания. Выяснилось, что это не тот Роман. Как сказал сам мужчина с желтым пакетом, его сыну было восемнадцать лет. И снова раздались окрики, но вскоре террористы поняли тщетность своих усилий.

- Так, значит, нет никакого сына? - ни то констатировал, ни то спросил кто-то из них и ударил мужчину прикладом в лицо. Потом его вывели из зала, и прозвучали выстрелы, сначала один, потом второй, а потом короткая серия.

После того как десантники овладели театром, Галина Влах, его бывшая жена, целый месяц ходила по всем больницам и моргам, расспрашивая о муже. Везде в лучшем случае пожимали плечами, а чаще всего прогоняли ее с криками и угрозами. Прокурор Авдюков на пресс-конференции официально заверял, что после штурма нет никаких пропавших без вести и никто своих родственников не ищет. Галина в конце концов отказалась от поисков, ведь не было никакой уверенности, что ее бывший муж действительно оказался в театре. Потом подумала, что он, наверное, как это часто бывало, не предупредив, уехал на очередную стройку. Правду она узнала только в начале июня 2003 года. Из тогдашних заявлений Авдюкова следовало, что идентификация Геннадия Влада была огромным успехом прокуратуры, как будто то, что этого не смогли сделать раньше, не свидетельствовало о ее ужасающей беспомощности. Им настроения не испортила даже проблема с телом расстрелянного человека.

Во время первого разговора с Галиной и ее сыном прокурор, проводивший допрос, обещал, что через неделю им отдадут тело погибшего. Когда они снова обратились в прокуратуру, узнали, что тела уже, к сожалению, нет, что его кремировали вместе с террористами, но пусть они не волнуются, им выдадут урну с прахом. Наконец прокуратура сообщила Влахам, что они не получают и пепла. Неизвестно, что с ним случилось, - пропал. Семья и тем осталась довольна, что православный священник согласился помолиться над пустым гробом.

Смерть человека с желтым пакетом потрясла заложников значительно меньше, чем смерть Ольги Романовой. В самом начале драматических событий, через несколько часов после захвата, расстрел человека был шоком - никто не ожидал от чеченцев такого зверства. Теперь, после того как террористы объявили, что скоро начнут убивать своих пленников, люди все меньше реагировали на трагедию других. Каждый пытался справиться с собственным страхом. Сказывалась и усталость - прошло двое суток, люди становились все более апатичными и равнодушными.

Но не всем удавалось держать свои нервы в узде. В наэлектризованной от напряжения тишине прошел час, и оказалось, что это спокойствие мнимое.

Суббота, 26 октября 2002 года, 1.10

- Мамочка, я больше этого не выдержу!

Как рассказывают заложники, именно так прозвучал крик молодого человека, сидевшего в одном из последних рядов, почти тут же за спиной чеченки, охраняющей бомбу. У юноши в руках была небольшая бутылка, в каких террористы раньше разносили напитки и воду.

Я слышал две версии этого происшествия - часть свидетелей утверждает, что юноша встал, бросил бутылку в террористку, сидевшую в пяти рядах перед ним, а потом вскочил на спинку кресла и побежал к выходу, перескакивая через головы сидящих людей. Другие говорят, что он не бросал бутылку, а держа ее в руке, бросился бежать по спинкам кресел в сторону фугаса.

- Рядом с бомбой сидела чеченка с пистолетом, - может, он хотел у нее вырвать пистолет? - раздумывает Марк Подлесный.

Так или иначе, молодой человек бежал из-под балкона в сторону сцены, не исключено, что пытался пересечь наискосок зрительный зал и добраться до бокового входа, того самого, за которым была расстреляна Ольга Романова. Но сидящая рядом с бомбой в центре зала чеченка была начеку. Увидев бежавшего заложника, она подняла пистолет, который ни на секунду не выпускала из рук, и выстрелила. Она не целилась в парня, выстрелила в воздух, чтоб испугать. Некоторые заложники подумали -это конец, теперь чеченцы взорвут театр. Крик парня и выстрел привлекли внимание охранников на сцене. Один из них, даже не прицелившись, с бедра выстрелил в сторону бегущего заложника, выпустил две пули калибра 5,45мм из автомата Калашникова «АК-74». Вероятно, он слишком рано нажал курок - дуло автомата было недостаточно высоко, и пули просвистели низко, ниже стоп бегущего по спинкам кресел заложника. Впрочем, даже если бы он лучше прицелился, бунтарю он уже ничего бы не сделал - за секунду перед этим сидящий в шестнадцатом ряду Александр Старков, рядом с которым пробежал в этот момент юноша, схватил его за ногу и стащил вниз, на пол между рядами. Пущенные из автомата со сцены пули просвистели над головами узников со скоростью 900метров в секунду. Первая попала в парня в четырнадцатом ряду. Когда сидящая впереди него Татьяна Попова услышала одиночный выстрел из пистолета, она наклонилась и спряталась за креслом. Возможно, это спасло ей жизнь. Когда начал стрелять террорист на сцене, она уже спряталась. Пущенная со сцены пуля, пролетела над ней, пробила сидевшему за ней парню бровь и застряла в голове. Как рассказывал потом Георгий Васильев, в ране видна была серая субстанция мозга. Парень упал в проход между креслами и еще несколько минут бился в конвульсиях. Из раны хлынула кровь. - Масса светлой, пузырящейся крови, - рассказывала другая заложница, Ольга Чернова. Тут же подбежали чеченцы и вытащили раненого парня за ноги из зала. За ним протянулась светло-красная, пенистая полоса.

«Террористы вынесли его, говоря, что завтра добьют. У сидевшей рядом с ним его девушки глаза были полны слез», - написала в своей книге «Норд-Ост глазами заложницы» Татьяна Попова.

Его имя до сих пор официально не подтверждено, но по данным российских журналистов, это был Павел Захаров, сотрудник одного из научных центров в Москве.

Когда смертельно раненого пленника вытащили в коридор, оставшиеся в зале люди услышали не то крик, не то стон, тонкий, писклявый, как будто кричала женщина. Вторая пуля, выпущенная из автомата террористом, ранила в живот Тамару Старкову, муж которой спас запаниковавшего парня, схватив его за ногу. Между Старковой и ее мужем сидела их двенадцатилетняя дочь Елизавета. Пуля ударила Тамару Старкову в живот и прошла навывлет. Женщина еще мгновение сидела неподвижно в кресле. Ее муж увидел кровь, которая брызнула на лицо дочери, и крикнул пискливым голосом в сторону сцены: «Сволочи, вы убили мою дочь!» Но Лиза Старкова сказала: «Нет, папа, не меня». И тогда он посмотрел на жену, держащуюся за окровавленный бок. Александр Старков снова

закричал тонким, женским голосом. Его жена наклонилась вперед и стала падать. Мужчина схватил ее на руки и с криками «Умирает, она умирает!» вытащил ее по проходу между рядами и положил в проходе под стеной. Один из заложников-врачей стал ее тут же осматривать.

Как утверждают заложники, некоторые террористы успокаивали раненую и ее мужа. Говорили, что сейчас же вызовут скорую помощь, другие пожимали плечами: «А пусть дышит». И занялись виновником, которому Старков всего на несколько минут продлил жизнь. Парень, который бежал по креслам, был выведен из зала и расстрелян в холле на первом этаже, рядом с гардеробом.

- Кажется, Ясир потом сказал, что, когда его вывели в коридор, он пробовал с ними спорить и что-то объяснять, но его все равно расстреляли, - вспоминает Марк Полесный. На первом этаже рядом с лестницей уже лежало изуродованное тело мужчины, который ворвался в театр с желтым пластиковым пакетом в руках и искал сына.

В зале террористы чуть не застрелили двух врачей из Краснодара, Пономарева и Магерламова, которые вскочили со своих мест, чтобы помочь раненым. А Георгий Васильев минут пятнадцать безуспешно пытался дозвониться в штаб, чтоб вызвать скорую.

- Мы не могли вызвать скорую помощь, потому что ни у нас не было связи со штабом, ни у чеченцев, - рассказывал потом Васильев. - Известный нам номер был все время занят. А двое людей истекали кровью. И все из-за психопата, который побежал чуть не по головам заложников.

Не только Васильев пытался связаться со штабом. И врач Пономарев, склонившись над раненой женщиной, разговаривал с кем-то по мобильному телефону, и не мог договориться со своим собеседником. Как он рассказывал позже, его отправляли из одного места в другое.

- Что там творится, тут люди умирают, дайте скорее скорую! - кричал в трубку врач, но это не помогло.

Скорая приехала только через сорок минут. Неизвестно, был ли причиной балаган, царивший в штабе, или то, что все, кто мог принять окончательное решение, были заняты подготовкой штурма, до которого оставалось меньше четырех часов. В штабе как раз принимались окончательные решения относительно предстоящей операции десанта, а армейские химики заканчивали приготовление парализующего газа для террористов и заложников.

- Я видела, как долго они лежат, а скорая все не едет, - рассказывает Ирина Филиппова. - Может, их не пускают, подумала я и поняла, что там что-то происходит. Иначе, почему бы наши не стали их пускать? Многие заложники звонили. Девушка, сидевшая рядом со мной, звонила своему мужу, который стоял на улице за оцеплением, а скорой все не было. Над Старковой, которую в конце концов вынесли в коридор, склонился, плача, ее муж. Раненая, в полном сознании, держала его руку и смотрела на него.

- Я знала, что больше его не увижу, - сказала Старкова в фильме «Террор в Москве». - Я ему сказала: «Прощай, я тебя люблю».

Старкова до сегодняшнего дня не может смириться с мыслью, что не попрощалась с дочерью. Позже к ней подошли чеченцы и извиняющимся тоном просили, чтобы она сказала там, снаружи, что они не виноваты, что ранили ее случайно.

- Я обещала, что скажу, только пусть освободят дочку, - говорит Старкова. - Они пообещали, что ее выпустят. Тогда я в последний раз видела дочку и мужа.

Скорая подъехала к театральному входу только около двух ночи, через сорок пять минут после того, как были ранены заложники.

В бригаде скорой помощи руководил пятидесятидевятилетний Николай Степченков, проработавший в московской скорой помощи двадцать два года. Врач по призванию, он, несмотря на пожилой возраст, был все еще увлечен своей работой. Со слов Степченкова, который рассказал об этом в интервью для газеты «Известия», в ту ночь перед Домом культуры дежурило семь карет скорой помощи. Ночь была спокойной, хотя около полуночи и еще через час в театре прозвучали выстрелы. Около двух к доктору подошли люди из штаба и сказали: «Чеченцы требуют врачей, надо подъехать к главному входу и забрать раненых».

- Я пошел, это же долг врача, - улыбается Степченков. - Взяли мы с коллегой носилки и вошли внутрь. Первое, что я увидел, что бросилось в глаза, - иссеченные пулями стены театра. Рядом с лестницей лицом вниз лежат тела. Над ними стоят четыре чеченца, все в масках, за исключением Аслана, как он представился. Велел показать документы, внимательно их оглядел и спрашивает: «А почему не из Красного Креста?» Меня это разозлило: «А какая разница?» Он смягчил тон и почти вежливо попросил, чтобы мы подождали. Четыре заложника сначала вынесли из зала мужчину с перевязанной головой. А потом женщину, раненую в живот. Пока мы шли к карете скорой, думали одно: «Скорей, скорей». Сразу было ясно, что у парня шансов нет. А женщину можно было спасти, она была в сознании и рассказала нам, что случилось там, в зале. Потом со мной долго разговаривали «альфовцы».

У Тамары Старковой была серьезно повреждена селезенка и другие внутренние органы, но, к счастью она почти немедленно попала на операционный стол. После сложной операции в соседнем госпитале ветеранов войны она выжила и поправилась. Воспитывает сына, которому во время теракта было десять лет. Он не был на спектакле, потому что, несмотря на уговоры родителей, не захотел идти в театр. Ни за какие сокровища. Ее дочь Елизавета и муж Александр погибли во время штурма.

А в зале террористы приказали одной из заложниц вытереть лужу крови в том месте, где был подстрелен Павел Захаров.

Никто больше не вскакивал со своего места, но многие были психологически сломлены. У них не было больше сил бороться, они ждали смерти с минуты на минуту. Прощались с белым светом и своими родными там, на свободе. Так, как это делал Федор Храмцов. Именно тогда, когда террористы убивали заложников и в зале началась стрельба, Храмцов писал последнее в своей жизни письмо своим самым близким людям. Это письмо звучит, как последние слова умирающего отца своим детям, как завещание, которое должно указать путь в жизни не только Ирине и Александру.

Вот, что он написал:

«Три дня и ночи ада - это слишком много для моей и без того больной психики. Молю Бога, чтоб вам никогда не довелось этого пережить, родные мои. Жаль, что не могу поговорить с вами всеми по телефону. Отобрали все, даже часы. Вставляют детонаторы. Я стал писать и немного успокоился. У меня замечательные дети. Тут произошла переоценка всех жизненных ценностей.

Деньги, квартиры, дачи, машины - они ничего не значат в сравнении с жизнью человека. Мы все время к чему-то стремимся и поэтому просто не понимаем или нам не дано понять всю глубину этой мысли. Обращаюсь к Сашке и Ирке. Не думайте только о том, как заработать деньги, это бесконечный процесс. Научитесь останавливаться на бегу,

наслаждаться жизнью, больше времени проводить на природе. Каждый день просыпаться и благодарить Бога за то, что живете, что взошло солнце, очень важно, чтобы утром было хорошее настроение. Я прожил со своей семьей двадцать пять лет. Несомненно, это были лучшие годы моей жизни, несмотря на материальные проблемы и т.д. Вы теперь уже оперившиеся птенцы и будете вить свои гнезда. У нас, в наше время, не было предмета «семья», теперь НАЧИНАЮТ РАССТРЕЛИВАТЬ, ПРОЩАЙТЕ».

Письмо было обнаружено в записной книжке, спрятанной в сумке, в которой Храмцов обычно носил трубу. Вероятно, после того, как прозвучали выстрелы, Храмцову показалось, что начались обещанные террористами расстрелы людей. Однако позже ему удалось еще раз пойти в туалет в оркестровой яме и спрятать свое завещание в сумке с инструментом. И хоть обстановка успокоилась, он больше ничего не дописал.

Именно в этот момент Ирина Фадеева и ее сын Ярослав вели один из самых трудных разговоров в их жизни о том, что станет с ними после смерти. Слова Ирины цитирует в одном из своих репортажей в «Новой газете» Анна Политковская.

«Когда мы сидели ТАМ, он сказал мне под конец: "Мама, я, наверное, не выдержу, у меня больше нет сил. Если со мной что-то случится, что будет дальше?" А я ему отвечаю: "Не бойся. Мы здесь вместе и там будем вместе." А он мне на это: "Мама, а как я тебя там узнаю?" Я тогда говорю: "Я же тебя держу за руку, - значит, мы туда попадем вместе"».

Это был последний разговор в их жизни. Но Ирина не сдержала слова, данного сыну.

Суббота, 26 октября 2002 года, 2.30

Когда раненых вынесли из здания театра, Бараев проверил часовых, а потом сел на стул, к которому не был прикреплен взрывной заряд. Попросил заложников сохранять спокойствие и не пытаться проделывать трюки, как тот мужчина, что бежал по спинкам кресел. Напомнил пленникам, что вскоре будут проведены переговоры с представителем президента. Стоит запастись терпением, и они уже скоро окажутся на свободе. Потом, как утверждают заложники, Бараев, который, видимо, много думал о приближающейся встрече с Казанцевым, пустился в философские рассуждения.

- Если бы я был президентом и на карту была поставлена жизнь моих людей, я бы не раздумывал, - ораторствовал Бараев. - Я бы точно выполнил все выдвинутые требования, потому что речь идет, прежде всего, о человеческой жизни. Но мы, чеченцы, отличаемся от вас, россиян. Нас всего миллион, мы ценим жизнь наших людей. А вас слишком много, сто пятьдесят миллионов, ваша жизнь никому не нужна. Вы сами выбрали себе президента, и вот что получили - никто о вас не беспокоится.

В зале царил абсолютная тишина, слышно было каждое слово, хоть Бараев говорил не громко. Предводитель террористов хотел объяснить сидящим перед ним людям то, что уже давно никак не хотели понять избираемые ими политики в Москве, - чеченцы не хотят жить с ними в одной стране.

- Поймите, у нас есть свои принципы, своя религия и свои взгляды на жизнь, - продолжал Бараев. - Они отличаются от ваших, у нас ведь тоже есть на это право. Мы хотим жить отдельно, хотим жить своей жизнью. Мы имеем на это право.

Бараев объяснил также, что ненависть россиян к его народу необоснованна, так же как обвинения в адрес чеченских террористов.

- Если бы взрывали ваши дома (в Москве и Волгодонске в 1999 году), мы бы открыто сказали, что это мы, - говорил Бараев. - Но мы их не взрывали. Когда мы проводим какую-нибудь акцию, мы всегда говорим, что это мы сделали. Мы - народ, который не прячется. Мы всегда отвечаем за то, что сделали.

Возможно, именно так прозвучало бы выступление Мовсара, если бы он стоял перед судом. Но в момент его выступления десантники, которые готовились к штурму, уже знали, что он не предстанет ни перед каким трибуналом. Они получили приказ: пленников не брать, все должны быть ликвидированы во время операции. Не ясно, кто принял такое решение. Наверное, оно было принято на самом высоком уровне: руководивший оперативным штабом генерал Проничев был слишком маленьким чиновником, чтобы самостоятельно решать такие вопросы.

Известно, что Бараев говорил долго, многое из его речи заложники уже сегодня не помнят. Впрочем, ему не дали закончить выступление. Сначала раздались выстрелы, заложники бросились под кресла. Быстро выяснилось, что стрелял кто-то из террористов в коридоре, просто поугаать. Бараев рассмеялся:

- Чего вы боитесь? Когда начнется штурм, я вас всех спрячу там, за сценой.

Позже Бараев еще раз пробовал возобновить свое выступление, но продолжалось это недолго. Замахал руками чеченец, дежуривший на балконе, - под одним из кресел он нашел выброшенное удостоверение генерала милиции. Вот это была находка!

К сожалению, довольно скоро выяснилось, что Юрий Ольховников, хоть и был действительно генералом, мало имел общего с войной в Чечне. Только однажды, будучи офицером ГАИ, участвовал он в сопровождении колонны автобусов, которыми Шамиль Басаев возвращался из Буденновска в Чечню.

Да, он был влиятельным чиновником - заместитель коменданта дорожной милиции и шеф научно-исследовательского центра ГИБДД (Государственной инспекции безопасности дорожного движения). Кроме того, преподавал в Академии управления МВД России, где был заведующим кафедрой. За два года до теракта Академия выпустила учебник под редакцией Ольховникова. По иронии судьбы, книга носила то же название, что и кафедра, которой руководил Ольховников: «Управление деятельностью служб общественной безопасности». Видно, Ольховников плохо готовил своих студентов, если чеченские террористы с такой легкостью обвели вокруг пальца все службы общественной безопасности и добрались до центра Москвы.

Несмотря на разнообразные заслуги, он никогда не воевал в Чечне и не командовал никакими боевыми частями.

В тот вечер он выбрался в театр со всей семьей - с женой, тоже офицером дорожной службы, тринадцатилетним сыном Сергеем и двенадцатилетней дочерью Дарьей.

Неизвестно, почему они купили билеты на дешевые места на балконе. В конце концов, генералы в России могут себе позволить и места подороже. Как все заложники на балконе, семья разделилась: жена с дочкой сидели с правой стороны балкона, а генерал с сыном - с левой. Почти сразу же после захвата театра террористами Юрий Ольховников проверил карманы и украдкой выбросил за спинку кресла генеральское удостоверение. Если бы он этого не сделал, никто бы не узнал, что он генерал, ведь террористы не проводили личного досмотра заложников. А тут один из чеченцев нашел документы за три часа до штурма.

- Бараев сразу побежал наверх, - рассказывает Лобанков, который вблизи наблюдал сцену ареста генерала. - В документах была фотография, и они моментально выяснили, кто из заложников и является этим генералом. Бараев сказал, чтоб он не боялся, так как они не собираются его расстреливать. Наоборот, они берут его в плен и выменяют на своих товарищей по оружию, которые сидят в российских тюрьмах.

Главарь террористов был несказанно рад. Даже выкрикнул: «Мне всегда хотелось взять в плен генерала и наконец удалось - Аллах мне его послал!» Бараев, конечно, радовался потому, что это был еще один аргумент в приближающихся переговорах с другим генералом, Казанцевым. Чеченец сел на балконе и радостно переговаривался со своими соратниками по отряду. Сидел рядом с дверью, которую террористы не закрывали, в отличие от всех других выходов в партере. В коридоре многие окна были выбиты, был жуткий сквозняк.

- Я сказал ему, чтобы он хоть задернул портьеру, детям ведь холодно, - вспоминает Лобанков. - Бараев посмотрел на меня, как бы не понимая, потом кивнул головой и задернул плотную портьеру. Это было забавно - главарь банды террористов исполняет просьбу одного из заложников, над которым имеет полную власть.

Бараев недолго сидел на балконе, вскоре вернулся на сцену, но уже без всяких речей. Сел на один из стульев и задремал. Именно так, в абсолютной тишине, нарушаемой только покашливанием простуженных людей, прошли два часа, оставшиеся до штурма.

Глава 20

Суббота, 26 октября 2002 года, 3.00

В подвалах электрик Рузаев и полковник из антитеррористического отряда все еще ждали неизвестно чего. Рузаеву явно не понравилось, что полковник отправился спать, - он же не знал об учениях до потери сознания. Но больше всего его раздражало то, что ему никто не сказал, чего они ждут. Через два часа полковник проснулся посвежевший и полный сил. Недалеко от них на сцене театра как раз выступал Бараев, но они, конечно, не могли этого слышать. А в подземельях все еще не появились те, которые заставили их ждать. Они стали потихоньку разговаривать.

- Интересно, это строение застраховано? - спросил полковник, показывая на потолок. Рузаев пожал плечами; ходили слухи, что никто театра не страховал. Офицер покивал головой.

- Значит, конец. От этого перекрытия ничего не останется, - скривился десантник.

Может, он думал о том, что сделают террористы, когда услышат протяжный вой включенной вентиляции, отсюда его пессимистические замечания. Шансы того, что чеченцы не детонируют взрывчатку, были мизерные. Конечно же, нет там двух тонн тротила, как похвалялись террористы, но наверняка взрывчатки достаточно, чтобы превратить театр в кучу обломков. Причем погибнут все, кто там внутри, - заложники, террористы и десантники. Будет бойня.

Невеселые размышления офицера «Альфы» прервало появление новых людей, которых Рузаев сразу прозвал «учеными». Это были военные химики, готовившие последние три часа соединение, которое должно было парализовать террористов и позволить десантникам провести штурм здания. Именно поэтому Рузаев вместе с полковником спецназа ждали в подвале так долго, ничего не предпринимая.

Как утверждает Лев Федоров, выдающийся российский химик, специалист, занимающийся выявлением советского и российского химического оружия, вещество, которое распылили в помещениях театра на Дубровке, содержало как минимум два-три элемента. По мнению Федорова, все они хранились отдельно и были смешаны только перед операцией. Поскольку решение, что штурм начнется еще до рассвета, было принято только в полночь, химики именно тогда приступили к подготовке, и ничего удивительного, что в подвалах театра они появились много позже трех часов утра.

Глава 21

Российские власти до сегодняшнего дня как львы стоят на страже секрета газа, использованного в театральном центре на Дубровке. Именно этот газ стал причиной смерти ста двадцати заложников (некоторые погибли при использовании огнестрельного оружия террористами и спецподразделениями).

Одним из первых, еще в четверг 24 октября, в первые сутки после нападения террористов, о газе упомянул вице-адмирал Александр Жардецкий, бывший начальник третьего главного управления КГБ - военной контрразведки. Вице-адмирал рассуждал о путях решения проблемы и сказал журналистам агентства «Интерфакс», что «ситуация крайне напряженная».

«В здании слишком много заложников, слишком воинственно настроены чеченские бандиты», - заявил Жардецкий. Затем признал, что в такой ситуации штурм здания десантниками «Альфы» и других спецподразделений невозможен, так театр будет взорван террористами. А дальше - внимание! - невозможна также газовая атака с использованием паралитических газов, в результате которой все находящиеся в помещениях театра на 10-15 минут потеряли бы сознание. Причина банальна: Жардецкий заметил, что при такой атаке, «безусловно, погибнут» все дети, находящиеся в театре, а также больные астмой, сердечными болезнями и вообще люди нездоровые.

Однако после этого на удивление откровенного высказывания вице-адмирала в российских средствах массовой информации воцарилось абсолютное молчание относительно использования газа. Ни разу, до самого штурма, никто больше не упоминал о газовой атаке. В информационном хаосе, который разразился через несколько часов после захвата театра на Дубровке, мало кто обратил внимание на высказывание Жардецкого.

- С самого начала было очевидно, что использование газа - единственно возможное решение, - утверждает Лев Федоров, шеф общественной организации «За химическую безопасность».

Несмотря на то, что он является защитником прав человека, в интервью со мной он практически повторил аргументы Жардецкого - группа радикально настроенных террористов удерживает большое количество заложников в закрытом помещении, угрожая их ликвидацией в случае штурма. Чтобы «выключить» одновременно заложников и террористов и эффективно провести операцию без больших жертв, следовало использовать газ. Естественно, исходя из предположения, что власти не намерены соглашаться с требованиями террористов, так, как было в данном случае, или что террористы ни под каким видом не собираются освободить заложников и смерть грозит всем.

- Задача была такая, - рассуждает Федоров. - Очень быстро, в течение нескольких минут усыпить всех людей, находящихся в театре, а затем сделать так, чтобы они не проснулись слишком быстро. Для этого нужны были два составляющих элемента: один, действующий моментально, и другой - более медленного, но продолжительного действия. Кроме того, используемое вещество не могло быть смертельным. И именно такой газ был использован. Несчастье, однако, состояло в том, что он был безопасен только для молодых и здоровых мужчин, потому что именно на таких людях он тестировался - на солдатах-призывниках. А в театре были и старики, и женщины, и дети, и больные люди.

Состав газа, использованного в Москве, несмотря на гриф секретности, все-таки удалось узнать. К сожалению, только в общих чертах. Как это вышло?

Двое заложников, граждане Германии, сразу же после освобождения были перевезены из Москвы в Мюнхен, где в университетской клинике их тщательно обследовали. Немецкие врачи и токсикологи успели обнаружить в организмах своих пациентов следы двух препаратов. Один из них был без труда идентифицирован как галотан (в русском варианте фторотан). Вторая субстанция была только приблизительно определена как фентанил. Немцы опубликовали эту информацию во вторник, 29 октября. Под давлением зарубежных анализов российские власти отступили, но только частично. Министр здравоохранения Юрий Шевченко на специальной пресс-конференции признал, что использованный газ был создан на базе производных фентанила.

- Очень ловкий ход, - замечает Федоров. - Эта информация ничего не стоит, поскольку производные фентанила - это большой класс веществ. Мы не в состоянии определить, какое именно вещество использовалось. Наверняка, это не был чистый фентанил, так как это твердое вещество. Правда, он растворяется в воде, но я понятия не имею, как его можно использовать в газовом состоянии.

Пользуясь информацией немецких врачей, Федоров сконструировал приблизительную модель вещества, которое было использовано для усыпления людей, находившихся в театре на Дубровке.

- Использованный газ был смесью двух или трех препаратов, - считает Федоров. - Обнаруженный немцами фторотан, или как его называют на западе, галотан, действует быстро, человек засыпает в течение трех-пяти минут, но так же быстро просыпается. Облако газа развеивается, и через пару минут человек приходит в себя. Поэтому понадобилось еще одно средство. Производные фентанила, действующие как наркотик, с точки зрения влияния на организм родственны героину. Они действуют не сразу, зато потом пару часов человек остается сонным. Эти два средства - фторотан и производные фентанила - при смешивании могут вызвать эффект, нужный руководителям операции. Как специалист, я могу сказать, что именно такой газ был необходим спецподразделениям. Не исключено, что в его состав входило еще какое-то вещество, но нам об этом абсолютно ничего неизвестно. По всей вероятности, оно слишком быстро разлагается, и в организме не удалось обнаружить его следов.

Добавим только, что, по информации специалистов-медиков, галотан является средством очень летучим, легко переходит в газообразное состояние. Будучи сильным наркотиком, он часто используется в анестезиологии, он почти не имеет противопоказаний, его можно давать даже больным астмой. В то же время его ни в коем случае нельзя применять больным с нарушением сердечного ритма. У него запах, напоминающий хлороформ, и сладкий, обжигающий вкус. Не растворяется в воде, с этой целью нужно использовать спирт, хлороформ, эфир или масла. В то же время фентанил способен очень быстро вызвать спазм верхних дыхательных путей, который наблюдался позднее у многих заложников, когда спасатели выносили их из зрительного зала театра на Дубровке. Как раз вопрос безопасности использованного средства больше всего волнует профессора Федорова.

- Использованное средство не опасно для жизни только тогда, когда разница между смертельной дозой и рабочей концентрацией достаточно велика, - объясняет Федоров. - Если кто-то хочет уснуть, то принимает одну таблетку снотворного. А десять таблеток может уже привести к смерти. В этой ситуации мы говорим о коэффициенте 10. Это достаточно большая разница. Если мы с этой точки зрения рассмотрим состав «московского газа», что же окажется? Первая составляющая, фентанил, не опасна - его

смертельный коэффициент высок. Естественно, безопасна для здорового человека. Но фентанил смертелен, если его применить людям с больными легкими, поскольку он максимально замедляет ритм дыхания, так же как наркоз на операционном столе. Легочный больной может быть уверен, что окажется на том свете. Вторая составляющая, фторотан, значительно более опасна - его коэффициент едва достигает 3. Тот, кто сидел непосредственно под вентиляционной трубой и кого накрыло газовое облако, мог получить смертельную дозу. Люди, готовившие эту операцию, должны были помнить об этих коэффициентах. Поэтому они дали такую концентрацию, чтобы был «верняк». Если бы я это готовил, я бы помнил, что на какое-то время лишаю человека жизни, и обязан ему вернуть ее. Но для наших бюрократов все это не имело значения.

Ученый разделяет мнение вице-адмирала Жардецкого, что многие из находящихся в театре людей были обречены. Федоров говорит о них - группы риска.

- Люди в театре - это был такой срез московского населения, - вспоминает он. - Там были старики и молодежь, легочные больные и сердечники. По моим подсчетам, около тридцати человек были обречены на смерть с самого начала. А то, что их столько погибло, так это значит, что смерть ста человек - это глупость, отсутствие воображения и вина правительства.

Как припоминает Федоров, в театре сразу же после штурма должны были появиться анестезиологи, которые умеют выводить людей из состояния наркоза, потому что именно в таком состоянии оказались заложники. А если власти так хотели сохранить секрет газа, могли прислать военных врачей с противоядием. А тем временем в театре оказались бригады обычных карет скорой помощи, которым говорили, что они должны быть готовы к ранениям, а не последствиям газовой атаки.

- Не было бы таких проблем, если бы сразу использовали нужное противоядие, - говорит Федоров. - Если есть яд, всегда есть и противоядие - это железный принцип в военной химии. Проблемы, как спасти человека, подвергшегося воздействию газа, были тщательно проработаны уже много лет назад. Но там у театра не была эффективно организована спасательная операция.

Доктор Леонид Рошаль, который сам шесть раз входил в театр, а потом занимался лечением многих жертв Дубровки, утверждает, что газ по-разному действовал на разных людей. Случалось, что кто-то серьезно больной выжил, а погибли люди совершенно здоровые, в прекрасной физической форме. Например, без всяких последствий закончился штурм для одного из мальчиков из детского ансамбля, Алексея Шальнова, сидевшего на балконе, у которого было воспаление легких.

Откуда взяли российские спецслужбы «не смертельную боевую отравляющую субстанцию», которая в результате погубила столько людей?

Федоров рассказывает такую историю.

Газ, использованный в театре на Дубровке, находится на вооружении российской армии с начала 90-х годов. Его создатели еще в 1991 году получили Ленинскую премию, высшую награду советского государства. Как раз тогда, когда СССР разваливался и страну потрясли гигантские демократические манифестации. Такая награда венчает сложный путь - исследования, тестирование, ввод в производство, использование в боевых условиях где-нибудь на полигоне в ГДР - и только потом можно было ожидать награды. Тайная награда была присуждена за газ, который очень хотели иметь генералы. И они так гордились им, что до самого октября 2002 года не признавались, что владеют им. И хотя конвенция о запрете химического оружия допускает владение подобным «не

смертельным» оружием, она обязывает передавать информацию о его наличии в Гаагу, где находится организация по вопросам запрета химического оружия. Москва этого не сделала, и поэтому министр здравоохранения Шевченко, положив руку на сердце, уверял, что в театре использовались производные фентанила, который является медицинским препаратом, используемым в каждой больнице и не подпадающим под действие конвенций.

- Идея производства такого вещества появилась уже давно, - рассказывает Федоров. - Над ней уже по окончании Второй мировой войны работали не только в СССР, но и США. Однако, только в шестидесятые годы решительно, на самом высоком уровне взялись за решение этой проблемы. В августе 1967 года было принято Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР о принятии комплексных мер по созданию средств психомиметического типа (проще говоря, психотропных средств). Определили группу институтов и поручили им разработку отравляющих веществ на базе ядов природного, растительного и животного происхождения. Речь шла о средстве, которое бы на какое-то время усыпляло солдат противника и позволяло спокойно проводить атаку, брать намеченную цель. Потом солдаты противника могли себе просыпаться - все равно они уже ничего не могли сделать. Советские ученые работали двадцать лет, и у них, наконец, все получилось.

Одно из основных требований к подобному оружию - чтобы, как при анестезии, действие было полностью обратимым и не оставляло никаких следов. Американцы именно потому отказались от газа VZ, что он вызывал неотвратимые побочные действия, - говорит Федоров. А принцип однозначен - никаких побочных действий.

С этой точки зрения российский газ, вероятно, был не идеальным, но об этом можно только догадываться. Как утверждает Федоров, газ был опробован в боевых условиях в одном из отдаленных гарнизонов, вероятно в Германской Демократической Республике, а может быть, в Польше. Подобный газ, содержащий ЛСД, который тоже был на вооружении Советской армии, был ранее тестирован на советских полигонах в Чехословакии.

- Его применили в боевых условиях, естественно во время учений, - напоминает Федоров. - Как всегда в таких случаях, «красные» сражались с «синими». Перед намечавшейся атакой из окопов «красных» в сторону «синих» был пущен газ. Военные химики при помощи специальных генераторов аэрозоля из жидкости в канистрах создали облако, которое, проплыв над позициями противника, привело к тому, что солдаты противника уснули. «Красные» бросились в атаку, закончившуюся победой. Оказалось, что количество смертных случаев находится «в норме», так как были это молодые и здоровые парни. Естественно, погибло несколько человек среди тех, кто был невольным «подопытным кроликом», я в этом уверен, но для генералов это не имело значения. Они получили наконец средство, о котором мечтали.

После развала Советского Союза составляющие вещества газа хранились в Шиханах, Саратовской области, на одном из восьми складов Министерства обороны, где хранятся боевые отравляющие вещества. Однако, как предполагает профессор Федоров, газ, примененный в театре, не был привезен из Саратова, скорее из Подмосковья, так как у ФСБ и МВД наверняка есть собственные склады, где хранятся входящие в состав газа вещества.

- Не верю, чтобы они давно их смешали, - качает головой Федоров. - Все смеси имеют тенденцию к распаду. Поэтому химики готовили газ прямо перед штурмом.

Глава 22

Рузаев позже рассказывал, что «ученые» и офицеры «Альфы», появившиеся в подвалах после трех часов ночи, принесли с собой пластиковые канистры емкостью 5-10 литров. На них были какие-то приспособления, назначения которых Рузаев не мог определить. Наверное, это были генераторы газа, о которых упоминал Федоров. Их надо было подключить к электросети, химики спрашивали Рузаева о напряжении в 220 и 380 вольт. Электрик, гордо бормоча, что без него они бы никак не справились, помог им подсоединить кабели к сети. Все канистры разместили таким образом, чтобы выходящий из них газ попадал в систему вентиляции и закачивался в зрительный зал, на сцену и в коридоры.

Когда все было готово, «Альфа» вывела людей, которым не нужно было оставаться в театре. Опасность взрыва была очень высока.

- Мы выходили тоже через «паялку», - рассказывает Рузаев. - По дороге услышали выстрелы внутри театра, - значит, вентиляция начала действовать. Командир выкрикнул «Газы!», и мы все надели противогазы, хоть, по правде, ничего там не было. «Выходить по одному и зигзагом в сторону госпиталя», - прозвучал очередной приказ «альфовца». Я побежал в сторону госпиталя ветеранов, а там нас уже ждал Ялович. Обнял меня и поблагодарил. Меня охватила какая-то безумная радость...

Журналисты позже утверждали, что слухи в толпе вокруг Дома культуры определяли время штурма сначала на три часа ночи, а потом на шесть утра. Корреспондент «Новых известий» Валерий Яков говорит, что о штурме, назначенном на шесть утра, он услышал от военного, старого знакомого, стоявшего в оцеплении. Ни у кого, однако, не было сомнений в том, что это вот-вот произойдет: примерно в 22.00 заместитель шефа МВД Владимир Васильев попросил журналистов, чтобы перестали показывать здание театра в прямом эфире. В тот же момент по просьбе ФСБ дирекции всех российских каналов приостановили прямые трансляции от здания театра. Наконец, после полуночи сотрудники штаба прогнали даже дружественных ФСБ журналистов, которые вели съемки с точки, откуда прекрасно виден был весь Дом культуры. Важно было не допустить, чтобы были свидетели того, как проникают десантники и химики.

По моей информации, точное время штурма вообще не было определено. Он мог начаться тогда, когда все будет готово в подвалах здания.

Операция началась в начале шестого. В это время в здании включилась вентиляция, но до атаки десантников прошло, вероятно, еще 15-20 минут.

Заложники, с которыми я беседовал, не обратили внимания на включившуюся вентиляцию, зато почувствовали и увидели газ в зале.

- Я почувствовала сладковатый запах, меня охватило ощущение абсолютного покоя и радости, - рассказывает Кругликова. - Мы и до этого были спокойны, так как Бараев пообещал нам свободу. Но когда пошел газ, кроме спокойствия появилась какая-то потрясающая эйфория. Мы до сих пор не спали, боялись пропустить какую-нибудь важную информацию. А тут вдруг охватила такая сонливость - ой, как нам хорошо, как чудесно, какой сладкий аромат нам сюда впустили. Я сидела так спокойно и смотрела, как Бараев соскочил со сцены и бегал по залу с криками «Где электрик? Немедленно выключить вентиляцию!» Электрик Федякин сидел рядом с нами - мужчина с бородкой, слегка хромавший. Бараев бросился прямо к нам. И тогда, если бы он только захотел, он бы нас всех взорвал. Но когда я посмотрела на женщин-смертниц - они прямо-таки сползали по стенам и засыпали. И тут я совершенно успокоилась и радостно подумала:

сейчас они уснут, и Бараев уснет, и мы все будем спасены. Потом увидела, что Бараев где-то там бегают и еще кто-то пробегает, но никто не стреляет, я подумала, какой странный запах. Сделала два глубоких вдоха носом, хотелось хорошенько понюхать. Это была моя ошибка. Второй раз вдохнула и больше ничего не могу вам рассказать.

После выступления Бараева многие заложники решили поспать. Они не проснулись, когда заработала вентиляция, и, продолжая спать, вдыхали газ. Не просыпаясь, они оказались под глубоким наркозом. Некоторые не спали, но после стрельбы впали в еще большую апатию, люди так устали, что им уже было все равно, что будет дальше.

- Я уже не испытывала сильного страха, находилась в каком-то оцепении, - вспоминает Ирина Филиппова. - Сидела и думала - они нас убьют, как дикие звери. И надеялась, что если дело дойдет до штурма, то, может, нам хоть немного посчастливится, что, может, хоть случайно штурм удастся. Я не спала, была в каком-то забытьи, вне реальности. А под утро услышала крики «Аллах акбар!» Чеченцы крикнули так дружно, что я поняла - сейчас произойдет что-то ужасное. Думала, мы все взлетим на воздух. Террористы побежали к выходу, а в зале кто-то крикнул «Газ!» Стало ясно, что происходит. Мы сползли под кресла. У меня была косынка, я намочила ее водой и мы стали с Веселином дышать через косынку. И все. Больше я ничего не помню.

Еще одна заложница рассказала, что сидевшая рядом с ней чеченка, сообразив, что происходит, крикнула ей: «Дыши через тряпку!» И добавила: «Бегите отсюда!» Как минимум две женщины бросились к выходу и таким образом сами спаслись.

Марк Подлесный сидел в партере, с левой стороны, напротив дверей. Он не почувствовал газа, но вдруг увидел, что люди вокруг закрывают платками и руками лица и носы.

- Стало понятно, что это газ, - говорит Марк. - Я не сразу его унюхал, но я не особенно чувствителен к таким вещам. Даже паралитический газ в аэрозоле на меня слабо действует. Я поднял голову и увидел, что облако газа опускается с потолка, хотя должно было появиться по бокам, из вентиляционных отверстий. Васильев, который сидел в последнем ряду под вентиляционными решетками, сказал мне потом, что газ пошел прямо на него и он уснул моментально. Я увидел над собой эту дымку и понял, что это не шутки, что это настоящий штурм. До этого чеченцы несколько раз думали, что началась атака, начинали бегать, стрелять, кричать.

Марк уже через несколько секунд лег в проход между рядами, наклонил голову и заткнул уши, чтобы от возможного взрыва не лопнули барабанные перепонки. Актеру они еще могут пригодиться, подумал он, и не пришло ему в голову, что взрыв фугасов все равно убьет всех, кто там находился. Несмотря на то, что он зажал уши, все великолепно слышал.

- Террористы стали стрелять сразу же, как только появился газ, - говорит Марк. - У «альфовцев» оружие было с глушителями, их выстрелов не было слышно. А террористы стреляли нервно. Это была не одна серия, а буквально шквал огня. Стреляли и что-то кричали друг другу.

Сохранилась запись, которая подтверждает слова Марка. Как раз в тот момент, когда на зал опустилось облако газа, журналисты «Эха Москвы» дозвонились двум женщинам, с которыми уже несколько раз разговаривали. Это были сидевшие в партере Анна Андрианова и машинистка, работавшая как раз на этой радиостанции Наталия Скопцова. Разговор шел в прямом эфире на волнах «Эха» и начался он в 5.30. Именно благодаря этому весь мир смог услышать в прямом эфире начало штурма.

Скопцова: «Не знаю, пустили газ, все люди сидят в зале, мы очень просим не делать этого... Мы все-таки надеемся, что мы не на "Курске", не там...»

(Скопцова имеет в виду катастрофу атомной подлодки «Курск», произошедшую 12 августа 2001 года в Баренцевом Море. После взрыва в торпедном отсеке часть экипажа лежащей на дне, на глубине 108 метров, лодки еще какое-то время оставалась в живых, но российские власти не приняли иностранной помощи, хотя сами были не в состоянии провести спасательную операцию. В данном случае заложница высказывает опасения, что власти пошли на штурм, не считаясь с количеством возможных жертв).

Адрианова взяла у Скопцовой трубку: «Похоже, наши "силовики" начали действовать. Люди, не бросайте нас, есть шанс, если что-то можно сделать, мы просим.»

Журналистка из студии: Мы попытаемся! Вы можете объяснить, что вы чувствуете? Это слезоточивый газ?

Адрианова (с отчаянием в голосе): «Я не знаю, что это за газ, но вижу реакцию. Эти люди здесь не хотят нашей смерти, по-моему, это наши спецслужбы начали что-то делать, они хотят, чтобы мы не вышли отсюда живыми, и таким образом разрешить ситуацию.»

Журналистка: Вы можете выяснить, это слезоточивый газ? Что происходит с людьми? Вы его видите? Ощущаете?

Адрианова: Люди, умоляю, прошу вас, не знаю, видим, чувствуем, дышим через тряпки, это наши что-то творят.

Несколько секунд стрельбы из автоматов.

Адрианова: О Боже, теперь мы все к черту взлетим на воздух! Это наши все начали, это точно.

Журналистка: Что это за стрельба была?

Адрианова: Не знаю, сижу с мордой под спинкой кресла и ничего не знаю. Боже! Мы только что сидели, смотрели передачу по НТВ и радовались. Это все началось снаружи. Видно, наше правительство приняло решение, что отсюда никто не выйдет живым. В этот момент снова раздается беспорядочная стрельба, которая слышна на пленке еще несколько минут.

И за сценой в комнате реквизиторов, где скрывалась Лариса Абрамова, стало страшно. Как вспоминает Абрамова, чеченский охранник, который следил за дверью проходной комнаты, испугался, что за дверью затаились десантники, и выпустил по двери длинную очередь из автомата. Абрамова прекрасно видела, как светящиеся пули пролетают рядом с ней и пробивают дверь, ведущую в коридор с гримуборными. Через минуту именно эта вторая дверь сорвалась с петель и Абрамова услышала рык «Руки за голову!» Ей удалось сказать, что она заложница, впрочем, об этом свидетельствовал и закрытый выход на сцену. Она услышала, как один из бойцов крикнул: «Сережа, прикрой!», и потеряла сознание.

На балконе последние минуты перед штурмом протекали в полной идиллии. Вот как описывает это Александр Сталь: «Было довольно спокойно. Чеченцы или спали, или чистили оружие. Террорист в голубом свитере снял глушитель с пистолета Стечкина, потом разобрал его, но не смог собрать. Позвал на помощь другого бандита, но и тот не смог справиться. Тогда они до конца разобрали пистолет и положили в таком виде в пакет».

Лобанков положил детей спать в проходах между рядами кресел, а сам решил не смыкать глаз. Размышлял над словами Бараева, пообещавшего, что скоро все будут на свободе.

- Я был очень доволен, что все именно так развивается, - рассказывает Лобанков. - На меня накатила волна радости, но внутренний голос говорил мне, Сережа, что-то тут не так. Я человек театра, где правят железные принципы драматургии - перед потрясением, угрозой, трагедией всегда наступает момент расслабленности. Все работает на контрасте - все прекрасно, и тут удар! Контраст - это сильнейший момент драматургии. Но, подумав об этом, стал сам себя успокаивать - ведь жизнь вносит свои коррективы. Это ведь драматургия самой жизни. Может, не будет никаких потрясений. И все-таки я ощущал какую-то неприятную нервозность.

Лобанков уселся на ступеньках, которые спускались вниз балкона, и, повернувшись спиной к сцене, заговорил с одним из террористов, дежуривших у двери с левой стороны. Как рассказывает Лобанков, парню в красном свитере было лет восемнадцать, но он представлялся эдаким воякой - изображал героя, все время поигрывал оружием, видно было, что ему все это ужасно нравится. Обвешан оружием, как новогодняя елка украшениями, - кроме автомата на нем был пояс со связкой гранат, на плече рюкзак с запасными магазинами. И еще такой странный, коротенький гранатомет.

- Я его спросил про гранатомет, так он сразу начал хвастать, - рассказывает Лобанков. - «Его называют женским, из-за того, что он такой небольшой. Но очень мощный.

Бронетранспортер остановит одним выстрелом, а если выстрелить в толпу людей, так двадцать человек за раз положит», - хвалился парень.

И стал показывать хореографу снаряды для этого гранатомета - у него их было множество. Неожиданно замолчал, внимательно посмотрел в сторону сцены, достал из-за пазухи платок, схватил стоящую рядом бутылку и стал мочить платок.

- «Газ!» - подумал я, - говорит Лобанков, которому навсегда запомнились подобные сцены из многих военных фильмов. - Огляделся и понял, что вижу зрительный зал не так четко. Это был не дым, не туман, а какой-то почти прозрачный препарат, который размыл четкость образа, не сильно, правда, но достаточно заметно. В тот же момент я решил понюхать, пахнет ли чем-нибудь. И сделал такой довольно солидный вдох. Запаха не было, ну, может, почти не было. Покосил глазом чуть дальше, на сцену. Из прохода с правой стороны, из-за не до конца сдвинутого занавеса, вышел один из террористов и достал маску. Все увиденное слилось в одну мысль: газ! Я повернул голову, и - такое у меня впечатление - это чеченец дал мне бутылку с водой. Я намочил свитер и прижал его к носу.

В тот же момент Лобанков увидел, что вокруг него спят его воспитанники, а значит, не видят и не чувствуют, что происходит. Он опустил на колени, достал из кармана платки, реквизит из номера, который он готовил с детьми; он машинально забрал их с собой, когда вышел в зал из репетиционной комнаты.

- Я стал рвать платки, мочить их водой и, до кого мог достать, тому клал на нос мокрые тряпки, - рассказывает Лобанков. - Потом Александр Шальнов, отец Алексея, утверждал, что его я тоже разбудил и дал ему платок со словами: «Газ! Делай, как я!» Может, и так, но я был уже в таком состоянии, что ничего не помню. Не знаю, скольким детям я успел накрыть лица мокрыми платками. Внезапно почувствовал, что плыву, теряю ориентацию, что мне все сильнее хочется спать. Успел только схватить свитер и поднести к лицу смоченный кусок. И свалился головой вперед на ступеньках лестницы.

На балконе, недалеко от Лобанкова, лежала Галя Делятицкая. Несколько часов назад Галя почувствовала себя очень плохо, Сергей накрыл ее каким-то пальто, и ей даже удалось задремать. Но когда Лобанков крикнул: «Газ!», Галя проснулась и увидела, как ее коллега

мочит платки и кладет их на лица детей. Она сделала то же - намочила платок, снова накрылась пальто, а платок прижала к лицу. Ее охватила сонливость. И тут она услышала вокруг какие-то нечеловеческие хрипы, бульканье, совершенно не похожие на храп спящего человека. Это было именно страшное бульканье, исходящее откуда-то из глубины гортани. Делятицкая подумала, что сидящие в креслах люди откинули назад головы во сне и теперь просто начинают задыхаться. Она не знала, что использованный спецслужбами газ может вызывать судорогу горла и верхних дыхательных путей.

- Все вокруг нее издавали эти звуки, и она подумала, что, если заснет, умрет, - рассказывает Лобанков. Какая-то невероятная сила воли, неизвестно откуда взявшаяся, помогла побороть сон. Она сбросила с себя пальто, стала будить детей, подбежала ко мне. А я уже лежал на боку, тело само, видно, сползло вниз. К счастью, не на спине, а то бы я, наверное, тоже умер.

Галя начала бить Сергея по лицу, трясти и даже бить головой об пол. Она боялась, что, если не разбудит его, он умрет. Но газ был сильнее. Делятицкая тормошила и детей, но ей удалось разбудить только одного мальчика, Никиту.

- На разных людей газ подействовал очень по-разному, - говорит Лобанков. - Ей удалось разбудить Никиту, сама все время держала мокрый платок у носа. На плече у нее висела сумка с важными документами, которые она боялась потерять. И она приказала Никите: «За мной!» В первый момент Никита бросился в сторону выхода, но она помнила, что там могут быть мины, там могут начать стрелять. А перед ней был канат, который свешивался с балкона в партер. «Никита, пойдём!» - сказала Галя. Перелезла через барьер, одной рукой держала платок и сумку, второй схватилась за веревку и съехала вниз. Ободрала до крови ладонь, но не обратила на это внимания. Внизу свалилась на спящих людей.

Переступая через них, становясь на поручни кресел, как-то добралась до стены и только тут сползла по стене на пол. Дальше идти не могла, но осталась в сознании.

И тут она увидела бегущих солдат в мундирах, в круглых касках (у чеченцев таких не было), с белыми повязками на обоих руках, которые в пылу битвы помогали отличить своих от чужих. Делятицкая ничего не знала о повязках, зато слышала страшную, отборную, вульгарнейшую ругань, которую только знает русский язык. И подумала - наши!

Десантники бежали по спинкам кресел, прыгали по подлокотникам. Разглядывая сверху спящих заложников, выискивали в толпе одетых в черное террористок. Подбегали, наклонялись над ними и стреляли в голову. Так же убили и тех, кто спал под стенами зала. Никита съехал по веревке следом за Делятицкой. Не ободрал ладони, потому что натянул на них рукава свитера. Пробежал по подлокотникам до двери, ведущей в фойе второго этажа, сбежал по лестнице на первый этаж и просто вышел через главный вход театра. Остановился на ступеньках, а там толпа людей в мундирах, спецназ, милиция, спасатели. И кто-то крикнул ему: «Садись в автобус!» В нескольких метрах от крыльца театра стояли приготовленные для заложников автобусы. Но Никита не понял, о каком автобусе идет речь. Прямо перед ним, возле самых ступенек стояли микроавтобусы, на которых приехали террористы. Никита сел в один из них. Тут подбежал вооруженный десантник и чуть не застрелил его. Когда выяснилось, откуда появился мальчик, десантник показал, куда ему надо идти. Но Никита опять не сел в автобус. В страшной неразберихе вокруг Дома культуры, мальчик спокойно прошел через оцепление и смешался с толпой родственников и зевак, стоявших поблизости от театра. Только через несколько минут его кто-то задержал и мальчика наконец отвезли в больницу.

- Потом он медленнее остальных приходил в себя, - говорит Лобанков. - Никак психически не мог справиться со всем этим. Он видел, как десантники убивают спящих террористов, видел кровь на паркете. Это был для него шок. Мать говорит, что ее сына как будто подменили. Он всегда был веселый, улыбочивый, а после того, что увидел в театре, замкнулся в себе. К счастью, хоть медленно, но все-таки со временем забыл обо всем. Есть один вопрос, до сих пор не нашедший ответа, - почему террористы, видя начинающийся штурм, не подорвали себя? Ответы есть разные, но никто не говорит, что заложников спас план, разработанный спецслужбами.

- Если бы террористы захотели, они бы нас взорвали, - не сомневается Виктория Кругликова, видевшая мечущегося Бараева.

- Я думаю, это было чудо, - рассказывает Сергей Лобанков. - Достаточно одному из них было нажать кнопку и конец, дальше пошла бы цепная реакция. Одна детонация за другой. Я сам в армии был сапером, специалистом по боям с подводными лодками. Я прекрасно понимал, что достаточно было взрыва одного заряда на поясе, и конец. Может быть, террористы действительно были в таком состоянии, как некоторые мои коллеги из театра, - сидит, видит, слышит, понимает, а пошевелиться не может, как парализованный. Может, и так. Но ведь были и такие, на которых газ не подействовал, кто-то же стрелял, кто-то бросал гранаты. Конечно, большинство могло быть под влиянием газа, но несколько человек - нет. У них же был приказ, они же могли подумать, умру, но заберу с собой еще много неверных. Не знаю, почему так вышло.

Подобного мнения придерживается и Георгий Васильев.

- Это было счастливое стечение обстоятельств, - утверждает Васильев. - Я сам знаю нескольких человек, на которых наркоз не подействовал. Они вышли из театра без посторонней помощи. Таких в зале было несколько десятков. Думаю, что могли быть такие случаи и среди террористов. А ведь достаточно было одного взрыва, чтобы взорвался весь зал. Это просто счастье, везение. Иначе того, что произошло, не объяснишь.

Через несколько дней после штурма на пресс-конференции, где руководители ФСБ показывали журналистам арсенал террористов - взрывные заряды, десятки килограммов пластида, прозвучал вопрос: «Так почему же они не подорвались?» Сотрудники ФСБ беспомощно развели руками. И как позднее написал один из комментаторов, в голову приходит однозначный и единственный ответ: сами так решили!

Глава 23

Офицеры в круглых касках, которых увидела сползающая по стене Галина Делятитская, были бойцами одного из самых известных в мире антитеррористических отрядов «Альфа».

Группа А была создана по приказу председателя КГБ Юрия Андропова, подписанному 29 июля 1974 года. Как утверждает генерал Михаил Милютин, бывший шеф седьмого Управления КГБ СССР, в состав которого была включена группа «А», повод ее создания был довольно банальный. Осенью 1973 года в аэропорту Внуково приземлился угнанный самолет «Як-40» с пассажирами на борту. У главы КГБ не оказалось под рукой ни одного воинского подразделения, находящегося в постоянной боевой готовности, которое могло бы немедленно приступить к ликвидации террористов.

В меньшей степени, как предполагают разные источники, это было реакцией на возрастающую волну терроризма в Европе. Двумя годами ранее, в 1972 году во время олимпиады в Мюнхене, террористическая группа «Черный сентябрь» совершила

нападение на команду Израиля. Погибло одиннадцать спортсменов. Все активнее действовали итальянские Красные бригады и немецкая фракция Красной армии. Это Москву, вероятно, мало беспокоило, так как есть немало свидетельств тому, что она сама поддерживала эти организации. Но угоны самолетов случались также и в СССР, поэтому возникла потребность в специализированном подразделении по борьбе с преступниками, которые, захватывая заложников, пытаются заставить власти удовлетворять свои требования. Именно так это сформулировано в секретном приказе Андропова - одной из важнейших задач группы А была «борьба с экстремизмом, проявляющимся в захвате заложников на транспортных средствах».

Нынешнее название отряда получило распространение только в 1991 году, когда пресса, в основном западная, стала расшифровывать символ «А» в соответствии с буквенным кодом НАТО как «Альфа». Поначалу группа «Альфа» насчитывала тридцать бойцов, и в ее задачи входила, прежде всего, борьба с угонщиками самолетов. Под конец восьмидесятых годов членами группы были 500 офицеров в нескольких крупнейших городах СССР. В настоящее время «Альфа» насчитывает примерно 250 человек, дислоцирующихся в Москве, Екатеринбурге, Краснодаре и Хабаровске.

В отряд принимаются только добровольцы из среды профессиональных служащих частей, подчиненных так называемым силовым министерствам. Помимо физических данных и безупречного здоровья кандидаты должны владеть иностранными языками, умением водить машину, плавать, приветствуется также знание восточных боевых искусств. Но самым главным качеством является способность мгновенно анализировать ситуацию и принимать решения в экстремальных ситуациях, а также психологическая устойчивость. Именно способность мыслить является решающим фактором при приеме в группу «Альфа».

Советское антитеррористическое подразделение, которое вскоре станет одним из лучших в мире, первую боевую операцию провело только в марте 1979 года в Посольстве США в Москве. В Посольство проник преступник с бомбой. Требовал свободного вылета в США. Его не удалось обезвредить, снайпер только ранил его в руку, мужчина детонировал заряд и погиб на месте. Как позднее вспоминал командир отряда, с профессиональной точки зрения операция была проведена фатально.

Однако вскоре советские командос из группы «Альфа» провели просто показательную операцию, о которой сегодня пишут во всех учебниках для спецподразделений. 27 декабря 1979 года они заняли дворец Дар-уль-Аман, называемый также Тадж-бек, в Кабуле, резиденцию тогдашнего президента Афганистана Хафиззулы Амина; бывший союзник перестал нравиться Москве. СССР сделал ставку на Бабрака Кармаля, а Амина было решено ликвидировать. Его дворец на высоком холме, с мощными укреплениями и под строжайшей охраной полутора тысяч солдат президентской гвардии (часть отряда дислоцировалась вокруг холма, в самом дворце находилось минимум сто пятьдесят гвардейцев) представлялся абсолютно неприступным. Деревья и кустарники покрывали крутые склоны холма, а единственная дорога петляла серпантином. Дворец был столь мощным строением, что четырехствольные зенитные орудия Шилка, 23-миллиметрового калибра, которые во время операции подвергали дворец прямому обстрелу, немногим помогали атакующим. Снаряды отскакивали от стен, как резиновые мячики.

Бронетранспортеры с тридцатью бойцами группы «Гром» (так называлась «Альфа» в той операции) уже на первом повороте крутой дороги попали под огонь пулеметов и гранатометов. Один из бронетранспортеров загорелся, погиб командир взвода, но команда

выскочила из горящей машины и начала взбираться по крутому склону с помощью веревочных лестниц. Остальным машинам удалось прорваться к дворцу. Как вспоминают участники операции, шквал огня был такой силы, что пули изрешетили буквально каждый сантиметр брони. Минутой позже советские командос ворвались во дворец.

Виктор Карпухин, который несколькими годами позже возглавил группу и дослужился до звания генерала, вспоминает: «По лестницам я, как и все остальные, не бегал. Это было исключено. Меня бы три раза успели убить, если бы я бегал. Там каждую ступеньку приходилось отвоевывать как в Рейхстаге. Это, наверное, хорошее сравнение. Мы перемещались от одного укрытия к другому, обстреливали все пространство вокруг, потом - к следующему укрытию».

В течение первых минут боя было ранено тринадцать десантников. Несмотря на это, многие продолжали яростно сражаться, не обращая внимания на боль. Одного из «альфовцев» ранили девять осколков гранаты, другому осколки пробили бронезилет, еще кому-то - рожок автомата. К счастью, коллега бросил ему свой рожок. В последний момент. Через секунду в коридор выскочил гвардеец Амина - он бы выстрелил первым. Атакующие не церемонились. Если из какого-то помещения не выходили защитники с поднятыми руками, в выбитую дверь летели гранаты, а потом помещение прошивали длинные автоматные очереди. Как раз во время обстрела или от осколка брошенной гранаты погиб Амин, скрывавшийся в баре на втором этаже дворца.

Штурм длился сорок три минуты. В ходе операции погибло пять спецназовцев, причем только два «альфовца», остальные из вспомогательных подразделений. Ранения разной степени тяжести получили все бойцы «Альфы», принимавшие участие в операции. Позднее были значительно менее красочные операции. Группа «Альфа» отбивала заложников в самолетах, в школе, в следственном изоляторе. В январе 1991 года группа была впервые использована в политических целях - захватила телевизионную башню и телецентр в Вильнюсе, когда Москва пыталась подавить стремления литовцев к независимости. Во время путча Геннадия Янаева в августе 1991 года офицеры «Альфы» отказались выполнять приказ председателя КГБ Владимира Крючкова, который требовал захвата Белого дома, где держал оборону Борис Ельцин. Трудно сказать, правда это или красивая легенда. Виктор Карпухин говорил потом, что никакого приказа не было. В октябре 1993 года, когда разгорелась конфронтация Ельцина и российского парламента, «Альфа» принимала участие в захвате Белого дома, где размещался Верховный Совет, но тогда обошлось без боевых действий. Говорят, что защитники Белого дома сдались сами, услышав о приближении «Альфы».

Зато потом все было значительно хуже. В Буденновске в 1995 году «Альфа» потеряла трех убитых, в Кизляре в 1996 году - двоих. Представляется, однако, что специалистов антитеррористического подразделения использовали не совсем по назначению. Они принимали там участие в массовой атаке, в которой использовались пехота и артиллерия. В 90-е годы группа «А» имела дело с чеченскими террористами не только в этих двух городах. Несколько раз «альфовцы» обезвреживали чеченцев, угонявших автобусы с пассажирами и требовавших миллионы долларов выкупа и вертолеты для побега. Бывали и курьезные случаи. В декабре 1997 года «Альфу» подняли по тревоге: в сторону Москвы из Магадана направляется угнанный самолет. Сразу же после посадки десантники захватили Ил-62. Оказалось, что деньги и коридор на Швейцарию требовал бездомный пенсионер, напугавший команду самолета муляжом бомбы.

Но уже через десять дней произошла трагедия. Девятнадцатого декабря полковник Анатолий Савельев, который во время предыдущей операции выводил из самолета пенсионера-угонщика, был застрелен своими коллегами. Это произошло во время операции у Посольства Швеции в Москве. В машину шведского дипломата, въезжавшего на территорию посольства, неожиданно сел террорист с бомбой в руках. Савельев уговорил налетчика согласиться обменять дипломата на него, Савельева. Полковник провел с террористом в стоящей возле посольства машине два часа. В какой-то момент полковник почувствовал себя плохо, вероятно, это был сердечный приступ. Подошел врач, попросил террориста помочь вытащить больного из машины. Террорист вышел через заднюю дверь и помог положить офицера на снег. Бегущие к машине спецназовцы открыли огонь из автоматов очередями от бедра. В ураганном огне погиб бандит, но и в лежащего на земле Савельева попали четыре пули.

Во время штурма захваченного террористами театра на Дубровке, коммандосов «Альфы» поддерживали десантники из «Вымпела», как это происходило и во время штурма дворца Амина в Кабуле (тогда «Вымпел» назывался еще «Зенит»). В мирное время главным заданием вымпеловцев является борьба с террористами, пытающимися захватить атомные электростанции или добраться до ядерных боеголовок. Но, будучи специалистами высокого класса, воевали и с чеченскими партизанами. В военное время их целью является уничтожение объектов на территории противника, главным образом атомных электростанций.

Подробности операции антитеррористической группы «Альфа» в театре на Дубровке до сих пор окружены строжайшей тайной. В российских СМИ после завершения драматических событий появились интервью с офицерами, анонимно рассказывавшими об операции, нельзя, однако, с уверенностью сказать, насколько эти рассказы соответствовали действительности. Несомненно, часть из них имела пропагандистский характер. Я все-таки собрал их воедино, поскольку они являются единственным источником информации об операции по освобождению заложников, некоторые подробности поражают своей жестокостью и многое говорят об условиях, в которых проводилась эта операция. Я использовал материалы газет «Известия», «Московский комсомолец», «Газета», а также телеканалов ОРТ и РТР.

По официальной информации, в штурме приняло участие около двухсот бойцов «Альфы» и «Вымпела». Цифра эта кажется мне завышенной, - возможно, речь идет обо всех участниках антитеррористической операции, в том числе и снайперах, занявших позиции в соседних с театром домах.

Представляется, что непосредственно в операции приняли участие несколько десятков человек, иначе они просто мешали бы друг другу. В одном из материалов я нашел информацию о том, что «Альфа» была разделена на десять групп по два-три человека. Эта версия кажется мне наиболее близкой к правде.

Перед началом операции все ее участники, «альфовцы», спасатели и милиционеры, повязали на оба рукава мундиров широкие белые повязки. Это был знак, позволяющий отличать их от террористов, одетых, в общем, в такие же мундиры. Офицеры «Альфы» в начале операции были в противогазах, но скоро их сняли, так как они просто мешали, как объяснил потом один из спецназовцев. У «альфовцев» на вооружении были проблесково-шумовые гранаты, автоматы с глушителями «Вал», калибр 9 мм, которые являются штатным оружием российских специальных разведывательно-диверсионных частей.

Стоит отметить, что офицеры антитеррористической группы, выполняя приказ оперативного штаба или Кремля, шли в театр почти на верную смерть. Вероятность того, что здание со всеми находившимися там людьми взлетит на воздух, была огромной. Это прекрасно понимало руководство оперативного штаба. Когда в театре раздались выстрелы, к журналистам вышел Сергей Игнатченко, пресс-секретарь ФСБ, и заявил, что террористы начали расстреливать заложников, поэтому спецназ был вынужден пойти на незапланированный штурм театра. Это было вранье, но оно имело глубокий смысл - если бы дело дошло до взрыва, спецслужбы имели бы оправдание - не было выхода, мы начали штурм, чтобы спасти людей. А ведь тогда никто уже не смог бы проверить, действительно ли чеченцы стали расстреливать людей. Но логики в словах Игнатченко не было. Ведь расстрел заложников не имел, с точки зрения террористов, никакого смысла, они же ждали прихода Казанцева, и в этой ситуации любое убийство было бы просто глупостью. Мало этого, заложники утверждают, что, когда один из узников побежал по спинкам кресел, и началась стрельба, террористы явно испугались последствий! Прямотаки извинялись и просили передать, что они не хотели убивать зрителей.

Спецподразделения начали занимать здание на Дубровке уже через несколько часов после его захвата чеченцами. Это было не сложно, так как большая часть здания была пустой, - как мы помним, террористы, проведя разведку, отошли в зрительный зал и не охраняли даже коридоры на первом этаже. Поэтому в первую же ночь десантники заняли гей-клуб «Центральная станция», расположенный далеко от зрительного зала в подвалах театра с задней стороны зоны Б. Но это мало что давало. Клуб отделен был от театра металлической дверью и замурованным проходом.

Позднее, по официальной информации, спецназовцам удалось проникнуть в помещения, непосредственно примыкающие к зрительному залу, пробить стену и установить в отверстия видеокамеры и микрофоны, благодаря которым они могли контролировать действия террористов. Трудно сказать, правда ли это. Один из «анонимных альфовцев» сказал журналисту «Газеты», что его товарищи пытались найти вход в театр с крыши, но он был заблокирован.

Пресса много писала о том, что командос помогли диггеры (люди, обследующие канализационные системы и подземные коммуникации). Но это не соответствует действительности. Диггеры действительно появились у театра, но заявили, что по канализации в театр попасть невозможно.

«То, что скоро начнется штурм, мы уже поняли, но даже в штабе этого никто не знал. Откуда и кто отдал последний приказ - мы не знаем. Мы были готовы. Террористы затаились, было абсолютно тихо. Только пьяный генерал милиции чуть было все не испортил. Притащился в новеньком полевом мундире, стал у кого-то вырывать из рук автомат, кричал, что он сам с ними со всеми разделается. Мы автомат у него отобрали. Ну и отмолили его, ясное дело, до потери сознания. Он в себя пришел, смотрит на нас: «Что это было? В меня стреляли?» - цитирует офицера «Альфы» «Газета».

Около пяти утра все участники штурма находились на исходных позициях: в подвалах, за театром у служебного входа и в строении зоны Б, на втором этаже, там, где начинался коридор, за огромным плакатом ведущий непосредственно к зрительному залу, в фойе второго этажа. Еще одна группа укрывалась в темноте под стеной Дома культуры со стороны улицы Мельникова - она должна была атаковать через главный вход.

После штурма газеты писали, что спецназовцы взрывами проделали проходы в стенах, чтобы без задержек прорваться внутрь. Это не правда, слух о подрыве стен появился из-за

того, что в здании действительно были слышны громкие взрывы, но из собранных мною информации следует, что это взрывались гранаты, главным образом проблесково-звуковые, которые использовала «Альфа». Инженер Александр Кастальский, который ремонтировал здание Дома Культуры после теракта, утверждает, что в стенах не было никаких проломов от взрывов. Впрочем, в этом вообще не было необходимости. В здании было достаточно много, причем никем не охраняемых, проходов, чтобы можно было без особых проблем проникнуть в театр.

Атаку спецназа предваряла газовая атака. По поводу времени ее начала появилось много противоречивой информации. Вероятнее всего, пуск газа в помещения театра был начат около 5.20 утра и продолжался примерно пятнадцать минут. Все это время «альфовцы» неподвижно ждали сигнала. Активная фаза штурма началась без нескольких минут шесть и продолжалась, по разным данным, от пятнадцати до двадцати восьми минут. В это время, по крайней мере в части здания, был отключен свет.

«Начал действовать газ, пошли в атаку штурмовики. Нас было примерно столько же, сколько террористов. У каждого из нас на рукаве широкая белая повязка. Мы шли через мины, ловушки, даже не глядя на них, - надо было как можно скорее ворваться в зал, отрезать «чехов» (так российские солдаты часто называют чеченских партизан) от заложников. Отрезали. В зале мы в один миг положили всех шахидок и несколько террористов. Вошли саперы, начали разминирование. Через минуту стало ясно, что взрыва не будет», - цитирует «Газета» бойца «Альфы».

«Операция началась после первых же выстрелов в зале, - рассказывает в репортаже телекомпании РТР офицер "Альфы", который входил с левой стороны здания, от улицы Мельникова, через коридор на первом этаже в сторону фойе. - Мы входили в здание очень тихо, чтобы никто нас не заметил, потому что приказа штурма еще не было. Обнаружение наших действий активизировало бы террористов, а мы не могли этого допустить. Мы проникли в помещение рядом с туалетами. Обнаружили террориста, которого ликвидировали выстрелом из пистолета с глушителем. Тут мы заняли позицию, это был наш рубеж перед штурмом.

Каждой из групп был определен сектор, в котором она должна действовать. Нашей зоной было фойе на втором этаже, комната, где шли переговоры, а также вход в зрительный зал с левой стороны, а внутри зала - вниз вдоль стены, до входа с первого этажа. Мы хорошо знали каждое помещение, но не знали, где находится каждый из террористов, они ведь могли перемещаться. Мы были готовы к любой неожиданности, - продолжает офицер. - В такой ситуации шутки побоку. В коридоре не было света, было абсолютно темно. Все происходило мгновенно. Когда мы добрались до фойе на втором этаже, нас встретил огонь со стороны колонн. Там, у колонн, были две огневые точки. В темноте были видны только проблески огня. "Обработали" мы их двумя одиночными выстрелами. В это время слева (из коридора рядом со зрительным залом) в нашу сторону была сделана очередь выстрелов и брошена граната. Ручная граната, раздался взрыв, осколком ранило командира звена. Потом мы попробовали ворваться в помещение, где террористы давали интервью. Оттуда открыли огонь из автоматов. Помещение сложное, там есть изгиб. Мы пробовали ликвидировать террористов из автоматов, не вышло. Пришлось использовать гранаты. После взрыва ворвались в комнату. Нашли двоих террористов, у одного из них была на лице маска. В комнате начался пожар. Мы их вынесли в коридор, посветили на лица - оказалось, один из них Бараев.

Двери (ведущие в зал) были закрыты, на них висело самодельное взрывное устройство, - продолжает офицер "Альфы". - Мы это устройство ликвидировали, вошли в зрительный зал. За дверью сидели два террориста и женщина-смертница. Они увидели, что мы входим, пробовали что-то сделать, но мы их ликвидировали одиночными выстрелами, чтобы они не могли стрелять ни в нас, ни в заложников, ни детонировать взрывные устройства».

Как следует из опубликованных рассказов «альфовцев», штурмовики, входившие в театр через главный вход и коридор на втором этаже, практически не встретили сопротивления чеченцев.

«На сцене действовала отдельная группа, она шла из подвалов, - вспоминает другой офицер «Альфы». - Мы еще не вошли, когда раздались выстрелы. Когда мы двинулись (по остекленному коридору на первом этаже рядом со сценой), увидели террориста, поднявшего оружие в нашу сторону. Он был от нас примерно в пятнадцати метрах. Поднял автомат, открыл огонь, - к счастью, очередь прошла по стеклу. Идущий первым наш боец положил его одним выстрелом. Одним прыжком мы преодолели эти пятнадцать метров. Подошли к двери (боковой, через которую в самом начале входил Ясир) и вошли в зал. Террористы на сцене оказали сопротивление - у всех было оружие, - но в несколько секунд были ликвидированы. В зале, рядом с выходом, сидела женщина, вся в черном, с поясом шахиды; в одной руке пистолет, в другой - граната. Несколько раз она выстрелила в нашу сторону. Естественно, ее ликвидировали. Гранату из ее руки вынул наш сотрудник. В гранате не было чеки. Немного дальше, у верхнего входа, было два террориста, они стреляли в нашу сторону, - к счастью, никто не был ранен. Группа, которая входила через тот вход, прекрасно справилась с задачей. Через следующую дверь в верхней части зала входила еще одна группа.

В кабинах режиссеров были люди. Туда бросили гранату, оттуда выскочил один из террористов, и был немедленно ликвидирован. Я хочу подчеркнуть, что все группы действовали очень профессионально, хоть было и немалое везение».

«Мы добивали последних на втором этаже, они прорывались на третий, - вспоминает командос в интервью «Газете». - Откуда-то появилась шахидка. Кровь из нее прямо хлестала, остатками сил бросила гранату. Мы ее добились. Остальных застрелили на третьем этаже».

В ходе штурма «альфовцы» убили всех до одного террористов. Наверняка, у них был именно такой приказ, хотя впоследствии появилось множество теорий, якобы объясняющих, почему это было необходимо сделать. Утверждали, например, что надо было их убить, чтобы кто-то, очнувшись, даже случайно не мог взорвать театр.

«Мы расстреляли спящих террористов выстрелом в висок, - рассказывает «альфовец» «Московскому комсомольцу». - Мы не видели другой возможности. Если на человеке висит два килограмма пластида, только так его можно обезвредить».

Другой «альфовец» на вопрос, правда ли, что террористки погибли под воздействием газа, возмутился и сказал, что «каждая получила пулю».

«Мы добивали всех, на ком была взрывчатка, - рассказывает еще один спецназовец. - Люди ведь могли прийти в себя или, наоборот, могли начаться конвульсии. И вообще, чтобы никто случайно не нажал кнопку, мы делали контрольные (выстрелы в голову)».

В разговоре со мной один из спасателей прямо сказал, что видел, как штурмовики добивают раненую террористку, сидящую в кресле в зрительном зале. А в фильме, снятом оператором ФСБ через пару минут после штурма, слышно, как один из офицеров в холле

театра, наклонившись над телом террориста, кричит: «Еще шевелится, сволочь, сделай контрольный (выстрел в голову)».

Во время штурма был ранен только один боец «Альфы». Никто не погиб.

«Группы штурмовиков еще добивали шахидов на третьем этаже, когда мы начали вытаскивать людей на улицу, - рассказывает командос «Газете». - Простые менты, никакие не спецназовцы, появились только через пятнадцать минут, когда все уже было кончено. Мы бы и сами справились, но заложников было слишком много. Одного мента мы просто избили. Подошел к лежащей женщине, взял сумку, вытащил портмоне и сунул к себе в карман. Вдруг увидел, что она приходит в себя, и со всей силы пнул ее ногой в лицо. Мы его избили, а один из наших парней кричал: «Убей его, свалим на потери в бою!» Карманы обыскивали все, кто пришел нам помогать. Стрельба-то уже закончилась».

Из нескольких воспоминаний следует, что бойцы «Альфы» еще в ходе штурма срывали с себя противогазы, потому что они им мешали. Выносили потерявших сознание заложников уже без противогазов, хотя зрительный зал еще был полон газа. Некоторые из них получили отравления, у кого-то началась рвота. Чтобы скорее проветрить театр, «альфовцы» разбились окна, которые и так были посечены пулями и осколками гранат, сорвали плакат «Норд-Ост», висевший на фронтоне здания. Внутри открыли все двери, саперы разминировали взрывные устройства.

Кто-то из спецназовцев шутки ради вложил в руки Бараеву неизвестно откуда взявшуюся бутылку коньяка «Хенnessи». А может, сделал это какой-то пропагандист из ФСБ? Во всяком случае, впоследствии российские правительственные телеканалы показывали снимок Бараева с бутылкой и объясняли, что во время штурма этот радикальный исламист напивался в баре.

Проблема заключалась только в одном - бутылка была запечатана и жутко пыльная. Те же каналы показывали пол театрального фойе, усыпанный шприцами, и комментировали: террористы были наркоманами.

Еще в тот же день вечером Путин встретился с отрядом «Альфа», каждому пожал руку и выпил с ними за успех.

Но если можно сказать, что первая часть операции действительно увенчалась успехом, то дальше в театре и вокруг него воцарился традиционный российский балаган, который стал причиной смерти многих заложников. Никто из них так и не узнал, что был спасен.

Глава 24

Прогремели последние выстрелы и взрывы. В театре и вокруг него воцарилась тишина. Было субботнее утро, без нескольких минут шесть. Казалось, штурм уже закончился, но еще примерно четверть часа ничего не происходило. Что в это время делали саперы и специалисты спецслужб внутри здания? На этот вопрос мне не удалось ответить. Многие участники операции считают, что в связи с опасностью взрыва, спасателей и врачей вызвали только после того, как убедились, что театр не взлетит на воздух.

Один из спасателей, Максим, который просил не называть его фамилии, рассказал мне, что стоял в нескольких метрах от Дома культуры и ему казалось, что ничего не изменилось. Террористы все еще удерживают заложников, и никакого штурма не было. Но так только казалось, он уже несколько часов знал, что будет штурм, но не мог понять одного, почему они в бездействии стоят здесь, вместо того чтобы спасти людей. Максим служил в элитарном отряде «Лидер», который был в подчинении у Министерства по чрезвычайным ситуациям (МЧС). Хоть в случае катастроф и природных катаклизмов они

всегда были на передовой, в то утро никто очень долго не давал им никакого приказа включиться в операцию.

Высокий, худощавый двадцатилетний парень, со светлыми волосами и голубыми глазами только срочную службу в армии, до гражданки ему осталось чуть более двух недель, когда чеченские террористы захватили театр на Дубровке. В России на срочную службу ребята идут не только в танковые войска, во флот или десант, короче говоря, не только под крыло Министерства обороны, но и в структуры других министерств, так называемых силовых. Одним из них является МЧС, располагающее такими прекрасно обученными спасательными отрядами, как «Лидер».

- Это что-то вроде спасательного спецназа, рассказывает Максим. - Нас бросали туда, где было хуже всего и тяжелее. Мы были в июне 2002 года в Ставрополе во время наводнения, где утонуло несколько тысяч человек (официально - сто две жертвы, эвакуировано сто пятьдесят тысяч человек), и на космодроме Байконур, где в мае 2002 года упало одно из перекрытий монтажного блока (погибло семь рабочих).

Часть, в которой служил Максим, располагалась практически в Москве, в районе Теплый Стан. Когда террористы заняли театр, руководство «Лидера» отобрало из специализированных отрядов (Максим был в отряде верхолазов) наиболее опытных бойцов, всего двадцать пять человек, и перебросило эту группу в район театра. Спасателей разместили в спортивном комплексе на Шоссе Энтузиастов, в двадцати минутах езды от театра.

- Вначале командование сообщило нам, что штурм планируется в ночь с четверга на пятницу, - рассказывает Максим. - Но поскольку не всё успели подготовить, штурм перенесли. Следующей ночью нам сообщили, что атака начнется в шесть утра. Максима и его товарищей подняли по тревоге. За окнами стояла темная ночь, было что-то около четырех утра. Двадцать пять парней вскочили на грузовик и отправились в сторону театра. Остановились возле театра на небольшом газоне и получили приказ выгрузить все спасательное оборудование, даже альпинистское снаряжение Максима. Все спасатели были в полном снаряжении, что подтверждает мысль о том, что оперативный штаб операции, под командованием которого были и спасатели, всерьез считался с вероятностью взрыва театра террористами. Ведь Бараев хвастался, что напичкал театр двумя тоннами взрывчатки, это могло быть правдой.

- Мы были готовы на все, так как нам никто не сказал, чего можно ожидать, - рассказывает Максим. - Потом нам это только мешало выносить людей. Не успели мы закончить приготовления, как в здании началась стрельба - десантники бросились на штурм за полчаса до намеченного срока!

Максим видел, как через главный вход в театр вбегают люди в камуфляже, с пулеметами - может, бойцы «Альфы», а может, простых спецподразделений милиции, которые должны были прочесать помещения театра в поисках укрывающихся там террористов. Потом на пятнадцать - двадцать минут установилась полная тишина. Хотя Максим точно не знает, с трудом вспоминает, сколько времени продолжались отдельные этапы спасательной операции.

Только после шести утра перед входом началось какое-то движение. Два человека в мундирах и касках, с автоматами в руках вышли через стеклянные двери, волоча по земле судорожно изогнутое тело террориста в грязном камуфляже. Вероятно, труп террориста лежал в проходе, недалеко от входа, поэтому его вытащили, чтобы не мешал в проведении спасательной операции. Неожиданно труп выскользнул из рук одного из солдат, и тот

споткнулся о ногу террориста. Выругался, наклонился, и они снова потащили тело в сторону небольшой веранды перед главным входом в здание. С размаху бросили скрюченное тело в грязь и вернулись в помещение. Только тогда Максим с товарищами получили приказ войти в театр. Кроме них в театр вошли и другие спасатели - Центроспас и отряд МЧС из подмосковного Ногинска. Заложники были к этому моменту без сознания уже сорок минут.

- Страшно было, мне казалось, что в любую минуту может произойти взрыв, - вспоминал через несколько месяцев Максим, потягивая за столиком кафе нефilterованное пшеничное пиво. - Когда мы вошли в холл, везде была масса крови, кровью были забрызганы полы и стены, лестницы на верхние этажи. Страшное зрелище. О газе нас никто не предупредил. Я его почувствовал только внутри, когда мы вошли в зрительный зал, -резкий, жгучий вкус в горле, горечь во рту. Не успели газ выветрить, а нам, естественно, не дали никаких противогазов или хотя бы масок.

Группа Максима пошла путем Ясира - командир террористов вошел в зал через коридор на первом этаже и боковую дверь с левой стороны, рядом со сценой. Вид, открывшийся глазам молодых спасателей, они запомнят на всю жизнь - зрительный зал полон заложников, которые выглядят мертвецами. Театр смерти!

Максиму и его коллегам был дан приказ вытаскивать заложников и выносить их на воздух. Каждое тело несли вдвоем - один брал человека под мышки, второй за ноги. Одному нести было бы слишком тяжело. Естественно, никаких носилок, просто брали их в руки и выносили. Никто не сказал им, что нести нужно лицом вниз, иначе человек может задушиться собственным языком или рвотой. Многих заложников рвало.

Люди в зале лежали буквально в лужах рвоты. Неподвижное тело спасатели клали на бетон перед входом в театр и бежали за следующим. Максим сделал двадцать ходок. Не приходящих в сознание заложников выносили и другие спасатели. Этим занимались все, кто мог, и штурмовики, и милиция.

Ни у одного из бойцов «Лидера» не было противоядий, но Максим видел, как у входа на площадке, где происходил отбор жертв, какие-то санитары делали людям уколы.

Парень вспоминает, что иногда выносил кого-то еще живого, а когда возвращался с очередным заложником, оказывалось, что тот, предыдущий, уже умер. Может, не вынес того, что ему укололи, думает сегодня Максим.

- Больше всего мне было жаль девчонок, восемнадцатилетних заложниц, которые лежали или сидели в зале с пулями в головах, с явными огнестрельными ранами, - стискивает зубы Максим. - Могли это сделать чеченцы, а могли и наши. Девушки только начинали жить, все у них было впереди. Я уверен, что несколько человек были убиты случайно во время штурма «Альфы». Это неизбежно, но власти в этом никогда не признаются. Тогда об этом никто не думал. Злоба на «черных» была всеобщей. Я видел, как подходили омоневцы и пинали ногами убитых террористов. Видел, как один из чеченцев пошевелился, так они добились его выстрелом в голову.

Максим говорит, что людей из зрительного зала вынесли без нескольких минут семь. Они сели в машины и уехали, их работа закончилась. Естественно, как это бывает в России, они не проходили потом никаких обследований, поэтому ни один из бойцов отряда «Лидер» не знает, как повлиял на него газ, которого они нанюхались в зале.

- Потом никто и не вспоминал о газе, - смеется Максим. - Никто даже не намекнул, что мы были в зоне действия газа.

Отряд Максима работал с левой стороны зала, ближе к сцене. Учительницу Викторию Кругликову, ее дочь и сестру выносили люди из другого отряда, который действовал на противоположной от Максима стороне, у бокового входа справа. Виктория утверждает, что она, ее сестра и дочь выжили только благодаря ее мужу, Сергею.

Кругликов, как только вернулся из командировки, побежал к театру, где наткнулся на милицейский кордон. Все два дня, до самого штурма он был поблизости от театрального центра на Дубровке, заходил в соседние дома, искал какую-нибудь щелку в милицейской цепи, но так и не смог пробраться поближе к тому месту, где держали в заключении его жену. Удалось это сделать только после штурма, когда вокруг театра воцарился хаос и всеобщий балаган. Он побежал к выходу и увидел, как из театра выносят первых заложников, не подающих признаков жизни. Зрелище было ужасающее.

- Он потом рассказывал, что все были мертвые, - говорит Кругликова. - Люди в разной одежде, толстые и худые, старые и молодые, женщины и мужчины, но лица у всех были одинаковые - посиневшие с оскаленными зубами. У всех был одинаково искаженный газом и ужасом облик. Он говорил, что в старых документальных фильмах о концлагерях такие лица можно было увидеть, когда показывали умерщвленных газом людей - оскаленные зубы, стянутые судорогой мышцы.

И тут муж Виктории нашел своих любимых женщин - жену и дочь. Из горла жены вырывался такой страшный хрип, что он подумал: наверное, у нее сломан позвоночник!

- Он так подумал, потому что видел, как нас выносят из театра и бросают на землю, как мешки, - говорит Кругликова. - Именно из-за этого позвоночника он меня схватил первую, а не дочь, именно меня. И понес к скорой помощи, хоть было довольно далеко.

Кругликов прошел мимо стоявших ближе всего ко входу в театр автобусов, которые руководители спасательной операции отправили туда раньше карет скорой помощи. Почему именно автобусы? На это нет ответа до сих пор. Официально говорится, что организаторы акции хотели как можно скорее увести жертвы от театра, в котором мог, как предполагалось, в любую минуту произойти взрыв. Кто-то решил, что быстрее всего это можно сделать автобусами. Поэтому первыми к театру подъехали именно они и заблокировали дорогу машинам скорой помощи - у санитаров и спасателей не было выбора, именно в автобусы они погрузили несколько сотен заложников в бессознательном состоянии.

Но муж Виктории Кругликовой миновал автобусы и с женой на руках добрался до стоящих в более чем ста метрах дальше машин скорой помощи. Положил Викторию в скорую, которая тут же доставила ее в стоящий в ста метрах от театра, на другой стороне улицы, госпиталь ветеранов войны. На площади у театра, где складывали заложников, его не было не больше двух минут.

- Когда он туда вернулся, дочка уже не увидел, - вздрагивает Кругликова. - На ней лежала гора людских тел. Ведь спасатели без конца выносили людей из театра и бросали друг на друга. Хорошо, что он знал, где она, стащил с нее тела других.

Муж Кругликовой не захотел со мной встречаться, а его жена говорит, что он не будет никому об этом говорить, потому что боится: в России нельзя безнаказанно рассказывать такие страшные вещи.

Ей он рассказал:

- «Прихожу, а Насти уже нет, я помнил, где она лежала, вот тут», - цитирует слова мужа Кругликова, которой безразлична реакция властей. - Когда он оттащил этих чужих людей, увидел дочь. Но она лежала, как мертвая, без дыхания. Он растерялся, не знал, что делать.

А там, среди горы тел, метался какой-то человек, может врач. И вот этот мужчина кричит ему: «Чего так стоишь!» А муж показывает на Настю: «Это моя дочь, она умерла!» Врач подбежал, наклонился и говорит: «Жива. Бей ее по щекам, поверни лицом вниз и неси в скорую».

Кругликов, перед тем как унести дочь, посмотрел, где лежит сестра жены, Ирина Фадеева. Через несколько минут вернулся за ней и ее тоже перенес в машину скорой помощи, за рядом автобусов. Сегодня ему кажется, что Фадеева была вся в крови. Но он подумал, что это, может быть, кровь убитых террористов, там везде было полно чеченской крови.

Потом только оказалось, что это кровь ее сына. Когда Кругликов склонился над Ириной, к нему снова подбежал врач и крикнул: «Что ты, курва, опять тут стоишь!» «Это сестра жены», - ответил он. «Неси ее в скорую!» - рявкнул тот и побежал дальше.

Сегодня Кругликова думает, что им с сестрой и дочерью страшно повезло - они сидели близко от выхода, значит, их в числе первых вынесли на воздух. Потом мужу удалось прорваться сквозь кордон милиции, и он был одним из первых, кто стал носить людей к машинам скорой помощи. К тому же он мгновенно нашел всех трех женщин и отнес их не в автобусы, куда прямо на пол бросали не пришедших в себя заложников, а именно к скорой помощи.

- Я думаю, если бы он не прорвался через оцепление, дочери бы не было в живых, - качает головой Кругликова. - Она бы задохнулась под грудой тел, если бы он ее не раскопал.

А где же Ярослав, сын Ирины Фадеевой? Ведь это о нем так беспокоилась и заботилась его мать, что даже разозлила террористок. Куда он исчез? Кругликов до сих пор не уверен, относил ли он его к машине скорой, или нет. Помнит, что нес мальчика в белой рубашке, высокого, как Ярослав. Но не уверен, что это был его родственник. Первый вопрос, который он задал в больнице жене, когда она очнулась: в какой рубашке был Ярослав в театре? Виктория ответила - в зеленой. Кругликова думает, что муж вынес одного из ребят, обсуживавших гардероб, он сидел за ними - высокий юноша со светлыми волосами. Наверное, это его муж спас. Кругликова также уверена, что Ярослава вообще не вынесли из зрительного зала. Почему? Потому что у него на лбу было пулевое отверстие. Сразу было видно, что он мертвый, поэтому им никто и не занимался.

О том, как его нашли, расскажу несколько позже.

Николай Степченков, врач скорой помощи, который несколькими часами ранее выносил из театра заложников, раненных в ночной стрельбе, вспоминает в интервью газете «Известия», что вызов немедленно ехать к театру поступил ему в 6.50, то есть через час после того, как стихла стрельба! Добавим здесь, что с момента, когда зрители начали терять сознание, прошло уже полтора часа. Трудно заподозрить, что опытный врач скорой помощи, разное повидавший в своей жизни, мог ошибиться в таком существенном для скорой вопросе, как время вызова. По данным из другого источника (рапорта о действиях у театра медицинских служб), общий вызов для бригад скорой помощи был направлен в 6.30. Так или иначе, видно, как много времени прошло между началом штурма и началом спасательной операции. Степченков добавляет, что в вызове слова не было о том, какие брать с собой медикаменты и что случилось в театре. О газе, естественно, тоже ни слова.

- Возле Дома культуры было столько машин, сразу возникла пробка, - вспоминает Степченков. Не было возможности проехать. Я крикнул помощнику: «Хватай сумку с инструментами и побежали!» Смотрим, а на веранде перед театром лежат десятки неподвижных тел. Много стариков, некоторые уже мертвые. К тому же все указывало на то, что они умерли уже давно - два, три часа назад, кожа была уже холодной. А из театра

выносят все новых и новых людей. Один из спасателей принес большую коробку с противоядием - антидотом.

Но Степченков категорически отрицает, что кто-то говорил ему, какой газ был использован для усыпления заложников, - он сам определил, что это могло быть. - Я раньше работал с наркоманами, - продолжает свой рассказ Степченков. - Люди, пострадавшие в театре, имели такие же симптомы, как в случае передозировки наркотиков, - суженный зрачок и отсутствие дыхания. Люди делали четыре, пять вдохов в минуту! Нужно было сделать укол, чтобы привести в норму работу легких и сердца. В какой-то момент я увидел, как спасатели несут людей в автобус мимо нас. Я им крикнул: «Без укола не везите, всех ко мне! Иначе живыми не доедут». И они стали всех подтаскивать к нам. Скольких успели развезти по больницам до прихода врачей, я не могу сказать.

Степченков работал у входа в театр около часа, до 7.50, все это время стоя на коленях, нагнувшись до земли. Потом не мог встать, простреливало поясницу. Но это того стоило. - Мы с помощником спасли двадцать человек, - говорит врач. - Некоторые сразу поднимались, я еще иглы не успевал вытащить из тела. Другим приходилось делать искусственное дыхание. Я уверен, что «мои» заложники выжили, что для них все закончилось хорошо.

Последнему заложнику Степченков помогал без десяти -пятнадцати минут восемь. Это значит, что большинство заложников пролежали без сознания сначала в зале, а потом на ледяном и мокром бетоне рядом с театром в сумме два с половиной часа! Нет никаких сомнений, что такой эксперимент могли вынести только самые сильные.

В российских СМИ я нашел еще одно важное высказывание врача, участвовавшего в спасательной операции. Рассказ Юрия Павлова необычайно важен, так как он, как и интервью Степченкова, показывает, что спасателей и врачей не предупреждали, что произойдет во время штурма, какие медикаменты должны быть приготовлены. Никто из них не был даже предупрежден о самом штурме, хотя Юрий Павлов не рядовой врач - шеф лечебно-эвакуационного отделения Центра медицины катастроф «Защита» Министерства здравоохранения. ЦМК - это коллектив необычайно опытных врачей, которые принимают участие во всех акциях в случае катаклизмов, случающихся в России, - войнах, терактах, авиакатастрофах и природных катаклизмах. Они в состоянии эффективно действовать в любых условиях, в любой ситуации.

Когда начался штурм на Дубровке, доктор Ирина Назарова, директор ЦМК, не дежурила, но несколькими часами позже приехала в оперативный штаб. В интервью она неоднократно говорила, что врачи, которые шли помогать людям, лежащим перед театром в бессознательном состоянии, имели с собой антидот. Однако ее подчиненный, Юрий Павлов, который руководил действиями врачей ЦМК «Защита» непосредственно у театра, отрицает это. Вот как он рассказывал о спасательной операции в интервью для информационного портала «gazeta.ru»:

- Мы еще вечером догадались, что будет штурм. Видно было, что что-то готовится. Но нас об атаке никто не предупредил. Мы не знали, какие средства будут использованы для освобождения заложников, какие медицинские препараты следует готовить. Специалисты еще раньше предупредили директоров ближайших больниц, что нужно освободить койки. Людей выписывали даже из реанимации. Больницы выбирали по принципу удаленности и показаний врачей. Мы готовились к ранениям и контузиям в результате взрыва. Насколько мне известно, специальных указаний, чтобы больницы готовили какие-то

конкретные препараты, не было. Но в этом не было необходимости. Для пятисот - семисот жертв достаточно было бы обычных больничных запасов медикаментов, специалистов и реанимационного оборудования. Готовить дополнительные запасы необходимо, если речь идет, например, о двух тысячах жертв одновременно.

- А что вы делали, когда начали выносить заложников?

- Я был во дворе госпиталя ветеранов войны. Когда услышал по приемнику, что не хватает врачей, побежал туда, где была площадка для трупов и место для селекции жертв. Заложников выносили спасатели, военные и милиционеры. Люди были в таком состоянии, как после приема наркотиков. На первый взгляд можно было подумать, что они находятся именно под воздействием наркотиков.

Павлов стал помогать в спасении заложников, как простой санитар из бригады скорой помощи.

- Со мной был наш врач-травматолог, - рассказывает Юрий Павлов. - Через наши руки прошло пятьдесят - семьдесят человек. Даже у специалистов были проблемы с определением, живы ли люди. Дышали с огромным трудом, дыхание было почти незаметное. Люди были в оцепенении и в спячке. А ситуацию вокруг спокойной не назовешь. Сразу свалилась масса народу. Буквально поток. Мы проверяли пульс на шейной артерии. Не было времени на кардиограммы. Если бы мы тщательно занялись одним, не смогли бы помочь десяти другим.

Это очень существенно. Из этих слов Павлова и рассказа Степченкова однозначно следует, что врачей катастрофически не хватало, и они не могли в такие сжатые сроки помочь каждому. Если бы помощь быстро была оказана всем заложникам, число жертв было бы намного меньше. Впоследствии власти утверждали, что под театром в полной готовности ожидали сорок карет скорой помощи. Надо было только организовать их работу. На Дубровке царил кошмарный балаган, а машины и кареты скорой помощи увязли в пробках.

- Движение было страшно затруднено, - вспоминает Павлов. - Было очень много машин разных служб. Они друг другу загораживали дорогу.

У театра не хватало не только врачей, но и координаторов действий медицинских бригад, которые должны были координировать движение машин скорой помощи и определять, в какую больницу направлять пострадавших от газовой атаки.

- У нас не было информации о заполняемости больниц, не было связи с больницами, - вспоминает Павлов. - Из-под театра отъезжали две-три машины в минуту. У меня было только довольно общее представление о количестве вывезенных пострадавших и наличии мест в больницах. И только на этом основании я решал, куда отправлять людей. Около ста человек были направлены в госпиталь ветеранов войны. Кроме того, в другие больницы примерно двести человек были вывезены каретами скорой помощи и около четырехсот автобусами. В автобусы мы в основном сажали тех, кто мог двигаться. В автобусах же увозили и трупы.

- Почему многие заложники были до пояса обнажены?

- Думаю, их обыскивали. Проверяли, нет ли на них поясов с взрывчаткой. Перед входом, на площадке для селекции, жертвам не делали уколов с антидотом. Там только производили отбор и грузили в машины скорой помощи или в автобусы. Врачи работали тяжело, самоотверженно. Что можно было сделать, то сделали.

- Инструктировали ли врачи штурмовиков, как правильно выносить людей?

- Нет. Спецназ работал по собственным схемам. Получили приказ всех выносить, и выносили, кто как мог. Я им говорил какие-то элементарные вещи, например, чтобы несли осторожнее. Атмосфера была такая, что они ни на что не реагировали, как будто не слышали.

- А вы сами знали, что людей, отравленных газом, можно выносить только на плече, иначе пострадавший может умереть.

- Конечно.

- Возможны ли какие-то последствия в случае передозировки антидота?

- Практически никаких, разве что иногда слабое головокружение. Антидот закрывает наркотику дорогу к рецепторам и выводит его из организма.

- Когда, по-вашему, умерло больше людей - сразу после штурма или во время транспортировки?

- Возможно, одинаково.

Задержимся на минутку на одном из наиболее противоречивых моментов, касающихся спасательной акции: давали ли антидот лежащим без сознания на земле перед театром заложникам? В приведенном выше интервью Павлов отвечает, что не давали. Степченков говорит, что делал уколы, но часть заложников увезли без укола. Власти утверждают обратное: сделано все, чтобы спасти заложников. Как заверял министр здравоохранения Юрий Шевченко, было подготовлено и использовано более тысячи доз противоядия. Многие участники операции заявляют, что противоядия были и их использовали. Наверное. Правды мы никогда не узнаем. Думаю, что вполне правдоподобно такое предположение - ампулы с антидотом появились только через пятнадцать - двадцать минут после того, как стали выносить заложников из театра, а поскольку они были упакованы в одну большую коробку, доступна она была только в одном месте. Часть работающих возле театра врачей знала о них, а другая - понятия не имела.

Страшно то, что перед штурмом власти окутали строжайшей тайной не только сам факт использования газа. Это можно было бы понять. Но они, со свойственной российским спецслужбам подозрительностью, заблокировали всю информацию, касающуюся противоядия. Возможно, они были правы - руководители контртеррористической операции опасались, что загадку можно будет легко разгадать, если они сообщат больницам, какое противоядие следует подготовить, специалисты без труда догадаются, что «Альфа» будет использовать усыпляющий газ. Операцию завалили организаторы спасательной акции, слишком поздно доставив антидот к театру, когда часть заложников уже была вывезена в больницы; а там врачи вообще не имели понятия, что следует давать пациентам.

Между тем это противоядие есть в каждой больнице и в каждой машине скорой помощи, его используют для спасения наркоманов с передозировкой наркотиков из группы опиатов. Называется оно налоксон. В российских аптеках чаще всего можно встретить препарат, изготовленный варшавской фирмой «Польфа». Стандартная упаковка с надписью налоксон гидрохлорид содержит десять ампул по 1мл, в каждой ампуле - 0,4мг препарата. Показания: в случае передозировки опиатов (таких, как опиум и отвар маковой соломки) взрослому следует давать от 0,4 до 2мг налоксона. Упаковка (десять ампул) налоксона стоит в России 130-150рублей.

Многое указывает на то, что организаторы подвезли к театру одну картонную коробку со ста упаковками, то есть тысячу ампул препарата.

Но вернемся к операции перед театром.

Интернет-издание gazeta.ru беседовала также с коллегой Юрия Павлова, директором территориального Центра медицины катастроф Московской области, Людмилой Пахоменко.

- У театра находилось более трехсот машин скорой помощи, но они в большинстве стояли в бездействии, - утверждает Пахоменко. - Ближе их не подпускали, потому что опасались взрыва. Получилось, что мы были там не особенно нужны.

- А если бы в каждую машину перенесли по два-три человека и провели простейшие процедуры, такие, как интубация, то есть введение специальной трубки в трахею, большинство тех, кто умер, могло бы выжить?

- Думаю, что да, - говорит Пахоменко. - Принципиальный вопрос - почему этого не было сделано.

Заострим на этом внимание, потому что это столь же существенная проблема, как вопрос антидота. Составляющие использованного газа вызывают сильное нарушение дыхания.

Если бы потерявшим сознание людям помощь была оказана достаточно быстро и врачи применили интубацию (в каждой машине скорой помощи есть простой аппарат, служащий для поддержки дыхания), жертв было бы гораздо меньше.

Такого же мнения придерживается Дмитрий, врач скорой помощи, слова которого цитирует «Комсомольская правда»:

- Конечно, жертв было бы меньше, - говорит Дмитрий. - Надо было обеспечить больше машин скорой помощи, а не бульдозеров и БТРов. Мы не были готовы принимать живых. На улицах, прилегающих к Дому культуры, стояли не только машины разных служб, а еще и бронемшины, и строительная техника, в основном краны, которые должны были использовать для разбора завалов, если бы в театре произошел взрыв. Позже они мешали спасательной операции. Дмитрий перед началом штурма находился в колонне из десяти карет скорой помощи на Волгоградском проспекте. Руководство предполагало, что им придется выносить трупы, но на Дмитрия это не произвело большого впечатления, успел уже привыкнуть. Когда наконец поступил вызов, они двинулись в сторону театра, но тут же застряли перед милицейским кордоном - офицер милиции еще не получил приказ пропускать скорую.

- Минут десять мы ждали приказа, - рассказывает Дмитрий. - А потом застряли в пробке, потому что не успели отвести от театра краны и бульдозеры. Когда мы подъехали, перед входом лежали заложники. Рядом стояла коробка со шприцами и ампулами налоксона. Какой-то мужчина кричал: «Кто умеет, сделайте уколы!» Мы стали вскрывать упаковки и наполнять шприцы. Уколы делали все, кто мог и не мог: штурмовики, спасатели, даже милиционеры из оцепления. Никто не отмечал (на теле пострадавшего), что укол уже сделан. Некоторые второпях делали по два-три укола. Бардак был страшный.

Дмитрий вспоминает, что спецназовцы загрузили в его машину целых восемь пострадавших. Он так и не знает, довез ли он их живыми.

И еще одно мнение. Александр Подрабинек - известный российский диссидент и правозащитник, в прошлом несколько лет работал в скорой помощи.

- У меня было такое впечатление, что власти не предполагали, что кого-то можно будет еще спасти, - говорит Подрабинек. - Ожидали мощный взрыв. Поэтому планировали сначала разобрать завалы, а потом, может быть, кому-то оказывать помощь. Всегда в случае таких акций все нужно прорабатывать до мельчайших деталей. Известно, где находится въезд, где выезд, как подъезжают машины скорой. Есть врач, который производит селекцию: подходит к каждому и оценивает его состояние, тяжелое, легкое, а

может, человека уже не стоит спасать. Ничего такого у театра на Дубровке не было. Зато был ужасающий балаган. Я знаю, что некоторым делали укол антидота, но не обозначали крестиком, что укол уже сделан. А это же закон в полевой медицине.

Сцены, напоминающие Дантов ад, разыгрывались не только вокруг входа в театр, где холодный дождь заливал лица сотням полумертвых людей. После семи утра борьба за жизнь заложников перенеслась в больницы, которые не были готовы к приему людей, отравленных газом. Драматичнее всего было в больнице № 13, где, как и во многих других окрестных больницах, перед началом штурма освобождали места. Всего в «тринадцатой» подготовили сто восемьдесят мест. Это был максимум, поскольку ни одна больница в мире не в состоянии эффективно провести реанимацию большого числа людей. Пострадавших ведь надо внести и заниматься каждым несколько часов.

Российские специалисты считают, что каждого человека в бессознательном состоянии должны реанимировать два специалиста. Именно поэтому госпиталь ветеранов войны, находящийся напротив театрального центра и располагающий пятьюстами свободными койками, принял только немногим более ста заложников (девять из них умерли).

Руководство больницы № 13 посчитало, что у них будет так же - организаторы акции у театра, которые будут распределять пострадавших по больницам, направят к ним только небольшую часть заложников, скажем несколько десятков человек. Между тем, как утверждает Николай Зубанов, главный врач кардиологического отделения городской больницы № 13, в течение неполных полутора часов (с 7.40 до 9.00) в «тринадцатую» привезли, в основном на автобусах, более трехсот пятидесяти бывших заложников! Чуть не половину всех заложников из театрального центра.

- Я должен сказать, что многие потерпевшие были уже мертвы, когда их доставили к нам, - сказал Зубанов в интервью для еженедельника «Новое время». - В основном это были те, кого привезли автобусами. Непосредственно в больнице умерли немногие. Из трехсот пятидесяти доставленных к нам пострадавших во всех реанимационных отделениях умерли восемь человек. А мертвых привезли значительно больше. Общее количество тех, кто умер в больнице, и тех, кого уже привезли мертвым, составляет примерно тридцать пять человек. Другими словами - десять процентов.

В больнице тут же стали испытывать недостаток буквально всего. Не хватало каталок для перевозки больных, лифтов для доставки их на верхние этажи больницы. Людей в бессознательном состоянии помогали вносить даже нетяжелые больные и нянечки. Их клали прямо на пол в палатах и коридорах. Отравленные газом люди попадали во все возможные отделения, не только интенсивной терапии и реанимации, но и в травматологию и гинекологию.

- Нагрузка на коллектив больницы и физическая, и моральная - огромная, - говорит Зубанов. - Хуже того, примерно через пятнадцать минут после приема первых пострадавших мы почувствовали, что у нас появились первые признаки отравления. Головокружение, нарушения зрения, внезапная слабость. Мы пооткрывали все окна, чтобы не дышать тем воздухом, который выдыхали больные. Аппаратов искусственного дыхания, естественно, не хватало, приходилось делать искусственное дыхание через интубационные трубки и просто по системе «рот в рот».

Мне не удалось встретиться с врачами, которые в больницах занимались спасением заложников. Когда выяснилось, что жертв много, Комитет охраны здоровья издал абсолютный и категорический запрет на передачу журналистам любой информации, касающейся спасательной акции и состояния больных. Запрет касался главным образом

больниц. Врачи, которым грозила потеря работы, а может, и более серьезные последствия, отказывались от любых контактов с журналистами даже через много месяцев после штурма.

Тогда я воспользовался помощью одного из родственников жертв Дубровки. Павел Финогенов потерял в театре брата. До сегодняшнего дня он безуспешно пытается выяснить, кто несет ответственность за его смерть. В ходе своего частного расследования они с матерью добрались до врача, заведующего одним из отделений больницы, в которую попал брат Павла, Игорь Фино-генов. Он повторил мне то, что услышал от человека, бывшего военного врача, практиковавшего во время интервенции Советской армии в Афганистане, много повидавшего и разбирающегося практически во всем. В том числе и в последствиях использования боевых отравляющих веществ.

- Доктор сказал, что в его больницу привезли на автобусах тридцать два человека, - вспоминает Финогенов. - Не было никаких карет скорой помощи, только два «икаруса», а в них заложники, лежащие на полу. Никакого сопровождения, никаких санитаров, один водитель автобуса. Никто не следил, не умирают ли потерявшие сознание люди, что с ними происходит. Среди доставленных потерпевших было двадцать восемь живых и четверо мертвых. Этим четверых даже не пытались реанимировать, не было никаких шансов. Зафиксировали смерть, причиной которой было западение языка. Семнадцати выжившим необходимо было делать искусственное дыхание. С этим тоже были проблемы, поскольку из-за сильных спазмов гортани невозможно было делать им интубацию. Врачи не знали, какой газ был использован, какие antidоты следует применять, как помогали заложникам еще у театра. Одному из пациентов для пробы ввели атропин. Результат был моментальный - появилась реакция в зрачках, улучшилось дыхание, ослаб спазм гортани. Поэтому атропин ввели всем пациентам. Через несколько минут состояние почти всех заметно улучшилось, и только в нескольких случаях понадобилась поддержка аппаратуры искусственного дыхания. Никто из них не умер. Если бы antidот ввели сразу и первую помощь оказали еще у театра, можно было спасти всех.

Врачи установили, что в зале находилось двадцать семь детей младше пятнадцати лет. Пятеро из них умерли. Профессор Ян Луцкий, главный детский токсиколог России, в интервью «Время МН» так описывает их состояние, когда после штурма они попали в больницы:

- Дети были без сознания. Двое в коме, двое в состоянии, близком к коме. У них были нарушения не только дыхания, но и деятельности центральной нервной системы и сердца. Диагноз поставили уже врачи скорой помощи, а в нашем токсикологическом центре он был только подтвержден: подозрение на отравление производными опиума. Мы понимали, что человек, пораженный такими веществами, может умереть, прежде всего, в результате остановки дыхания. Но под угрозой были также селезенка, почки, печень. Конечно же, мы должны знать и степень токсичности вещества, и его состав, и дозу. Как известно, этого так никогда и не сообщили.

Вскоре после освобождения заложников Борис Немцов и Ирина Хакамада из либерального Союза правых сил (СПС) предложили создать парламентскую комиссию, которая могла бы прояснить все обстоятельства гибели ста тридцати заложников. Однако российская Дума, большинство в которой принадлежит прокремлевским партиям, решительно отвергла эту идею - нечего, дескать, выяснять, операция завершилась с

большим успехом, а за смерть заложников вина лежит только на террористах, и уж ни в коем случае не на спасателях и штурмовиках.

Тогда СПС создал собственную комиссию, назвал ее общественной и пригласил для участия в ней экспертов, в основном врачей и спасателей. СПС ставил цель доказать, что операция контртеррористической группы была проведена идеально, подвели чиновники, московские бюрократы, которые должны были организовать спасательную операцию. Естественно, попутно политики СПС хотели обстряпать свой «частный» интерес: обвинить в фатальном балагане вокруг театра мэра Москвы Юрия Лужкова, с которым они давно были не в ладах.

Несмотря на это, выводы комиссии подтверждают мои наблюдения - из-за страшной неразберихи и отсутствия организации у театра на Дубровке, в сущности, не было никакой спасательной операции. Никто не руководил выносом людей из зала, движением карет скорой помощи и автобусов, размещением в них жертв, никто не обеспечил врачебной опеки по дороге в больницы. Именно во время заседаний комиссии появилась информация, что около ста человек уже возле театра были признаны умершими. Таких даже не отправляли в больницы.

- Всех можно было спасти, - утверждает профессор Борис Блохин из Российского государственного медицинского университета, также выступивший перед комиссией, который, по его словам, двадцать лет проработал в реанимации. - Что происходит в случае любого наркоза? По прошествии какого-то времени больной теряет сознание и начинает дышать нерегулярно, как попало. Но такого дыхания недостаточно, и наступает гипоксия (кислородное голодание) мозга, то есть нарушается деятельность центров, управляющих дыханием. То же самое произошло и в театре. Если в определенное время дыхание не нормализуется, наступает смерть. Всем нужно было делать интубацию и ручную стимулировать дыхание. Если бы было известно о газе, можно было бы соответствующим образом снарядить всех врачей, но этого не сделали.

Из сказанного профессором однозначно явствует - подвели организаторы. Это же подтверждает и другое высказывание, на этот раз директора Московской службы спасения, Александра Шабалова.

- Ни врачей, ни нас, спасателей, никто не предупредил, что это будет газ, - утверждает Шабалов в интервью «Комсомольской правде». - Хотя можно было это сделать. Если не накануне штурма, то хотя бы во время его проведения. Ведь у нас в машинах есть дыхательные аппараты, противогазы, аппараты для искусственной вентиляции легких. Но мы получили задание брать только перевязочные материалы. И все.

Еще одно, очень драматичное высказывание анонимного эксперта, выступавшего на комиссии СПС.

- Мне, как врачу, страшно стыдно, - сказал он. - Ладно бы это случилось где-то в степи, в деревне или в тайге! А тут вся Москва хотела помочь, а мы, несмотря на это, сидим здесь и рассуждаем о такой катастрофе.

Комиссия СПС пришла к выводу, «что главной причинной увеличения количества жертв среди спасенных во время штурма заложников явилась безответственность чиновников, отвечавших за координацию действий, направленных на спасение людей после штурма, а также за организацию первой помощи людям пострадавшим и их транспортировку в больницы». Только вот ни одного имени чиновников здесь нет.

Но они все прекрасно известны. Как утверждает портал gazeta.ru, планы, тактику и стратегию действий врачей и спасателей разработал Андрей Сельцовский, председатель

Комитета охраны здоровья Москвы, который, несомненно, постоянно находился в оперативном штабе. Он должен был знать об акции штурмовиков и планировавшемся использовании газа. Он заверял, что подчиненные ему организации прекрасно справятся со спасением заложников, и, кажется, именно он отверг идею о развертывании полевого госпиталя по соседству с театром. Один из моих собеседников утверждает, что такое предложение, в частности, было сделано «Альфой». Если бы такой госпиталь был развернут рядом с театром, жертв было бы в несколько раз меньше. Кроме того, именно в обязанности Сельцовского входила подготовка больниц и информирование их о том, какие медикаменты следует приготовить для заложников.

План действий, подготовленный Сельцовским, проводила в жизнь его заместитель, профессор Людмила Костомарова, руководитель научно-практического Центра неотложной помощи, которая в свою очередь назначила координаторов, руководителей отдельных медицинских бригад, которые должны были отвечать за действия врачей у театра.

Вину Сельцовского и его подчиненных подтверждает объявленный сразу же после штурма запрет распространения информации о здоровье пациентов и ходе спасательной операции. В отличие от инструкции относительно необходимых лекарств, запрет был передан руководству больниц весьма организованно. Причем, впоследствии на пресс-конференциях Сельцовский неоднократно утверждал, что операция была проведена блестяще, было сделано все возможное для спасения людей. Один из комментаторов позже задал в прессе такой вопрос: «Если операция прошла успешно, зачем нужно врать и блокировать доступ к информации?» И сам себе ответил: «Естественно, затем, чтобы нельзя было найти виновных, которые своей беспомощностью привели к смерти десятков людей». Никаких сомнений, что шеф комитета охраны здоровья, вводя информационную блокаду, спасал самого себя.

Впрочем, Сельцовский может спать спокойно. В России не было и не будет публично дискуссии на тему спасательной операции; исключением была действовавшая несколько дней общественная комиссия СПС. Выводы либералов никого не заинтересовали. Не среагировал на них Кремль, хотя лидеры СПС лично вручили выводы комиссии Владимиру Путину. Хотя, позвольте! Была реакция. Просто российские наблюдатели не обратили на нее внимание. Через несколько месяцев после теракта Путин, в секретном указе о награждениях за проведение контртеррористической операции на Дубровке, полностью опустил организаторов спасательной акции. В бюрократической России, наследнице пышных бюрократических церемониалов царской и советской империй, такое проявление недовольства верховной власти - это страшная кара.

Зато не было никакой реакции прокуратуры. Власти однозначно решили: общественное мнение должно считать, что операция увенчалась успехом и никто не собирается вникать в подробности. Нет никаких сомнений, что прокуратура Москвы никогда не опубликует настоящих результатов следствия. Тем более что пропаганда давно свалила всю вину на чеченцев, которые якобы «начали расстреливать заложников» и вынудили бросить штурмовиков в атаку.

Уже после штурма власти выдумали, каким образом смерть заложников в результате газовой атаки тоже приписать напрямую террористам. Естественно, объяснение такое разработали великолепные специалисты, и оно, наверняка, в форме инструкций попало к экспертам судебной медицины и патологоанатомам, которые проводили вскрытие жертв Дубровки. Им было поручено именно так объяснять причины смерти людей в зрительном

зале - оказалось, что газ здесь ни при чем. Всею виной состояние, до которого террористы довели заложников.

А вот и доказательство. Ниже мы приводим фрагмент одного из заключений комиссии, проводившей вскрытие тел умерших заложников. Насколько мне удалось узнать, во всех случаях, за исключением смерти от огнестрельных ранений, как это было с Ольгой Романовой, схема повторялась:

«Смерть наступила в результате острой сердечной и легочной недостаточности, вызванной сочетанием опасных для здоровья факторов, таких, как длительный эмоциональный стресс, пониженное содержание кислорода в помещении, вынужденное длительное положение тела, которому обычно сопутствует кислородное голодание, обезвоживание, связанное с длительным отсутствием питания и жидкости, длительное недосыпание, приводящее к истощению компенсаторных свойств организма, а также нарушение дыхания под влиянием неуставленной химической субстанции (читай, газа. - Авт.), которая, как следует из материалов дела, вызвала быструю потерю сознания. Удержание заложника, у которого наступила потеря сознания, в сидячем положении усилило уже начавшееся нарушение жизненно важных функций организма, которое могло осложниться также нарушением проходимости дыхательных путей, что усугубляло гипоксию. Многофакторный характер причин смерти заложника исключает непосредственную причинно-следственную связь между использованной химической газовой субстанцией на организм жертвы и ее смертью.

В данном случае эта связь носит характер опосредованный, так нет объективных оснований считать, что при отсутствии других вышеперечисленных факторов только использование химической газовой субстанции могло бы привести к смерти».

Проще говоря, применение газа не было решающим фактором смерти заложника! Во всяком случае, нет доказательств того, что смерть наступила бы, если бы заложник двигался, пил воду и нормально питался. В заключениях комиссии, которые мне удалось увидеть, не было ни одного упоминания о том, что заложник задохнулся продуктами собственной рвоты или из-за западания языка, нет упоминаний и о том, сколько времени заложники ожидали медицинскую помощь и насколько непрофессиональной она часто бывала. Зато в каждом заключении очень четко обозначено, что заложников эвакуировали на носилках, хоть их никто возле театра в глаза не видел.

Я убежден в том, что описанные выше причины смерти заложников определялись не в результате вскрытия, а согласно политическому решению. Не могли же власти признаться, что это газ собрал такой страшный урожай. Свидетельствует об этом интервью министра здравоохранения Юрия Шевченко еженедельнику «Итоги».

Шевченко, в частной жизни близкий приятель Путина, в основном повторяет то, что мы цитировали выше, и добавляет, что, если бы не штурм, через пару дней заложники все равно бы погибли. А значит, штурм был неизбежен!

- Начнем с того, - говорит в интервью министр здравоохранения, - что в качестве специального средства в ходе операции по освобождению заложников были использованы производные хорошо известного препарата - фентанила, применяемого в анестезиологии во всем мире, а это субстанция усыпляющая, а не отравляющая. Эффективная доза определяется индивидуально для каждого человека и колеблется в довольно широких пределах. Достаточно сказать, что в свое время мне лично дважды делали наркоз данным препаратом. Появилась сонливость, отключение сознания, потеря чувствительности и даже небольшие нарушения дыхания, которые анестезиолог быстро купировал. У каждого

человека индивидуальная чувствительность к наркозу. На кого-то он действует быстрее, на кого-то медленнее. Кроме того, следует помнить о том, что из-за отсутствия вентиляции газ в зрительном зале и вообще в помещениях театра распространялся неравномерно, в разных местах люди получили разные дозы. Доказательства? Часть террористов была в сознании, когда в театр ворвался спецназ. А организмы заложников, в отличие от террористов, были ослаблены и отравлены продуктами обмена веществ. Попытаюсь объяснить то, что не все люди понимают. Я их не виню, - в конце концов, они не специалисты. Даже абсолютно здоровый человек, даже олимпийский чемпион, организм которого значительно крепче и сильнее, чем у обычного человека, не в состоянии выдержать такого количества одновременно проявляющихся негативных факторов, какие возникли после захвата театра террористами. Во-первых - стресс. В списке факторов, пагубно влияющих на здоровье человека, он, может, на первом, а может, и на последнем месте, но он присутствует. Во-вторых - и это главное - люди шестьдесят часов не могли двигаться. Мы говорим: движение - это жизнь. Почему? При неподвижности возникают нарушения кровообращения: сердце, которое качает кровь, только на 60-70% обеспечивает ее движение во всех сосудах организма. На удалении от сердца, в периферийных частях тела, кровь продвигают сокращения мышц, «массируя» артерии и особенно лимфатическую систему. Когда этот элемент отсутствует, кровь застаивается, ее элементы склеиваются, создавая характерные сгустки, которые запирают эти пути, то есть сосуды. В таких условиях из-за застоя крови нарушается обмен веществ, в тканях образуются токсины, они откладываются в той части организма, куда не поступает свежая кровь, и отравляют ее. Кроме того, существует такое понятие - crash-syndrom. Когда в конечностях долгое время отсутствует кровообращение, например, если наложен перетягивающий жгут, достаточно его снять и человек моментально умирает. Кровообращение восстанавливается, и все токсические вещества, накопившиеся в изолированной части организма, моментально попадают во все важнейшие органы. Здесь было то же самое: людей, долгое время неподвижных, резко привели в движение, их снимали с кресел, резко активировалось кровообращение, и немедленно возник crash-syndrom - произошло отравление собственными токсинами. Кроме неподвижности выступали и другие негативные факторы. Обычному человеку в тех условиях, которые создались в зрительном зале Дома культуры (температура воздуха +25, соответствующий уровень влажности), необходимо получать пять литров воды в сутки. Четыре литра - это минимум для поддержания физиологических функций организма. Заложники получали максимум 300-400граммов, и то не все. А ведь организм в состоянии стресса тратит колоссальное количество жидкости, - естественно, обезвоживание жертв было ужасающим. А обезвоживание - это страшнейшая вещь. Мы знаем по опыту Афганистана. Оно сильнейшим образом ослабляет организм. Достаточно сказать, что наш организм на 80% состоит именно из воды. К этому следует добавить нарушения электролитического характера - изменение в результате обезвоживания организма содержания в крови таких элементов, как кальций, натрий, магний, калий, регулирующих деятельность сердца, мозга, всех органов и систем. Даже небольшие отклонения в содержании этих элементов могут быть смертельными. Неподвижность, недостаток питания приводят к распаду белка. Продукты распада остаются в организме, отравляя сердечную мышцу, мозг, печень, почки и остальные органы. Вот что происходило в организме заложников. Существует еще один фактор, вероятно важнейший. Человек все время дышит. Воздуха в моем кабинете, а он не самый маленький, хватит одному человеку на три часа. После

этого я должен открыть окна и проветрить помещение, иначе я буду дышать двуокисью углерода. Теперь прошу представить себе восемьсот человек в зале, который не проветривается. В результате заложники находились в очень тяжелом состоянии, которое называется гипоксией, то есть кислородным голоданием. Не следует забывать также о болезнях, которыми эти люди страдали ранее. Кто-то был простужен, у кого-то был бронхит, еще у кого-то повышенное давление, хроническое заболевание сердечной мышцы, воспаление поджелудочной железы, желтуха или другие заболевания, которые нередко случаются. И все эти факторы тоже имели свое влияние. Так что смерти - результат деятельности террористов: это они держали людей в стрессовой ситуации, без еды, питья и воздуха.

Я хотел бы отметить: если бы все это продлилось еще пару дней, то все заложники, весь зрительный зал, все бы были мертвы - без расстрелов и взрывов, - подчеркнул российский министр здравоохранения. - Выжили бы только немногие, а в их организмах произошли бы необратимые изменения. Террористы создали в зале именно такие условия - все люди были обречены на смерть.

Шевченко, до того, как стал министром, был известным кардиохирургом в Петербурге. Тем более его слова о том, что во время операции, которую он перенес, появились «...небольшие нарушения дыхания, которые анестезиолог быстро купировал», звучат как издевательство над заложниками. Ведь некоторые умирающие ждали помощи врача больше двух часов, лежа на мокром, ледяном бетоне, под секущим их лица дождем. - Мне кажется, что наши власти были обескуражены тем, что мы пережили, - комментирует Виктория Кругликова. Отзывается в ней страшная горечь человека, боль которого не восприняли всерьез, к которой отнеслись издевательски. - Никто ничего не пытается объяснить, а причиной смерти власти называют сидение в неудобном положении. Вы себе представляете? Плохо люди сидели и умерли! Что можно после этого сказать?! Люди, сидите удобно! Господин Путин, сидите удобно, иначе вам грозит смертельная опасность. Будете не так сидеть, умрете.

Глава 25

Сами заложники мало что могут сказать о спасательной операции - почти все они без сознания лежали на холодном бетоне перед театром. Только позже, рассматривая себя, понимали, какой это должен быть кошмар. Маргарита Дубина, открыв глаза в больнице, увидела свои руки, абсолютно черные.

- Я сначала подумала, что они в грязи, но оказалось, как объяснили врачи, до них долго не доходила кровь, - вспоминает Маргарита Львовна.

У других были синяки и огромные шишки на голове. Они только догадывались, что их тянули, тащили, возможно, по лестницам, а потом бросали на бетон. Но у них не было претензий, они были живы. Некоторые узники вообще не уснули, газ на них не подействовал. Сын Маргариты Дубиной, Александр Зельцерман, - здоровенный мужик, и, конечно, нужна была солидная доза препарата, чтобы его усыпить, к тому же ему здорово повезло в зрительном зале. Он сидел у бокового входа с левой стороны. Когда вентиляция начала подавать газ в зал, террористы открыли эту дверь, и таким образом в том месте, где сидел Зельцерман, было много свежего воздуха. Благодаря чему он ни на секунду не потерял сознания.

Но были такие, кто много часов и дней боролись за свою жизнь. Вот как и те, и другие рассказывают о штурме и спасательной операции. Александр Зельцерман в интервью латышскому телевидению:

- Я практически не терял сознания. Когда раздались крики «Газ!», я посмотрел наверх и увидел странный дым. Поскольку нам в школе преподавали навыки самообороны, я знал, что делать. Взял куртку, закрыл лицо, нос, рот, и говорю сестре: «Слушай, что-то начинается». И мы бросились под кресла. Через минуту, когда я спросил, все ли у нее в порядке, она не ответила. Я ее даже потряс, но она уснула. Вокруг все спокойно сидят на своих местах, а в коридоре уже слышна стрельба. Я подумал: пока стреляют, я никуда не пойду. А куда? Там же стреляют! А когда стал терять сознание, меня подхватили под руки парни с белыми повязками на руках, наверное из «Альфы», и крикнули: «Бегом!» И я побежал. Меня вывели на улицу и поставили возле стены.

Уже в другом интервью, для портала gazeta.ru, Зельцерман рассказывал, почему попал в руки ФСБ.

- Я еврей, три дня не брился, - объяснял он. - Наверное, был очень похож на террориста. И так повезло, что штурмовики меня не застрелили.

Зельцерман стоял под стеной театра с широко расставленными ногами минут пять-семь. У него отобрали все документы и деньги, которых потом, естественно, не вернули.

Спецназовцы вывели, кроме того, еще одного заложника, актера Марата Абдрахманова, у которого были такие восточные, «татарские» черты лица. К тому же Марат был в мундире летчика - в момент нападения террористов он танцевал на сцене. Наконец появился еще один подозрительный заложник.

- Потом нас троих отвели в какой-то дом по соседству, - рассказывает Зельцерман. - Там мы еще немного постояли. А потом нас отправили на «фильтрацию». Так между собой говорили спецназовцы.

Слово «фильтрация» из армейского жаргона, которым так насыщен русский язык.

Фильтровать - значит отделять гражданских от партизан или террористов. Стоит добавить, что за все время, пока он стоял у театра, Зельцерман не видел, чтобы кого-нибудь выносили. Важнее были «подозрительные» заложники, чем потерявшие сознание. Это еще один довод того, что главной задачей была ликвидация террористов, спасение заложников было не столь существенным.

- Обошлись с нами нормально, в стиле московских спецслужб, - рассказывал Зельцерман порталу «gazeta.ru». - Мне связали руки поясом. Марка не связали, потому что я сказал, что он артист. А тому, третьему заложнику, надели наручники. Нас привезли в школу на улице Дубровской, 16, и передали следователю, который стал меня допрашивать. Я попросил воды - не дали. Попросил, чтоб мне позволили позвонить в консульство - не позволили. Но пояс с рук сняли. Поскольку я приехал в Москву как раз в день нападения террористов, велели мне подробно рассказать, что я делал с момента приезда в Москву до того момента, когда попал в руки спецслужб. Три дня - от и до. По порядку, без спешки. После двадцати минут допроса, когда стало ясно, что я не террорист, стало легче. Мне дали воды и стали разговаривать значительно спокойнее. Но в сумме я давал показания около трех часов. И только потом я смог позвонить в посольство.

Лишь после допроса Зельцермана накормили. Выдали справку, удостоверяющую личность. Документы - водительские права и паспорт, а также деньги - не отдали. Что в этом странного, это же Россия.

Рядом с Зельцерманом в зале сидела Ирина Филиппова. Она, правда, потеряла сознание во время штурма, но быстро пришла в себя, когда ее вынесли из зала.

- Я проснулась уже в автобусе, почувствовала боль в легких, - вспоминает Филиппова. - Увидела людей в камуфляже и подумала, что террористы нас куда-то везут. Мы доехали

до какого-то детского сада, и только тут я поняла, что люди в мундирах - наши. Всех, кто мог ходить, отвезли на допрос. В детском саду были какие-то женщины, давали нам воду, а офицеры спрашивали о наших фамилиях и еще о чем-то, я уже не помню о чем. Не люблю я вспоминать тот момент пробуждения, - продолжает она. - За окном темно, а внутри меня страшная физическая боль. Тогда я услышала за собой такой ужасный хрип девушки, как будто у нее что-то булькало в горле. И вокруг еще раздавались крики военных, но я все это еле слышала. Наверное, из-за шумовых гранат. Один из спецназовцев подошел и спросил: «Все в порядке?» А я не могла ответить, в горле пересохло. До сих пор по утрам чувствую сухость в горле. Автобус трясся и дергался, а у меня внутри все переворачивалось. Каждое торможение приносило ужасную боль. Не могу сказать, что там было много народу. В основном все сидели на креслах, но сколько их было, понятия не имею. А потом, после допроса в детском саду, я снова потеряла сознание и пришла в себя от холода в машине скорой помощи. И попала в городскую больницу № 7. Окна моей палаты в больнице выходили на Проспект Андропова. Недалеко оттуда, как раз накануне теракта, я купила квартиру и сделала ремонт. А окна палаты выходили на строительный рынок, где я долго выбирала нужные для ремонта материалы. Хореограф Сергей Лобанков в свою очередь попал в кардиологическое отделение переполненной больницы № 13, и его спасали подчиненные Зубанова:

- Все бы закончилось совсем иначе, если бы спасательная операция была хорошо организована. Спецназ свою работу выполнил хорошо, к ним ни у кого нет никаких претензий, они мгновенно заняли здание, взрыв не произошел. Катастрофой было то, что делала медицина. И опять подчеркну - винить надо не медиков! В этой ситуации врачи были героями. Надо было только видеть, что творилось во время реанимации. Там врачи буквально ходили по телам, потому что некуда было класть потерявших сознание людей. В «тринадцатую» привезли примерно триста пятьдесят человек, треть всех заложников, которых в театре, по-моему, было где-то девятьсот - тысяча человек, - добавляет Лобанков. - Привезли их автобусами, в которые просто забрасывали штабеля тел. Всех этих людей надо было как можно скорее перенести лестницами, лифтами, по коридорам на третий и четвертый этажи, в разные палаты. Это тянулось бесконечно! Приходилось ждать лифт, пока он съедет вниз, пока поднимется. А дорога была каждая секунда.

Помогали все, кто был в больнице - охрана, сестры, санитарки с кухни, повара. Я попал в кардиологию. Туда вместе со мной положили еще девяносто человек, повторяю - девяносто человек! Все без сознания, и в каждого нужно было вдохнуть жизнь.

Некоторые лежали на кроватях, большинство положили на пол, в коридоре. Вначале не приходящими в сознание людьми занимались четыре человека, потом подошла вторая смена, которая по телевизору услышала, что происходит. Всего восемь человек.

Выглядело все так: подходят к одному - сердце, дыхание, начал приходить в себя, идут к другому, к третьему, к следующему. Эта восьмерка поставила на ноги девяносто человек. Каждому досталось по пятнадцать пациентов. А ведь это тяжелый физический труд, нужно сделать искусственное дыхание, массаж сердца.

Когда меня привезли, я был трупом. Санитары мне потом рассказывали, что меня трижды возвращали к жизни. Раз оживили, второй раз, а со мной все еще плохо. Только благодаря этим людям я сегодня могу сидеть здесь и разговаривать с вами. Но об их героизме потом никто не говорил. Наоборот - когда я пришел в себя, услышал где-то рядом властный голос кого-то, кто ругал врачей, которые нас спасли. Он цеплялся к каждой мелочи. Упрекал их, что глаз не промыли, что перевязку не так наложили. Это была какая-то

комиссия московских или министерских чиновников, которые через много часов после штурма приехали в больницу с инспекцией и вместо благодарности стали критиковать. Врачи злились, потому что именно из-за этих чиновников все так обернулось.

Когда я пришел в себя, сначала не мог смотреть. Глаза жгло, наверное из-за газа, как будто их песком засыпали. Многие заложники потом жаловались, что у них шишки на голове, что болит спина, хотя никаких проблем раньше с этим не было. А я им говорю, люди, благодарите Бога, что вы живы. Если бы вы знали, как вас грузили, как переносили. Что вы хотите от бабули, дежурившей на кухне, которой пришлось, вместо того чтобы чистить картошку, носить на себе здоровых мужиков? Если ты ударился об ступеньку, ну извини, с каждым может случиться. Тебя же сюда привезли мешок мешком, без признаков жизни.

В театре у меня с собой было пятьсот долларов и папка с документами. Ничего не пропало. Когда я проснулся, мне сказали, что деньги и документы у заведующего отделением, главного кардиолога больницы. При выписке я из благодарности оставил ему деньги. Он сказал, что устроит банкет для всех, кто участвовал в нашем спасении.

Охранник Николай Любимов:

- Я проснулся через несколько часов после штурма, но ненадолго, следующие два-три дня почти все время был без сознания. И все-таки я помню, как ночью врачи обсуждали, как бы не работать на час дольше, ведь в ночь с субботы на воскресенье, когда я проснулся первый раз, был переход с летнего на зимнее время.

А еще до того, как я пришел в себя, вот что я увидел. Помню, лежу я в каком-то огромном зале, освещенном серебристым светом, как обычный дневной свет, только очень яркий, - вспоминает Любимов. - Душа отделилась от тела и полетела куда-то, а перед ней открылся туннель, как в метро, там, где движется эскалатор. И моя душа полетела туда, к «Батюшке». Тут я хотел бы добавить, что жил-то я в социалистические времена, крестить меня, правда, крестили, но я был очень далек от религиозных дел. А там я полетел прямо к «Батюшке», лечу, лечу, и начинаю молиться: «Боженька, дорогой мой, пойми меня, не могу я к Тебе, жена моя, Инесса, этого не переживет и пойдет за мной. Мы же сына только похоронили, она этого не переживет». И вдруг я в своем полете остановился, застыл и как перышко, по спирали, до сих пор чувствую эту легкость, полетел вниз. И пока летел, такую благодать испытывал! Долетел наконец, сел в самый дальний угол, смотрю из своего уголочка и прекрасно вижу, как на противоположной стороне мое тело окружают четыре врача и героически пытаются меня оживить. Буквально рычат медсестрам распоряжения: «Сделай ему укол адреналина!» А перед моими глазами появляется огромное табло, на котором красивыми оранжевыми буквами, очень четко прорисованными, загорается надпись: АДРЕНАЛИН. А другой врач кричит: «Массаж!» И загорается эта надпись. А с правой стороны стоит себе монитор, который контролирует деятельность сердца. Я смотрю, а амплитуда становится все меньше и меньше, наконец все, сердце перестало биться. В этот момент подходит, открывает правый глаз - как сейчас помню, - смотрит и говорит: ну конец, можно готовить в морг. И бригада рассыпалась. Кто-то пошел домой, какая-то женщина ищет свой зонтик, двое обсуждают игру «Локомотива» с Турцией, а я из своего угла смотрю на экран и вижу вдруг: пик! А потом долго-долго ничего. А потом опять: пик! Сердце начало биться! Один из врачей решил не идти пока домой, подождать, он со мной рядом сидел на стуле. А тут вскочил и кричит: «Ребята, он еще здесь!» Тут все вернулись ко мне, тому, который сидел в уголке, свет погас, настала страшная темень, и я вернулся в свое тело.

Я потом рассказал врачам эту историю. Они сказали, что все так и было и такой момент был, когда они уже не надеялись меня спасти. Только табло с оранжевыми буквами не было. Спасли меня врачи и Господь Бог.

Я еще помню, что, когда врачи спасали меня на столе, они меня называли Ковальчуком. Душа хотела сказать, что никакой я не Ковальчук, а Любимов, но никто не слушал. Когда я в тело свое вернулся, почувствовал, что сердце забилося, я опять им хотел сказать, что я Любимов, но в горле трубка торчит, ничего сказать не дает. Тут я почувствовал, что задыхаюсь, - наверное, горло заливали кровь и флегма. Хочу и не могу сказать, что сейчас умру. В последнюю минуту они заметили мои усилия и вырвали трубку. И я понял, что жив! Сначала долго отплевывался, а потом глубоко вздохнул. А они удивились, что я дышу. Потом врачи мне сказали, что, когда я попал в больницу, у меня давление было 60 на 50, я был в глубокой коме, зрачки узкие, три вдоха в минуту.

Я стал себя трогать и щипать, проверяю, все ли на месте. Оказалось, что левая рука осталась бесчувственной, как парализованная. Приходили невропатологи, говорили, что это воспаление нерва. И объяснили, что я как бы отлежал руку. Я говорю: «Вы с ума сошли, как это отлежал?» А они мне: «Лежал когда-нибудь целый час на руке, а рука потом онемела? Ну, вот именно, и теперь то же самое, только лежал ты часа три-четыре! Сказать по правде, неизвестно, сколько ты так лежал, и трудно сказать, что будет дальше. Может, начнет работать, а может - нет. Посмотрим».

Я долго ходил в обычную поликлинику, потом мне все-таки дали направление к специалисту, который колол меня иглками и объяснил, что вся левая сторона, не только рука, не реагирует на внешние воздействия. В голове разъединились какие-то нервные контакты. Вся левая сторона практически парализована. Напоминает состояние после инсульта или как будто сердце не работает и кровь не доходит. Однако поражение левой стороны какое-то нетипичное. Рука, например, должна была бы ослабеть, а она сильная, хватает, как клещами, может стакан раздавить, только ничего не чувствует. Еще у меня проблемы с сердцем и давлением. Одним словом, инвалида из меня сделали. И врачи не знают, как меня лечить. Дали кучу указаний - тяжестей не поднимать, голову не наклонять. Выписали лекарства, которые мне надо пить до конца дней, чтобы держать ритм сердца на нужном уровне и чтоб давление не прыгало. А еще одно лекарство, чтобы организм усваивал два первые, а еще одно, чтоб голова не кружилась. Иду в аптеку, сначала не понял, а там выходит 1500 рублей за эти лекарства. Ну как я могу лечиться? А ко всему еще и бессонница. Все дома спать ложились, а я ходил и читал. Как-то в такую ночь я подумал, что ведь чеченцы мне ничего плохого не сделали. Ладно, пугали, но ведь это не чеченцы виноваты в том, что я здоровье потерял. Нас отравили, а врачи даже не знают, что это такое. Я теперь знаю, что это состояние нужно было сразу же блокировать уколом антидота, так там же такой бардак был, никто ничего не сделал. Да еще за ноги меня тащили, хоть я не обижаюсь, - может, так и лучше было. Почему я думаю, что меня за ноги тащили? Вся голова в шишках, правый бок, руки, ноги, бедра - все в синяках. Но это не важно.

Любимов был одним из последних выживших заложников. Его выписали из больницы под конец ноября. Когда он выписывался, в московских больницах оставалось еще восемьдесят заложников, в том числе несколько человек в тяжелом состоянии.

Глава 26

Для родственников заложников, собравшихся недалеко от центра помощи в профшколе № 190 на улице Мельникова и мрачно поглядывавших в сторону серой глыбы здания театра,

штурм был просто шоком. Они же так просили, так старались, чтобы его не было. Однако все, что случилось потом, было еще страшнее.

Валентина Храмцова с дочерью, сыном и невесткой перед самым штурмом сидели в машине, припаркованной на автозаправке на углу улицы Мельникова и Волгоградского проспекта. Ближе к утру слышали по радио, что из театра вынесли двоих раненых. Как мы помним, это было в 2.00 ночи, однако Храмцовы уснули и слышали об этом только в начале шестого. Они тут же помчались в центр, чтобы что-нибудь узнать. Никто, к сожалению, ничего не мог сказать, поэтому они снова вышли из школы на улицу.

- И как раз в этот момент в театре раздался первый взрыв, - рассказывает Валентина. - Металлические ворота со стороны улицы, через которые мы только что вошли, уже были заперты, чтобы мы не смогли выйти. Какая-то женщина бросилась на решетку и стала кричать: «Отдайте моего ребенка!» Потом был еще один взрыв. Казалось, вот-вот все взлетит на воздух. Конечно, мы сразу поняли, что это штурм, потому что стали подъезжать военные грузовики и началась страшная беготня. Да мы уже раньше поняли, что штурм будет, когда увидели, как к Дому культуры медленно подъезжают грузовики с военными.

А потом вдруг все стихло. Выстрелов больше не было, и все вернулись внутрь, в центр, чтобы хоть что-то узнать. Пришел заместитель мэра Валерий Шанцев и сказал, что штурм закончился и мы скоро увидим своих родных. Это было уже после того, как закончилась стрельба и взрывы. Прошло еще минут двадцать, их, наверное, даже еще не вынесли из зрительного зала. А Шанцев сказал, что никто не погиб, все живые и веселые, радуются прекрасно проведенному штурму. И добавил, что через пару часов мы все встретимся с нашими близкими. Мы, естественно, радовались, как дети, все были так счастливы.

Поначалу, пока не было видно машин скорой помощи, мы думали, что, может, их вывозят другой дорогой, а может, им оказали первую помощь, а только потом стали увозить в больницы. Но как оказалось, никто и не думал оказывать им помощь. А потом, как раз рядом с нами, по улице Мельникова, стали ездить эти страшные автобусы. Это было где-то около семи утра. Тогда я что-то заподозрила - видно было, что сидящие в автобусе люди как будто спят. Никогда я не видела таких спящих людей. Власти, наверное, специально это придумали, чтоб как раз рядом с центром помощи родственникам шли эти колонны автобусов, в которых на полу лежали груды тел, а у сидящих на креслах людей головы были неестественно запрокинуты назад. И не видно было никаких врачей.

Впрочем, там вообще не было никого, кроме потерявших сознание заложников. Шанцев убеждал, что это усыпляющий газ, люди сладко отоспятся за все три дня, когда они не могли глаз сомкнуть в зрительном зале театра, и мы через несколько часов с ними увидимся. Но что-то было явно не в порядке. Автобусы с людьми из театра проезжали мимо нас и два часа после штурма, почти до восьми, до половины девятого.

Валентина и Ирина Храмцовы ясно помнят, что сразу после штурма в центре помощи обещали, что через час в центре будут вывешены списки заложников и информация, в какие больницы они доставлены. Но час проходил за часом, а никакой информации не было. Поэтому отчаявшиеся женщины вместе с Федором как сумасшедшие помчались в ближайшую городскую больницу № 13, но там разверзлось истое пекло - милицейский кордон вокруг больницы, везде полно агентов спецслужб, все заперто, никто никакой информации не дает. Об обещании Шанцева, что родственников скоро допустят к освобожденным заложникам, никто не знал, и об этом не могло быть и речи. По распоряжению прокуратуры больницы превратились в укрепленные следственные

изоляторы, в которых допрашивали тех, кто уже пришел в себя, и разыскивали переодетых террористов. Милиция никого не выпускала и не выпускала. Но не только маниакальная подозрительность была причиной такого обращения с родственниками. Власти уже в субботу в первой половине дня прекрасно знали, какой ужасающей трагедией закончился штурм, и хотели оттянуть момент, когда это станет достоянием общественного мнения. Зная российских чиновников, армейских офицеров и офицеров спецслужб, а также политиков, я убежден, что они лихорадочно искали способ, как скрыть правду.

Тем временем, в соответствии с обещанием Шанцева, специальные автобусы забрали родственников с улицы Мельникова, развезли по больницам, высадили у запертых ворот, и автобусы уехали. Таким путем власти избавились от беспокойной, раздражающей толпы. Вскоре, в 13.00, оперативный штаб сделал заявление об успешном завершении штурма и тем самым закончил свою деятельность. Вечером, когда все еще не было никаких вестей о многих заложниках, а их родственники кочевали на улицах возле больниц, Путин с «альфовцами» и представителями штаба уже пили за победу.

- От больницы, где ничего нельзя было выяснить, мы вернулись в центр помощи родственникам, - вспоминает Валентина Храмцова. - Нашли телефоны больниц и стали их обзванивать. Только в одной больнице к нам отнеслись доброжелательно. В остальных дежурные в справочных бросали трубки или грубо спрашивали - вам что, заняться больше нечем, как звонить и расспрашивать о заложниках. Первые списки появились только после обеда, но и это мало что изменило. Даже если чья-то фамилия была напечатана на листочке, приколотом к стене спортивного зала школы на улице Мельникова, все равно нельзя было попасть в больницу, а часто и проверить, правда ли это. Знакомая узнала в штабе, что ее муж лежит в больнице № 13. Поехала туда, там ей сказали, что его нет, вернулась в центр для родственников, там ей опять говорят, что он в «тринадцатой». Ну она опять в больницу, а там ей говорят, что его точно у них нет. Причем и штаб и больница обвиняют друг друга во вранье. Наконец она поехала домой, тут позвонил муж, и, оказалось, что он все-таки в больнице № 13.

Этот ужасающий балаган и неведение продолжались еще сутки. Федор Храмцов все не звонил и не подавал никаких признаков жизни. В воскресенье, 27 октября, после обеда, сестра Федора, Нина, сказала, что не может больше ждать. Взяла список моргов и вместе с мужем отправилась проверять, не лежит ли в одном из них ее брат. В нескольких моргах сказали, что его нет, и она облегченно вздохнула. Но потом позвонила и говорит:

«Кажется, я его нашла. Я не уверена, но кажется, это он».

- Очередные списки с информацией о заложниках должны были вывесить в центре помощи на Мельникова только через час, вот я и подумала, что мы успеем проверить, - рассказывает Валентина. - Если его в морге нет, значит, жив, подумала я. В моргах родственникам сначала показывали альбом с фотографиями умерших. Когда мы туда приехали, увидели фотографии, ну и... - голос ее срывается. - На той фотографии у него было совсем чужое выражение лица, - Валентина вытирает глаза. - Он был очень веселым человеком, а на фотографии - страх, ужас и отчаяние.

Сцены перед моргом навсегда останутся в памяти Валентины Храмцовой. Люди теряли сознание, когда находили фотографии близких, отовсюду неслись крики и плач. И так было во всем городе. В эти последние октябрьские дни перед всеми московскими моргами стояли толпы людей.

Распознавание родственника по посмертной фотографии было только первым этапом на этом хождении по мукам. Потом нужно было простоять час - полтора в очереди на улице, под ледяным дождем. К счастью, Нина заняла очередь еще до их приезда, и Храмцовы быстро дождались вызова внутрь.

- Когда его привезли на специальной каталке, мы не могли поверить увиденному, - вздрагивает Валентина. - Он был весь в синих пятнах, уши - совсем синие, а прекрасные, светлые, густые волосы слепились в космы. Ведь он же сначала три дня сидел в театре, а потом лежал под дождем на бетоне. Мы не могли его узнать. Лицо было опухшее. И совершенно высохшие руки. Я дотронулась до кончиков его пальцев и подумала: что случилось с его руками? Такое впечатление, что под кожей ничего не было, пустота... Мы его видели своими глазами, дотрагивались до него, но никак не могли поверить. Ходили вокруг тела и искали чего-то, какого-то знака, который бы подтвердил: нет, это не он, похож, но не он! Но увидели только то, что это действительно Федя: у него была родинка на веке, и так и есть. У него указательный палец был немного короче, когда-то он отрезал подушечку и кусок ногтя пилой, вот и палец есть. Нина, стоявшая рядом с нами, смотрела на нас, как на сумасшедших, и наконец сказала: «Вы что, не понимаете, что это он?» А мы все ходили вокруг каталки с его телом, чтобы найти какое-то доказательство, что это не он. А Нина повторяла: «Это же он!» Хоть сама уже чуть не теряла сознание, еле держалась на ногах. А мы все делали, чтобы это был не он. Когда нам его привезли, ему уже сделали вскрытие - даже с телом не дали проститься нормально. Могли бы подождать, чтоб хоть обнять его можно было. Вы только представьте себе, что можно испытать рядом с близким человеком, разрезанным, со шрамом вдоль всего тела. Потом началась беготня с бумагами, и тогда Храмцовы поняли, что власти опять над ними издеваются. В морге им выдали справку, где в рубрике «причина смерти» было коротко и ясно сказано: «жертва терроризма». Даже не террористов, а именно вот так, абстрактно, - терроризма. Даже странно, что не дописали «международного». Потом с этой справкой нужно было поехать в ЗАГС, где справку забрали, а вместо нее выдали «свидетельство о смерти», где тоже есть графа «причина смерти», но ее оставили пустой. То есть официально неизвестно, от чего умер Федор Храмцов.

Дальше - хуже. В похоронном бюро оказалось, что у семьи Храмцовых и московских властей разные точки зрения на то, что значит «похороны на достойном уровне». Немого раньше СМИ сообщили, что мэр Москвы отдал распоряжение, чтобы всем жертвам были организованы достойные похороны за счет города. Небедного города, заметим: бюджет российской столицы - это одна пятая бюджета Польши. Но вид гроба потряс близких Федора Храмцова.

- Гроб был кошмарный. Стоил 1400 рублей и выглядел так, как будто его сделали из картона. Оббит подкладочным материалом, собранным в складочки и прикрепленным степлером, - говорит Ирина Храмцова, дочка Федора. - Когда мы приехали, молодой парень из похоронного бюро очень вежливо к нам отнесся, сказал: «Только не пугайтесь. От московских властей ничего нормального ждать не стоит».

К счастью, работники похоронного бюро позволили выбрать приличный гроб, Храмцовы только доплатили разницу в цене - 17 000 рублей.

Но в других местах бездушные чиновники не собирались никому помогать. Зоя Чернецова, мать Данилы, того самого, который добровольно пошел в зал со своей тещей, Мариной Крыловой, услышала: если ей не нравится гроб от московских властей, это ее

проблема. Хочет иметь приличный гроб для сына, который погиб во время штурма, пусть сама купит, а этот пусть заберет и продаст кому-нибудь!

Потом по российской столице прокатилась волна похорон. Федора Храмцова похоронили 30 октября поблизости от Москвы в деревне Щербинка, совсем недалеко от дома, в котором он жил. Валентина Храмцова мало что помнит о похоронах, в памяти остался только мерзкий дождь со снегом.

- Гроб стоял под таким навесом, - вспоминает она. - Могила была хорошо выкопана, а не так, как это часто бывает, дыра в земле. Хоть могильщики немного опоздали и заканчивали копать уже при нас. Ничего удивительного, немного раньше рядом были еще одни похороны, и тоже кто-то из театра. Не успели закончить. Но у нас могила была чистенькая и аккуратная. Получается, что только работники похоронного бюро и могильщики отнеслись к нам по-человечески. Мы хотели оставить им немного денег, они отказались. Оставили водки, чтоб они помянули Федора. А на следующий день уже стояла оградка, и работники кладбища следили, подсыпали землю, чтоб не просела. И место нам дали очень хорошее, прямо возле дорожки. Так они там вдвоем и лежат. Двое из «Норд-Оста».

Через несколько недель после штурма прокуратура вернула Храмцовым часть вещей убитого трубача: футляр от видеокамеры, в котором Федор носил трубу, мобильный телефон, электронную записную книжку и даже документы, подтверждающие взнос за квартиру, ведь в день теракта он поехал в банк платить за квартиру для сына с невесткой. Внуки не знают, что случилось с дедушкой. Никто им не сказал, не пытался объяснять, но пятилетний Миша и так все понимал - сначала, когда смотрел репортажи с Дубровки, он хотел, чтоб дедушку отпустили, а его взяли вместо дедушки. А после штурма все время убивал террористов и играл со своей младшей сестрой в игру «у тебя погиб кто-то близкий».

Было еще одно существо, которое тяжело переживало эту трагедию, и многие месяцы не могло прийти в себя. Элька целыми днями лежала под дверью и ждала хозяина. Ей не объяснишь, почему хозяина, самого любимого, нет дома.

История поисков Федора Храмцова хоть потрясает воображение, но она еще не самая страшная. Чтобы отыскать пятнадцатилетнего Ярослава Фадеева, его мать, Ирина, сама еле живая, сбежала из больницы. Ей пришлось прыгать через бетонный забор, потому что прокуратура и спецслужбы не хотели выпускать бывших заложников - все еще искали чеченских террористов, которые могли скрыться среди своих бывших узников.

Ирина не могла выдержать в клинике. Ее сестра, Виктория Кругликова и племянница Анастасия нашлись в госпитале ветеранов войны, но сына нигде не было, хоть все знакомые обзванивали больницы и морги. Поэтому Ирина, для которой сын был смыслом всей ее жизни, попросила друзей, чтоб ее ждали с одеждой за забором, и сбежала. Сначала поехала домой, взяла фотографию сына и уже хотела начать поиски, когда позвонили знакомые: нашли Ярослава, он в морге. Фадеева была на удивление спокойна. В морге они долго ждали, пока привезут тело мальчика. Ирина, которая сразу заметила на лбу сына странный синяк, а на шее следы крови, подозревает, что задержка была вызвана тем, что отверстие на лбу мальчика заклеивали воском.

- Я не знаю, что это было, это же наш ребенок, мы в ране не копались, - нервничает Виктория. - Неизвестно, как она появилась. Думаю, что это наши спецназовцы. С одной стороны, не хочется в это верить, а с другой - никто меня не убедит, что я не права. Ведь потом было вскрытие, которое должно было показать, от чего он погиб. Но в

свидетельстве о смерти об этом нет ни слова. Просто жирная черта, как будто это не имеет значения. Но это не единственная ложь. Я потом читала, что написано в заключении об обстоятельствах смерти Ярослава: что в субботу утром «найден тело мальчика, вызвана машина для перевозки трупа». Где найдено? Об этом ни слова. Это была первая версия заключения. Потом появилась новая, в которой все выглядело еще красивее: «тело мальчика было вынесено спасателями МЧС на носилках»! Именно так и было написано, а дальше «был сделан укол налоксона». Это же бредни! Я хочу посмотреть в глаза тем людям, чтобы они мне это сказали прямо в лицо. Там же был такой хаос, никто не знает, кто кому какие уколы делал, кому их делали, а кому нет. А тут, в документах, царит идеальный порядок, как будто все происходило спокойно, как на ученьях. Кроме того, если его действительно застрелил кто-то из штурмовиков, так тело было вынесено в самом конце и ни о какой помощи не может быть и речи. Дальше в заключении написано, что врач скорой помощи осмотрела тело примерно в восемь часов и засвидетельствовала смерть. Не было даже попытки реанимации. Дальше врач пишет, что во время осмотра тела не обнаружено никаких повреждений. А врач в морге делает запись, что на лбу мальчика видна рана с глубоко запавшими внутрь краями и синяк в области носа. Значит, что? Из театра его вынесли без единой царапины, а потом измывались над трупом в карете скорой помощи? Если верить документам, на них можно было бы подать в суд за профанацию тела, правда? Вранье, все вранье, и в одном и во втором случае, не могут даже одну версию этого вранья между собой согласовать.

Баллистическая экспертиза, которая могла бы показать, как именно погиб Ярослав, не проводилась, а если она и была, то результаты были строго засекречены, как и весь ход следствия. В книге регистрации поступления в морге Ирина обнаружила рядом с фамилией Фадеев карандашную запись «огнестрельное ранение». Но подтвердить этого не удалось. Все, что связано с жертвами теракта в театре, окружено строгой секретностью. - Она, наверное, даже обрадовалась, что нашла его, - раздумывает сестра Ирины, Виктория Кругликова. - Ведь там, в зале, она ему все время твердила: мы будем вместе. Что бы ни случилось. Поэтому и обрадовалась. Исчезла неизвестность, она знала, что ей нужно делать.

Когда привезли тело Ярослава, Ирина попросила, чтобы все вышли. Хотела в одиночестве проститься с сыном. Спросила санитару, есть ли другой выход, а потом и его попросила уйти на минутку.

- И сказала Ярославу: сейчас я к тебе приду, - вспоминает Кругликова. - Ей казалось, что он еще здесь, что он слышит ее. Выбежала через боковую дверь на улицу. Остановила такси. У нее с собой ни копейки не было, отдала водителю кольцо и поехала в сторону Коломенского, там есть большой такой мост через Москву-реку. Водитель высадил ее посреди моста и спокойно уехал, хоть, наверное, видел, в каком она состоянии. Потом она немного постояла на мосту, потому что появились прохожие. Когда они прошли, сняла куртку, туфли и бросилась вниз. Она все время думала только об одном - увидеться с Ярославом.

Потом Ирина говорила, что падала так долго! Кажется, одно мгновение, а она все падала и падала - вся жизнь перед глазами пролетела. И под конец вдруг поняла, что она не должна этого делать - ведь у нее старые родители, как они смогут жить после ее смерти?! Но остановить уже ничего было нельзя. Исчезла под водой, в которой плавали уже куски льда, но даже не потеряла сознания и быстро вынырнула, хоть плавать не умеет. Опять попыталась погрузиться в воду, но безуспешно. «Я пробую, а утонуть не могу», - говорила

она потом. И поняла, что она должна жить, чтобы узнать правду о смерти Ярослава. Ведь если бы все родственники Ярослава погибли, нашему правительству это было бы только на руку. Мы должны жить, чтобы рассказать правду.

Спас Ирину один из прохожих, парень, который, пройдя мимо стоявшей на мосту женщины, понял, что с ней что-то не так, и не ушел. Наблюдал за ней издали. Вместе с ним подбежали еще какие-то люди, спросили: «Вы откуда?» «Из морга», - ответила Ирина. И поняла, что ее сейчас отвезут в сумасшедший дом. Сообщила номер телефона сестры и вскоре была дома.

Через три недели, 18 ноября 2002 года, в шестнадцатый день рождения Ярослава, вся семья собралась у его могилы на кладбище. «Подарили мы ему оградку», - с горечью говорит Кругликова.

Теракт на Дубровке принес значительно больше трагических историй, которые могли бы стать сюжетом не одного романа.

Сорокалетняя Елена Барановская познакомилась со своим мужем Сергеем много лет назад в пионерском лагере. Но, как это нередко случается, потом жизнь их надолго разделила. Она вышла замуж за другого, родила сына, но Сергей ждал. Через много лет они встретились, и Сергей Барановский убедил Лену выйти за него замуж. Она согласилась. Они были так счастливы вместе незадолго до теракта, что даже ее девятнадцатилетний сын сменил фамилию на Барановского. Перед самым терактом они закончили ремонт в новой квартире, мебель расставили как раз 22 октября, за день до нападения террористов. Но ни разу там не переночевали. Решили как-то отметить переезд и начало новой жизни - пошли на мюзикл, там попали в руки террористов. Сергей Барановский и Андрей, сын Лены, погибли.

Сорокадевятилетний американец Сэнди Алан Буккер из Оклахома-Сити, инженер-электрик «Дженерал моторс» чудом пережил в своем родном городе страшный теракт, когда в 1995 году Тимоти Маквей взорвал федеральное здание. Тогда погибло сто шестьдесят восемь человек. Он выжил. Чтобы погибнуть далеко от родного города, во время контртеррористической операции в российской столице. Сэнди приехал в Москву за своей невестой. С сорокапятилетней Светланой Губаревой, программисткой из Караганды (Казахстан), он семь месяцев переписывался по электронной почте, и наконец они решили пожениться. Оба были разведены. Двадцать третьего октября Светлана получила в Посольстве США в Москве паспорт с визой и документы, разрешающие выезд в США вместе с тринадцатилетней дочерью Александрой Литяго. Решили отпраздновать - купили билеты на мюзикл «Норд-Ост». Сэнди и Александра погибли во время штурма. Евгений и Вера Фроловы, которые тоже погибли во время штурма, оставили двух сыновей: семилетнего Александра и четырехлетнего Михаила. Воспитывают мальчиков пожилые бабушка с дедушкой.

Григорий Бурбан, тридцатидевятилетний гражданин Украины, с американским видом на постоянное жительство в кармане, был влиятельным бизнесменом в Одессе. В июле 2002 года женился на Елене, двадцатитрехлетней студентке педагогического института. В свадебное путешествие (и одновременно командировку) Григорий и Елена выбрались только в октябре, в Москву. И в первый же вечер пошли на спектакль в театре на Дубровке. Григорий погиб во время штурма.

Среди погибших детей было двое подопечных Сергея Лобанкова, маленьких актеров, игравших главные детские роли в спектакле, - Кристина Курбатова и Арсений Кириленко. Им было по четырнадцать лет.

Погибла сидевшая на балконе Дарья Ольховникова, двенадцатилетняя дочь генерала Юрия Ольховникова, взятого Бараевым «в плен» несколько часов до штурма. Так же как в случае с Ярославом Фадеевым и Федором Храмцовым, большинство погибших находили через несколько дней после штурма, лихорадочно, отчаянно разыскивая их по моргам и прозекторским. Не всем, однако, так повезло. Эпопею Галины Влаха, которая еще в конце ноября безуспешно искала своего бывшего мужа, а известий о нем ждала больше семи месяцев, я уже рассказывал раньше. Может, он и нашелся бы раньше, если бы его жена не рассчитывала на то, что власти выполняют свои обязанности. Российских чиновников нужно загонять в угол, причем всеми возможными способами, в том числе и при помощи прессы, тогда только появляется какой-то шанс.

Так, как это случилось во время поиска двух молодых людей - девятнадцатилетнего Дмитрия Родионова и двадцатидевятилетнего Юрия Сидоренкова. Их семьи по несколько раз бывали в каждом морге, об их исчезновении заявили в милицию и прокуратуру. Фотографии обоих юношей опубликовали газеты, о поисках рассказывали все телеканалы. Нашли их «случайно» почти через десять дней после штурма, 4 ноября 2002 года в тех же прозекторских, где раньше о них никто не слышал. Причем, как я уже упоминал, прокурор Москвы Михаил Авдюков несколькими днями раньше уверял, что людей, пропавших без вести, нет. Никогда так и не выяснилось, что же было причиной недоразумения и где укрывали тела убитых заложников.

Даже после того, как нашли Сидоренкова и Родионова, в российских СМИ, главным образом в Интернете, продолжали появляться «списки пропавших без вести заложников». Журналистам, однако, не удалось разыскать ни одного родственника, который искал бы своих близких. Похоже на то, что в «списке пропавших» остались фамилии людей, которые ранее попали в список заложников по ошибке или с искаженными фамилиями. Впрочем, можно ли в таком случае, в самом центре Москвы вообще говорить о «пропавших»? Естественно, причиной этой неразберихи была некомпетентность учреждений и служб, которые должны были помочь людям в поисках родных. Но были и другие причины, прежде всего потрясение и страх, охватившие власти предрешающие сразу же после штурма. Они поняли, как много людей погибло не в результате взрыва и действий террористов, а в результате использования газа и фатальной спасательной акции. Потрясенные количеством жертв, а еще больше маячащей впереди расплатой, они пустились во все тяжкие, обманывали людей, хотя раньше, не сомневаясь, рисковали жизнью тысячи человек.

Началось это с заместителя мэра Москвы Валерия Шанцева. Выше я писал о том, как он пришел в центр помощи родственникам минут через двадцать после начала штурма (то есть, примерно в 6.10 утра в субботу) и радостно заявил, что заложники живы и радуются прекрасно проведенному штурму. Не исключено, что Шанцев действительно верил, что все закончилось благополучно. Его слова свидетельствуют о том, насколько власти боялись взрыва. Когда выяснилось, что взрыва не было, счастливый чиновник побежал к родственникам с радостной новостью. Ему в голову не пришло, какую ужасающую беспомощность проявят его подчиненные, отвечающие за спасательную операцию. Но уже к восьми утра появилась первая правдивая информация о размерах трагедии. Валерий Яков из «Новых известий», которому удалось добраться до площадки перед театром, где он увидел десятки мертвых заложников, подавившихся собственными языками и рвотой, рассказал об этом на волнах радио «Эхо Москвы».

Примерно к этому времени, около восьми утра в субботу, 26 октября, власти уже, наверняка, знали больше, чем Яков, который только издалека видел штабеля трупов. Из-под театра уже вывезли всех живых, заканчивался вывоз трупов. Руководители этой операции, несомненно, к этому времени пересчитали убитых, смерть которых была констатирована уже возле театра. До сих пор эти данные не опубликованы, считается, что умерших было около ста человек.

Вскоре после восьми, когда из-под театра вывозили последние трупы, мэр Москвы Юрий Лужков сказал журналистам «Интерфакса», что погибло сто тридцать человек. Для всех это был шок. Ожидали, что будут убитые, но не столько же! Кремль испугался реакции родственников, общественного мнения, наконец, реакции важнейших мировых столиц. Многое указывает на то, что субботним утром на высшем уровне еще не было принято решение, признаваться ли в истинных масштабах трагедии, или попытаться скрыть число убитых. Поэтому «Интерфакс» в течение нескольких минут рассылает своим абонентам поправку: извините, ошибка машинистки, печатавшей текст выступления Лужкова, погибло только тридцать человек.

Журналисты, все еще толпившиеся вокруг театра на Дубровке, с надеждой поглядывали в сторону оперативного штаба. Один из представителей штаба объявил, что в ближайшие часы состоится пресс-конференция и появится официальное заявление о ходе штурма, спасательной операции и количестве жертв. Заявление все никак не появлялось, а конференцию откладывали с часа на час. Это было еще одним доказательством того, что что-то не в порядке, что операция отнюдь не прошла так гладко и Кремль обдумывает, что дальше делать. Наконец, уже после 13.00, то есть семь часов спустя после штурма, перед журналистами на улице рядом с театром появился Владимир Васильев, заместитель министра внутренних дел, с заявлением, которое шлифовалось несколько последних часов. Несмотря на это, Васильев часто отрывался от текста, написанного на листке бумаги. Видно было, что он очень переживает, оттого часто допускает грамматические ошибки в своей речи. Только сегодня можно оценить, насколько его слова расходились с правдой, но тогда он моментами говорил искренне, с болью, особенно, когда упоминал о тысяче возможных жертв. Вот, что он сказал:

«Мне поручено сообщить вам информацию, тяжелую как для меня, так и для всех членов штаба, и для каждого россиянина. Очевидным, несомненным и не поддающимся пересмотру фактом является то, что цель достигнута - заложники освобождены. Вы сами являетесь свидетелями тому, что штаб соглашался на все условия террористов, на самые сложные, иногда надуманные претензии и заявления, отправлял на переговоры всех, кого можно. Нас иногда осуждали за то, что столько людей ходит в театр, а террористы их то принимают, то нет. Вы были свидетелями того, что мы пытались выполнить все требования террористов. Слишком высока была ставка. Специалисты, проверившие здание, подтвердили, что заложены бомбы, таким способом террористы оказывали на нас давление. Конструкция театра и угроза взрыва говорили о том, что в здании никто не останется в живых, если произойдет сильный взрыв. Такова архитектура. Даже когда были исчерпаны все возможности освобождения заложников, среди которых были и дети, продолжались переговоры об их освобождении, этой ночью еще шли переговоры. Полномочный представитель президента Виктор Казанцев связался с террористами по телефону и вылетел в Москву, чтобы встретиться с ними и переговорить об условиях освобождения детей. Казанцев сейчас в Москве (это неправда, Казанцева в Москве не было. - Авт.).

Все что происходило, шло по сценарию террористов. Около 5.15-5.20 наше внимание привлекли выстрелы. Группа заложников пыталась сбежать из театра, и появилась реальная угроза для них. В связи с этим был реализован план специальной операции. Тяжело было принять план спецоперации. И мы, члены оперативного штаба, естественно, несем ответственность за этот план. Действия штаба оценит прокуратура. Такая работа ведется. Прокуратура ведет осмотр места происшествия.

Принятие такого решения, теперь мы в этом глубоко убеждены, было правильным, обоснованным, и оно было принято в нужный момент. По нашим подсчетам, в случае неудачной операции мы могли потерять до тысячи и больше людей. Я имею в виду находившихся там заложников и силы, принимавшие участие в акции.

Результаты операции таковы: удалось спасти более семисот пятидесяти человек. Они находятся в разных больницах Москвы. В то же время мы скорбим вместе с теми, кто потерял своих близких. В настоящее время, это подтвержденные данные, которыми я располагаю, мы потеряли шестьдесят семь заложников, которых не удалось спасти. Сейчас много говорят о том, был ли использован газ или нет. Мне поручено сообщить вам, что специальные средства были использованы. Это позволило, и вы видели это на экранах, нейтрализовать террористов, в том числе и тех женщин-смертниц, которые были обвязаны взрывчаткой и держали пальцы на кнопках. И это при такой концентрации в зале, вы это тоже видели.

До последней минуты мы боялись того, что может дойти до мощного взрыва. Даже сейчас еще не все взрывснаряды разминированы. Мы боялись, что может рухнуть крыша здания. Считаем, что не дошло до этого благодаря высокопрофессиональной работе тех, кто это сделал, - бойцов спецподразделений.

Ликвидированы тридцать четыре террориста. Осуществляется фильтрация с целью выявления бандитов. Мы исходим из предположения, что в Москве находятся сообщники бандитов.

Хочу подчеркнуть, что идет много разговоров о том, что многие заложники погибли в результате использования тех специальных средств, которые использовала группа. Это не так. Идя к вам на встречу, я специально встретился с Демури Киртадзе, главным врачом госпиталя № 1 ветеранов войны, в помещениях которого находился штаб. Этот госпиталь, естественно, принял самую тяжелую категорию заложников. По информации Киртадзе, они приняли сто четыре жертвы, девять человек умерло. Ни в одном случае причиной не было «отравление». Прежде всего он, как специалист, объясняет трехсуточным стрессом, голодом, отсутствием лекарств и квалифицированной врачебной помощи».

Сегодня мы уже знаем, что это была одна из главных причин задержки конференции заместителя министра МВД Васильева: лихорадочный поиск оправданий и причин смерти такого количества заложников. Нельзя же было сказать, что они погибли в результате использования газа, ведь тогда власти несли бы ответственность за их смерть.

Голод, обезвоживание, отсутствие движения привели к нарушению деятельности легких, сердца, кровообращения - такие причины смерти заложников сообщили на следующий день (воскресенье, 27 октября, 18.00) во время пресс-конференции, на которой выступили специалисты: известный уже нам глава Комитета здравоохранения Москвы Андрей Сельцовский и главный анестезиолог Москвы Евгений Евдокимов. Естественно, ни словом никто не упомянул о плохой работе служб, подчиненных обоим чиновникам. Именно в ходе той пресс-конференции Сельцовский сообщил, что погибло сто семнадцать заложников, в том числе только один - в результате огнестрельного ранения (Павел

Захаров, убитый за несколько часов перед штурмом случайной пулей, попавшей ему в голову. Его вывезли из театра, отвезли в больницу, где констатировали смерть). Возникает вопрос: а где люди, расстрелянные террористами? Ответ очевиден - Ольгу Романову по неизвестной причине (вероятно, из-за того, что ее тело было вынесено из театра до штурма) Сельцовский пропустил, а остальных отнес к рядам террористов, а точнее, к «группе людей с огнестрельными ранениями, вывезенных из театра, подозреваемых в терроризме». Дело в том, что до этого момента (полтора суток после штурма!!!) следственная группа и спецслужбы все еще точно не знали, кто из них был террористом, застреленным во время штурма, а кто заложником, убитым террористами или шальной пулей во время атаки штурмовиков.

В воскресенье вечером глава Комитета здравоохранения Москвы информировал, что во время штурма ликвидировано пятьдесят террористов.

Остановимся на минутку на этой цифре. Несколькими днями позже прокуратура сообщила, что отряд Бараева насчитывал сорок одного человека, а семью месяцами позже сообщено, что только сорок (когда установили личность Влаха). С большой долей уверенности можно сказать, что десять человек, исчезнувших из этого списка, - это заложники с огнестрельными ранениями (как раз такие, как Влах). Из-за пулевых отверстий прокуратура «для упрощения» сначала посчитала их как террористов, и только потом окончательно определила, что они были заложниками (одиннадцатой была Ольга Романова, а двенадцатым Павел Захаров, тоже не включенный в эту группу, как следует из высказывания Сельцовского).

Официально, однако, власти сообщили, что только шесть человек погибло от огнестрельных ранений. Это были: Ольга Романова и Константин Васильев (расстрелянные в первую ночь после захвата театра), Геннадий Влах (крановщик, пришедший искать сына, расстрелянный террористами), Павел Захаров (случайное ранение в голову), а также Максим Митин и Денис Грибков. Один из них с бутылкой в руках побежал к выходу по спинкам кресел и был расстрелян (не удалось установить который), другой, вероятно, погиб во время штурма. А где еще шесть человек из двенадцати? Следствие хранит молчание по поводу этих несовпадений.

Абсолютным молчанием окружена и история Ярослава Фадеева. Была ли рана на лбу следом выстрела? Кто послал пулю, убившую Ярослава: боец «Альфы» или террорист? Если «Альфа» во время штурма была вооружена ручными пулеметами типа «Вал» (калибр 9мм), а чеченцы, как сообщалось, автоматами Калашникова (калибр 5,45мм и, возможно, 7,62мм), то дело должно было быть очевидным даже для начинающего патологоанатома. Между тем никто даже не пытается ответить на эти вопросы, а ФСБ и прокуратура даже пытались запугать мать, чтобы она не встречалась с журналистами (как утверждает Ирина Фадеева, сотрудники пригрозили ей, что произведут эксгумацию сына, чтобы провести тщательное расследование). Хотя ответы, наверняка, известны, но очень узкому кругу людей.

То же самое в случае Алены Поляковой, которая была на спектакле с мамой Ольгой. Фамилия девочки сначала появилась в списке без вести пропавших, когда ее родственники не смогли найти ее ни в одной больнице, ни в одном морге. Наконец, благодаря связям друга семьи, удалось найти тело Алены в одном из военных госпиталей. С пулевым ранением. Ее фамилия никогда не появилась в официальном списке жертв. Эксперт милиции (просил не сообщать фамилии), проводивший через несколько часов после штурма предварительное описание трупов в одной из больниц, рассказал мне, что

среди тел был труп молодого мужчины лет двадцати пяти с характерной татуировкой «ВДВ» (воздушно-десантные войска). Как утверждает эксперт, парень погиб от одной пули, которая попала ему в затылок. Не удалось установить, как его звали и был ли он в списке погибших с пулевыми ранениями.

Причины этой фатальной неразберихи и хаоса очевидны. Российские спецслужбы не слишком волновали эмоции семей потерпевших, и они отнюдь не собирались помогать родственникам в поисках тел близких. Впрочем, они уже были мертвы, и у служб не было повода торопиться. Значительно важнее для них был поиск сбежавших террористов и их сообщников. Сразу же после штурма Москва была на грани чрезвычайного положения. Спецслужбы продолжают утверждать, что газовая атака была столь молниеносной, что террористы не успели среагировать. Но мы знаем, что было не так, и поэтому после того, как театр был занят штурмовиками, ФСБ неожиданно сообщило, что некоторые террористы могли переодеться в гражданскую одежду и укрыться среди заложников. Из-за этого больницы превратились в тщательно охраняемые следственные изоляторы. Входы были под наблюдением не только охраны, но и кордонов милиции, которые не впускали и не выпускали никого, кроме персонала, а родственников, пытавшихся получить хоть какую-то информацию о судьбе близких, грубо отгоняли. Помимо этого, в Москве были предприняты чрезвычайные меры безопасности. Проверяли каждую машину, выезжавшую из столицы, в результате чего на выездах образовались гигантские пробки. СМИ передали, что нескольким террористам во время штурма в суматохе удалось скрыться, в связи с чем милиция стала прочесывать соседние с театром дома. Наконец Борис Грызлов, глава МВД признал, что в Москве действовала террористическая сеть, насчитывающая несколько десятков человек. Настроение в городе было близко к панике.

Практически чрезвычайное положение, введенное прокуратурой и ФСБ в больницах, когда туда стали привозить заложников, дало «результаты». Спецслужбы схватили сорокатрехлетнюю чеченку Яху Несерчаеву, которая, как мы помним, отправилась на спектакль с двумя подругами. И с ней, как и «подозреваемым» Александром Зельцерманом, обошлись, как пристало обходиться с сообщницей террористов. Яха из-за больного сердца и легких очень тяжело перенесла газовую атаку. Собственно, можно сказать, что выжила она чудом. Запущенного в зал газа она не заметила, услышала только, как кто-то крикнул: «Газ пустили!», и через несколько секунд потеряла сознание. После штурма чеченка попала в тяжелом состоянии в больницу № 13, и там начались проблемы: ее бред на чужом языке вызвал подозрение соседей. А может, очнувшись, упомянула соседкам, что она из Грозного? Трудно сегодня сказать, только милая бабуля, которая до этого уступила ей свою кровать, донесла об этом дежурившему в коридоре милиционеру.

Тут же явились милицейские специалисты, сняли отпечатки пальцев и взяли одежду на экспертизу. А потом пришел очень милый офицер и сказал: у меня плохие новости, вы задержаны за помощь террористам. Яху, такую слабую, что она без посторонней помощи даже стоять не могла, перевезли в госпиталь для заключенных. В это время в ее квартире был произведен обыск, а ФСБ объявило журналистам, что задержана сообщница террористов: на ее руках обнаружены следы пороха и взрывчатых веществ. В тюремной больнице ей не оказывали никакой помощи, -впрочем, вскоре опять появились представители милиции и заявили: «Вам придется лечиться в другой больнице». Принесли ей огромные мужские туфли, которые она надела на босу ногу, и

грязное мужское пальто, в которое укуталась перед путешествием в октябрьскую холодину. На ней ведь не было ничего, кроме ночной рубахи. Милиционеры защелкнули наручники на ее руках. И отвезли ее в следственный изолятор, где охранница, увидев ее, тяжело вздохнула: «Еще одна зараза...»

В СИЗО Яха провела неделю. За это время ее никто не допрашивал, вообще никто ею не занимался, хотя она ежедневно просила о встрече со следователем. О лечении не было и речи, хоть чеченка находилась на грани жизни и смерти. Спасли ее друзья, которые по знакомству и при помощи блестящего адвоката добились встречи с соответствующим прокурором и доказали, что Яха не имеет с терроризмом ничего общего.

Несерчаева живет в Москве, но, сломленная болезнью и страшными переживаниями, не захотела возвращаться к событиям конца октября 2002 года. Отказалась встречаться со мной.

Очередным пойманным «сообщником террористов» оказался журналист телевидения «Лидер ТВ» из Азербайджана Нариман Мехтиев. Он прилетел в Москву со своим оператором в пятницу вечером, за десять часов до штурма. Как все азербайджанцы, Мехтиев - смуглый брюнет, что само по себе уже подозрительно. Кроме того, он почти непрерывно разговаривал по мобильному телефону на чужом языке. Это не могло не вызвать подозрений. После штурма к нему подошла милиция и люди в штатском, кто-то показал на него пальцем, и, не успев Мехтиев сказать, что он журналист, ему натянули на голову мешок и провели так метров сто, вероятно в оперативный штаб. После обыска его подвергли семичасовому допросу. Не помогли вмешательства ни посольства, ни руководства телевидения «Лидер ТВ». Выпустили его только во второй половине дня. Был еще один человек, помогающий, как посчитало ФСБ деятельности Бараева и его людей. Его арестовали в группе иностранных журналистов еще до штурма, а российские службы безопасности засекли его по сигналу сотового телефона.

Чеченец Заурбек Талхигов, о котором я уже писал раньше, с 1999 года жил в Петербурге, где занимался торговлей. В Москву приехал подписывать контракт на поставки мяса, а в окрестностях театрального центра появился после того, как Асланбек Аслаханов призвал чеченцев прибыть к театру и предложить себя вместо заложников. Талхигов покрутился среди журналистов и родственников заложников, потом подошел к группе голландских журналистов, среди которых был Олег Жиров. Голландский бизнесмен украинского происхождения приехал в Москву на несколько дней с женой и сыном. Они собирались пойти на мюзикл вместе, но в последний момент Олег был приглашен на важную встречу и вынужден был отказаться. Его жена Наталия Жирова и четырнадцатилетний сын Дмитрий попали в руки террористов. Жиров заметил Талхигова, который внешне напомнил ему армейского друга. Спросил, чеченец ли он, и попросил о помощи - позвонил на мобильный жене, а когда телефон взял один из террористов, отдал свою трубку Заурбеку. Трудно сказать, о чем они разговаривали, - разговор шел по-чеченски. Талхигов провел семь-восемь разговоров, пробуя, как он утверждает, убедить террористов отпустить жену и сына Жирова. По словам журналистов, он помогал и сотрудникам ФСБ в контактах с террористами. Несмотря на это, его арестовали, так как, по официальной версии, он передавал террористам информацию относительно количества милиции, размещения снайперов и бронетранспортеров вокруг театра, а также «координировал действия террористов внутри здания».

Не удалось ему вытащить оттуда ни одного заложника. Наталия Жирова погибла во время штурма.

Во время процесса прокуратура представила одну из пленок, на которой обвиняемый рассказывает о снайперах и БТРах. Две другие записи, где, по утверждению свидетелей, Талхигов вступает за жену Жирова и пытается договориться с террористами, были уничтожены как несущественные. Процесс был закрытым, без участия журналистов. В суде первой инстанции Талхиров был приговорен к восьми с половиной годам колонии. Приговор был оглашен 20 июня 2003 года, 9 сентября был поддержан Верховным судом и получил законную силу. Адвокаты заявили об апелляции в Европейский Суд по правам человека в Страсбурге. По мнению депутата Асланбека Аслаханова, Талхигов сыграл роль козла отпущения.

До середины сентября 2003 года это был единственный осужденный за соучастие в террористическом акте на Дубровке.

Суббота, 26 октября 2002 года, 21.00

Заканчивался один из страшнейших дней в современной истории России. Начался он с рискованного штурма спецподразделений, потом была трагическая спасательная операция, автобусы и машины скорой помощи, перевозящие людей в бессознательном состоянии в больницы, тысячи отчаявшихся родственников, разыскивающих своих близких, живых или мертвых. Всему этому сопутствовало бездушное безразличие чиновников и политиков.

Именно в такой момент президент Владимир Путин впервые с начала кризиса обратился к народу. Большинство заложников были не в состоянии его услышать, поскольку многие не пришли в себя, а остальные и так не имели возможности смотреть телевизор в московских больницах. Несмотря на то, что несколько часов назад уже стемнело, перед больницами клубились толпы людей, пытающихся получить хоть какой-нибудь обрывок информации о своих близких.

Вот что сказал президент в такой момент:

«Дорогие соотечественники!

В эти дни мы вместе пережили страшное испытание. Все наши мысли были о людях, оказавшихся в руках вооруженных подонков. Мы надеялись на освобождение попавших в беду, но каждый из нас понимал, что надо быть готовыми к самому худшему.

Сегодня рано утром проведена операция по освобождению заложников. Удалось сделать почти невозможное - спасти жизни сотен, сотен людей. Мы доказали, что Россию нельзя поставить на колени.

Но сейчас я прежде всего хочу обратиться к родным и близким тех, кто погиб.

Мы не смогли спасти всех. Простите нас. Память о погибших должна нас объединить.

Благодарю всех граждан России за выдержку и единство. Особая благодарность всем, кто участвовал в освобождении людей. Прежде всего сотрудникам спецподразделений, которые без колебаний, рискуя собственной жизнью, боролись за спасение людей.

Мы признательны и нашим друзьям во всем мире за моральную и практическую поддержку в борьбе с общим врагом. Этот враг силен и опасен, бесчеловечен и жесток. Это - международный терроризм. Пока он не побежден, нигде в мире люди не могут чувствовать себя в безопасности. Но он должен быть побежден. И будет побежден.

Сегодня в больнице я разговаривал с одним из пострадавших. Он сказал: "Страшно не было - была уверенность, что будущего у террористов все равно нет".

И это - правда. У них нет будущего. А у нас - есть.»

Тогда, в субботний вечер, несколько часов после штурма, когда я слушал это обращение, мне казалось, что это прекрасное выступление - великолепно написанное, великолепно

прочитанное. Для меня главным было то, что президент извинялся, в первый и пока что в последний раз за свое пребывание на посту в Кремле. Раньше он не просил прощения за катастрофу атомной подводной лодки «Курск», не каялся за войну в Чечне, а в тот вечер - извинился. Однако я только значительно позже понял, что это не были искренние извинения, они просто должны были увеличить его популярность в глазах тех россиян, которые живут далеко от Москвы и драму заложников видели только глазами проправительственных журналистов.

Люди, потерявшие в театре своих близких, просто не слышали этого выступления, им было не до телевидения и президента.

- Я никогда не слышала, чтобы он просил прощения, - говорит учительница Виктория Кругликова. - Столько раз раздавал потом медали и награды, даже встречался с детьми, игравшими в «Норд-Осте», но никогда не пригласил к себе тех, кто потерял там близких, и не попросил прощения. Никогда не сказал: «Вы попали на войну, мы хотели вас спасти, но не смогли». Моя сестра Ирина говорит, что для наших властей - мы темная, бесформенная масса. Спросите сегодня Путина, кто там погиб, - он не сможет вам ответить. Я думаю, что нас - и нас, и чеченцев - власти впутали в какую-то странную интригу, которой мы не понимаем. Может, наше правительство должно было доказать всему миру, что у нас есть терроризм, такой, как за границей, а может, показать, что война в Чечне неизбежна, и устроить кровавую бойню? Я уверена, что спецслужбы знали о том, что что-то готовится. Не могла же такая большая группа вооруженных до зубов людей с пудами взрывчатки так спокойно пробраться в центр Москвы. А значит, их впустили! Во время Второй мировой войны, когда гитлеровские дивизии подошли к столице, говорили: «Велика Россия, но отступить некуда - за нами Москва!» И люди гибли, чтоб не допустить врага в сердце нашей Родины. А теперь вдруг оказалось, что в самом центре террористы убивают людей. Это как ужасный сердечный приступ всей страны. Больше всего у меня претензий к президенту, ведь он должен нас защищать, раз мы его все выбирали. Он не только не справился с этой святой своей обязанностью, он сделал все наоборот: неизвестно во имя чего, так просто, убил нас.

После этой операции мне было стыдно, что я россиянка! Я даже хотела отказаться от гражданства, не хотела быть частью этого народа. Но не сделала этого. Ярослав погиб, а ведь он был россиянином. Я не могу его предать.

Эпилог

Террористическая акция боевиков Мовсара Бараева, наверняка подготовленная и руководимая издали людьми, связанными с радикальным, фундаменталистским крылом чеченских сепаратистов, несомненно, имела целью не только прославление имен тех, кто ее осуществлял, но и достижение перелома в урегулировании чеченской проблемы. В результате, однако, теракт на Дубровке принес результаты, прямо противоположные задуманному.

Теракт надолго, может на десятки лет, погубил решение вопроса о чеченской независимости и дискредитировал все чеченское движение сопротивления. Радикальные идеологи партизан совершили грубую ошибку - они не поняли, что после 11 сентября 2001 года и терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне мир изменился. И хотя Бараев со своими людьми точно повторили сценарий нападения на Буденновск, в 2002 году во время нападения на Дубровку симпатии мира уже не были на их стороне. Басаев в 1995 году вернулся в Чечню победителем, поскольку Москва уступила под давлением мирового общественного мнения. В 2002 году через несколько часов после начала операция на

Дубровке была единодушно осуждена всеми западными столицами, прежде всего самыми важными: Брюсселем, Лондоном и Вашингтоном, а также международными организациями во главе с ООН. Лидеры ведущих западных государств, для которых Россия является важным союзником в борьбе с терроризмом во всем мире, призвали чеченцев немедленно освободить заложников. Это только разозлило людей Бараева, которые ожидали, что мир будет на их стороне.

После теракта Запад признал, что рассматривал Чечню односторонне, как крошечную колониальную республику, притесняемую сверхдержавой, но в конце концов увидел истинный облик сепаратистов. И дал Москве карт-бланш. Поэтому Кремль еще более решительно стал проводить в жизнь план превращения Чечни в обычную административную единицу в границах и в составе Российской Федерации. В соответствии с этим планом Чечня должна управляться собственной конституцией и законами (как другие «национальные» республики, то есть республики в границах России, где большинство населения - нерусские), которые, однако, не противоречат Конституции РФ. В соответствии с идеей «чеченизации», кавказской республикой должны руководить местные политики, а безопасность обеспечивать чеченская милиция. Однако, поскольку Москва не испытывает особого доверия к кавказским горцам, за ними будет осуществлять надзор мощная и прекрасно вооруженная группировка воинских частей (в сумме - несколько десятков тысяч солдат).

План этот быстро становится реальностью: в марте 2003 года в ходе «референдума» принята Конституция Чеченской Республики, не противоречащая Основному Закону Российской Федерации, а 5 октября 2003 года проводятся выборы президента республики, в которых одержал безапелляционную победу Ахмад Кадыров, пророссийский глава чеченской администрации, безусловно подчиненный Кремлю, хотя до начала второй чеченской войны он был верховным муфтием Чечни, близко сотрудничавшим с тогдашним президентом Асланом Масхадовым. Кремль до такой степени поверил Кадырову и его неустрашимой личной гвардии, что опасался малейшего риска проигрыша. Поэтому он заставил отказаться от участия в выборах всех серьезных кандидатов. Среди них был и упомянутый в этой книге Асланбек Аслаханов. Трудно сказать, были бы они лучше нынешнего главы Чеченской Республики, но, может быть, попытались бы что-то изменить.

Избрание Кадырова означает, что ситуация в республике «заморожена» и в ближайшие годы там ничего не изменится. Но «уход от решения» может закончиться фатально. Специалисты опасаются, что сепаратисты могут организовать очередную громкую операцию, страшнее Дубровки, Буденновска и Кизляра, чтобы все-таки попытаться заставить Кремль пойти на мирные переговоры. Многие полевые командиры считают, что Москва в конце концов должна будет уступить.

Террористическая акция на Дубровке окончательно подорвала авторитет Масхадова: с одной стороны, как умеренного лидера сепаратистов, с другой - как руководителя, который способен влиять на ситуацию в Чечне. Масхадов совершил ошибку: он не сразу осудил Бараева и его людей. Он не мог этого сделать, так как потерял бы авторитет среди своих земляков, а возможно рассчитывал на то, что Москва уступит и пойдет на переговоры. Не вызывало сомнений, что если будут переговоры, то проводить их можно только с ним. Однако Кремль решился на молниеносный штурм здания. Осуждение теракта, оглашенное в полдень в субботу (!) Ахмедом Закаевым, представителем Масхадова, было запоздалым и звучало неубедительно.

Можно только предполагать, что, если бы Масхадов решительно и безотлагательно отмежевался от террористов, возможно, именно тогда и появился бы шанс на переговоры. Путин мог бы сказать: «Не все наши противники в Чечне - террористы» - и начать переговоры с Масхадовым. Однако такой вариант представляется маловероятным. Люди Бараева настаивали на том, что операция одобрена Масхадовым, а российские спецслужбы немедленно нашли в архивах старую кассету, на которой чеченский президент предвещает проведение «акции, которая изменит ход войны». Это должно было стать доказательством того, что Масхадов участвовал в подготовке «Дубровки» и прямо-таки отдал приказ атаковать «Норд-Ост».

Бараев со своими людьми на долгие годы свел на нет возможность российско-чеченских переговоров, которые до октября 2002 года становились все более реальными. Несмотря на неудачную встречу Закаева и Казанцева в аэропорту «Шереметьево», в Москве не прекращались закулисные контакты между политиками, связанными с федеральным «центром», и чеченскими сепаратистами. Появились доказательства того, что Кремль все внимательнее прислушивается к сторонникам «партии мира» и переговоров. В контактах с представителями Масхадова активно участвовал депутат Асланбек Аслаханов, который неоднократно высказывался за переговоры, даже после теракта на Дубровке. Свой мирный план представил Руслан Хазбулатов (чеченский политик, бывший председатель Верховного Совета, проигравший в октябре 1993 года битву за власть с президентом Борисом Ельциным, - парламент был разогнан при помощи танков). По мнению Хазбулатова, Чечня должна стать международным протекторатом (например, как Косово) под эгидой ООН, с широкой автономией, но в границах России. Международное сообщество должно настоять на российско-чеченских переговорах, а затем взять на себя груз восстановления республики из военной разрухи.

В июле 2002 года Масхадов написал Хазбулатову письмо, в котором выразил поддержку его плана мирного урегулирования и попросил приступить к созданию коалиции различных политических сил, общей целью которых было бы восстановление мира на Кавказе. В сентябре план обсуждался в Лихтенштейне на встрече Хазбулатова и Аслаханова с представителями Масхадова. Казалось, что российско-чеченские переговоры - это вопрос ближайших месяцев. Нападение на Дубровку сорвало эти планы. Появление террористов в центре Москвы, как мы видим, было на руку кремлевским «ястребам». Именно поэтому появились предположения, что атака контролировалась или даже готовилась российскими спецслужбами, а точнее, как утверждает, например, Политковская, их наиболее реакционной частью, то есть ГРУ (Главным разведывательным управлением). Политковская даже опубликовала разговор с чеченцем, который якобы был в отряде Бараева, но сбежал из театра до штурма. Однако в тексте, по правде говоря, нет доводов того, что Ханпаша Терки-баев является агентом спецслужб или участвовал в операции на Дубровке. Из текста однозначно следует, что Теркибаев страдает мифоманией, что он любой ценой хочет стать героем (показал журналистке пачку фотографий с известными политиками - с первого взгляда было видно, что это фотомонтаж).

Слухи не умолкают, несмотря на отсутствие доказательств. Через несколько месяцев после теракта в Москве пошли разговоры, что Абу Бакар, один из главарей террористов, который долгие месяцы готовил операцию, остался жив, был выведен из театра бойцами «Альфы» и спрятан ФСБ, как ценный агент. Трудно сказать, правда ли это, или - что более

правдоподобно - дезинформация спецслужб с целью посеять сомнения в рядах чеченских сепаратистов.

Несомненно, победителем из конфронтации в театре на Дубровке вышел президент Путин. Большинство россиян решительно поддержали такой способ разрешения кризиса. Столь же решительно, несмотря на большое количество жертв, решение Путина поддержал и Запад. В конечном счете, как бы цинично это ни звучало, для лидеров западных стран важно было, что погибли не американцы или британцы, а россияне, а значит, это проблема российского президента. В глазах Запада Путин укрепил свой авторитет политика, готового даже на большие жертвы, но подающего всем пример, как расправляться с террористами и терроризмом, главным международным врагом нынешней эпохи.

Из-за теракта Путин отказался от участия во встрече на высшем уровне стран АТЕК (Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества) в Лос-Кабос в Мексике, где он должен был встретиться с президентом Джорджем Бушем. Три недели спустя Буш специально изменил план своей поездки по Европе и отправился в Петербург, чтобы выразить поддержку российскому президенту.

- Прежде всего, я хотел бы сказать, что в лице Владимира Путина я обрел надежного партнера в борьбе с терроризмом, - заявил Буш накануне приезда в Россию (цитирую по газете «Известия»). - Он понимает, как высоки ставки в этой игре. Понимаю это и я. Знаю, что во время драмы вокруг московского театра он оказался в очень трудной ситуации. Могли погибнуть все, восемьсот человек. И в такой момент он принял очень трудное решение. Кое-кто пытается обвинить Владимира, но во всем винить следует террористов. Это они - виновники трагедии, а не президент Путин.

Сам Буш и американские дипломаты признали, что на территории Чечни действуют члены Аль-Каиды, а Усама бен Ладен в одной из магнитофонных записей похвалил акцию террористов на Дубровке. Так что ничего удивительного в том, что американцы без особых возражений внесли в список террористов и террористических организаций Шамиля Басаева, бывшего президента Зелимхана Яндарбиева и три связанные с Басаевым группировки, прежде всего Рияд ус-Салихийн, организацию, которая взяла на себя организацию и проведение операции. Оба чеченца, Басаев и Яндарбиев, попали также в список международных террористов, связанных с Аль-Каидой, составленный Комитетом по санкциям Совета Безопасности ООН.

Со времени теракта американцы постоянно стараются подчеркнуть, что Россия и США связаны общей судьбой и борьбой с общим врагом. Именно поэтому 11 сентября 2003 года, во вторую годовщину взрыва ВТС в Нью-Йорке, посол США в Москве Александр Вершбоу возложил венок у театра на Дубровке.

Генералы и руководители спецслужб, несмотря на то, что пропустили крупный отряд террористов в Москву, наказаны не были. Никто из них не подал в отставку и не был уволен президентом. Шеф МВД Грызлов и директор ФСБ Патрушев остались на своих постах. Снят с занимаемой должности только один человек: начальник районного отделения милиции, ближайшего от театра на Дубровке. Звучит как анекдот, но это чистая правда.

А генералов только награждали. Как написала «Новая газета», президент Путин секретным указом присвоил звание «Герой России» и наградил соответствующей «Золотой звездой» двух генералов: Проничева, который руководил оперативным штабом, и Тихонова, главу центра особого назначения ФСБ, которому непосредственно подчинены

«Альфа» и «Вымпел». Оба отвечают за борьбу с терроризмом в России. Как утверждает «Еженедельный журнал», через несколько минут после штурма Проничеву задали вопрос: «Что с заложниками?» Генерал якобы ответил: «Заложники - не моя проблема. Я занимаюсь террористами». Кроме них звезды были вручены: одному офицеру «Альфы» и одному офицеру «Вымпела», а также химику, который приготовил и закачал в здание театра газовую смесь.

Теракт погубил мюзикл «Норд-Ост». Он ненадолго возродился в феврале 2003 года в отремонтированном здании Дома культуры. Но зрители неохотно заглядывали в театр на спектакль, окутанный дурной славой. В мае состоялось последнее представление. Больше всего пострадали простые люди. На жителей Чечни посыпались еще более жестокие акции усмирения. Спецподразделения из мести «в ближневосточном стиле» взорвали несколько домов, в которых жили родственники убитых на Дубровке террористов.

А в самой России начались беспрецедентные преследования лиц северокавказского происхождения. Чеченцев выгоняли с работы, даже продавцов в киосках или уборщиц, потому что владельцы фирм «не хотели проблем». Целым семьям внезапно отказывали в найме жилья и выбрасывали на улицу. Квартиры, из которых чеченцев не успели выгнать, настойчиво посещали участковые и требовали, чтобы жильцы как можно скорее съехали, потому что они хотят иметь «чистую территорию». Милиция арестовала десятки чеченцев, которых на основе подброшенных наркотиков или оружия (достаточно было одного патрона от автомата Калашникова) обвиняли в торговле наркотиками или нелегальном владении оружием. Случалось, что милиционеры издевательски спрашивали задержанных, что они предпочитают - наркотики или оружие. Несколькими неделями позже волна арестов спала, но - как говорит Олег Орлов из «Мемориала» - только до следующего теракта.

Власти, так неумело спасавшие заложников, впоследствии обходились с ними и их семьями, как с назойливыми просителями. Каждому заложнику выплатили материальную помощь в размере 50 000 рублей, а семьям убитых по 100 000 рублей. Не много, если учесть, насколько дороги лекарства и то, что многие заложники, хоть и выжили, остались инвалидами (власти, естественно, не признают, что причиной мог стать газ).

Некоторые из бывших заложников, а также часть семей погибших, оскорбленные таким отношением, потребовали гигантских компенсаций за моральный ущерб. В суды попал шестьдесят один иск на общую сумму около 60 миллионов долларов. Но судья Мария Горбачева, под предлогом отсутствия в законе о борьбе с терроризмом записи о возмещении морального ущерба, поставила отказы на конвейер, в соответствии с волей не только московских властей (по закону именно региональные власти несут материальную ответственность перед потерпевшими), но и Кремля.

Несколько мягче суды отнеслись к искам о возмещении ущерба в связи с утратой основного кормильца, но тут ничего удивительного нет, суммы были просто символические. Первое дело в июле 2003 года выиграла жена и маленькая дочь одного из музыкантов оркестра «Норд-Оста», погибшего во время штурма. Московский суд присудил им ежемесячную пенсию 5400 рублей каждой до совершеннолетия дочери. В сумме в течение десяти с небольшим лет Москва выплатила бы им примерно 50 000 долларов, но городские власти сочли, что это слишком много, и обжаловали решение суда, и суд принял апелляцию, хотя решение суда обрело законную силу, а срок обжалования давно истек.

В конце сентября очередные десять семей жертв «Норд-Оста» получили решения судов, признающие их право на компенсацию от московских властей. Часть денег потерпевшие должны были получить в виде единовременной выплаты, а часть - в виде ежемесячного пособия. Суммы - до смешного низкие. Самая большая единовременная выплата должна была составлять примерно 75 000 рублей, самая низкая - 2700 рублей. Ежемесячное пособие - в среднем пару тысяч рублей (например, Ирина Храмцова, дочь музыканта из «Норд-Оста» должна была получать в месяц 5400 рублей до окончания учебы в институте). Но Лариса Фролова, потерявшая в театре сына и невестку, а теперь сама воспитывающая двоих малолетних внуков, должна будет получать 246 рублей, а каждый из внуков - семилетний Александр и четырехлетний Михаил - по 2700 рублей каждый. Низкие суммы выплат, обусловлены, в частности, тем, что потерпевшие не могли доказать, сколько в действительности зарабатывали их близкие. Адвокаты заявляли, что будут обжаловать приговоры.

Опасения российских властей, стремящихся избежать высоких компенсаций, понятны - в России тысячи жертв террористических актов получили за свои страдания и утраты чисто символические компенсации или вовсе их не получили. Ведь заложники Басаева в Буденновске в 1995 году были довольны и тем, что выжили, и даже не думали требовать компенсаций. Они с надеждой следят за борьбой жертв теракта на Дубровке, которые подают жалобы в Европейский суд по правам человека в Страсбурге.

Российские власти не могли пойти на высокие выплаты еще и потому, что «Норд-Ост» - не последняя атака террористов. Россия сидит на пороховой бочке, которая может в любую минуту взорваться. А как я уже говорил, ни один нормальный россиянин не рассчитывает на то, что его защитят социальные службы. Примером могут служить взрывы в июле 2003 года (погибло несколько десятков человек), произведенные чеченками-смертницами. Ведь до сих пор нет ответа на ключевые вопросы, возникшие во время теракта на Дубровке: как террористы проникли в центр Москвы, почему во время штурма убили всех террористов, почему никто из руководителей силовых ведомств не понес ответственности за «Норд-Ост» и не был снят с поста, почему никто не помышляет об окончании войны в Чечне?

Пока мы не получим ответы на эти вопросы, «Норд-Ост» может повториться в любую минуту.